

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

**III РЕЙХ. ВОЙНА:
ДО КРИТИЧЕСКОЙ
ЧЕРТЫ**

О. Ю. Пленков

**СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ОЛЕГ ПЛЕНКОВ**

III РЕЙХ

**ВОЙНА:
ДО КРИТИЧЕСКОЙ ЧЕРТЫ**

О. Ю. Пленков

ТРЕТИЙ РЕЙХ. ВОЙНА: ДО КРИТИЧЕСКОЙ ЧЕРТЫ

Вермахт, война и немецкое общество

Книга I

Санкт-Петербург
Москва

ББК 63.3(0)62

ПЗ8

Пленков О. Ю.

ПЗ8 Третий Рейх. Война: до критической черты. — СПб.: Издательский Дом «Нева», 2005. — 384 с.

ISBN 5-7654-4339-7

ББК 63.3(0)62

О. Ю. Пленков завершает свой фундаментальный труд по исследованию истории Третьего Рейха двухтомником, посвященным вермахту и войне. Исследование существа и проявлений национал-социализма, начинавшееся с рассмотрения государства, общества и культуры, заканчивается историей Второй мировой войны.

Самое важное в данной книге — анализ настроений и эмоций в немецком обществе и вермахте, а не специальные оценки характера и итогов тех или иных военных операций. Ракурс, выбранный автором, возможно, покажется необычным, поскольку в советские времена мы были приучены воспринимать войну только со стороны Красной армии. Попытки же объективно взглянуть на развитие войны были сильно затруднены, не говоря уже о том, чтобы осветить восприятие войны самими немцами.

ISBN 5-7654-4339-7

© О. Ю. Пленков, 2005

© Издательский Дом «Нева», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Военное искусство — это не искусство повелевать, а искусство служить, которое целиком зависит от разумной и взвешенной государственной политики: там, где нет последней, там военное искусство беспомощно».

*(Фридрих Хильшер)*¹

«Когда я говорю вам, что война есть основание всех искусств, я хочу сказать этим, что она есть также основание и всех высших качеств и способностей человеческих. Это открытие поражает и ужасает меня, но я вижу в этом несомненный факт... Выражаясь короче, я пришел к убеждению, что все великие народы познали правду и приобрели силу мысли благодаря войне; что они усиливались войной и ослаблялись миром; усиливались благодаря войне и ослаблялись миром; обучались войной и уходились на путь заблуждений миром, закалялись войной и развращались миром, — одним словом рождались во время войны и умирали во время мира».

*(Дж. Рескин)*²

«Каждый смотрит на войну со своей колокольни, — подумал он. — Никто не интересуется войной отвлеченно, кроме разве настоящих солдат, а их немного».

*(Э. Хемингуэй)*³

«Мы будем превозносить войну, которая является единственной в мире очищающей общество настоящей гигиеной с ее милитаризмом, патриотизмом, прекрасными идеалами, за которые можно умереть».

(Филиппо Маринетти)

В идеологических мифах и социальной утопии Третьего Рейха армия, война составляют весьма важную составную часть, поэтому завершающая, четвертая книга исследований существа и проявлений национал-социализма, начинавшаяся с рассмотрения государства, общества, культуры, заканчивается историей общественных реакций в Германии на Вторую мировую войну.

О войне написано огромное количество книг, но подавляющее большинство из них сугубо специальные исследования. Так и хочется сказать, рискуя вызвать критику и решительный отпор, что пора прекратить исследовать историю и начинать ее понимать. По крайней мере, прошлое должно говорить, и мы должны его слушать — этот процесс нужно сделать непрерывным. Сделать это довольно трудно, поскольку историки по большей части пишут настолько узкоспециальные исследования, что они доступны только профессионалам. Широкий обзорный труд, написанный одним историком, имеет ряд важных функций, из которых самая существенная в том, что лучшие из таких работ становятся могучим генератором новых вопросов. Также важно преодолеть раздробление научного знания, поскольку наступает момент, когда историк должен проанализировать узкие исследования в совокупности, создавая новую картину преемственности, перемен, противоречий и формулируя новые вопросы. Самое важное, однако, состоит в том, что общий обзор представляет собой единственный путь, с помощью которого историк может выполнить свои обязательства перед широкими читательскими кругами. Автор выражает надежду, что данная книга представляет собой успешную попытку оторваться от сугубо специального описания войны и найти новый подход, который, возможно, обеспечил бы понимание диалектики отношения немцев к войне. Кроме узкоспециальной направленности исследований также, весьма актуальна опасность морализаторства, которое кажется естественным при обсуждении такого

рода проблем. Как и в предыдущих книгах, я пытался максимально избегать строго ригористических политических и моральных оценок, поскольку они являются делом человеческой ответственности, а не рациональных суждений. Нельзя заменить науку верой, мировоззрением, политической волей — в этом случае наука теряет точку опоры. Еще Макс Вебер и Карл Поппер признавали, что наука не в состоянии решать этические, этико-политические проблемы, она не в состоянии указать на истинные и великие ценности, она не может обосновывать ценностей, наука не может вырабатывать и обосновать совершенно правильную политику. Претензии науки значительно скромнее: она нам только может сказать, чем является настоящее, и что было в прошлом, стремясь при этом быть объективной. Правда, существует такая опасность, что изображение прошлого, имеющее идеалом объективность, может получить апологетические черты. На эту опасность указывает известное суждение, что понять — это значит простить. Однако всякая апология прошлого включает в себя те же ценностные суждения. Эта апология не следует из принципа свободной науки, не из принципа объективности. Свободная от ценностных суждений историография может преодолеть опасность апологии, но не в тот момент, когда она описывает историю победителей — не вчерашних и не завтрашних: история описывает и объясняет не только историю победителей, но и побежденных⁴. Разумеется, я не хочу этим сказать, что данная работа достигла такого идеального состояния, но я к этому честно стремился.

Добрая половина срока, отпущенного историей побежденному в итоге Третьему Рейху, приходится на войну, отсюда и значимость этого периода для понимания природы и характера нацизма. К тому же важность этой темы очевидна по причине того, что в войну развитие событий приобретает особую интенсивность, напряжение человеческих сил достигает

предела, как и масштабы страданий людей. В этих условиях особенно отчетливо различимы все особенности общества, сильные и слабые стороны общественной мобилизации, степень эффективности государства, устойчивости социальных мифов, которые двигали народом. Важность этого аспекта в социальной истории Третьего Рейха определяется также тем, что в вермахте в войну служило в общей сложности 17–18 миллионов немцев⁵. Руководили этой огромной массой народа 170 000 офицеров, из них 1250 генералов (состояние на май 1944 г.⁶⁰). Практически все взрослые мужчины в войну так или иначе имели отношение к армии. Это был огромный и очень важный общественный и государственный институт, а солдаты были важной социальной группой, интересы и потребности которой нацисты просто не могли игнорировать. Для сравнения — в СССР во время войны солдатскую шинель надевали 34 миллиона человек⁷.

Также огромный интерес представляют общественные немецкие реакции на происходящее на фронтах — эта тема особенно будет интересна российской публике, поскольку в нашей историографии к ней обращались редко и фрагментарно.

В процессе изложения автор будет вынужден довольно часто обращаться к описанию военных операций, их хода, последствий, к оценкам действий военачальников. Подробности этих драматических событий настолько хорошо известны и так часто описывались, что приводить их в книге, пытаясь сделать это исчерпывающе, было бы лишь повторением известного, за исключением тех моментов, где они оказали большое влияние на общественное мнение. Пересказывать ключевые события войны я буду по возможности кратко и наимыгоднейшим для вермахта образом: так яснее будут видны немецкие общественные реакции на войну в том виде, в каком преподносила ее геббельсовская пропа-

ганда и воспринимало общество. В вопросах собственно военной истории автор является безнадежным дилетантом и ни на какую оригинальность не претендует, просто перенимая наиболее авторитетные суждения по оценке той или иной операции, знания о которых важны для изучения формирования немецкого общественного мнения. Кроме того, при описании развития тех или иных операций автором намеренно избирались самые предвзятые позиции, которые наиболее полно могли бы объяснить реакции немецкой общественности на развитие событий на фронте. Английский историк Брэдли еще в 1874 г. писал: «Не бывает истории без предвзятости: истинное различие — это различие между автором, который не знает, в чем состоит его, может быть, ложная предвзятость, и автором, который упорядочивает факты и творит, сознательно исходя из оснований, которые ему известны и на которых строится то, что есть для него истина. Лишь осознав свою предвзятость, история начинает становиться действительно критической и воздерживается (насколько это возможно) от фантазий, свойственных художественной литературе»⁸.

Самое важное и самое существенное в данной книге — анализ настроений, эмоций, эволюции мифов нации в немецком обществе и вермахте, а не специальные оценки характера и итогов тех или иных военных операций. Но показать, что происходило на фронте все же необходимо, без этого нельзя понять общей логики эволюции общественных настроений. Этот ракурс, возможно, покажется совершенно необычным, поскольку мы в советские времена были приучены воспринимать войну только со стороны Красной армии — что естественно ввиду колоссальных потерь, которые принесены были захватчиками советскому народу. Попытки же объективно взглянуть на развитие войны были сильно затруднены, не говоря уже о том, чтобы осветить восприятие войны самими немцами.

Объективное рассмотрение истории войны в нашей стране было сильно затруднено тоталитарной системой власти. Дело в том, что в демократических странах после окончания боевых действий, когда появляется возможность скорректировать свою информацию по неприятельским данным, начинается кропотливая работа аналитиков. Критически рассматриваются все операции, а также эффективность тактики и стратегии, применявшейся как своими, так и чужими военачальниками. В идеологизированной советской науке такой анализ был оставлен на их же страх и риск любителям-дилетантам, один из которых горько подвел итог исследований военной истории в СССР: «У нас в стране пошли по пути, свойственном тоталитарно-идеологизированной пропаганде воспевания и прославления РККА, что привело к смешению подлинного героизма и самоотверженности со слабостью, безответственностью и тупостью иных «военачальников» и главного советского военного «гения» — Сталина. Поэтому отсеять крупницы правды из идеологизированного сора советской историографии войны — это титанический труд, которым и занимались энтузиасты-любители, у которых было стремление узнать правду, а профессиональные военные историки по преимуществу переливали из пустого в порожнее (а иные продолжают это и поныне)»⁹. В своей работе я более обращался к такого рода исследованиям (как процитированная выше книга), а также к западным монографиям.

Как и в предшествующих книгах, автор и здесь отказался от хронологического принципа, поскольку наибольший интерес составляет не сама по себе логика развития войны (она многократно освещена специалистами в разных вариантах), а упомянутые немецкие общественные и солдатские реакции на нее. В этом отношении для нас более важен не сам по себе порядок следования событий, а их сцепление.

В преддверии Второй мировой войны в западных странах армия обладала своей собственной субкультурой, которая оставалась чужда гражданскому обществу, поэтому война и армия для гражданского общества западного типа — это жупел, и представительские учреждения старались ее контролировать постоянно. В Германии же дело обстояло несколько иначе. Поражение 1918 г., крушение монархии, Ноябрьская революция, Веймарская республика разрушили прежние связи и создали для армии, прежде занимавшей исключительное положение в обществе и государстве, ситуацию экзистенциального кризиса огромного масштаба. После поражения в Первой мировой войне, старая кайзеровская армия (самосознание старших офицеров сформировалось в вильгельмовские времена, военную социализацию они прошли тогда же) оказалась частью демократической Веймарской республики, которой подчас руководили ненавистные для военных в прошлом социал-демократы. Преемственность рейхсвера Веймарской республики армии вильгельмовских времен обеспечили три генерала — Ганс фон Зект, Вильгельм Гренер и Курт фон Шлейхер¹⁰. Помимо свойственного армейским чинам монархизма, антиреспубликанизм и антипарламентаризм офицеров в Веймарские времена основывался на том, что только рейхстаг на основании своих бюджетных прав мог вмешиваться в дела армии и часто это делал. Напротив — в вильгельмовские времена кайзер всячески оберегал прерогативы армии. В Веймарскую республику армия должна была бороться сама за свои интересы, что было для нее необычно и вызывало раздражение. В дополнение к этому и в продолжение традиции прежнего внеконституционного положения армии, в период Веймарской республики генерал фон Зект постоянно расширял и делал все более независимым положение армейских командиров по отношению к военному министру. В Веймарскую республи-

ку многие офицеры были реакционерами и склонялись к монархии, но они не одобряли государственный переворот или объединения с партиями и группировками, враждебными государственной власти. Многие офицеры брали пример с фон Зекта, который был образованным, осмотрительным, элегантным аристократом. Отношение фон Зекта к гражданскому военному министру Гесслеру было прохладным и нелюбезным — в этом отношении фон Зект не давал офицерам примера подчинения военных дел политической власти¹¹. К тому же рейхсвер при негласной поддержке политиков считал делом чести обойти несправедливые Версальские ограничения, а ведь это было нарушением закона, на которое сознательно закрывали глаза даже и в правительстве. Это совершенно несвойственное законопослушным немцам нарушение принятых на себя по итогам войны обязательств было обусловлено особыми обстоятельствами, сопровождавшими окончание Первой мировой войны.

5 октября 1918 г. германское правительство по инициативе военного руководства, исчерпавшего все возможности выиграть войну, обратилось к президенту США Вудро Вильсону с нотой, в которой принимало его Четырнадцать пунктов и просило о мирных переговорах. Через три дня Вильсон ответил. Президент Вильсон спрашивал, правильно ли он понял, что цель германского правительства в переговорах сводится только к тому, чтобы договориться о практических деталях претворения в жизнь условий, изложенных в Четырнадцати пунктах от 18 января 1918 г., Четырех принципах и Пяти предложениях? Немцы ответили утвердительно¹². Но практически ничего, что было обещано по условиям перемирия, не было исполнено — немцев цинично обманули.

По существу, Германия обезоружила себя, уповая на достигнутую договоренность, и для союзников делом чести было выполнить принятые на себя обязательства,

«если же, — как писал Кейнс, — эти обязательства допускали двусмысленное толкование, то союзники не имели права использовать свое положение, чтобы извлечь для себя выгоду из этой двусмысленности»¹³. А они сделали именно так, не выполнив своих обязательств. Германия была поставлена в беспомощное положение. Антанта даже отказала в процедуре, применявшейся на предшествующих мирных конференциях, включая переговоры в Брест-Литовске, а именно устные переговоры с представителями врага. На Версальскую конференцию побежденных не допустили к выработке условий мирных договоров. На всем протяжении конференции Антанта не снимала блокады, отчего сильно страдало гражданское население в Германии и росла социальная напряженность. «Обманный» Версальский мир наложил свой отпечаток на первую немецкую республику, сделал республику результатом неза заслуженного поражения в войне — узурпация власти нацистами после 1933 г. была бы невозможна без глубокого отчуждения и дистанции между армией и Веймарской республикой, что выразилось в Капповском путче 1920 г., а также в добровольческом движении до 1923 г., занимавшем абсолютно антиреспубликанские позиции. Правда, командующий рейхсвером в 1920—1926 гг. генерал Ганс фон Зект весьма успешно защищал самостоятельность руководства армии от вмешательства различных партийных интересов, защищая аполитичность армии по принципу — если нет монархии, то придется терпеть республику.. При всех благих намерениях фон Зекта аполитичности на деле оказалось недостаточно для стабилизации республики. В исторической перспективе именно эту аполитичность немецкой армии следует в первую очередь поставить ей в вину, а не преднамеренную поддержку Гитлера, как это делается обычно: именно стремление армии остаться «государством в государстве» соответствовало личному и служебному безразличию офицеров к республике и ее институтам. Это

обстоятельство было благоприятно для Гитлера, который развивал собственную политическую динамику. Исходя из этого опыта, современная немецкая демократия ФРГ строится на активном воспитании армии в духе республики, а не в духе отчуждения, аполитичности, изоляции от нее.

Для немецких военных и для нации в целом было большой травмой ограничение армии Версальским договором: довоенная (до 1914 г.) армия Германии насчитывала 2 миллиона солдат, теперь она должна была ограничить армию 100 тысячами, включая 4 тысячи офицеров. Служба была сделана добровольной. Офицеры служили 25 лет, а рядовые – 12. Командующим 100-тысячным рейхсвером стал генерал-майор Ганс фон Зект. Этот офицер нашел способы практически обойти ограничения Версальского договора и не устал придумывать новые лазейки. Он сохранил Генштаб, упрятав его функции в отдел с невинным названием «Управление войск» и маскируя его различные подразделения под фиктивными названиями. С целью увеличения офицерского корпуса Зект маскировал свой управленческий аппарат, скрытно замещая офицерами должности гражданского персонала. Фон Зект решил, что ограниченный контингент рейхсвера в некоторых случаях даже выгоден, поскольку позволяет выбирать лучший человеческий материал. На каждую вакантную должность среди солдат и унтер-офицеров приходилось семь претендентов. Отобранные кандидаты отличались прекрасными физическими данными. Они получали необычно высокое жалование: в семь раз больше, чем во французской армии¹⁴. Так как Версальский договор не ограничивал соотношение количества солдат и унтеров, то в рейхсвере был один унтер-офицер на двух солдат. В случае мобилизации каждый солдат и унтер-офицер готовился таким образом, чтобы сразу занять высокую должность и нести за нее ответственность.

Несмотря на традиционно сохранявшуюся с кайзеровских времен и декларированную фон Зектом аполитичность рейхсвера, в годы стабилизации Веймарской республики и в заключительной ее фазе рейхсвер (когда офицерам было выгодно) активно участвовал в политической жизни: влияние генерала-фельдмаршала Первой мировой войны, самого знаменитого тогда немецкого военного, избранного в 1925 г. в возрасте 78 лет президентом республики Пауля фон Гинденбурга и его ближайших советников и друзей — генерала Курта фон Шлейхера (однопольчанина сына президента Оскара Гинденбурга) и Франца фон Папена (служившего некогда вместе с Гинденбургом) основывалось на доверии к ним прежде всего армии. Нельзя сказать, что они прямо содействовали приходу нацистов к власти — здесь вмешались абсолютно неконтролируемые и неожиданные обстоятельства, но их отношение к республике, демократии, парламентаризму и конституции было лишь формально лояльным, а этого в 1933 г. оказалось недостаточно, нужно было проявить внутреннюю убежденность в необходимости сохранения демократических правил игры. Впрочем, этой убежденности не оказалось не только у армии, но и у всего немецкого народа — именно это обстоятельство и оказалось решающим для захвата власти Гитлером. Используя упомянутую уже выше аполитичность армии, а также взывая к необходимости исполнения рейхсвером армейского долга беспрекословного послушания и выполнения приказов, Гитлер в 1933—1938 гг. смог указать армии ее место в чисто специальной области и практически исключил ее влияние на принятие политических решений, а после кризиса Фрича — Бломберга 1938 г. и в преддверии войны Гитлер перешел к активному вмешательству в дела армии, которая все больше стала превращаться в простой инструмент нацистской политики, одновременно находясь в своей собственной специальной сфере под угрозой конкуренции со стороны партийной армии — Ваффен-СС.

В немецкой традиции нового времени армия имела почти культовое значение по той причине, что объединение страны было связано с достижениями прусской армии и в немецком сознании все лучшее, что было в немцах, долгое время олицетворялось в армии (прусская «табель о рангах» от 19 января 1878 г. ставила генерала пехоты выше, чем министра), что имело далекоидущие последствия. Прусские военные ценности, военная дисциплина проникли в мир бизнеса, произведя на свет особый сорт промышленников, которые руководили своими предприятиями, будто командовали крепостями, а также университетское сообщество, где студенческие корпорации воспринимали ритуалы (и пороки) казарменной жизни и пытались подражать «стилю прусского офицера»¹⁵. Даже представления иностранцев — англичан и американцев — о немецкой армии и ее организации определялись убежденностью в профессионализме этой армии. Это обстоятельство, в свою очередь, сформировалось под впечатлением успехов прусской армии в войнах за объединение страны. Собственно, национальные армии Великобритании и США строились между 1871 и 1914 гг. по образцу прусской армии¹⁶. Хотя ради справедливости следует сказать, что до 1870 г. наиболее передовой считалась организация французской армии, а французские военные теоретики слыли самыми компетентными в мире, штабная работа и организация армии при Луи-Наполеоне были образцом для Пруссии, России, Японии, США. Все кардинально изменилось после победы Пруссии над Францией в 1871 г.; с момента Седанской победы офицеры с малиновыми лампасами (офицеры немецкого Генштаба) стали считаться самыми большими в мире виртуозами войны, а немецко-пруссский Генштаб — самым действенным инструментом ведения войны в мире. Во время Второй мировой войны среди знатоков немецкой армейской традиции бытовало убеждение, что Германия вступила во Вторую мировую войну с «лучшими

мозгами», чем в Первую мировую. Фельдмаршал Альбрехт Кессельринг поддерживал в мемуарах это мнение. Он отмечал, что в годы Второй мировой войны все серьезные должности в Генштабе занимали весьма компетентные специалисты, прошедшие прекрасную подготовку. Офицеры Генштаба образца 1939 г. были ближе к тем, кто находился на боевых позициях с оружием в руках, а это было настолько серьезным преимуществом, что его невозможно переоценить. Именно поэтому путаница и дублирование приказов, которые подчас имели место в 1914–1918 гг., в вермахте были исключены¹⁷.

Все чины в прусской (немецкой) армии были хорошо подготовлены для руководства войсками. Особенно это относится к быстрой и точной оценке обстановки, к принятию четких решений и отдаванию точных приказов – в этом прусский Генштаб явно превосходил генштабы в какой угодно стране. При этом прусским Генштабом задачи ставились таким образом, что командир на месте мог принимать более или менее самостоятельные решения. О значении прусской военной традиции для Третьего Рейха ясно говорит следующий перечень, в котором из 18 фельдмаршалов вермахта 12 были пруссаками. В списке они следуют по времени получения фельдмаршальского жезла:

- (1) Вернер фон Бломберг (1878–1946)
- (2) Вальтер фон Рейхенау (1884–1942)
- (3) Федор фон Бок (1880–1945)
- (4) Вальтер фон Браухич (1881–1948)
Вильгельм Кейтель (1882–1946)
- (5) Ганс фон Клюге (1882–1944)
- (6) Эрвин фон Вицлебен (1881–1944)
- (7) Вильгельм Риттер фон Лееб (1876–1956)
Вильгельм Лист (1880–1971)
- (8) Герд фон Рундштедт (1875–1973)
- (9) Георг фон Кюхлер (1881–1969)
- (10) Эрих фон Манштейн (1887–1973)
- (11) Максимилиан фон Вейхс (1881–1954)

- (12) Эвальд фон Клейст (1881–1954)
Фридрих Паулюс (1890–1957)
Эрнст фон Буш (1885–1945)
Вальтер Модель (1891–1945)
Фердинанд Шернер (1892–1973), стал фельд-
маршалом 4.4.1945.

В этой связи восхищение армией, превознесение ее достоинств, соответствие основных черт немецкого национального характера идеальному типу армейской организации стали со временем основой пресловутого немецкого милитаризма. Этот милитаризм безусловно имел ряд позитивных сторон, связанных с обеспечением устойчивых внешнеполитических позиций государства, обороноспособности страны, воспитанием в молодых людях патриотизма. Традиция прусского милитаризма предусматривала и политическую ответственность военных. Так, Клаузевиц в свое время указывал, что «задачей и правом военного искусства по отношению к политике является прежде всего предотвращение такого положения, когда политика требует того, что противоречит природе войны, предотвращение ошибок, которые политическое по незнанию своего инструмента может совершить»¹⁸. Политическое руководство Третьего Рейха не предоставило такого права военному руководству, а в решающий момент не считалось с его мнением.

С другой стороны, пресловутый прусский милитаризм вызывал раздражение части немецкого общества, особенно левой интеллигенции и социал-демократов, что активизировало ответные реакции военных... Взаимные нападки порой приобретали довольно резкие формы: достаточно вспомнить Генриха Манна, который с экспрессионистским гротеском и сарказмом обличал кайзеровский милитаризм, знаменитый мюнхенский сатирический журнал начала XX в. «Симплициссимус», который создал массу визуальных критических образов

милитаризма. Жесткой антивоенной, антимилитаристской линии придерживались весьма влиятельные в Германии социал-демократы. Разумеется, военные отвечали гражданским «штафиркам» тем же самым. Так было с момента объединения Германии до нацистов.

Одним из визуальных символов этого милитаризма и его свойств не только в Германии, но и далеко за ее пределами, долгое время были прусские островерхие каски, введенные еще в 1847 г. в прусской армии. Они и ныне воспринимаются как символ, подчеркивающий принадлежность к воинской касте. В такой каске в торжественных случаях позировал президент Веймарской республики фельдмаршал Пауль фон Гинденбург. На более современный профиль стального шлема рейхсвера, также со временем ставший почитаемым символом вермахта, начали переходить в 1916 г. (во время Верденского сражения)¹⁹.

Приписывать немцам милитаризм в иные эпохи их истории стало уже общим местом, наверное, это имело некоторые основания и исторические последствия, как и милитаризм у других народов. В отличие от немцев Третьего Рейха, советский народ, хоть и имел в свое время самую большую в мире армию, никогда не был милитаристским народом, ибо советские люди преимущественно жалели своих солдат, а для немцев они были элитой нации, ими гордились, в немецкой армии было все лучшее, что было у нации. Английский авиаконструктор периода Второй мировой войны Де Хевилленд однажды сказал: в мирное время в армии умных людей нет, они приходят туда во время войны²⁰. Судя по первому периоду Великой Отечественной войны, это же можно сказать и о Красной армии. В Германии же, напротив, армию долгое время рассматривали как самую важную общественную элиту. Хотя как милитаризм рассматривать такое положение можно лишь отчасти — известный немецкий генерал Гейнц Гудериан писал, что на обвинение в милитаризме он может ответить, что

для него и его солдат понятие «милитаризм» означало пустую игру в парады, хвастливое подражание солдатскому языку, чрезмерное увлечение солдатской выправкой, а также культивирование их в гражданской жизни — истинные солдаты, по словам Гудериана, отвергали все это²¹. В самом деле, можно допустить, что иные немцы воспринимали военную службу как выполнение высокого долга, многие стали солдатами для того, чтобы защитить отечество, подготовить из молодежи людей честных и способных оборонять свою страну с оружием в руках. Находятся люди, которые издеваются над военной теорией и с презрением отзываются о «кабинетных стратегах», однако история Второй мировой войны доказала жизненную необходимость ясного мышления и дальновидного планирования. Среди немецких высших офицеров было много настоящих профессионалов, которые, будучи блестящими теоретиками, оставались тесно связанными с реальной действительностью — блестящим примером такого счастливого сочетания качеств был, например, Гейнц Гудериан или Эрих фон Манштейн.

Строго говоря, руководящая верхушка вермахта, которую застал Гитлер после прихода к власти, не была воинствующе милитаристской, она стремилась лишь к тому, чтобы в согласии с национальным правительством приступить к военному строительству, необходимому для Германии, имевшей недостаточные (100 тысяч солдат) вооруженные силы. Эти размеры вермахта были предписаны Версальским договором. Политическая абстиненция, в 20-е гг. привитая немецкой армии генералом Зектом, и после 1933 г. оставалась некоторое время актуальной для немецкой военной верхушки.

Да и можно ли свести милитаризм только к феномену немецко-прусской истории? Очевидно нет, поскольку многие исторические эпохи у разных народов подпадают под подозрение в милитаризме — Александр Македонский, Спарта, Чингисхан, Кромвель,

европейские монархии XVII в. (Швеция, Россия, Франция), Наполеон, Франция в период дела Дрейфуса, Япония в первой трети XX в. Все эти феномены выказывают полное родство с милитаризмом. Различие в перечисленных феноменах милитаризма с прусским его вариантом лишь в том, что последний пришелся на современную эпоху с ее возросшими техническими возможностями, новыми организационными предпосылками манипулировать огромными массами людей, новой и особенно агрессивной геополитикой, в отличие от прежнего невинного по сравнению с ней империализма. Именно поэтому доведенное до совершенства оперативное мастерство (Пруссия была небольшим государством и для того, чтобы победить, должна была действовать оперативно), дисциплина в необычном сочетании с инициативностью и свободой принятия решений, исполнительность и другие качества прусских военных имели столь большой эффект.

Тонкий знаток европейской культуры Элиас Канетти весьма резонно указывал, что Гитлер никогда не достиг бы своей цели (власти), если бы Версальский договор не лишил Германию ее армии. Запрещение всеобщей воинской обязанности оставило немцев без очень существенного элемента национального самосознания и национального сплочения, не было больше ни маневров, ни парадов, ни блеска мундиров, ни чувства гордости за армию. Этот запрет, по мнению Канетти, обернулся рождением национал-социализма, выступившего эрзацем армии, будучи аналогично организованным и внешне совершенно соответствуя признакам армии. Даже съезды партии были просто парадами²². Несмотря на некоторую умозрительность этой оценки, можно определенно констатировать, что из всех европейских народов в рассматриваемое время милитаризм был свойственен немцам в наибольшей степени. Упо-

мянутый милитаризм был тесно связан с эстетизацией армии, солдатских достоинств, насилия. Жан Поль Сартр, которого никак нельзя заподозрить в симпатиях к нацизму, в своем романе 1948 г., рассказывая об ощущениях молодого француза, лицезревшего вступление вермахта в Париж в июне 1940 г., писал: «...он не мог насытиться видом белокурых, высоких, загорелых солдат, равнодушно скользивших взглядом по молчаливой толпе. Он бормотал: — Как они красивы. Ангелы ненависти и зла. Они — новый закон, они — новые судьи»²³. Легко себе представить, каковы были масштабы упомянутой эстетизации собственно в Германии, ведь они подогревались еще и естественным чувством национальной гордости, национальной солидарности. Вид победителей завораживал, глядя на них, хотелось выпрямить спину и подтянуться, этим солдатам можно было подражать, но благодаря победам они казались недостижимыми, многим немцам и не немцам они казались непобедимыми.

Как немецкие офицеры, исходя из исторического положения армии в Германии, могли понимать свое положение и свое место в Третьем Рейхе? Прежде всего нужно иметь в виду, что для них определяющее значение имели воспоминания о незаслуженно проигранной войне. В их сознание просто не вмещалось, как могла кайзеровская армия, блистательно выиграв столько сражений, проиграть в итоге войну? Более всего при этом пеняли на неоправданное изменение «гениального» плана Шлиффена, а во-вторых, весьма популярна была легенда об «ударе ножом в спину» (*Dolchstoßlegende*), нанесенном якобы немецким рабочим движением боюющемуся фронту. При этом, разумеется, забывали, что стопроцентного рецепта победы не бывает, и нападение на Бельгию (по плану Шлиффена) было в высшей степени сомнительным путем к победе. Поддерживая легенду об «ударе ножом в спину», немецкие офицеры забывали тот факт, что немецкий тыл в Первую миро-

вую войну был самым стабильным, устойчивым и надежным из всех принимавших в войне участие стран и безропотно вынес столько страданий, как никакой другой. Немецкие военные предпочитали распространять басню об «ударе ножом в спину», впервые сформулированную самим Гинденбургом, но не думали о том, что западные демократии смогли подобрать в войну подходящих руководителей, столкнувшихся с гораздо более значительными, чем в Германии, проблемами, и выиграть ее. Немецкие офицеры продолжали верить в то, что демократия — это главная причина немецкого поражения. Война, таким образом, рассматривалась как само собой разумеющееся и совершенно необходимое дело, а авторитарная государственная система была в представлениях немецких военных в наивысшей степени отвечающей потребностям войны.

В таком демократическом государстве, каким была Веймарская республика, рейхсвер чувствовал себя чужеродным телом, но он продолжал функционировать в надежде на желательные перемены. Немаловажным было то, что некоторые офицеры годами ждали присвоения новых званий, которые часто были ниже тех, которые они получили во время войны. В профессиональном отношении дела обстояли не лучше — 100-тысячная армия не могла рассчитывать на то, чтобы целиком воспроизводить и поддерживать прусские армейские традиции. Поэтому рейхсвер склонялся в сторону всех выступлений в пользу ревизии Версальского мира — именно по этой причине примирение рейхсвера с политической реальностью республики не состоялось по причине того, что офицеры были недовольны положением профессиональной армии. Либерально, демократически настроенные молодые немцы не стремились в армию, да и всеобщей воинской обязанности в Германии не было, поэтому кадры офицеров, унтеров, солдат складывались из правых по своим убеждениям элементов. Большинство старших офицеров представляли ста-

рую кайзеровскую армию, именно поэтому армия осталась оплотом старых ценностей монархизма, антипарламентаризма, национализма, антилиберализма. В вильгельмовские времена армия располагала столь значительным влиянием на политику государства, что она, не обсуждая ничего с правительством, начала войну на два фронта, что привело к поражению: между тем войны на два фронта в 1914–1918 гг. вполне можно было избежать.

Несмотря на свою малочисленность, рейхсвер был строго централизованной, прекрасно отлаженной военной машиной, состоящей исключительно из закаленных во многих сражениях ветеранов войны, лучших из лучших солдат; офицеры были весьма влиятельной кастой общества, и такая армия была значимым фактором власти в государстве. Одним из немногих преимуществ, которое давало ограничение численности рейхсвера, было то, что офицеры проходили по всем меркам необычайно жесткий отбор — случайные или не совсем компетентные специалисты просто не могли пройти и отсеивались сразу. Таким образом, ядро офицерского корпуса будущего вермахта было сформировано из отборнейших офицерских кадров, которые отвечали самым суровым и строгим требованиям²⁴. Начальник отдела личного состава рейхсвера в Веймарскую республику генерал Курт фон Хаммерштейн говорил, что у него была уникальная возможность выбирать. Он условно и с некоторой долей иронии разделял всех офицеров на четыре категории. Человек умный и решительный годится на высокий штабной пост; тот, кто умен и ленив, подходит для самого высокого командования, ибо у него хорошие нервы, способные справиться с любой ситуацией; можно также использовать глупого и ленивого офицера; но глупый и старательный человек должен быть немедленно смещен, — с юмором говорил Хаммерштейн.

По условиям Версальского мира немецкий Генштаб, как и военная академия и военные училища, были ликвидированы. На практике это означало, что военные округа в децентрализованном порядке сами должны были отбирать и готовить специалистов-офицеров, обладавших необходимыми способностями и навыками. В целях такого отбора в округах ежегодно проводился так называемый «окружной экзамен» (*Wehrkreisprüfung*), который обязаны были проходить все младшие офицеры. На этом экзамене давали задачи по тактике боя, были вопросы по военной истории, по тактико-техническим данным оружия, всеобщей истории, экономике, обязательная проверка состояния физической подготовки соискателя на более высокое офицерское звание.

К примеру, в 1927 г. из 169 экзаменовавшихся офицеров для дальнейшего децентрализованного обучения в Кенигсберге, Мюнстере и Штутгарте было отобрано 37 курсантов. Два года спустя из этих офицеров-курсантов осталось в результате отсева 15 человек. Последний, 3-й год обучения назывался «министерский курс» (*R-Lehrgang*, от *Reichswehrministerium-Lehrgang*) и проходили его в Берлине. Из 15 соискателей итоговую проверку прошли 6, которые и получили, как шутили в армии, «красные штаны» (*roten Hosen*) – это означало, что они стали де-факто офицерами Генштаба (этого учреждения в Германии официально не существовало), которых отличали по серебряным петлицам и малиновым лампасам на брюках²⁵.

До тех пор, пока рейхсвер прямо не выступал против республики, он мог заниматься собственными проблемами, ему не нужно было бояться, что очередное республиканское правительство предъявит рейхсверу какие-либо претензии. Насколько значительным авторитетом обладал Густав Штресеман, но и он не посмел спорить с военными по поводу целесообразности сотрудничества с Красной армией для того чтобы обойти

некоторые ограничения Версальского мира. Ко всему прочему, нельзя забывать, что рейхсверу с 1925 г. (избрание Гинденбурга президентом) была обеспечена полная поддержка Гинденбурга, который в прошлом сам был военным.

Следует помнить, что ревизия Версальского договора была желанием не только армии, но и всех немецких политических партий, включая и левых. «Черный рейхсвер» и укрывательство оружия немецкое общественное мнение считало проявлением патриотизма, похвальной военной хитростью... В целях преодоления Версальских ограничений в 1925 г. в рейхсвере был разработан детальный «большой план» (*der große Plan*) расширения армии до 2,8–3 миллионов солдат (102 дивизии), число генералов предполагалось увеличить с 42 до 252. Во многом благодаря именно этим организационным начинаниям к 1 сентября 1939 г. численность вермахта составляла 2,8 миллиона солдат, что было на 600 000 меньше, чем в кайзеровской армии в Первую мировую войну²⁶. План 1925 г. был следствием французской оккупации Рура 1923 г., якобы вследствие неуплаты немцами репараций — на самом же деле французы таким образом реализовывали свои имперские амбиции. Для немцев эта оккупация была шоком — армия располагала боеприпасами лишь на один час боев. Имперскому республиканскому правительству ничего не оставалось, как призвать местное население в Руре к пассивному сопротивлению. Генерал фон Зект и его сотрудники первоначально планировали на случай дальнейшего французского продвижения проведение мобилизации и организацию вооруженного сопротивления. В оружии, боеприпасах и снаряжении не было недостатка, но они были в частных руках — у фрайкоров, всевозможных военных союзов. Эта мобилизация была затруднена еще и тем, что по стране ездила международная военная ревизионная комиссия с проверками. К счастью, ни французы, ни поляки не осуществили свои угрозы вторже-

ния, и рейхсверу не понадобилось реализовывать свои планы организации партизанской борьбы, тактики выжженной земли или применения химического и бактериологического оружия, радиоуправляемых фугасов для оказания сопротивления нашествию, как это планировалось руководством рейхсвера. Но с ослаблением угрозы от необходимости реализации «большого плана» не отказались: он был только отложен, и как только Гитлер оказался у власти, его реализация пошла полным ходом. Четыре дня спустя после своего назначения канцлером Гитлер был с визитом на Бенделерштрассе (в военном министерстве). Все, что он обещал военным, было встречено присутствовавшими там офицерами с пониманием и благодарностью: нетерпимое отношение к пацифизму, искоренение марксизма, смертная казнь за государственные преступления, искоренение «язвы демократии», допризывная подготовка молодежи, введение всеобщей воинской повинности, восстановление сильного государства²⁷. Именно притягательность быстрой модернизации армии и сделала Гитлера приемлемой фигурой в глазах большинства старших офицеров вермахта, которые оставались во власти традиционных консервативных ценностей и, безусловно, нацистами никогда не были.

До Первой мировой войны немецкие военные претендовали на единоличное руководство войной: Мольтке это удавалось делать даже при Бисмарке. Мольтке и Бисмарк постоянно спорили о прерогативах — первый считал, что дипломатия (стратегия) должна верховодить лишь в мирное время, а во время войны вся власть должна принадлежать военным (и оперативной сфере). Победы прусской армии в 1866 и 1870 гг. показали, что немецкая армия — это единственный настоящий ключ к решению стратегических проблем. Это привело к тому, что исключительно немецкие военные с самого начала Первой мировой войны руководили всей жизнью страны, но при этом Первая миро-

вая война показала, что индустриализация вызвала к жизни такие факторы, которые военные ранее не учитывали. Уже Альфред фон Шлиффен (начальник немецкого Генштаба в 1891–1905 гг.) осознавал, что в современных условиях мыслима лишь молниеносная война, так как «жизнь наций покоится на непрерывной работе торговли, промышленности, а содержание миллионов солдат требует миллиардных расходов»²⁸. Битва ресурсов в Первую мировую войну показала, что война между державами требует полной мобилизации ресурсов участвующих в войне наций, поэтому военные не в состоянии обозреть все связанные с войной проблемы в целом. Многие офицеры чувствовали это и старались обойти эту трудность путем дальнейшей специализации и даже допускали влияние на военных гражданских лиц, способствовали технизации военного инструментария, готовы были одобрить воздействие экономических и политических решений на военное ремесло, но при этом они утерять самое главное — стратегическую перспективу. Об экономике как стратегическом факторе много писал в книге «Уроки Первой мировой войны» (1918 г.) маршал Франции Фердинанд Фош, который был начальником Генштаба, а затем главнокомандующим войсками Антанты. После 1918 г. в Англии, Франции и США стали усиленно изучать возможные варианты ведения войны в новой для штабистов неоперативной сфере. В Германии же академия Генштаба была открыта в 1935 г., но через два года закрыта по той причине, что немецкие военные сочли излишним изучать общие вопросы регулирования промышленного производства, экономики, стратегии. Этим руководителям вермахта казалось, что самые существенные задачи — это оперативные проблемы. Поэтому, в отличие от английской и французской армий, где общее руководство играло самую главную роль, в немецкой армии первый офицер Генштаба (*Ia* — оперативные вопросы) всегда был первым среди

равных²⁹. В целом структура Генштаба (ей было соответствие в крупных соединениях) была такова:

- Ia* — оперативное руководство;
- Ib* — материально-техническое обеспечение;
- Ic* — разведка;
- Ia* — личный состав;
- Ib* — отдел личного состава;
- III* — военная прокуратура;
- Iva* — начальник административной части;
- Ivb* — начальник медицинской службы;
- Ivc* — главный ветеринар;
- Ivd* — капеллан;
- V* — начальник транспортного отдела.

На дивизионном уровне *Ia* выполнял задачи офицера Генштаба; не случайно все немецкие Верховные главнокомандующие сухопутных войск действовали только на оперативном уровне: Гудериан, Манштейн, Роммель, Мантойфель. Дело обстоит так, как если бы руководство американской армией состояло бы из одних Патонов (наиболее удачливый американский танковый генерал). Примечательно, что 9 марта 1943 г. Геббельс записал в дневнике, что «нехватка руководящих умов в вермахте поистине пугающая. Это связано главным образом с тем, что здесь практиковался совершенно неправильный подбор на командные посты, ориентировавшийся больше на сословное и имущественное положение и образование, чем на естественные склонности и качества характера»³⁰. Прав ли был рейхсминистр, или нет, но в вермахте никогда не было офицеров, которые были бы в состоянии охватить все руководство войной, как Жуков, Эйзенхауэр, или Макартур. Собственно, в этом-то и состоит загадка (если она есть) полководческого дара Гитлера, который не был превосходным стратегом (иначе он не проиграл бы войну), но в руководстве войной на самом высоком уровне он разбирался гораздо лучше своих генералов. Впрочем, Гитлер и

сам не очень хорошо ориентировался в проблемах военной экономики — в этом ему большую помощь мог бы оказать настоящий профессионал и знаток положения в сфере народного хозяйства генерал Томас (руководитель экономического отдела ОКВ), но он сам был в подчиненном положении и на его совершенно трезвые пессимистические прогнозы накануне нападения на СССР в 1941 г. мало кто обратил внимание, в том числе и Гитлер. Предоставив Гитлеру возможность самому выбирать стратегическую перспективу, военные эксперты, безусловно, совершили ошибку, так как его стратегическое видение было совершенно обскурантистским. При Гитлере большинство способных людей постепенно уходило, и их заменяли второстепенные фигуры. Вместо спокойного размышления и тонкой работы ума, которыми особенно отличался немецкий Генштаб, нацистская диктатура предпочла духовную позицию, которая не имела ничего общего с умом, а именно — непоколебимую веру в мудрость и сверхчеловеческие способности Гитлера и в окончательную победу (несмотря на убийственные поражения). Интеллект стал рассматриваться как помеха для выработки качеств, необходимых для руководства. Как писал немецкий генерал Фридо фон Зенгер: «Военным пришлось либо поверить в нацистский миф, либо сделать вид, что они, как и весь немецкий народ, на самом деле поверили в него»³¹.

С другой стороны, неоспоримая оперативная и тактическая четкость и ясность превосходного военного руководства вермахта (в этом отношении руководство вермахта было значительно выше своих противников) во многом была причиной того, что война сильно затянулась и привела к немецкой общественно-политической катастрофе огромных масштабов. Вермахт в руках Гитлера походил на атомную бомбу в руках первобытного дикаря-людоеда, хотя дикарь даже с атомной бомбой не смог бы нанести большего урона, чем Гитлер в качестве стратега.

Парадоксально, но несмотря на то что Германия проиграла обе мировые войны в XX в., ее армия была и в Первую мировую и во Вторую мировую войну лучшей по организации, боевой морали, исполнительности, дисциплине; немецкая армия была передовой и новаторской по приемам и способам ведения современной войны (в начальный период Второй мировой войны западные армии и Красная армия на десятки лет отставали от вермахта в оперативных приемах современной войны). Дело в том, что долгое время в Германии (Пруссии) все, что касалось армии, имело почти сакральное значение, а офицерский корпус был высшей кастой в обществе (кредо этой касты вполне точно изложил английский драматург Рескин; оно приводится в эпиграфе к главе), которая культивировала особую мораль, служебную этику, свои собственные ценности и представления, восходившие преимущественно к прусской традиции. После 1945 г. прусскую традицию по понятной причине принято характеризовать при помощи исключительно негативных категорий, но на самом деле все не так просто, как представляется на первый взгляд. Высочайшая прусская служебная этика смогла выпестовать целую плеяду офицеров, истинной религией которых была эффективность армии как инструмента государства; эта этика была настоящей причиной серии великолепных военных достижений, начиная с наполеоновских войн и до Второй мировой войны, а также причиной высочайшей репутации военных в немецком обществе на протяжении весьма долгого времени. С этой репутацией нацисты и стремились идентифицироваться, как, впрочем, и со всей немецкой (прусской) военной традицией. Гитлер писал в «Майн кампф», что немецкий Генштаб был самым эффективным и могучим средством ведения войны, с каким когда-либо сталкивался мир³². Не случайно по условиям Версальского мира немецкий Генштаб подлежал упразднению. Даже Сталин, похоже, верил в необыкновенную эффектив-

ность этой организации. В конце Тегеранской конференции он сказал Черчиллю, что «...вся ударная мощь немецкой армии от каких-то пятидесяти тысяч офицеров и специалистов. Если их в конце войны арестовать и расстрелять, то военная мощь Германии будет сломлена на века»³³. Безусловным доказательством эффективности немецкой военной организации было то, что сами солдаты достаточно критически к ней относились. Так, в вермахте бытовало выражение «метод 08/15» (по принятой в вермахте винтовке калибра 8 мм образца 1915 г.): в переносном смысле это обозначало казарменную муштру, догматические, шаблонные методы обучения солдат и ведения боевых действий³⁴.

Высокие профессиональные качества немецкого офицерского корпуса и рвение офицеров, доходящее порой до фанатизма, сочетались, как правило, с неискоренимым презрением к тем, кто не имел отношения к Пруссии и к армии. Нацистов среди крупных армейских офицеров почти не было, и в целом первоначально генералитет презирал новую власть. Немецкий генерал Фридо фон Зенгер, сам не будучи пруссаком, отмечал, что большинству прусских офицеров было противно оказаться под покровительством лидера с пролетарскими устремлениями, и они были достаточно проницательными, чтобы ясно осознавать опасность гитлеровского курса в международной политике³⁵. Далекие от нацистской идеологии и мистицизма, недоступные для харизмы Гитлера генералы, — как люди практические, расчетливые, прекрасно знающие свое дело, — первоначально противились любым авантюрам, ведущим к непредсказуемым последствиям. К примеру, командир 11-й пехотной дивизии в Аленштейне (Восточная Пруссия) генерал-лейтенант Гюнтер фон Нибельшютц в 1936 г. на военном параде по официальному поводу увидел офицера с высшей наградой НСДАП «Орденом крови» и тут же заявил, что «не может носить свои боевые ордена в присутствии человека, нацепив-

шего ордена движения бунтовщиков». Этот инцидент не ускользнул от внимания присутствовавшего на параде гауляйтера Восточной Пруссии Роберта Коха — вероятно, по этой причине Нибельшютц в 1938 г. был отставлен с поста инспектора военных училищ³⁶.

Да и во время войны между партией и армией постоянно чувствовалось отчуждение, проявлявшееся в различных мелочах и дошедшее до открытого столкновения только один раз — 20 июля 1944 г. Кажется странным, но даже столь влиятельный в нацистской иерархии человек, как Мартин Борман, в поисках управы на военных должен был обращаться непосредственно к Гитлеру. В записях бесед Гитлера приводится забавный эпизод: Борман жаловался фюреру, что административная служба вермахта с умыслом не провела водопровод в спальне Бормана (в винницкой ставке Гитлера «Вервольф»), а вместо ватерклозета поставила там коричневый ночной горшок³⁷.

Разумеется, Германия — это не страна иберийской политической культуры, и там не было и не могло быть практики «пронунсиаменто», то есть активного и постоянного вмешательства армии — при полной поддержке общественности (не имевшей легальных способов влиять на государственные дела) — во внутреннюю политику вследствие абсолютной неэффективности государственной власти, но и в Германии армия всегда пользовалась значительным политическим весом в силу вышеупомянутой безупречной репутации. И в Пруссии, и в Германии от нее всегда очень многое зависело. Дело, однако, осложнялось тем, что это влияние было неявным, и при больших возможностях воздействия на политику немецкая армия всегда умела держать определенную дистанцию к гражданскому обществу с его ценностями и к государственной власти, эта тенденция проявилась в стремлении сделать армию аполитичной. Защитником такой позиции был главнокомандующий рейхсвером в 1920—1926 гг. генерал Ганс фон Зект, ко-

торый в период Веймарской республики не только успешно защищал автономность руководства армией от вмешательства политиков, но и сам играл значительную политическую роль. Предшественник же Зекта генерал Вильгельм Гренер нашел в себе мужество свое временно заявить кайзеру, что армия его не поддерживает, и подписал соглашение о лояльности армии республике — таким образом была преодолена перспектива гражданской войны. Поэтому после прихода к власти перед Гитлером встала очень сложная задача политической унификации армии, в которой подспудно жил сильный корпоративный дух, выбить который оказалось не по силам даже фюреру — это показал заговор 20 июля 1944 г.

Но, как говорится, в семье не без урода — некоторые генералы (Буле, Шернер, Рейнеке, Модель) целиком идентифицировались с нацистским мировоззрением, изолировав себя таким образом от большинства офицеров. Другие представители офицерского корпуса — генерал Вернер фон Фрич, Людвиг Бек или Вильгельм фон Лееб — были убежденными противниками нацизма вследствие христианских моральных принципов и не скрывали этого; по этим же мотивам генералы Бласковиц и Улекс последовательно протестовали против эсэсовских акций геноцида в Польше в 1939 г.³⁸ Правда, после подобных демонстраций независимых политических позиций Гитлер, как правило, более не привлекал к службе таких офицеров: так было и с фельдмаршалом Леебом после 1941 г. Гитлер его называл не иначе как «неисправимым антифашистом»³⁹; так было и с крупнейшим организатором армии Эдуардом фон Хаммерштейном⁴⁰, который был почти откровенным антинацистом и громогласно утверждал, что войну в России Гитлер не выиграет ни за что на свете. Удивительно, что Хаммерштейна новые власти не преследовали, как это можно было ожидать от тоталитарного государства. На похороны Хаммерштейна 25 апреля 1943 г.

Гитлер прислал огромный венок, попрощаться с ним пришло много боевых и отставных генералов вермахта⁴¹.

В этой связи следует отметить, что однородного офицерского корпуса не существовало, никакая «типизация» отношения офицеров к режиму невозможна — генерал-полковник Людвиг Бек (самый последовательный среди военных противник Гитлера) никого не представлял, кроме себя самого; то же можно сказать и о его антиподах — Кейтеле, Рейхенау, Бургдорфе. Интересно отметить, что из 32 000 генералов и адмиралов армии Третьего Рейха лишь 1% оставили свои мемуары⁴², по которым можно было как-то «типизировать» позиции офицеров. Общий однозначный ответ, почему немецкий генералитет в столь значительной степени подчинился идеологическим ориентирам Гитлера, едва ли может быть найден. Варианты ответа будут колебаться в зависимости от ситуации. Общим связующим элементом были основы немецкой сословной военной традиции, которая крепко держала офицеров. Для этих офицеров в Гитлере, как и ранее в Вильгельме II, к которому немецкие офицеры тоже относились по-разному, — олицетворялось все, что было связано с такими понятиями, как государство, империя, отечество. Будучи включенными в эту систему, они были лишь функционерами авторитарного государства. Великолепный знаток немецкой истории Себастьян Хаффнер писал: «Гражданское мужество, то есть воля к самостоятельным решениям и собственной ответственности, является в Германии довольно большой редкостью — о чем в свое время писал еще Бисмарк. Но это мужество совершенно покидает немцев, когда они надевают униформу. Немецкие солдаты и офицеры, без всякого сомнения, бывают беззаветно храбрыми и готовыми к самопожертвованию воинами на поле боя, но они становятся трусливыми, как мартовские зайцы, если встанет вопрос о противодействии начальству»⁴³. Да и ясных

поводов к такому противодействию не было — Вернер фон Бломберг на Нюрнбергском процессе сказал: «До того момента, когда Гитлер начал агрессивную политику, у немцев не было повода относиться к нему враждебно, меньше всего таких поводов было у солдат. Фюрер вновь сделал немцев уважаемым народом, ликвидировал позорный Версальский договор, начал вооружение Германии, возвратившее армии восхищение и уважение всей нации. О какой-либо враждебности по отношению к Гитлеру не было и речи, а преследование евреев и демократов для верхушки вермахта было периферийной проблемой»⁴⁴.

Импонировало военным и превознесение нацистами героики и солдатских добродетелей. Симпатии к нацистам высших военных значительно выросли после подавления «путча СА» во главе с Э. Ремом, который якобы планировал отстранение армии от ее обязанностей и замену ее СА. Как и Вильгельм Кейтель, большинство немецких офицеров не интересовались политикой, тем более что первоначально Гитлер провозглашал необходимость поддержать старую немецкую традицию ограждать армию от любых политических влияний.

Все эти факторы и обеспечили Гитлеру благоприятное, вопреки мнению немногих скептиков наподобие начальника Генштаба Людвиг Бека, отношение немецкой военной верхушки. Огромную роль сыграло и то обстоятельство, что Гитлер смог мирными средствами обеспечить аншлюс и Австрии и Судет — казалось, все подтверждало правоту Гитлера и его намерения мирными способами разрешить германские проблемы. Ясно, что в этот момент в Гитлера верили не только офицеры, но и весь немецкий народ, поскольку современная массовая армия — это часть народа, и какими бы крупными провидцами генералы ни были, даже при желании (которого у них, впрочем, не было) что-либо радикально изменить они не могли.

Глава I

НАЦИСТСКИЕ ПОПЫТКИ УНИФИЦИРОВАТЬ АРМИЮ ДО 1938 г. И ОТНОШЕНИЕ НЕМЦЕВ К РЕМИЛИТАРИЗАЦИИ

Назначение Гитлера канцлером рейхсвер воспринял по-разному: от осторожных позитивных ожиданий до безусловного оптимизма и веры в скорейшее возрождение армии. Летом 1933 г. командир 1-й кавалерийской дивизии Людвиг Бек в частном письме указывал: «Политический поворот начала года (приход Гитлера к власти. — *О. П.*) был единственным отрядным событием с мрачного и несчастного для Германии 1918 г.». Эта оценка важна по той причине, что спустя пять лет тот же генерал, будучи начальником Генштаба, выступил с протестом против гитлеровской агрессивной политики. То есть первоначально даже критически относившиеся к нацистам военные положительно восприняли нацизм⁴⁵. Это произошло по той причине, что поначалу интересы вермахта и Гитлера целиком совпадали, так как Гитлер энергично и настойчиво стал проводить ревизию Версальских ограничений. Еще в 1919 г. преемник Людендорфа в Генштабе генерал-квартирмейстер Вильгельм Гренер развивал перед офицерами мысль о том, что преодоление Версальских ограничений возможно при помощи комбинирования кадровой профессиональной армии и допризывной подготовки масс молодежи призывного возраста⁴⁶. Реализовать в полной мере эти и другие планы строительства армии в Веймарскую республику не удалось, но все изменилось после 30 января 1933 г.: интересы руководства рейхсвера во многом совпадали с декларациями Гитлера в отношении политики вооружений, с которыми он выступил перед генералами 3 февраля 1933 г. Это была одна из самых труд-

ных для Гитлера речей. Он, по его словам, «будто бы обращался к каменной стене»⁴⁷ — настолько велика была настороженность армейского руководства. Смысл его речи сводился к тому, что вермахт должен оставаться аполитичным и надпартийным государственным учреждением, а внутриполитическая борьба — это дело партии и ее подразделений. Это соответствовало представлениям большинства военных: исходя из опыта 20-х гг., генералитет был категорически против использования армии в качестве полицейской силы; на первом же заседании правительства военный министр генерал Вернер фон Бломберг высказал благодарность канцлеру за то, что тот обязался не использовать рейхсвер для пресечения забастовок. Бломберг высказался в том смысле, что для настоящего солдата существует только внешний враг⁴⁸. Поэтому рейхсвер остался бездеятельным, когда нацисты начали выхолащивать конституцию, унифицировать земельную администрацию, терроризировать меньшинства, арестовывать политических противников режима. Это невмешательство и неучастие («аполитичность») армия впоследствии хотела приравнять к высокой моральной интегральности и собственной силе, но Гитлер гораздо вернее оценил такое поведение как признак слабости⁴⁹. Дело в том, что формула аполитичности солдата использовалась для прикрытия фундаментальной боязни решений. Фюрер, обладая безошибочным политическим инстинктом, все прекрасно чувствовал и никогда бы не решился на унификацию Германии, если бы знал, что армия против этого.

Кроме аполитичности, в армии бытовали и пронацистские настроения. Так, в конце 1933 г. руководитель одного из ведомств военного министерства полковник Рейхенау писал: «Нужно сознать, что страна находится в процессе революционных изменений — государство должно быть очищено от гнили, а это можно сделать только средствами террора. НСДАП решительно выступила против марксизма, и армия ни в коем случае не

должна помогать смутьянам»⁵⁰. Разумеется, после 1933 г. число сторонников НСДАП среди офицеров росло по той причине, что молодежь приходила в армию после ГЮ и была идеологически «подкована».

Первоначально декларированная Гитлером «национальная революция», которая была призвана продемонстрировать немцам динамику и решительность намерений нацистов, изжила себя к лету 1933 г.: Гитлер пришел к мысли о необходимости консолидации власти — в том числе и из-за негативных откликов армии на нацистский активизм и «революционные намерения», особенно в отношении будущего вооруженных сил. Гитлер исключал слияние парамилитаристской партийной милиции СА с армией, как это было сделано в Италии, где после 1925 г. Муссолини включил «Добровольную милицию национальной безопасности» в МВД. СА Гитлеру были нужны для антиеврейских акций и политических чисток, то есть там, где использование армии было невозможно. При этом для Гитлера дело осложнялось тем, что начальник штаба СА — безусловно, одаренный офицер и блестящий организатор Эрнст Рем — своей «исторической целью» считал слияние армии и СА и создание новой народной армии по образцу Советского Союза, где старая армия была упразднена. Старая армия и старые генералы, по мнению Рема, не годились для решения новых задач, стоявших перед нацистской Германией. Особые опасения армии вызывало то обстоятельство, что если в январе 1933 г. СА насчитывала около полумиллиона штурмовиков, то к середине 1934 г. их было 4,5 миллиона⁵¹, то есть гораздо больше, чем солдат в рейхсвере. Кроме того, если руководящий состав СА был из фронтовиков, то рядовые — из безработной, как правило, молодежи. У Рема были сторонники и в армии: ближайший политический советник военного министра генерала Бломберга, близкий к нацистам генерал Рейхенау требовал введения всеобщей воинской повинности и включения СА

в армию. Военные, соответственно, оказывали посильное давление на Гитлера, принуждая его отказаться от мысли сделать оруженосцем нации еще и СА.

С 1923 до 1932 гг. 94 штурмовика погибло в стычках с коммунистами и полицией. В подразделениях СА, особенно прославившихся высокой боевой активностью, снижалась, как это обыкновенно бывает, дисциплина. Для того чтобы в августе 1930 г. утихомирить путч СА во главе с Вальтером Стенессом, Геббельсу, к его стыду, пришлось прибегнуть к помощи полиции. Чтобы получить контроль над СА, Гитлер учредил СС и вызвал из Боливии способного организатора неукротимых ландскнехтов Эрнста Рема, который в течение короткого срока создал самое действенное в Германии войско гражданской войны. Не в последнюю очередь Гитлер пришел к власти именно вследствие активности штурмовиков, которые на улице смогли победить всех своих противников, включая энергичный и многочисленный коммунистический СКФ (Союз красных фронтовиков). Придя к управлению СА, Рем в полном смысле слова разгромил второй путч Стеннесса, а погромы СА в землях (в частности, в Силезии и Восточной Пруссии) смог изолировать. На рубеже 1931–1932 гг. в СА было 260 000, через год — 427 000 человек, среди которых было от 60 до 80 % безработных, 3/4 молодых людей до 30 лет, 1/3 рабочих⁵².

Служба в СА, бывшая, в принципе, непрофессиональным занятием, все чаще становилась основной профессией, которая, в свою очередь, создавала основы новой субкультуры со своими ценностями и обычаями. Отношение СА к партии было аналогичным отношению фронта к тылу — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Текучесть кадров в отдельных подразделениях СА составляла 20–25 %, но, вопреки легендам и домыслам, к коммунистам (и наоборот, от коммунистов в СА) перешло всего 2 %⁵³. В принципе, в условиях гитлеровского курса на легальность, в 1933—

1934 г. путч СА не был невероятным или невозможным, поскольку Рем открыто культивировал оппозиционные настроения не только по отношению к рейхсверу, но и по отношению к партии. Поначалу СА упорно придерживались цели стать, наряду с армией и полицией, третьим оруженосцем нации. Первым практическим шагом на этом пути, по мысли Рема, должен был стать перевод на государственное довольствие 74 000 функционеров СА. Кроме того, СА упорно стремились к оружию, причем делали это старым явочным порядком, ведь именно на этом пути они уже преуспели: к моменту разоружения летом 1934 г. у СА было 177 000 карабинов и 1900 пулеметов⁵⁴.

Известный немецкий историк Конрад Гейден вообще считал создание огромного и весьма эффективного войска СА самым значительным организационным достижением нового времени в Германии⁵⁵. Это понимало и руководство рейхсвера, вполне отдававшее себе отчет, с кем оно имеет дело, какую чудовищную динамику породило СА и на что они способны. Думается, что точно так же, как Красная армия в Великую Отечественную войну была несомненно выше армии Российской империи в Первую мировую войну, так же и новая народная милиция нацистской Германии, которую и хотел создать Рем, была бы выше, чем старый рейхсвер (вермахт). Созданные как идеологическое войско Ваффен-СС были бесспорно гораздо эффективнее не только рейхсвера (вермахта), но это были вообще самые лучшие солдаты Второй мировой войны.

Гитлер, однако, не решился пойти по пути создания народной милиции не столько из опасений, связанных с возможной неблагоприятной реакцией армии, а по той причине, что СА постепенно превратилось в прибежище всех недовольных тем, что перемены не столь значительны и радикальны, как ими ожидалось, иными словами, «штурмовые подразделения» составляли самый левый элемент нацистского движения и они

искренне верили в «социализм» Гитлера. В тогдашней Германии ходил следующий анекдот: безработный штурмовик, доведенный до крайности жизненными лишениями, решил покончить с собой и на очередном параде СА во время торжественного прохождения мимо руководства вместо «*Heil Hitler*» закричал «*Heil Moskau*», на что шедший рядом штурмовик сказал: «Товарищ, будь осторожен, там, в задней шеренге, с нами марширует один нацист». Или другой анекдот на ту же тему: один немец спрашивает у другого: чем СА отличается от бифштекса? Тот отвечает, что ничем: и то и другое снаружи коричневое, а внутри красное. Это не шутка: сначала в СА Гитлера называли не иначе как «наш Ленин»⁵⁶. Не случайно единственным противником, к которому штурмовики испытывали уважение, был «Союз красных фронтовиков» (парамилитаристская организация КПП). Соответственно, со временем становившийся все менее революционным политический курс Гитлера не вызывал в этой среде никаких симпатий — они ждали от фюрера только приказа для того, чтобы силой взять все, что им полагалось в «возродившемся» Рейхе⁵⁷.

Иные авторы продолжают аналогию СА с левыми. Они сравнивают положение Рема в системе нацистской диктатуры с положением Троцкого в системе сталинской диктатуры. Только у Гитлера достало решительности и влияния сразу убрать опасного соперника, а у Сталина не хватило авторитета и уверенности в себе для того, чтобы избавиться от опасного и независимого в суждениях соперника. Важно учитывать и то обстоятельство, что Рем был одним из немногих людей, которые не попадали под гипнотическое воздействие персоны Гитлера. Чувствуя это, Гитлер не мог допустить, чтобы независимый от него человек оказался во главе армии — главного силового инструмента государства; это был очень большой риск еще и по причине непредсказуемости личности самого Рема, отчаянного авантюриста и ландскнехта. Для него не существовало ни-

каких авторитетов, на него трудно было найти управу. Например, он как-то заявил: «Адольф нас предает. ...Ерунда, что болтает этот смешной ефрейтор»⁵⁸. Рем критически высказывался о гитлеровской внешней политике, об антисемитизме, об устранении профсоюзов, о подавлении свободы мнений; он вечно был в конфликте то с Геббельсом, то с Герингом, то с Гиммлером, то с Гессом: всех он провоцировал своими радикальными планами в отношении армии⁵⁹. Назначенный 1 декабря 1933 г. министром без портфеля, Рем рассматривал свое ведомство как «министерство СА», которое должно было со временем впитать рейхсвер. Гитлер, со своей стороны, отдавая должное организационным достижениям СА, в будущем видел «разделение труда» в том, что рейхсвер будет осуществлять внешнюю защиту рейха, а СА — обеспечивать внутреннюю безопасность. Рем с такой постановкой вопроса был категорически не согласен⁶⁰.

Рейхсвер противился усилению позиций Рема, конфликт разрастался. Мотивы руководства рейхсвера были ясны: оно не хотело принимать в состав армии «недисциплинированную банду», которая в военно-техническом отношении оставалась на уровне Первой мировой войны. Гитлер, уважительно относясь к прусской военной традиции, профессиональной выучке и технической осведомленности офицеров рейхсвера, в принципе, разделял это мнение. Внешне же проблема была весьма серьезной: рейхсвер, хотя и постепенно расширялся, имел всего несколько сотен тысяч солдат, а у Рема было более четырех миллионов отчаянных головорезов, которые были готовы на все. При таком балансе кто угодно задумался бы о будущем. Для руководства рейхсвера положение усугублялось тем, что «маленький доктор» (Геббельс), находившийся в нацистской «табели о рангах» на третьей позиции, долгое время поддерживал Рема и «социалистическое» направление в партии: исследователи до сих пор не пришли к единому мнению

о том, когда Геббельс отошел от позиции Рема. Впрочем, и позиция Гитлера до самого 30 июня 1934 г. («ночь длинных ножей», когда руководство СА во главе с Ре-мом было перебито) оставалась неясной: по всей видимости, в самом деле все было решено в последний момент. Только в 1934 г. Гитлер оставил позиции «революционера» и, скорее всего, ради успокоения рейхсвера заявил: «в ближайшие тысячу лет в Германии не будет революций»⁶¹. На самом деле, новый начальник штаба СА Виктор Лютце ограничился в своей деятельности политико-воспитательными задачами. Именно поэтому и после «ночи длинных ножей» СА до самого конца оставалась самым массовым партийным формированием.

30 июня 1934 г. СА перестал быть противником для рейхсвера, но зато возникла другая опасность — в благодарность за «ночь длинных ножей» Гитлер дал статус самостоятельной — в рамках НСДАП — организации СС, а 20 июля 1934 г. Гитлер получил согласие Гинденбурга на формирование первых частей Ваффен-СС, ставших со временем опаснейшими конкурентами армии. Собственных полевых формирований, как Ваффен-СС, СА не имели. С другой стороны, из среды СА вышло 60 % рядового состава и 80 % командиров вермахта. Во время войны 80 000 штурмовиков находились в личном распоряжении гауляйтеров на случай беспорядков или восстаний иностранных рабочих или военнопленных⁶². СА и после «ночи длинных ножей» остались важным институтом партии — это было вполне в русле гитлеровского институционального дарвинизма.

Как уже говорилось выше, в Веймарскую республику военные дистанцировались от республики, которую и гражданское общество воспринимало скорее как результат поражения, а не легитимный результат общественной эволюции. По отношению же к нацистскому режиму военное руководство выказало изначально гораздо большую готовность к сотрудничеству и лояль-

ность, чем к республике. Это, в частности, выразилось в реакции высшего военного руководства на 30 июня 1934 г., когда вместе с верхушкой СА было застрелено несколько генералов — никто в вермахте за них не заступился. Число жертв 30 июня до сих пор точно не установлено: Гитлер в своей речи в рейхстаге признал казнь 58 и смерть 19 человек, а опубликованная в Париже «Белая книга» указывала на 401 погибшего, из которых 116 были названы поименно⁶³. 1 июля в приказе по войскам Бломберг пытался оправдать действия Гитлера и хвалил его за «солдатскую решительность» в деле уничтожения предателей и смутьянов. В приказе выражалась благодарность и верность фюреру и готовность во всем ему следовать. Протесты отдельных офицеров, недовольных убийством генералов рейхсвера, на заседании в военном министерстве 5 июля Бломберг отклонил, указав на то, что проведение акции было абсолютно необходимым делом. Расстрел генералов Бломберг тоже считал необходимым: генерал Шлейхер-де плел интриги с Ремом и был связан с границей. Известный своими симпатиями к нацистам генерал Рейхенау также выступил с оправданием действий Гитлера. Командующий рейхсвером генерал Вернер фон Фрич, хотя и точно знал о характере событий 30 июня, отказался от всяких действий, оставшись, как и большинство генералов, пассивным наблюдателем. И это несмотря на то что барон фон Фрич после вступления Гитлера в должность негласно считался лидером оппозиционных генералов. Его мать была из семьи крупного немецкого теолога Бодельшвинга — откуда и глубоко религиозные чувства генерала. Фон Фрича уважали старшие офицеры, но, как отмечал в мемуарах немецкий генерал Фридо фон Зенгер, у него было очень мало шансов изменить судьбу Германии⁶⁴.

Единственным откликом на события 30 июня была речь престарелого фельдмаршала Августа фон Макензена в день памяти Шлиффена 28 февраля 1935 г., на

юбилейном заседании Союза членов бывшего Генштаба, в который входили убитые генералы Шлейхер и Бредов. Макензен призвал почтить их память, но во всем остальном текст этого заявления был составлен в верноподданнических выражениях и передан для предварительного ознакомления адъютанту Гитлера⁶⁵.

В своей речи от 14 июля 1934 г. Гитлер задним числом оправдывал расправу над верхушкой СА тем, что Рем, сотрудничая с генералом Шлейхером и Грегором Штрассером, якобы хотел его устранить. Также Рем хотел соединить СА и рейхсвер и стать во главе народной милиции; Гитлер вспомнил и о своем обещании Гинденбургу оставить рейхсвер вне политики; дополняя картину заговора, Гитлер заявил, что убитые генералы Шлейхер и Бредов были связаны с границей⁶⁶. Обвинения Гитлера были совершенно голословными, никаких доказательств он не приводил. Бесспорное суждение о мотивах действий Гитлера сформулировать сложно: с большей или меньшей вероятностью тут могут фигурировать и влияние Муссолини (первая встреча диктаторов произошла незадолго до роковых для СА событий — 14 июня 1934 г. в Венеции), и поиски соперников Рема — Гимmlера и Геринга, и угроза Гинденбургу представить рейхсверу полномочия для наведения порядка в стране, и впечатление, произведенное на Гитлера знаменитой Марбургской речью Папена⁶⁷. Бесспорно одно: 30 июня 1934 г. для гитлеровской диктатуры — это такой же порог, как для итальянской фашистской диктатуры убийство Джакомо Маттеотти 10 июня 1924 г. или для сталинской диктатуры — убийство С. М. Кирова 30 декабря 1934 г., или для Наполеона — убийство герцога Луи Антуана Энгийенского в 1804 г.; после этого порога система вступала в радикальную стадию развития, откуда возврата уже не было.

За пять дней до «ночи длинных ножей» командующий рейхсвером генерал Фрич запретил отпуска в армии и объявил о казарменном положении для всех во-

еннослужащих, за два дня — Рем был исключен из «Немецкого офицерского союза». Накануне драмы в партийной газете ФБ появилась статья, подписанная министром рейхсвера Бломбергом, в которой, среди прочего, говорилось: «Роль рейхсвера однозначна и ясна: он служит этому государству из глубокого убеждения в необходимости его поддержки, он стоит на стороне нынешнего правительства не только как единственный в государстве носитель оружия, но и как носитель неограниченного доверия народа и государства. Тесно сплотившись со всем народом, вермахт остается верным руководству государства, президенту Гинденбургу, а также Адольфу Гитлеру, который некогда вышел из наших рядов и навсегда останется одним из нас»⁶⁸. Как бы то ни было, но расстрел верхушки СА, бесспорно, был в интересах рейхсвера.

Следующим значимым событием для эволюции роли рейхсвера в жизни Германии стала смерть президента Гинденбурга 2 августа 1934 г., после чего сразу вышел закон (датированный 1 августа), по которому посты канцлера и президента объединялись и Гитлеру предоставлялись новые полномочия. Проведенный 11 августа референдум об объединении функций президента и канцлера завершился триумфально для Гитлера — 96 % проголосовало «за». 20 августа Гитлер отправил благодарственную телеграмму Бломбергу за принесенную армией присягу. Для немецкой армии это было беспрецедентно: именно по инициативе Бломберга присяга принималась не как прежде — «народу и отчизне», а лично фюреру⁶⁹. Этот неожиданный ход Гитлера удался по той причине, что если в Веймарскую республику армия вела в значительной степени изолированное существование, то с приходом нацистов положение кардинальным образом переменялось — состояние и настроение общества все больше проникали в армию: с 1933 г. по 1938 г. армия пережила 10-кратное увеличе-

ние численности. Вследствие этого рейхсвер из чужеродного в гражданском обществе элемента превратился в его неотъемлемую часть, где отражались все процессы, которые шли в обществе. Разбухание офицерского корпуса с 3800 в 1935 г. до 35 000 офицеров действующей армии и такого же количества офицеров запаса в 1941 г. привело к размыванию и разбавлению традиционных этических правил и норм некогда высшей касты немецкого общества. Вермахт, который начал войну с СССР в 1941 г., не был похож на старую кайзеровскую армию и ее офицерский корпус, — это была армия нацистского тоталитарного режима, в которой доминировали ценности этого режима. Нетрудно предположить, что распространенное в обществе обожание фюрера и его непреклонный авторитет распространились и на армию, поэтому свобода принятия решений в армии сильно сузилась. Буквально через несколько лет после 1933 г. сопротивление в армии свелось к тайной деятельности отдельных групп офицеров. Показательно, что на вопрос одного прусского помещика, почему армия без протеста восприняла убийство двух генералов (в «ночь длинных ножей»), генерал-полковник Бек ответил: «Мой дорогой, если бы я открыто выступил против Гитлера, собственные солдаты застрелили бы меня на месте»⁷⁰.

Поэтому не следует особенно удивляться тому, что следующую главу сотрудничества рейхсвера с нацистами составило сотрудничество в еврейском вопросе. Антисемитизм в рейхсвере времен Первой мировой войны был довольно распространенным явлением, о чем свидетельствует печально знаменитый подсчет числа евреев-фронтовиков в процентном отношении к их общему числу в Германии⁷¹, затем «легенда об ударе ножом в спину», возлагавшая вину за поражение Германии в том числе и на «марксистов-евреев». Антисемитизм маразматического свойства был присущ самому влиятельному (в войну и сразу после войны)

после Гинденбурга немецкому офицеру — Эриху фон Людендорфу; известны и антисемитские высказывания Вернера фон Фрича. Около 1910 г. в немецкой армии не было ни одного офицера-еврея, то есть дело Дрейфуса, офицера французского Генштаба, в Германии было бы невозможно. Напротив, Австро-венгерская армия насчитывала 2179 офицеров-евреев (среди них — один фельдмаршал), итальянская армия — 500, французская — 720. Устойчивый антисемитизм в рейхсвере был одной из причин высокого уровня участия евреев-солдат в солдатских советах в Ноябрьскую революцию в Германии 1918 г., а также почти полного их отсутствия в правых парамилитаристских союзах в тот же период.

Итак, исключение евреев из рейхсвера после 1933 г. было только делом времени. После выхода «Закона о реставрации немецкого служилого сословия» (7 апреля 1933 г.), в соответствии с которым служащие еврейского происхождения, кроме ветеранов войны, увольнялись на пенсию, военное министерство, хотя формально этот закон его и не касался, отреагировало в благоприятном для нацистских властей направлении: 24 мая 1934 г. Бломберг подписал приказ об увольнении из армии солдат-евреев; из армии и флота было сразу уволено 70 офицеров и рядовых⁷². Со своей стороны, 21 декабря 1934 г. командующий рейхсвером генерал фон Фрич распорядился, чтобы офицеры брали себе в жены только дам арийского происхождения. Против этого и других дискриминационных по отношению к евреям законов протестовали лишь немногие офицеры, среди которых был Эрих фон Манштейн. В 1936 г. закон о воинской обязанности был приведен в соответствие с Нюрнбергскими законами; после этого евреи не имели права служить в армии, а еврейские метисы не имели права занимать офицерские должности. С другой стороны, один из меморандумов, составленных министром внутренних дел Фриком 1 октября 1935 г., устанавливал, чтобы из 200 тысяч евреев-полукровок около

50 тысяч были призваны в вермахт⁷³. В войну тысячи солдат еврейского происхождения служили в вермахте — с фальшивыми документами или даже с личного разрешения Гитлера⁷⁴. С 1935 г. по 1941 г. освобождение от «еврейства» получили из 18 037 подавших ходатайство — 407 человек⁷⁵. В 1940 г. Гитлер подтвердил меморандум Фрика; кроме того, евреи-метисы получили право служить офицерами⁷⁶. Понятно, что после войны этим людям не хотелось рассказывать о своем прошлом... Руководство армии собственной точки зрения на этот счет не имело и до войны в еврейском вопросе занимало те же позиции, что и партийная верхушка⁷⁷.

В процессе ремилитаризации Третьего Рейха в целом удивляет то обстоятельство, что некоего «генерального плана» в этом сложнейшем деле не было — это удивительно при легендарном организаторском мастерстве, точности и методичности немецкого Генштаба. Немецкий историк Вильгельм Дайст указывал: «в процессе расширения вермахта Гитлер видел прежде всего неконтролируемую экспансию и расширение отдельных его частей; единой программы военного строительства не было»⁷⁸. В марте 1935 г., после введения всеобщей воинской повинности, военное министерство стало вновь называться «имперское военное министерство» (*Reichskriegsministerium*). Вместе с реставрацией старого названия было введено необычное и нелепое на фоне традиции немецкого Генштаба новшество — Люфтваффе стали самостоятельным родом войск, что сильно ослабило позиции армейских консерваторов и традиционалистов. С 1935 г. появилось три равноправных рода войск — сухопутные во главе с ОКХ (*Oberkommando des Heeres*), военно-морские во главе с ОКМ (*Oberkommando der Kriegsmarine*), и военно-воздушные во главе с ОКЛ (*Oberkommando der Luftwaffe*). Гитлеру было на руку создание третьего самостоятельного рода войск — Люфтваффе — по той причине, что он хотел создать в лице

нового рода войск национал-социалистический противовес монархическому кригсмарине и консервативному вермахту⁷⁹.

Главную массу армии составили сухопутные войска, руководство которыми Гитлер быстро прибрал к рукам. Во главе Люфтваффе оказался Геринг, первоначально добившийся значительных успехов в расширении этого рода войск, а затем растерявший все компетенции и доверие Гитлера из-за провала противовоздушной обороны Рейха. Флотом командовал адмирал Эрих Редер — ветеран Первой мировой войны, автор известной книги о крейсерской войне, ученик и последователь Тирпица. В отличие от офицерского корпуса сухопутной армии, кригсмарине никогда не имел традиций, характерных для пруссаков, поэтому флотскими офицерами становились, как правило, выходцы из неаристократических семей. Таким был и Редер. Хотя он был сторонником сильного флота, но не против Великобритании, а в союзе с ней — против США. Эти планы нельзя считать особенно реалистичными, ибо они не учитывали менталитет и политику Великобритании. В разгар войны Редера сменил еще более компетентный офицер — адмирал Карл Дениц, который прежде всего был озабочен расширением подводного флота. Он считал, что 300 подлодок достаточно для победы над Англией. Гитлер стал всерьез принимать планы Деница только после неудач в Советском Союзе зимой 1941 г.

На введении самостоятельности военно-воздушных сил настоял второй человек в рейхе, «гигант компетенций»⁸⁰ (как его называли в Германии) Герман Геринг, и Гитлер с этим согласился 25 апреля 1935 г. Бломберг против этого протестовал. Действуя энергично и напористо, Геринг в течение пяти лет (с 1933 г.) смог создать новый и самый мощный и современный в мире военно-воздушный флот; по крайней мере, истребительную авиацию и флот пикирующих бомбардировщиков. Создание Люфтваффе осуществлялось в два этапа: до 1935 г.

под прикрытием культивирования спортивной и гражданской авиации, а после 1935 г. — открыто. Большое значение для создания Люфтваффе имело то обстоятельство, что Гитлер полностью доверял Герингу и разрешал ему самостоятельно и неограниченно обращаться к финансам рейха. Лозунг у Геринга был — «деньги не играют никакой роли». Что касается невероятной роскоши, в которой купался сам Геринг, то, по словам фельдмаршала Люфтваффе Альбрехта Кессельринга, многим офицерам она была не по вкусу. На раздраженные вопросы этих офицеров им отвечали, что средства на роскошества берутся из добровольных пожертвований или из личных средств Гитлера. Сам Геринг сказал Кессельрингу, что вся его коллекция предметов искусства в будущем будет подарена рейху; этим он и успокоил фельдмаршала⁸¹.

Правда, сначала в армии сомневались, что (в прошлом) два старших лейтенанта — Геринг и начальник Генерального штаба Люфтваффе Мильх — смогут создать из Люфтваффе эффективное средство войны⁸², но эти сомнения оказались напрасными. К тому же на первом этапе создания Люфтваффе большую роль сыграл талантливый организатор, первый начальник Генштаба Люфтваффе Вальтер Вефер, которого по выдающимся качествам военачальника сравнивали в рейхсвере Веймарской республики с Манштейном⁸³. Вефер погиб в авиакатастрофе незадолго до войны.

Гитлер вообще проявлял большой интерес к техническому оснащению армии и энтузиазм в отношении моторизации армии. Он сразу принял идеи Гудериана о мобильной танковой войне и делал все для развития танковых войск. Еще до объявления всеобщей воинской повинности в 1933 г., Гитлер, интересуясь моторизацией войск, посетил полигон в Куммерсдорфе. Гудериан писал в мемуарах, что с 1890 г. только один канцлер, а именно Бисмарк, проявил однажды интерес к развитию вооружений армии, посетив Куммерсдорф.

С тех пор, до Гитлера, ни одного канцлера здесь не было⁸⁴. Кроме того, Гитлер безоговорочно поддерживал новаторов в армии, что и было причиной первоначальных головокружительных успехов вермахта в войне. Эти новаторы (например, Гудериан) не были самыми старшими офицерами в вермахте и без поддержки канцлера ничего бы не смогли сделать. Гудериан отмечал: «Генерал Бек был благородным человеком старой школы с уравновешенным, даже слишком, характером. Он, однако, не имел никакого представления о современной сложной технике, а в качестве помощников он подбирал людей, придерживавшихся одинаковых с ним взглядов. Поэтому центральный аппарат армии превратился со временем в реакционную клику, с которой чрезвычайно трудно было работать. ...Повсюду, где бы Бек ни появлялся, он оказывал парализующее влияние. В каждом новом деле он видел только трудности и был полон всевозможных опасений»⁸⁵. Гитлер с присущим ему инстинктом сразу понял значение новых методов ведения войны и безоговорочно поддерживал офицеров, которые их развивали еще до объявления всеобщей воинской обязанности. Можно сказать, что сторонниками мобильной войны при нападении на Францию были сам автор плана Манштейн, Гитлер и Гудериан...⁸⁶ Правда, в политических вопросах Бек оказался куда прозорливее, чем его молодые коллеги. Генерал-полковник Людвиг Бек происходил из старой офицерской гессенской семьи. Он родился в 1880 г., посещал гимназию, потом поступил офицером в 15-й артиллерийский полк в Страсбурге. В 1913 г. он стал капитаном при Генштабе (Ia). В Веймарскую республику Бек был командиром именно того полка, в котором два офицера — лейтенанты Шерингер и Людин — были отданы под суд и исключены из вермахта из-за того, что вступили в НСДАП и пытались создать в армии партийную ячейку: всякая политическая деятельность в армии была запрещена конституцией. После 1933 г. Бек не был уволен из рейх-

свера только благодаря заступничеству генерала фон Хаммерштейна (начальник отдела личного состава войск, известный своими резкими антинацистскими высказываниями)⁸⁷. Когда Гитлер пришел к власти, Бек был уже командиром дивизии, а 1 октября 1933 г. был назначен руководителем войскового ведомства (*Truppenamt*), которое с 1 июля 1935 г. стало называться Генштаб сухопутных войск.

17 марта 1935 г., в тот самый день, когда в 1813 г. королевским указом Пруссия была призвана к оружию и к борьбе против французских захватчиков⁸⁸, Гитлер объявил о введении всеобщей воинской повинности. «Декларация Стрезы» от 14 апреля 1935 г. (англо-франко-итальянский протест против нарушения Версальских установлений) не произвел на Гитлера никакого впечатления. С 1935 г. рейхсвер по причине введения всеобщей воинской обязанности (*Wehrpflicht*) стал именоваться «вермахтом» (*Wehrmacht*). Немецкий филолог Виктор Клемперер указывал на то, что слово «рейхсвер» указывает более на пассивный, оборонительный характер вооруженных сил, а «вермахт» — на активный, агрессивный. Клемперер писал, что слово *Macht* (мощь, сила) столь же любимо нацистами, как и слово *Volk* (народ)⁸⁹. Впрочем, еще закон об армии Веймарской республики гласил, что «вермахтом немецкой республики является рейхсвер» (*Die Wehrmacht der deutschen Republik ist die Reichswehr*). В служебной переписке и обращениях уже с середины 20-х гг. говорили именно о вермахте⁹⁰. Исходя из этого, трудно точно сказать, почему слово «вермахт» идентифицируется именно с нацистским временем.

18 июня 1935 г. был подписан немецко-английский договор о размерах английских королевских военно-морских сил (*Royal Navy*) и немецкого военного флота (*Kriegsmarine*): Гитлера абсолютно не волновали цифры, касающиеся допустимого водоизмещения немецких су-

дов. Для него наиболее существенным было то, что победители 1918 г. безмолвно прошли мимо нелегальных немецких вооружений, строительства Люфтваффе и санкционировали запрещенные Версальским миром военно-морские вооружения. Тем самым ненавистный Версальский договор был превращен в клочок бумаги, а это приветствовали не только нацисты, но и армия и вся Германия — все, что Гитлер делал, разрушая Версальскую систему, встречало почти безоговорочную поддержку немцев, не говоря уже об армии, для усиления которой все это и предпринималось. Знаком особого расположения Гитлера к руководству армии было присвоение военному министру Вернеру фон Бломбергу звания генерал-фельдмаршала по случаю удачной авантюры 7 марта 1936 г. — введения немецких войск в Рейнскую демилитаризованную зону. Это была честь, которую после окончания Первой мировой войны никому не оказывали: даже Геринг был всего лишь генерал-полковником. В качестве верховного главнокомандующего Люфтваффе, Геринг был подчинен Бломбергу, в качестве же министра воздушного транспорта равен ему, а как ближайший сотрудник и «наследник» Гитлера — стоял во властной иерархии Третьего Рейха гораздо выше. Однако именно Бломберг представлял Германию на коронационных торжествах в Лондоне в мае 1937 г.

Военный министр Бломберг, бесспорно, был убежденным и лояльным сторонником Гитлера, со стороны командующего вермахтом Фрича чувствовалась некоторая дистанция к нацистам без какой-либо оппозиционной активности, но они оба пали жертвой интриг Геринга и Геббельса. Фельдмаршал Люфтваффе Кессельринг вспоминал, что ему, как и большинству офицеров, хотелось, чтобы фон Фрича публично реабилитировали, восстановив в прежней должности, но в конце концов он пришел к мысли, что Гитлера и фон Фрича слишком многое разделяло. Фон Фрич не раз демонст-

рировал холодность прусского офицера, воспитанного в духе старых традиций рейхсвера, по отношению к Гитлеру, не скрывавшему своего австрийского происхождения. Кессельринга поразила также «усталость и мрачная торжественность» выражения лица Гитлера, когда он на своем командном пункте узнал о гибели фон Фрича в бою⁹¹.

По всей видимости, Гитлер не забыл недружелюбного отношения фон Фрича к СС, его вызывающей манеры предоставлять в армии убежище политически неблагонадежным⁹². Трудно себе даже представить военного министра, который бы сознательно действовал против Гитлера: дело в том, что в связи с расширением армии влияние нацистской идеологии и практики постоянно росло – в вермахт вливалось все больше молодежи, прошедшей через всевозможные партийные организации: ГЮ, СА, РАД, СС. Бломберг с удовлетворением доносил руководству партии о том, что в 1934 г. процент бывших партийных активистов среди поступивших на службу составил 65,8 %⁹³. Со временем, понятно, этот показатель непрерывно рос, и армия неуклонно нацифицировалась.

Дело Фрича-Бломберга стало исходной точкой для генеральской оппозиции Гитлеру – именно после 1938 г. Эрх Гепнер, Карл Генрих фон Штюльпнагель, Эрвин фон Вицлебен, а также адмирал Вильгельм Канарис и Людвиг Бек встали в оппозицию к нацистскому режиму. Однако эта оппозиция была до крайности половинчатой, поскольку никаких решительных оснований, способных оправдать мятеж, не было. Между тем Гитлер инстинктивно чувствовал недружелюбное отношение многих высших офицеров. Однажды в беседе с Гудерианом он подробно изложил историю возникновения своего недоверия к генералам, начиная с момента формирования армии, когда Фрич и Бек создали для него ряд трудностей, противопоставив его требованию о немедленном создании 36 дивизий свое предложение

ограничиться 21 дивизией. Перед оккупацией Рейнской области генералы также предостерегали его; при первых признаках недовольства французов они были готовы отвести войска обратно. Бек возражал Гитлеру по чешскому вопросу и не принял никакого участия в его решении⁹⁴.

Половинчатая оппозиция военных усугублялась еще и социологическими особенностями формирования офицерского корпуса — дело в том, что в вермахте на 1 сентября 1939 г. было 89 075 офицеров, до 1 сентября 1943 г. это число увеличилось до максимума — 246 453, а затем оно снизилось. На момент покушения на Гитлера в вермахте было 232 670 офицеров, из которых 80 % составляли офицеры запаса. Между 1 сентября 1939 г. и 31 января 1945 г. 69 361 офицер погиб, 107 265 были ранены, из них 40 % выбыли после ранения из армии. Абсолютное большинство младших офицеров прошло армейскую социализацию уже при нацистах, в отличие от генералов, которые социализировались еще в кайзеровской армии⁹⁵. Младшие офицеры 1900–1915 гг. рождения не испытали влияния специфического милитаризма вильгельмовских времен, но целиком находились под влиянием нацистской идеологии. Даже самые совестливые, лучшие представители этого поколения офицеров, такие как Клаус фон Штауффенберг, первоначально испытывали симпатию к динамике, напору и активности нацистского движения.

Свидетельством того, что изначально существовали некоторые расхождения между Гитлером и консервативным немецким военным руководством, стала весьма резкая дискуссия по поводу внешнеполитических целей, декларированных 5 ноября 1937 г. в докладе, с которым фюрер выступил перед узким кругом немецких консервативных политиков. В этой дискуссии приняли участие фон Бломберг, фон Фрич и фон Нейрат. Немецкий историк Юрген Шмедекке справедливо утверждал, что способ, с помощью которого Гитлер вскоре

отстранил обоих генералов, указывал на то, что в среде высших военных существовал определенный афронт; можно сказать, что при отстранении генералов Бломберга и Фрича речь шла о беспрецедентном вмешательстве Гитлера в кадровую политику вермахта, которое Гитлер оправдал нарушением этики со стороны двух самых старших офицеров вермахта. Шмедеке даже называл это государственным переворотом⁹⁶.

На самом же деле Бломберг еще в марте 1936 г., при известии о том, что французское правительство провело мобилизацию нескольких дивизий в ответ на ввод немецких войск в Рейнскую демилитаризованную зону, предложил отвести соединения вермахта обратно, опасаясь военного столкновения. Полтора года спустя, 5 ноября 1938 г., Бломберг вновь выступил против предложения Гитлера о силовом аншлюсе Австрии и о решении судетского вопроса. Когда Гитлер закончил свою речь, Бломберг, поддержанный Фричем, заявил, что нужно считаться с вмешательством Англии и Франции, которые будут препятствовать немецким действиям. В ходе обсуждения этого вопроса дело дошло до острой дискуссии между Герингом и Бломбергом. Гитлер в спор не вмешивался; он сказал, что верит в невмешательство Франции и Англии. По всей видимости, эта дискуссия и стала настоящей причиной стремления Гитлера отстранить Бломберга и Фрича от армейского руководства⁹⁷.

Для смещения неугодных офицеров Геринг и Геббельс использовали случайно подвернувшийся им компрометирующий материал: молодая жена Бломберга снималась некогда у фотографа, делавшего порнографические снимки, и состояла на учете в полиции как проститутка (это соответствовало действительности), а Фрича полиция и сыщики из СС «уличили» в гомосексуализме, отыскав его «партнера», который обвинил генерала в насилии (впоследствии обнаружилось, что это была элементарная ошибка полиции). Бломбергу,

не пожелавшему расстаться с женой, Гитлер выделил на 50 000 марок валюты и приказал в течение года не показываться в Германии, а затем тихо поселиться в своем имении⁹⁸. Фрича же офицерский суд чести оправдал; он остался на службе, очень страдал от несправедливости по отношению к себе и погиб в самом начале польской кампании. Он откровенно стремился к смерти, которую вскоре и обрел под польскими пулями. Обвинение против Бломберга, в принципе, можно было замять (да и знали о нем немногие), а обвинение Фрича в гомосексуализме при последующей проверке оказалось полностью фальсифицированным, так как гомосексуалиста, который выступил жертвой насилия, заставили дать показания только через два года (?) после «инцидента»... Главного свидетеля по «делу» Фрича — Отто Шмидта — Гиммлер приказал расстрелять. Друзья Фрича напрасно пытались побудить военных протестовать, поскольку неожиданно против этого выступил начальник Генштаба Бек, считавший, что дело Фрича было сфабриковано гестапо помимо воли Гитлера. Когда Гальдер предложил Беку силами берлинского гарнизона занять гестапо, то в ответ он услышал обвинение в призыве к путчу, к мятежу, к революции. Это Бек рассматривал как нарушение присяги. Примечательно, что ОКХ Гитлер предложил возглавить Вальтеру фон Браухичу, который имел со своей женой подобные проблемы. По финансовым обстоятельствам Браухич не мог формально развестись и жил в гражданском браке с разведенной дамой, что по соображениям офицерской чести было еще хуже, чем обстоятельства дела Бломберга. Гитлер распорядился выделить средства для компенсации прежней жене Браухича, и таким образом для него стал возможен новый брак⁹⁹.

После разбирательства по делу фон Фрича Гитлер собрал высших офицеров и заявил, что глубоко сожалеет о своем решении провести расследование, но что при сложившихся обстоятельствах оно было необходимо.

Тем не менее, заключил Гитлер, он не считает разумным восстанавливать генерала в прежней должности, поскольку фон Фрич не сможет, как раньше, полностью доверять ему. Командующий Кригсмарине гросс-адмирал Эрих Редер, выражая настроение высших офицеров, в июле 1939 г. пригласил фон Фрича на маневры флота в качестве почетного гостя. Во время пребывания фон Фрича на борту линкора «Гнейзенау» ему отдавали подобающие воинские почести, хотя в тот момент генерал не состоял на военной службе¹⁰⁰.

29 января 1938 г. Гитлер назначил генерала артиллерии Браухича (вместо фон Фрича) главнокомандующим армией. При этом 16 высших офицеров получили отставку. Назначение Браухича было компромиссом. На этот пост Гитлер хотел назначить фон Рейхенау, известного своей приверженностью национал-социализму, но в армии эту кандидатуру не поддержали¹⁰¹.

Истинной причиной отставки высших офицеров были неоднократные заявления Бломберга о том, что армия должна быть единственным оруженосцем нации. Гитлер же первоначально принял это положение только внешне, устранив свою партийную армию 30 июня 1934 г., а на самом деле он планировал совершенно иное. Оруженосцем нации, помимо полиции, стали еще и СС. Гитлер распорядился о неслыханном нововведении: ранее охраной персоны канцлера занималась полиция, а в сентябре 1933 г. был создан подчиненный лично канцлеру «Лейбштандарт Адольф Гитлер»; со временем этот полк СС разросся до одноименной дивизии численностью более 10 тысяч солдат. Это войско, находившееся в личном подчинении Гитлера, наподобие египетских мамелюков, не принадлежало ни к армии, ни к полиции. С 1935 г. служба в СС засчитывалась как выполнение армейского долга, с 1938 г. «войска для поручений» получили возможность формировать полки, а с зимы 1939 г. — дивизии Ваффен-СС, которых к концу войны насчитывалось 38; в них служило около 900 ты-

сяч солдат. В указе от 17 августа 1938 г. Гитлер таким образом сформулировал это положение: «Войска СС не являются частью вермахта или полиции, эти регулярные вооруженные силы находятся в моем личном распоряжении»¹⁰².

4 февраля 1938 г., после скандалов с Бломбергом и Фричем, Гитлер сам занял пост военного министра. Геринг получил заветный титул генерал-фельдмаршала, а генерал Вильгельм Кейтель (с июля 1940 г. — фельдмаршал) был назначен шефом возникшего на месте упраздненного военного министерства ОКВ (*Oberkommando Wehrmacht* — Верховного главнокомандования) — этот орган первоначально был предназначен для координации трех родов войск и находился в Берлине. Кейтеля очень много критиковали после войны, но никто на посту начальника личного штаба фюрера, каковым был ОКВ, не смог бы вести себя иначе. Хотя Кейтель и служил в прусской армии, но пруссаком не был: он был родом из Ганновера. Внешне он выглядел типичным прусским офицером, но ему не хватало твердости характера. Армия сформировала в нем зависимый тип — он всегда следовал инструкциям, умел смягчать разногласия, примиряться с действительностью и избегать конфликтов¹⁰³. ОКВ состояло из трех подразделений: оперативного отдела во главе с генералом Альфредом Йодлем (планирование и разработка военных операций), абвера во главе с генералом Вильгельмом Канарисом, экономического отдела во главе с генералом Георгом Томасом, а также общего отдела вермахта (личные дела военнослужащих, во время войны этот отдел занимался военнопленными). Каждый из начальников отделов ОКВ был отличным офицером, классным специалистом в своей сфере. Первый при Гитлере начальник Генштаба генерал Людвиг фон Бек говорил, что Йодль — лучший офицер своего поколения, но все его достоинства разбиваются о единственный, но главный недостаток — политическую наивность. Йодль находил,

что Гитлеру присуща «глубокая, методичная манера мышления»¹⁰⁴; он остался верен фюреру до конца, но, впрочем, часто вступал с ним в весьма рискованные дебаты. В отличие от Бека, все преступления, совершенные нацистами, Йодль воспринимал как «детскую болезнь» революции и верил, что только безусловная преданность фюреру позволит армии оставаться сдерживающим фактором по отношению к партии и СА. Бек, наоборот, после короткого приступа оптимизма в 1933 г., рассматривал нацизм как угрозу политическому порядку и традициям; Гитлер, как вскоре понял Бек, был безответственным лидером-авантюристом, готовым по собственной прихоти свергнуть страну в войну. Также блестящими специалистами в своем деле были адмирал Эрих Редер и генерал Георг Томас. Последний сразу и совершенно точно характеризовал план «Барбаросса» как авантюрный с военно-хозяйственной точки зрения.

ОКВ имел относительно небольшой аппарат, являясь, по существу, личным штабом Гитлера. Он был предназначен для давления на ОКХ (Генштаб сухопутных сил), находившийся в Цоссене (даже местные жители не знали, что хорошо замаскированный Генеральный штаб вермахта прячется в густом лесу прямо за городком) и Вюнсдорфе и располагавший соответствующим аппаратом и квалифицированными кадрами для руководства миллионной армией. Особенностью формы офицеров Генштаба были двойные лампасы малинового цвета и того же цвета петлицы (*karmesinrote doppelte Hosenstreifen und Kragenspiegel*); эти офицеры считались элитой офицерского корпуса и были первыми претендентами на самые высшие должности в вермахте. Политические решения принимались в небольшом ОКВ, поэтому после подчинения ОКХ, в котором были сильны оппозиционные настроения, полный контроль Гитлера над армией в преддверии войны был установлен.

Вскоре после реорганизации руководства армией Гитлер смог осуществить аншлюс («*Anschluss*» — воссоединение с Австрией): армия, как и народ, были захвачены всеобщей для обеих стран эйфорией головокружительных геополитических перемен, осуществленных без единого выстрела. Знаменитый немецкий генерал Гейнц Гудериан вспоминал, что при вступлении в Австрию в 1938 г. на дорогах стояли старые солдаты — участники Первой мировой войны с боевыми наградами на груди и приветствовали его солдат, а в Вене Гудериана несли на руках прямо до квартиры, пуговицы же его шинели были оторваны на сувениры¹⁰⁵. Излишне говорить, что одним из самых мощных импульсов к объединению был Версальский запрет на него. Против этого запрета протестовала общественность в обеих странах. Австрийская армия после аншлюса была без остатка растворена в гораздо более многочисленном вермахте.

После Австрии настала очередь Судет, однако, несмотря на значительный внешнеполитический успех, убедить народ и армию в необходимости войны было даже для Гитлера делом довольно сложным: когда 28 мая 1938 г. он впервые высказался о необходимости решения «судетского вопроса»¹⁰⁶ силой и о своем намерении уничтожить Чехословакию, начальник Генерального штаба Бек стал убеждать Гитлера, что это неминуемо приведет к вступлению в войну Англии и Франции и станет катастрофой для Германии. Бек, однако, остался одинок в своем стремлении противодействовать Гитлеру, а один из самых способных генералов вермахта Манштейн даже упрекнул его в некорректном отношении к власти¹⁰⁷. Бек писал одну докладную записку за другой, пытаясь убедить Гитлера в невозможности войны, но не принципиальной невозможности, а технической: она, по мнению Бека, станет возможной не раньше 1940—1941 гг. — именно к этому времени армия будет готова. На это Гитлер резонно возражал, что армия никогда не бывает готова полностью, и что это со-

ответствует отсутствию готовности и у предполагаемого противника. Отношение расширившегося и чрезвычайно популярного среди немцев вермахта к Гитлеру значительно содействовало популярности режима: об инциденте с генералом Беком, который подал в отставку 18 августа 1938 г. в знак протеста против авантюристической политики Гитлера, немецкая общественность тогда не знала. В конечном счете, отставка Бека может рассматриваться как доказательство того, что часть военных пыталась противостоять окончательной нацификации армии. Что касается опасений Бека, а также части военного руководства, в отношении намерений Гитлера, то они были совершенно основательными — после войны Черчилль писал, что осенью 1938 г. Гитлер не блефовал, и если бы ему не отдали Судеты, он 1 октября напал бы на Чехословакию¹⁰⁸. Также сыграл свою роль и безошибочный инстинкт Гитлера, который понял, что войны не будет.

К концу 1938 г. Гитлер смог поставить дело таким образом, что даже сами высокопоставленные генералы почувствовали, что они являются не привилегированными и полноценными советниками и партнерами Гитлера, но простыми исполнителями его воли. Это было тяжело осознавать членам касты, которая в прежние времена полностью идентифицировала себя с интересами всего народа. Отчетливее всего это было видно на примере личности Людвиг Бека, который исчерпал возможности собственной лояльности к Гитлеру с апреля по сентябрь 1938 г., то есть в период кризиса вокруг Судет. Бек сомневался в том, что война с Англией и Францией в тот момент будет победной. Он таким образом формулировал свою программу: «За фюрера, против войны, против нацистских бонз, за мир с церковью, за свободу выражения мнений, против чекистских методов, за восстановление правопорядка в рейхе, против помпезного строительства, за жилье простым людям, за прусскую чистоту и простоту»¹⁰⁹.

Первоначальное недоверие к бывшему ефрейтору рейхсвера со стороны преимущественно аполитичной и консервативной касты прусского офицерского корпуса было Гитлером быстро преодолено и уступило место восхищению и благодарности за расширение армии и ее укрепление. Характерным для офицеров вермахта в целом было мнение Кейтеля (начальник ОКВ с 1938 г.), который в 1946 г. писал, что ему после прихода Гитлера к власти не было дела до внутривнутриполитических проблем. Гораздо более важным ему казалось освобождение от версальских оков и унижения и возрождение вермахта, за которое он готов был на все — о большем он тогда и не мечтал. И Кейтель, и большинство немецких офицеров сразу высоко оценили усилия, которые Гитлер стал предпринимать по возрождению вооруженных сил. Помимо прочего, военных притягивало к нацистам и превознесение теми солдатских добродетелей. Как и Вильгельм Кейтель, большинство офицеров не интересовались политикой, тем более что Гитлер первоначально провозгласил необходимость поддержать старую немецкую традицию держать армию вне всяких политических влияний. Эта традиция, казалось, нашла полное оправдание 21 марта 1933 г. в так называемый «день Потсдама» — фото пожимающих друг другу руки Гитлера (во фраке) и Гинденбурга (в фельдмаршальском мундире) обошло все немецкие газеты и стало символом объединения традиционных консервативных ценностей и нацизма. Также следует учесть и то обстоятельство, что с момента смерти Гинденбурга (в августе 1934 г.) до февраля 1938 г. Гитлер формально руководил армией не сам, а через военного министра фон Бломберга и командующего вермахта фон Фрича, что офицеры рассматривали как знак уважения армейской традиции и статуса армии. К тому же фюрер стал проявлять готовность выполнять все требования армии в процессе ее строительства, что также улучшило его позиции среди офицеров.

Первый экспансионистский ход, предпринятый Третьим Рейхом — занятие Рейнской демилитаризованной зоны — вызвало протесты со стороны Генерального штаба. Начальник Генштаба генерал-полковник Людвиг Бек считал, что вхождение германских войск должно сопровождаться заявлением о том, что этот район не будет укрепляться. Гитлер с этим категорически не согласился. Затем военный министр генерал Бломберг выдвинул предложение: посланные за Рейн войска будут отведены при условии, если французы согласятся отвести от собственной границы в пять раз большие войска. Наконец Бек, Бломберг и Фрич пытались убедить Гитлера отвести немецкие батальоны, введенные за Рейн. Гитлер снова отказался и снова оказался прав. Немецкие генералы были в замешательстве — они знали настоящее соотношение сил. Разве простейший расчет баланса численности вооруженных сил и здравый смысл перестали что-либо значить? Нет, в этот момент расчеты ничего не значили, значение имела только воля и инстинкт Гитлера. В отчаянии Бек подал в отставку. Никто из коллег не последовал его примеру, зато многие присоединились к заговору с целью похищения Гитлера и провозглашения нового правительства. Этот переворот планировался в момент нападения на Чехословакию. План переворота был расстроен английской инициативой о начале переговоров по Судетам в Мюнхене. После Мюнхена генералы-заговорщики (Вицлебен, Хельдорф, Гепнер) остались на своих местах.

Стремительный и ошеломляющий ход событий, инициированный Гитлером, продемонстрировал, насколько потерял позиции немецкий генералитет, скатываясь под гору все дальше от вершины власти, на которой находился в предшествующий период. Этому способствовали многие факторы. Ни один из них не был решающим, если рассматривать их изолированно, но в сочетании они создали атмосферу растерянности и разочарования. В поведении Гитлера генералов более все-

го возмущала не его аморальность, а его безответственность. Отсюда и их склонность — пятиться назад, под любым предлогом тянуть время, наблюдая, оправдаться ли риск. Кроме того, успехи Гитлера сопровождались действительным усилением профессиональной эффективности армии, а это не могло не нравиться офицерам. Большинство офицеров, разочарованных своим новым положением в обществе, топило разочарование в работе — результатом стало такое качество штабной работы и такой высокий тактический уровень, которого не добились ни одна армия в мире¹¹⁰.

Иллюстрацией амбивалентного отношения офицеров к режиму является история знаменитого аристократического 9-го Потсдамского пехотного полка (*I.R.9 — Infanterieregiment 9*). Смерть двух немецких генералов была связана с покушением на Гитлера 20 июля: взрывом бомбы был убит главный адъютант Гитлера Рудольф Шмундт, и на Восточном фронте вследствие неудачи покушения покончил с собой один из главных заговорщиков — Хеннинг фон Тресков. Их объединяло то, что они оба были однополчанами, начинали свою карьеру в *I.R.9*, в котором в кайзеровские времена служило большинство Гогенцоллернов. Ни одно из подразделений вермахта не дало столько участников антинацистского Соппротивления и одновременно ни одно подразделение вермахта не было более укоренено в прусской военной традиции и прусском понимании долга. Поэтому многие офицеры этого полка чувствовали себя как «последние из пруссаков» и в соответствии с этим и действовали. Многие офицеры полка приняли активное участие в строительстве новой ФРГ. Из 29 капитанов и штабных офицеров 9-го пехотного полка, которые служили в нем до 1933 г., 27 стали генералами¹¹¹.

Как писал в мемуарах служивший в этом полку резервистом Ганс Франк (генерал-губернатор Польши), в офицерском кругу *I.R.9* Гитлера хотя и ценили за то, что он восстановил вооруженные силы Германии в преж-

нем объеме, но недолюбливали из-за его демагогии и склонности к драматизации: это не соответствовало прусской трезвости и ясности. Ни один из офицеров полка не разделял антисемитизма нацистов, над Розенбергом в полку насмеялись, как над «сумасшедшим графоманом», Геббельса называли «кровавым Дзержинским Гитлера», Гесса именовали «олухом царя небесного» (*Mondkalb*), а Геринга — «тщеславным пустозвоном» (*eitel Hanswurst*). Франк писал, что откровенность речей в офицерском казино была старой прусской традицией, поскольку наружу из разговоров ничего не выходило. Впрочем, несмотря на то что офицеры по косточкам разбирали нацистское руководство, на их службе и верности солдатскому долгу это никак не отражалось, поскольку долг и был религией пруссаков.

В 1934—1935 гг. на базе 9-го пехотного полка было создано три полка, а с началом войны — еще один. Старый *I.R.9* почти целиком был уничтожен под Москвой зимой 1941 г., а после был переформирован в 9-й танковый гренадерский полк. После 20 июля 1944 г. остатки полка были включены в 67-й пехотный полк с тем, чтобы даже номер полка не напоминал нацистскому руководству об офицерском Сопротивлении.

Еще более консервативным — даже, скорее, монархическим — был флот. По отношению к нацистской партии многие флотские офицеры, особенно старшие по возрасту, испытывали, по словам командующего Кригсмарине адмирала Эриха Редера, «определенный скептицизм, но они могли совершенно свободно выражать свои мнения, не боясь наказаний. Я лично знал некоторых офицеров, не согласных с системой национал-социалистического государства и нацистской партией, которые этого не скрывали. Но пока эти офицеры исполняли свой долг — а они это делали до конца войны — они ничуть не потеряли свой авторитет и не понесли никакой кары». Так, Редер назначил капитана первого ранга Патцига командиром новейшего линко-

ра, несмотря на то что у того были большие проблемы с гестапо. Потом Патциг стал начальником управления кадров Кригсмарине¹¹².

В процессе ускоренного строительства армии офицеры стали значительно быстрее продвигаться по службе, что также способствовало росту популярности Гитлера в армии. Скептики же, наподобие генерала Людвига Бека, предупреждавшие о растущей агрессивности Гитлера и о войне, казалось, попали впросак, ибо Гитлер мирными средствами смог обеспечить аншлюс и Австрии и Судет — казалось, все подтверждало правоту Гитлера и его намерения мирными способами разрешить все германские проблемы. Уже в разгар войны Гитлер следующим образом высказался о немецком генералитете: «Когда я еще не был канцлером, я думал, что Генеральный штаб похож на зверскую цепную собаку, которую обязательно нужно держать за ошейник, чтобы она не вцепилась кому-нибудь в горло. После того как я стал канцлером, я понял, что сильно ошибался. Этот Генеральный штаб препятствовал мне во всем, что я хотел сделать. Генштаб был против вооружений, против введения войск в Рейнскую зону, против аншлюса, против захвата Чехии, против войны с Францией; Генштаб не советовал мне начинать войну с Россией. Я каждый раз должен был усердно натравливать этого цепного пса, прежде чем он начинал действовать»¹¹³. Интересно, что аналогичную оценку сдержанности генералитета по отношению к Гитлеру высказывал независимый в суждениях, но политически наивный генерал Йодль. 10 августа 1938 г., после визита к Гитлеру, который пытался склонить генералов на свою сторону, Йодль отмечал в дневнике: «Трагично, что фюрера поддерживает вся нация, за исключением армейского генералитета. По моему мнению, только действиями генералы могут искупить свою вину, которая заключается в недостатке воли и дисциплины. Такая же

проблема существовала и в 1914 г. В армии есть только один недисциплинированный элемент — это генералы, и причина этого — их заносчивость. Они безответственны и недисциплинированы, потому что не могут постичь гениальности фюрера. Они никак не могут понять, что он — не ефрейтор Первой мировой войны, а величайший государственный деятель со времен Бисмарка»¹¹⁴.

Можно привести и аналогичное мнение иностранца — так, английский военный публицист Сирил Фоллс писал: «Мы, англичане, до известной степени считаем себя вправе упрекать германский Генштаб за то, что он начал войну в 1914 г. Иногда то же говорят и по отношению к 1939 г., но это обвинение неоправданно. Можно обвинять Гитлера, нацистское государство и партию, даже немецкий народ, но Генштаб Германии не хотел войны с Францией и Англией, а после того как он был втянут в войну с ними, он не хотел войны с Россией»¹¹⁵.

1 сентября 1938 г., во время Судетского кризиса, Гитлер заменил фон Бека генералом Францем Гальдером (он был первым начальником Генштаба — не пруссаком), который также пытался не только переубедить Гитлера, но и одно время носился с мыслью о необходимости его убийства и государственного переворота. Друг Гальдера, немецкий дипломат в Швейцарии и одновременно сотрудник абвера Ганс Гизевиус в своих мемуарах¹¹⁶ передавал многие детали заговора, вплоть до номеров частей, которые должны были захватить рейхсканцелярию и убить Гитлера. Гизевиус писал, что Гальдер якобы спрашивал Яльмара Шахта, готов ли тот взять на себя обязанности немецкого канцлера, если Гитлер доведет дело до войны и государственный переворот станет неизбежным. При этом Шахту было сказано: «этот душевнобольной и преступник нацелен на войну вследствие своей сексуально-патологической предрасположенности»¹¹⁷. Историки долгое время по-

лагались на мемуары Гизевиуса как на достоверный источник, что было ошибкой: иные планы и намерения заговорщиков, представляемые Гизевиусом, просто нереальны, а другие раздуты уже после войны из простых предположений или даже пожеланий. Не случайно известный консервативный мыслитель Рудольф Пехель называл Гизевиуса «Карлом Маем (Карл Май — известный немецкий писатель, автор романов про индейцев Виннету, Чингачгука и др. — *О. П.*) немецкого Сопротивления». Похоже, прав был государственный секретарь Отто Мейснер: «Планы путча 1938 г. всплыли только на Нюрнбергском процессе; это вызывает подозрение, что многое было преувеличено, а оппозиционные мысли и намерения были раздуты до серьезных планов и действий»¹¹⁸. Сомнительно все, что сообщал Гизевиус о планировании: как могла 23-я дивизия из Потсдама выполнить свою задачу по захвату Берлина? Очень сомнительно, чтобы молодые офицеры, воспитанные ГЮ, пошли против фюрера. Как можно было сломить сопротивление весьма многочисленных и хорошо обученных частей СС? Скорее всего, гальдеровский «путч 1938 г.» на самом деле был «разработан» уже задним числом из неясных намерений офицеров вермахта, недовольных стратегическими установками Гитлера; эти намерения и трансформировались в заговор с целью хотя бы отчасти реабилитировать армию и снять с нее вину за злодеяния нацистского режима. Невероятная популярность Гитлера среди немцев и полная поддержка всего, что он предпринимал в целях разрушения Версальской системы, были настолько значительны, что игнорировать эту популярность не могли даже западные державы, а не только оппозиция внутри Германии¹¹⁹.

Устремленность Гитлера к войне была настолько доминирующей, что он воспринял как свое поражение и победу Чемберлена итоги Мюнхенского договора 1939 г. об уступке Германии Судет. Ему нужны были не Судеты, а война, только в ходе которой и можно было дока-

зять преимущество «нации господ» над всеми прочими народами. Тем не менее после Мюнхенской конференции Гитлер был в зените славы: по Мюнхенскому договору около 800 тысяч чехов были поглощены Германией, а 250 тысяч немцев остались в Чехословакии в качестве пятой колонны¹²⁰. Сложные укрепления чехов, построенные с французской помощью, достались немцам, сорок чешских дивизий были среди наиболее хорошо вооруженных в Европе; также в стране была первоклассная военная промышленность. Гитлер добился того, о чем не смели мечтать немцы с 1919 г.: без единой капли крови он вернул 10 миллионов (вместе с Австрией) немцев в рейх, он смог обеспечить рейху такие имперские позиции, каких он не имел ни в Священной Римской империи германской нации, ни при Бисмарке. Остановись Гитлер на Мюнхенском договоре, он вошел бы в историю как величайший немецкий государственный деятель XX в. Но Гитлер, подобно всем тиранам прошлого, повел себя, как алчная старуха из старой немецкой сказки, по мотивам которой Пушкин написал «Сказку о рыбаке и рыбке». 15 марта 1939 г. немецкие войска были уже в Праге — Богемия и Моравия стали «протекторатом», а рейхспротектор Нейрат поселился в Градчанах. Апофеозом гитлеровского милитаризма и внешнеполитических успехов, достигнутых на этой основе, было празднование дня рождения фюрера 20 апреля 1939 г. На оси восток-запад (*Ost-West-Achse*) в Берлине состоялся гигантский военный парад — в течение 4,5 часов 40 тысяч солдат и огромное количество техники дефилировали мимо Гитлера. Одновременно во всех гарнизонных городах рейха состоялись военные парады, предваряемые верноподданническими речами командиров вермахта¹²¹.

Особенно болезненно на аннексию Чехии отреагировали англичане, которые еще с февраля 1939 г. весьма осторожно вели переговоры с Францией по военным вопросам. Британское руководство считало, что

переговоры чреватые секретными соглашениями наподобие тех, которые втянули Британию в Первую мировую войну. Однако после аннексии Чехии, 29 марта 1939 г., англичане объявили о двукратном увеличении территориальной армии (ТА) — британского резерва, а в конце апреля английское правительство решило с лета ввести воинскую повинность. Кроме того, Британия дала гарантии безопасности европейским странам, которые могли стать следующими жертвами Гитлера или Муссолини: 31 марта — Польше, 13 апреля — Греции и Румынии. Начались переговоры с Турцией. Это был настоящий поворот в британской стратегии, ибо ранее (в 30-е годы) британцы настаивали на том, что договоры Франции с восточно-европейскими странами — это опасные обязательства, связывающие Запад с непредсказуемым регионом, в котором заинтересована главным образом Германия. Англичане отказались отстаивать интересы чехов в 1938 г., но теперь ими овладело чувство тревоги и стремление поставить предел экспансии. Вместе с тем следует подчеркнуть, что новые гарантии были чисто политическими по характеру и назначению — никаких штабных переговоров не последовало, не было сделано никаких штабных оценок их значения. То же произошло и с чисто военными мероприятиями: об удвоении ТА было объявлено без консультации с военными, а военная повинность никогда не пользовалась популярностью у профессионалов. Оба решения были приняты для того, чтобы произвести впечатление на Францию и мировое общественное мнение, а также для того, чтобы продемонстрировать растущее отвращение к политике «умиротворения». Главной целью теперь стало стремление удержать Гитлера от дальнейшей агрессии путем демонстрации решительности, наподобие показной ремилитаризации и дипломатии блефа, которые так успешно применял Гитлер после 1933 г. Как отметил министр финансов Саймон, «мы не готовимся к войне, а создаем фронт мира»¹²². В этой тен-

денции мыслить скорее дипломатическими, чем военными категориями — одна из причин прохладного отношения Британии к союзу с СССР.

Хотя Чемберлен и считал, что любые переговоры с Гитлером бесполезны, но в одной из конфиденциальных бесед он сказал: «В конечном счете, политика остается прежней, а именно — обеспечить мир, ликвидировав основания для войны, а пока осуществлять программу вооружений». Надежды возлагались на то, что политика твердости приведет укрощенную Германию за стол переговоров, — возможно, после смены руководства. Отсюда растущий интерес британцев к Герингу. Даже и после нападения Германии на Польшу Чемберлен проводил политику «пассивной твердости»: «держаться крепко, наращивать экономическое давление, со всей энергией увеличивать производство вооружений и военные приготовления, не начиная наступления, пока его не начнет Гитлер. Полагаю, что если нам позволят продолжать эту политику, к весне мы выиграем войну»¹²³. Настоящие перемены произошли лишь с назначением премьер-министром Черчилля. Впрочем, и в серьезность его намерений Гитлер уже не верил.

Путь к войне для Гитлера не был легким и в 1939 г.: помимо немецкой общественности, совершенно не принимавшей мысль о войне, в то, что Германия сможет выиграть войну на Западе не верили не только генералы, но и партийная верхушка, которая, впрочем, была абсолютно лояльна фюреру. Тогда Гитлер представил дело так, что его вынудили к войне, которой он не желал и к которой не стремился. Надо признать, что роль жертвы ему вполне удалась по той причине, что для немецкого сознания территориальные решения Версальской конференции о границах с Польшей и о существовании экстерриториальной части Германии — Восточной Пруссии — были абсолютно несправедливыми. Версальским договором Польше была передана прежняя немецкая область — прусская

провинция Познань, значительная часть Западной Пруссии и часть Силезии. Получилось так, что на Западе Польши осталось несколько сот тысяч немцев, а на Востоке — 6 миллионов белорусов и украинцев, которых Сталин хотел вернуть в состав российского государства. Для Гитлера вполне реальные и осязаемые несправедливости Версальской системы давно стали абстракциями, которые он хладнокровно использовал в своей собственной игре: в противном случае после решения проблемы Судет в сентябре 1938 г. он прямо бы сказал своим европейским партнерам, что помимо судетской проблемы у немцев есть еще одна «болячка», не дающая покоя немецкому народу и без ликвидации которой не может быть и речи о стабильном мире в Европе — это пресловутый «польский коридор» и Данциг. Но об этом Гитлер ничего не сказал и ни у кого не попросил помощи в мирном решении этого вопроса. После Мюнхенской конференции он в очередной раз декларировал «вечный мир» и полное удовлетворение немецких национальных чаяний, что было ложью. На самом деле, Гитлер планировал решить проблему «коридора» и Данцига непосредственно с поляками. Манштейн вспоминал, как Гитлер заявил однажды, что «никогда не повторит ошибку некоторых государственных деятелей, развязавших в 1914 г. войну на два фронта. И что он не идиот, чтобы из-за Данцига или “польского коридора” ввязываться в войну». На самом деле до весны 1939 г. ОКХ не имел в своем портфеле плана стратегического наступления на Польшу¹²⁴.

Спонтанность гитлеровского решения о войне с Польшей была связана и с тем, что после смерти Пилсудского во главе Польши оказались совершенно безответственные политики, полагававшиеся на помощь Запада и разглагольствовавшие о мощи польской армии, тем самым будто специально провоцируя Гитлера. У последнего однажды произошел истерический при-

падок (по видимости, разыгранный) при упоминании о польских уланах, которые, по словам варшавских политиков, будут гарцевать по улицам Берлина уже через пару недель после возможного нападения Германии на Польшу.

В 20-е гг. в Берлине и Москве Польшу представляли как переходное образование, угнетающее национальные меньшинства. После Мюнхенской конференции германские политики предъявили Польше счет за свою лояльность в момент оккупации польскими войсками тех районов Тешинской Силезии, которые в 1920 г. по решению Антанты отошли к Чехословакии. 24 октября 1938 г. Риббентроп на встрече с польским послом Липским предложил урегулировать польско-германские проблемы путем присоединения Данцига к Германии и строительства «экстерриториальной автостреды и железной дороги через польское Поморье»¹²⁵. Это предложение неоднократно повторялось, но не было принято поляками. В итоге все надежды Гитлера договориться с католической (как и другой союзник Германии – Италия), антисемитской и антибольшевистской Польшей пошли прахом.

С другой стороны, эта гитлеровская спонтанность в решении напасть на Польшу не была лишена внутренней логики в рамках гитлеровских представлений о путях ревизии Версальской системы, и как армия, так и немецкое общество в целом были «загипнотизированы» этой логикой, ибо речь шла о землях, которые 150 лет до этого уже считались немецкой территорией¹²⁶. В вермахте на этот раз уже не нашлось еще одного генерала Бека, который бы осмелился выступить с критикой рокового решения (как это было в марте 1938 г.). Хотя Гудериан писал, что «в момент начала войны с Польшей настроение армии было подавленным и не будь пакта с Россией вероятно, многое было бы еще труднее. С тяжелым сердцем мы начали войну, и не было ни одного генерала, который ратовал бы за нее»¹²⁷.

В день начала Второй мировой войны Гитлер заявил в рейхстаге, что Германия обладает самой лучшей армией мира¹²⁸ — весь первый период войны это утверждение оставалось справедливым. Особенно это относится к польской и французской кампаниям вермахта, который смог доказать свое боевое превосходство над противником. И тем не менее огромное количество свидетельств очевидцев указывало на то, что в Германии первоначально не было общего восторженного отношения к гитлеровскому империализму — немцы не были агрессивно настроены и патриотически возбуждены (как это было в августе 1914 г.¹²⁹), — наоборот, скорее растеряны; они не ждали от войны ничего хорошего и желали скорейшего мира. Один из знатоков действительности Третьего Рейха Карл Краусник определил настроения немцев перед Второй мировой войной как «лояльность против воли» (*widerwillige Loyalität*): антивоенных выступлений не было, но не было и патриотических манифестаций и спонтанных митингов, как в Первую мировую войну¹³⁰. Разумеется, впоследствии блестящие победы вермахта вызвали гордость, воодушевление, умело поддерживаемые и раздуваемые пропагандой, но, несмотря на усилия последней, некритическое восхищение немецкими солдатами и их достижениями вскоре сменилось сначала глухим, потом все нарастающим недовольством затянувшейся войной.

Глава II

АРМИЯ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

«Немецкие генералы в этой войне показали себя выдающимися представителями своей профессии. Они могли бы добиться большего, если бы были более дальновидными и проницательными. Однако если бы они стали философами, они перестали бы быть военными».

(Лиддел Гарт)

«Война — это поначалу надежда, что кому-то от нее станет легче, потом — ожидание, что некто получит по заслугам, потом удовлетворение, что другим от нее не легче, а потом ошеломляющее открытие, что от нее всем стало только плохо».

(Карл Краус)

«Война — это драка двух лысых за расческу».

(Хорхе Луис Борхес)

Польская кампания

Английский историк Хэнсон Болдуин отмечал, что, несмотря на угрозы и предупреждения, вермахт преподнес полякам тактический сюрприз; многие польские резервисты были еще на пути к своим подразделениям, а подразделения перемещались к пунктам концентрации, когда самолеты Люфтваффе в 4 часа 40 минут 1 сентября сбросили первые бомбы¹³¹. В ответ на немецкое наступление частично мобилизованные польские силы пытались удерживать весь фронт, но в результате потеряли все, и довольно быстро. Немецкий генерал Фридрих фон Меллентин вспоминал, что польское командо-

вание, не думая о том, чтобы выиграть время путем стратегического отхода, продолжало держать крупные силы в Познани и Польском коридоре. Оно пыталось развернуть все наличные силы на фронте около 1500 км — от Литвы до Карпат — и даже сформировать специальную ударную группу для вторжения в Восточную Пруссию. Таким образом, польское руководство добилось только того, что все наличные силы были разбросаны на большие расстояния и изолированы друг от друга¹³². Это и предопределило поражение поляков.

Когда же 3 сентября Англия и Франция объявили войну Германии и не осталось уже никаких сомнений в смысле происходящего, то значительная часть немцев почувствовала потребность в патриотической позиции, а «предательскую» позицию по отношению к начавшейся войне сочла неприемлемой. Настроение в Германии соответствовало старой английской поговорке *«right or wrong, my country»* (права она или нет — это моя родина), что, в принципе, можно считать нормальной реакцией. Пропаганда, разумеется, позаботилась о том, чтобы все немцы ощущали себя, как на войне, а не только те, кто был на фронте: Гиммлер еще в 1937 г. говорил, что «место военных действий Кригсмарине на море, Люфтваффе — в воздухе, вермахта — на земле, но существует и четвертый театр военных действий — внутренний фронт, на котором должен будет проявить себя каждый немец»¹³³. Таким образом, все немцы оказались «при деле», и места для каких-либо сомнений уже не было.

Вермахту было на руку то, что поляки, как и французы (с линией Мажино), непоколебимо верили в свои укрепления и оборону. Эта вера их подвела: сопротивление поляков было настолько слабым, что германские танковые и моторизованные войска устремлялись вперед, а основная масса пехоты следовала позади на расстоянии 10–20 км. Немецкая 4-я армия, продвигавшаяся из Померании, достигла предместий Варшавы толь-

ко силами своего первого танкового эшелона, покрывшего 240 км за 8 дней¹³⁴. Такому успеху способствовало исключительно хорошее взаимодействие наземных и воздушных сил — уже 2 сентября можно было без преувеличения сказать, что немцы имели в воздухе безраздельное господство. Между вермахтом и Люфтваффе было налажено идеальное взаимодействие. Командующий 1-м воздушным флотом генерал Люфтваффе Альбрехт Кессельринг отмечал, что во время Польской кампании он, формально не будучи подчинен фон Боку (командовавшему группой армий «Север»), добровольно признал его старшинство во всех вопросах, связанных с тактикой ведения наземных боевых действий¹³⁵.

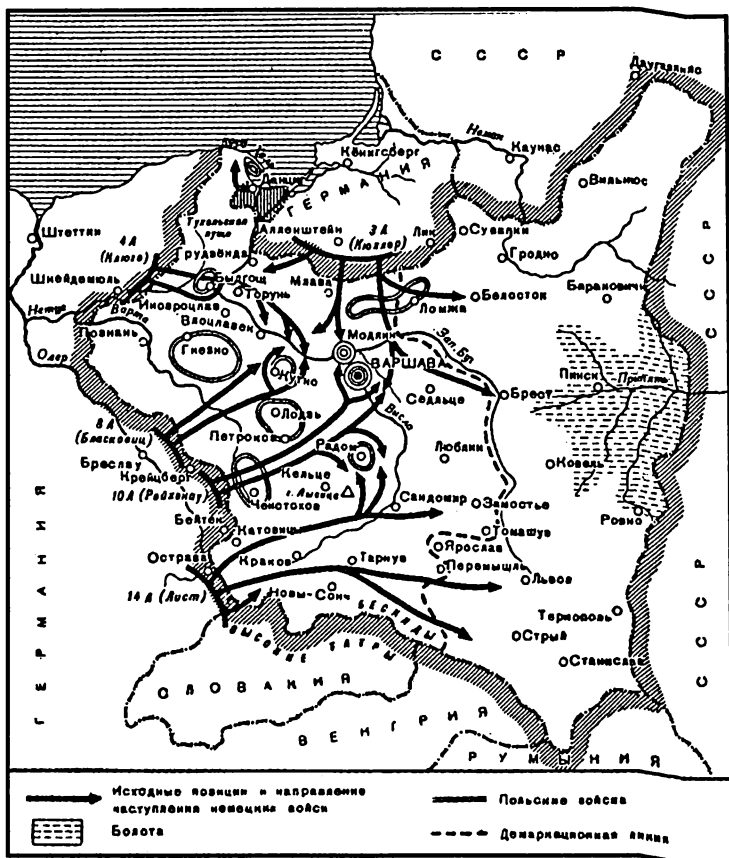
Не прошло и недели с начала боевых действий, как поляки начали отступать по всему фронту. Период между 10 и 18 сентября явился кульминационным моментом всей кампании. После того как наступающим немецким соединениям удалось не только перерезать пути отхода польским войскам, оставшимся на западном берегу Вислы, но и замкнуть в результате соединения 10-й и 4-й армий кольцо окружения восточнее Варшавы, последние сомнения относительно исхода боев были рассеяны. Теперь все зависело от того, когда основные силы польской армии признают себя побежденными. Если отрезанные в районе города Радом польские войска капитулировали еще 12 сентября, то судьба значительной группировки, находившейся между Бзурой и Вислой, решилась позже. Только 18 сентября в оперативной сводке немецкого командования было сообщено об окончании сражения на реке Бзура. Там капитулировало 9 польских дивизий и остатки других 10 дивизий — всего около 170 тысяч солдат. Это было первое грандиозное сражение Второй мировой войны, явившееся классическим как по своей организации, так и по методам ведения.

17 сентября оперативный отдел ОКХ получил известие о том, что семь советских армий, разделенные на

два фронта, вступили в восточные районы Польши. Как раз в этот день на юге Польши после тяжелых боев был полностью окружен Львов. Гарнизон Львова, узнав о предстоящей оккупации города советскими войсками, обратился к командованию немецких войск, уже начавших отход, с заявлением о своей готовности капитулировать¹³⁶.

Время от времени в условиях непрекращающихся воздушных налетов, среди пылающих домов, поляки добивались успехов: иногда, хотя и редко, 37-мм противотанковые орудия подбивали легкие немецкие танки. Недостаток боевого опыта немецких войск и некоторая нехватка лидерства — неизбежные в любой армии, не имеющей боевого опыта — создавали препятствия, которые преодолевались с появлением нескольких сильных профессионалов. В один из таких эпизодов Гудериан при переправе через реку сам направился на передовую, прекратил «идиотскую паническую стрельбу», посадил батальон в резиновые лодки, создал на другом берегу плацдарм, и наступление успешно продолжилось¹³⁷.

Ко всему прочему, с первых дней немецкого наступления передвижение польских войск было затруднено толпами беженцев, запрудивших все дороги повозками со скарбом. Также беженцы гнали перед собой скот. В этих условиях какое-либо быстрое оперативное перемещение и взаимодействие польских войск было невозможно. Как отмечал польский генерал Андерс, уже через несколько дней после начала войны Польшу накрыла тень военной катастрофы¹³⁸. Немецкие 3-я армия (из Восточной Пруссии) и 4-я армия (из Померании) уже 3 сентября соединились в «польском коридоре». К 8 сентября немецкая 4-я танковая армия достигла пригородов Варшавы. Немцы начали воздушные налеты и артиллерийский обстрел Варшавы, переполненной беженцами, и через два дня оборона города стала рассыпаться... Немецкий мемуарист Марсель Райх-Ра-

Польская кампания вермахта

нишки писал, что 7 сентября 1939 г. некий польский полковник объявил по радио, что во избежание жертв среди гражданского населения польское военное руководство не намерено защищать Варшаву от приближающихся немецких войск. Он призывал всех мужчин, могущих носить оружие, покинуть столицу и направиться в восточном направлении и там ждать распоряжений (?!). Польское правительство вскоре бежало в Румынию, полковник, который, оказывается, говорил от своего имени — тоже. Вопреки его уверениям, Варшаву как раз хотели оборонять до последнего солдата...¹³⁹

К середине сентября польская кампания превратилась в серию отдельных операций вермахта с целью окружить и уничтожить противника. Два крепостных города, Варшава и Модлин, были окружены и подвергались непрерывным обстрелам и налетам авиации. Некоторое время поляки продолжали удерживать Варшаву, Модлин и косу Хель. Они надеялись, что Запад им поможет, но этого не произошло, и их стойкость не имела никакого оперативного значения. Польские войска отстаивали не столько Польшу, сколько собственную воинскую честь. Поляки сражались исключительно храбро, хотя и знали, что ничего потерянного им не вернуть. При этом полякам повезло в том смысле, что немецкое военное командование в этих последних боях явно щадило как свои войска, так и обороняемые поляками населенные пункты вместе с их жителями. Это объяснялось тем, что политическая и оперативная обстановка не ставила перед немецким командованием никаких определенных сроков. Особенно это проявилось в боях за густонаселенную Варшаву. Переговоры о капитуляции польской воинской группировки в Варшаве начались еще 17 сентября по инициативе самих поляков, но затем были прекращены. Тогда немцы начали штурм фортов и укрепленных предместий города, во время которых весьма эффективно действовали эскадрильи пикирующих бомбардировщиков. Когда нем-

цы овладели первой, а затем и второй линией фортов, польский командующий обратился к противнику с просьбой о капитуляции. 27 сентября генерал от инфантерии (с 1 октября — генерал-полковник) Бласковиц капитуляцию принял. В сложившейся ситуации капитуляция могла быть только безоговорочной, однако в ходе ее немцы стремились, как могли, не ущемлять достоинство побежденного противника. Бласковиц даже приказал командованию победоносной 8-й армии, взявшей Варшаву, обращаться с пленными поляками как полагается, с уважением. 5 октября 1939 г. Гитлер принимал в Варшаве парад победителей.

Вряд ли кто из немцев мог думать о том, что в течение каких-то 18 дней вермахту удастся нанести решающее поражение, а в месячный срок — полностью разгромить страну (по территории Польша в три раза превышала Британию) с населением в 34 миллиона человек, имевшую вооруженные силы, которым по самой критической оценке нельзя отказать в способности к сопротивлению и в боевом духе. Командующий 1-м воздушным флотом Альбрехт Кессельринг в своих мемуарах отмечал, что польские вооруженные силы продемонстрировали высокий боевой дух и, несмотря на дезорганизацию связи и управления войсками, сумели оказать вермахту достаточно серьезное сопротивление¹⁴⁰. В том, что, вопреки ожиданиям, вопрос нашел такое быстрое разрешение, была большая заслуга немецкого командования, мастерски руководившего боевыми действиями. Мастерство немецкого командования в данной кампании проявилось не в том, что ему вообще удалось успешно закончить ее, а в том, что оно сумело так гладко провести небывалое по своим масштабам концентрическое наступление.

Объективным показателем того, насколько умело действовал вермахт, являются понесенные немцами потери, которые составили 10 572 человека убитыми, 30 322 ранеными и 3409 пропавшими без вести. В срав-

нении с теми огромными успехами, которые были достигнуты в Польше, и в сравнении с потерями немецкой армии в Первую мировую войну, эти потери были незначительными.

К тому же в польскую кампанию немцам очень повезло: в конце лета почти не было осадков, и появились исключительно хорошие возможности использования всех средств моторизации и механизации. Благодаря ясной погоде прекрасные условия для действий имела авиация. Гитлер, разумеется, смотрел на победу совсем по-другому, полагая, что война стала убедительным свидетельством мощи и совершенства вермахта. Между тем, как отмечал в своих воспоминаниях генерал Дитмар, в вермахте было много организационных и технических проблем, ощущался дефицит подготовленных резервов и нехватка новых вооружений...¹⁴¹

Еще одной причиной быстрого поражения Польши, как отмечал английский военный историк Джон Фуллер, было то, что стратегически Польша являлась островом на суше, все «побережье» которого было открыто для вторжения. К тому же польская армия и авиация уступали немецкой не только по численности, но и в техническом отношении. Район, который обороняли поляки, представлял собой идеальную местность для действий механизированных частей, особенно ранней осенью, когда там обычно стоит хорошая погода. Кроме того, в Польше проживало около 2 миллионов немцев, и почти все, что предпринимали поляки, становилось известно командованию вермахта¹⁴².

Немецкие войска в польской кампании получили инициативу из-за нерешительности и колебаний польского руководства, хотя в первые дни у немцев были некоторые затруднения на Вестерплатте у входа в бухту Данцига. Устойчивая связь с Восточной Пруссией была установлена уже 3 сентября, 6 сентября почти без сопротивления был взят Краков, 11 сентября вермахт перерезал железнодорожную ветку Белосток — Варша-

ва. 19 сентября моторизованный корпус Гудериана достиг Бреста, в этот же день пал Белосток. 20 сентября 1939 г. Гитлер произнес большую речь в историческом «Артусхофе» города Данцига, где горожане устроили ему восторженный прием. «Впервые я стою, — сказал Гитлер, — на земле, которую немецкие поселенцы обрели за пятьсот лет до того, как первые белые люди обосновались в нынешнем штате Нью-Йорк. И последующие пятьсот лет эта земля была и оставалась немецкой. И она будет, пусть это знает каждый, немецкой всегда»¹⁴³.

18 сентября польский президент Игнаций Мосьцицкий бежал в Румынию. Осада польской столицы началась 25 сентября, она держалась до 28 сентября, в плен к немцам попало 694 000 польских солдат, к русским — 217 000; Красная армия потеряла 737 солдат¹⁴⁴. 27 сентября польский генерал Юлиуш Руммель, являвшийся старшим офицером в Варшаве, подписал акт о капитуляции 140 000 польских солдат. Город, переживший 27 дней бомбежек и 19 дней артиллерийского обстрела, сдался¹⁴⁵. Модлин и его укрепления держались на несколько дней дольше — до 29 сентября, когда польский генерал Виктор Томм подписал акт капитуляции 24 тысяч солдат. Польская кампания на этом завершилась, хотя в различных районах Польши еще некоторое время продолжались бои.

Быстрое завоевание Польши ошеломило мир. Исход кампании, в которой были задействованы более двух миллионов человек, был фактически решен менее чем за неделю, ее крупные сражения продолжались две недели. Таковы были следствия новой тактики блицкрига, которую давно уже обсуждали, но на практике никто до этого не применял. Польскую кампанию стали изучать во всех штабных учебных заведениях мира. Было очевидно, что эра окопного противостояния, как в Первую мировую войну, прошла: война со сплошными фронтами определенно ушла в прошлое¹⁴⁶.

Черчилль так характеризовал польскую кампанию: «Прекрасный образец современного блицкрига; тесное

взаимодействие на поле боя сухопутных и воздушных сил; жестокие бомбежки коммуникаций в любом городе, который казался привлекательной целью; вооружение активной “пятой колонны”; свободное использование шпионов и парашютистов; и самое главное — неотразимые броски больших количеств бронетехники». Немецкая армия была хорошо обучена и хорошо организована. Ее тактическая организация была проста и могла приспособиться к изменчивым условиям современной войны. Так называемая *Einheit* (целостная система) уменьшила проблемы приспособления сил целевого назначения по форме и величине, которые требовались для выполнения их конкретной задачи; один унитарный составляющий блок можно было легко добавить к другому; нужное количество артиллерии, саперов и т. д. можно было добавлять по мере потребности. Вермахт был сформирован из солдат, проявлявших большую тактическую гибкость и практическую инициативу на поле боя. Немецкая армия породила силы целевого назначения; в последующих боях многие ее подразделения, ослабленные потерями, были сгруппированы в силы целевого назначения или *Kampfgruppen* (боевые группы), называемые обычно по имени их командира¹⁴⁷.

Гитлер ездил на фронт, посещал штабы армий и корпусов, что-то предлагал, но не отдавал приказы. Польскую кампанию фактически вело высшее армейское командование — главнокомандующий Вернер фон Браухич и начальник Генштаба Франц Гальдер. Потом положение изменилось, и Гитлер стал активно вмешиваться во все фазы руководства войсками, но тактика немецкой армии почти до самого конца оставалась гибкой; ее солдаты брали на себя инициативу до тех пор, пока не исчерпались резервы обученных кадров. Эти гибкость и инициативность были непостижимы для иностранцев, привыкших к пропагандистской мысли о том, что немцы — это тупые автоматы, исполняющие

капризы Гитлера, что немецкая армия — это жесткая и неповоротливая структура, бездумно выполняющая любые приказы. Только тот, кто осознал ложность мифа о тупой немецкой военщине, был готовым к столкновению с этой удивительно эффективной военной машиной¹⁴⁸.

Странно, но в межвоенный период в Европе самой сильной армией считалась французская армия, а польская армия рассматривалась как бесспорно более сильный соперник, чем советская: вероятно, этому представлению способствовала неудачная война Красной армии с «белополяками» в 1921 г. Поэтому быстрая и решительная победа вермахта над польской армией произвела большое впечатление не только на немецкую общественность. Четкие и последовательные действия вермахта, великолепно отработанное взаимодействие с Люфтваффе, а также внедрение новой тактики борьбы (применение танков как самостоятельного рода войск) стали причиной сенсационной победы современно организованных вооруженных сил Германии. Уже к 9 сентября положение поляков стало отчаянным. Между тем в это время на Западе против 32 немецких дивизий в бездействии стояло 73 французские и 4 английские дивизии, но Гитлер был тонким психологом и все рассчитал точно — Запад горой стоял за Польшу только на словах: главным ответом англичан на военные действия в Польше были «рейды правды», то есть разбрасывание листовок — 18 миллионов листовок, десятки тонн бумаги¹⁴⁹. Эффект воздействия этого на немецкую общественность был равен нулю.

В самом начале польской кампании выяснилось, что представления Гитлера о ведении войны в Польше расходятся с представлениями руководства вермахта, которое 1 сентября призвало немецких солдат не видеть в гражданском населении врага и соблюдать все права польских граждан. Еще в июле 1939 г., перед польской

кампанией, руководство вермахта оговорило условия полицейской деятельности в тылу немецкой армии на территории Польши. 2700 подчиненных Гейдриха из полиции безопасности и СД должны были заниматься ликвидацией партизан, злоумышленников, террористов. Немецкий публицист Йорг Фридрих справедливо указывал, что германские генералы видели свою цель в уничтожении польских вооруженных сил, а Гитлер — в уничтожении польской государственности и ее носителей. То, в чем генералы видели недисциплинированность, садизм и беспричинную жестокость эсэсовцев, в действительности было спланированным Гитлером уничтожением польского руководящего слоя (не пожелавшего сотрудничать с Германией): интеллигенции, дворян, священников, евреев¹⁵⁰. Свидетели передавали, что польские священники, сначала арестованные СС, освобождались офицерами вермахта, а злодеяния в отношении поляков начались только после отвода вермахта. Гитлер же сразу заявил, что у него нет намерения вести войну по правилам Гаагских конвенций (1899 и 1907 гг.), ибо эти правила не согласуются ни с целью германизации Польши, ни с краткосрочными задачами эксплуатации ресурсов Польши. Из этих двух подходов к войне вскоре стал преобладать гитлеровский, поскольку он был подкреплен старыми обидами между немцами и поляками. Во многом взрыв ненависти был обусловлен событиями в Бромберге (Быдгощ) и в других местах Польши, где поляки в стихийных погромах убили несколько тысяч фольксдойч. Фридрих фон Меллентин писал в мемуарах, что когда 5 сентября 1939 г. авангард его танкового корпуса подошел к Бромбергу, танкисты обнаружили в городе сотни трупов этнических немцев, которых поляки убили во время погрома¹⁵¹. Офицер Люфтваффе Хайнц Кноке 31 августа 1939 г. записал в дневнике, что известия о зверствах поляков в отношении немецкого меньшинства произвели ужасное впечатление¹⁵². В этих эксцессах принимали учас-

тие и солдаты отступающей польской армии, что вовлекало в различные инциденты и солдат вермахта. Ко всему прочему, за частями вермахта следовали опергруппы полиции безопасности и СД, имевшие целью ликвидацию всех враждебных элементов; в заранее заготовленных РСХА списках насчитывалось 30 тысяч поляков, подлежащих аресту¹⁵³. Уже 3 сентября Гиммлер приказал расстреливать партизан на месте. Собственно, в сентябре — октябре 1939 г. хозяином в Польше был вермахт, но после завершения военных действий многие части вермахта возвращались в рейх в прежние гарнизоны, где их с восторгом встречало гражданское население¹⁵⁴. 29 сентября 1939 г. Виктор Клемперер записал в дневнике, что победа в Польше оттеснила все внутренние проблемы на второй план, Германия была на вершине мощи и славы и что за дело, что в ней есть какие-то незначительные проблемы или изъяны¹⁵⁵. Гитлер называл войну с Польшей «второй силезской войной» — по аналогии с войной Фридриха Великого с Австрией за польские земли. Половина Польши с 15 миллионами поляков, 2 миллионами евреев и более чем с 1 миллионом фольксдойч оказалась присоединена к рейху.

Первоначально административные функции в Польше находились в руках немецкого военного командования. Однако своим администрированием в Польше вермахт не оправдал ожиданий Гитлера: он был раздосадован цивилизованным обращением с поляками, поэтому СС получили полномочия по переселению фольксдойч из Прибалтики в Польшу. В диком и хаотичном изгнании поляков с их родных мест ради поселения фольксдойч руководство вермахта усмотрело угрозу военным интересам Германии. Этот конфликт компетенций стал одной из причин кризиса в отношениях между Гитлером и частью руководства вермахта. Ради прекращения этого конфликта Гитлер передал все административные полномочия Гансу Франку, ставшему

генерал-губернатором Польши. Армия с облегчением узнала о передаче административных функций в Польше в октябре 1939 г. гражданской администрации (на самом же деле, компетенции в этой сфере перехватили СС, с которыми конкурировали Франк, Геринг и другие инстанции). Гитлер и его окружение считали, что вермахт не в состоянии создать на оккупированной территории и политически подпитывать новую власть — это уже говорит о том, что целиком унифицированным нацистами вермахт считать нельзя¹⁵⁶. Такое же недоверие к вермахту Гитлер часто проявлял и во время войны на Восточном фронте.

Руководство вермахта лишилось всех полномочий в Польше, но командующий немецкими войсками в Польше генерал-полковник Иоханнес Бласковиц (*J. Blaskowitz*) не успокоился и пытался изменить нетерпимое положение в обращении с местным населением¹⁵⁷. Вследствие разногласий по поводу обращения с поляками и евреями, главнокомандующий Восточной армией генерал-полковник Бласковиц попал в опалу¹⁵⁸. Одно время Гитлер вынужден был считаться с мнением некоторых офицеров в руководстве вермахта, поскольку он рассматривал Польшу прежде всего как район концентрации сил вермахта для нападения на СССР, и полномочия вермахта в отношении гарнизонов, дорог и полигонов были весьма значительны. По приказу Гитлера, правда, все планы нужно было сначала согласовывать с ведомством «Имперского комиссара по укреплению немецкого народа» (РКФДВ). Впрочем, большинство высших офицеров — и прежде всего конформист Кейтель — не поддержали критической позиции Бласковица, который впал в немилость у Гитлера и долго не получал очередного воинского звания¹⁵⁹. Также и командующий 3-й армией Георг фон Кюхлер пытался протестовать против кровавой бойни в Польше, но был смещен с должности¹⁶⁰, правда, позже реактивирован и назначен командовать 18-й армией, держав-

шей кольцо блокады вокруг Ленинграда. Правда, вскоре после смещения Кюхлер изменил свои позиции, и когда после большой победы на Западе первое полностью укомплектованное соединение вермахта — 18-я армия — была переведена в Польшу, то в приказе по армии в июне 1940 г. фон Кюхлер писал, что он ждет от каждого солдата и офицера понимания и воздержания от критики расовой борьбы, которая проводится властями в Польше по отношению к расовым меньшинствам, прежде всего — к евреям. Расовое противостояние на Востоке требует-де однократных, но жестких и непопулярных мер, и солдаты должны отнестись к этому с пониманием¹⁶¹. Такие настроения не были уникальными — методы военных действий, которые осуществлял вермахт в Польше, были обусловлены идеологией национал-социализма со всеми вытекающими из этого последствиями. Пассивное и активное пособничество нацистским планам уничтожения гражданского населения осуществлялось также и вермахтом, и он несет за это прямую ответственность. 9 сентября 1939 г. начальник Генштаба Гальдер из разговора с шефом абвера Канарисом и Гейдрихом узнал, что СС в Польше не будут трогать простого народа, но «евреи, дворянство и попы должны быть уничтожены». Гальдер и сам, впрочем, слышал от Гитлера, что Польше не суждено жить. Наиболее точную формулу отношения нацистов к международному праву и его нарушениям на Востоке нашел гитлеровский юрист Вернер Бест, который незадолго до нападения на Польшу констатировал, что сама категория «международное право» — это нонсенс; на самом деле существует только стремление отдельных народов любыми средствами и методами добиться самосохранения и развития, а для этих целей хороши все средства, если они ведут к успеху.

Вместе с тем нужно помнить и о том, что, привыкшие считать вермахт единственным оруженосцем нации, некоторые немецкие армейские офицеры были

обескуражены и возмущены активностью СС в Польше: после польского похода войсковые командиры вермахта представили Гитлеру том документов о зверствах СС в Польше, а эсэсовское начальство ответило предоставлением нескольких томов документов о зверствах вермахта¹⁶². Бесспорно, Гитлер стоял за эсэсовские методы; он пришел в ярость при известии о цивилизованном обращении с гражданским населением со стороны немецкой военной администрации, которую по этой причине почти сразу отстранили от власти в Польше. Руководство было передано партийному функционеру, который по указанию фюрера стремился превратить Польшу в «ад на земле». Уже в начале войны Гитлер смог эффективно удалить военных от политических решений, о чем свидетельствует анекдотический случай неосведомленности офицеров о развитии событий: 17 сентября 1939 г., когда генералу Альфреду Йодлю (оперативный отдел ОКВ) доложили, что войска Красной армии вступили на территорию Польши, он с ужасом спросил: «Против кого?»¹⁶³

В Польше же с октября 1939 г. до начала 1940 г. настала самая худшая стадия оккупации, выразившаяся в полной анархии в процессе борьбы за компетенции между СС, партией, вермахтом и ведомством четырехлетнего плана. Именно тогда начались депортации евреев в гетто, переселение поляков в генерал-губернаторство и депортация рабочих-поляков в рейх. В самой Польше случаи мародерства со стороны солдат вермахта решительно пресекались офицерами. Гитлер был этим недоволен и даже отменил смертный приговор майору Рихарду Зала (члену олимпийской команды Германии по конному спорту) за то, что тот в пьяном виде застрелил четырех женщин, задержанных патрулем в неуточное время¹⁶⁴. При этом Гитлер учитывал, конечно, не то, что офицер был известным спортсменом — нет, он хотел показать, что наказывать кавалериста вообще было не за что... Поначалу армейские юристы привле-

кали эсэсовцев к ответственности за издевательства и убийства евреев, что постоянно подпитывало конфликт между СС и армией. Гитлер, обозленный «непониманием» армией его расовой политики, приказал, во-первых, амнистировать всех эсэсовцев, а во-вторых — вывел СС из юрисдикции армейских судов. СС получили свои собственные суды¹⁶⁵. С другой стороны, сопротивление немногих трезвых офицеров не имело никакого значения, так как среди офицеров вермахта все-таки преобладали энтузиазм и вера в фюрера. Пытавшиеся как-то мобилизовать Сопротивление руководитель абвера адмирал Канарис и его подчиненный полковник Ганс Остер быстро почувствовали себя беспомощными. В отличие от Первой мировой войны, когда немецкий Генштаб целиком взял контроль над государством, в 1939 г. Гитлер, а не военные, имел полный контроль над происходящим вследствие того, что он стал главнокомандующим. По всей видимости, Гитлер это сделал намеренно, словно предвидя, что победителя не судят и что именно военный руководитель станет хозяином положения — этот его маневр полностью удался: военные были оттеснены от власти.

Ситуация Первой мировой войны, когда военные в лице «двойного солнца» (фон Гинденбург, формальный начальник Генштаба, а на самом деле главнокомандующий, и фон Людендорф, формальный генерал-квартирмейстер, а на самом деле начальник Генштаба), а не кайзер или канцлер, были настоящими хозяевами положения, — не повторилась. Следовательно, генералам в 1939 г. осталось только исполнять приказы или уйти в подполье и там начать борьбу против нацистского режима. Ясно, что к этому были готовы немногие. В этом нет ничего удивительного, поскольку в немецком общественном мнении и в армии мотивация войны против Польши была признана достаточной по следующим важным причинам: во-первых, проведение новых границ и ревизия Версальских установлений были посто-

янной целью внешней политики Германии, настойчивое требование которых во многом обеспечило Гитлеру поддержку немецкого народа. Даже в период Веймарской республики, когда Штресеман отказался от прямого ревизионизма, немцев не оставляла мечта о возвращении Данцига, территории «польского коридора», восточной части Верхней Силезии. 26 января 1934 г. Гитлер заключил с Польшей договор о ненападении только для дезориентации мировых держав; впрочем, сейчас ясно, как он относился к любым договорам. Во-вторых, сенсационный аншлюс Австрии (впервые в истории Европы одно государство было присоединено к другому мирным путем), триумфальное присоединение Судетской области после Мюнхенской конференции, возвращение округа Эйпен-Мальмеди и даже коварное расчленение Гитлером Чехословакии подтверждали мнение немцев о том, что польская кампания завершится триумфально — удовлетворением «справедливых немецких требований». В-третьих, геббельсовская пропаганда ни на миг не прекращала массированного давления на немецкое общественное мнение, беспрестанно «разоблачая» польские злодеяния в отношении местных фольксдойч. По этой причине заявление Гитлера 1 сентября о том, что он испытал все средства, прежде чем обратиться к войне, встретило у большинства немцев полную поддержку и понимание. Как вспоминал американский журналист Уильям Ширер, «если во всем мире считали, что Германия нарушила мир, то в Германии, наоборот, большинство полагало, что виновата Польша»¹⁶⁶. Гитлер, со своей стороны, умело усиливал это впечатление. Незадолго до начала войны он сказал: «Отношения с Польшей стали невыносимыми. Моя политика в отношении Польши до сих пор противоречила воззрениям нашего народа. Состояние напряженности на длительный срок нестерпимо. Инициатива не должна перейти в другие руки. Сейчас момент благоприятнее, чем будет через 2—3 года. Нельзя

же вечно стоять друг против друга с винтовкой на боевом взводе. Предложенное нами компромиссное решение потребовало бы от нас изменения нашего мировоззрения и жестов доброй воли. С нами снова заговорили бы на языке Версаля. Возникла бы опасность потери престижа. Мы стоим перед лицом суровой альтернативы: либо нанести удар, либо быть раньше или позже уничтоженными»¹⁶⁷. Разумеется, миф о навязанной Германии войне поддерживали армия, партия, пропаганда и МИД. Последнее даже издало «Белую книгу» о причинах польской войны, в которой только поляки обвинялись в войне, а также приводились «случайно обнаруженные» тайные документы, которые однозначно указывали на злодейские намерения поляков. Даже осведомленные люди очень мало знали о том, что происходит в Польше — большинство было уверено, что вступление вермахта в Польшу последовало вследствие нападений поляков на фольксдойч. Некоторые современники передавали: большинство немцев было уверено в том, что истинным виновником войны является Англия, преследовавшая свои собственные цели¹⁶⁸. По всей видимости, и сам Гитлер искренне верил в то, что правда на стороне Германии — иначе он не пошел бы на чудовищный риск войны на два фронта. На Западе Германия имела слабые силы, и ее граница практически не была укреплена. Генерал Фридрих фон Меллентин писал, что после знакомства со знаменитым Западным валом или широко разрекламированной «линией Зигфрида» он понял, какой опасной игрой была Польская кампания и как серьезно рисковало немецкое командование. Второсортные немецкие войска, оборонявшие вал, были плохо вооружены и недостаточно обучены, а оборонительные сооружения были далеко не такими неприступными, какими их изображала пропаганда¹⁶⁹.

Огромное большинство немцев было огорошено известием о начале войны; генерал-полковник Йодль вспоминал, что в начале сентября ни один военный не

знал точно, идет ли речь о попытке принудить поляков к переговорам силой или о начале войны. Это свидетельствует не столько о хранении военных секретов в Третьем Рейхе, сколько о продуманной и хорошо организованной пропаганде. Именно она способствовала возникновению у немцев односторонних и неверных оценок как намерений противника, так и целей Гитлера; не в последнюю очередь она способствовала усилению страха, который был на руку Гитлеру и способствовал некоторой солидарности немцев. За два дня до начала войны Томас Манн отмечал в дневнике: «У Гитлера нет никаких намерений вести войну»¹⁷⁰. Даже СД в своих «Вестях из рейха»¹⁷¹ не проронила ни слова о состоянии настроений в стране в связи с началом войны — очевидно, немцы были в смятении. Карточная система распределения продуктов питания была введена сразу, но поскольку нормы выдачи продуктов были достаточными, то их восприняли как обычную меру предосторожности, а не как знак приближающейся катастрофы. Тем более что в конце сентября нормы еще и подняли. Эйфория от победы над Польшей не длилась долго — уже 3 октября генерал фон Лееб в дневнике отмечал: «У немцев настроение плохое — никакого энтузиазма, никаких знамен над домами. Все ждут мира, люди сознают бесполезность войны»¹⁷². В немецком народном характере было нечто такое, что выдавало склонность немцев к героизации своих государственных деятелей, к вере в их всемогущество, в то, что они способны на невозможное. Вследствие этого многие немцы свято верили, что и этот конфликт с Западом Гитлер сможет уладить мирным путем, а когда сделать это не удалось, то немецкое разочарование удалось сломить лишь следующими громкими военными победами.

Польша была повержена, мир с СССР был гарантирован договором, Англия и Франция ничего не предпринимали и вели себя тихо, вермахт ожидал приказов. Немецкая общественность ждала возвращения из ар-

мии солдат и не могла себе представить, что вскоре дело примет совершенно другой оборот¹⁷³. Большинство немцев (и солдат вермахта) было убеждено, что декларация о мире последует еще в 1940 г., поражения вермахта никто не предвидел и даже не мог себе представить. Трудности, связанные с войной, начали уже воспринимать философски, тем более что пропаганда постоянно твердила о гораздо худшем положении с продовольствием в Англии и Франции. СД передавала, что даже блестящая победа над Польшей не принесла воодушевления войной — страх отступил, но желание скорейшего мира осталось преобладающим¹⁷⁴. Этим желаниям, однако, не суждено было сбыться.

Война на Западе и немецкое общество

«Победу, изложенную во всех подробностях, трудно отличить от поражения».

(Жан Поль Сартр)

Уже 27 сентября 1939 г. Гитлер объявил руководству вермахта, что решил покончить с западными державами. Немецкое руководство планировало наступление не только на Францию, Бельгию и Люксембург, но и на Голландию. То, чего требовал Гитлер, казалось безумием, ибо надвигалась осень, а даже битвы на уничтожение — «большие мясорубки» Первой мировой войны — прекращались в ноябре. Начинать блицкриг, в котором огромная роль отводилась мобильным войскам и авиации, было безрассудством из-за частых дождей, распутицы, тумана и облачности. Очевидная нелепость этого решения Гитлера побудила даже генерала Рейхенау (единственного из генералов вермахта, поддерживавшего нацистов до 1933 г.) обратиться к одному из лидеров антинацистской оппозиции Карлу Герделеру с вопросом: «Что делать для того, чтобы воспрепятствовать та-

кому развитию событий?» Правда, после этого эпизода Рейхенау навсегда исчез из поля зрения Сопротивления. Тем не менее, из-за плохой погоды план нападения вермахта на Западе переносился Гитлером 13 раз — в глазах Генштаба это было издевательством над планированием... Один французский журналист весьма точно назвал этот период «странная война» (*drôle de guerre*); это была своего рода «холодная война». Немецкий писатель Йохен Клеппер в своем дневнике назвал эту войну «войной теней во сне»¹⁷⁵. Если гражданское население жаловалось на перебои со снабжением, то солдаты — на скуку. Единственной интересной темой было покушение на Гитлера 8 ноября 1939 г.

В отличие от Первой мировой войны, когда на Западе сразу началась полномасштабная война, с сентября 1939 г. по май 1940 г. на Западе ничего не происходило, шла «странная война». У английского и французского генштабов был расчет на длительную войну, в первой фазе которой у немцев возникнет преимущество, поскольку в организации современной армии и оперативном искусстве управления войсками они превосходят своих соперников. Поэтому в первой фазе Запад планировал отсидеться в обороне. Во второй же фазе в действие вступят факторы экономического превосходства Запада, а также превосходства людских и материальных ресурсов (если удастся привлечь на свою сторону США), и тогда можно будет перейти к активным наступательным действиям. О таком стратегическом сценарии английское и французское руководство договорилось накануне войны. Обычно в историографии такую позицию связывают или с «менталитетом Мажино», или с нежеланием воевать за интересы Польши. Наверное, в психологическом отношении это сыграло свою роль, но при более тщательном анализе открывается иная картина. Дело в том, что в Первую мировую войну Антанта смогла склонить Германию к миру в условиях длительной войны на два фронта, причем на

Востоке немцы смогли добиться победы (Россия 3 марта 1918 г. подписала сепаратный мир) при полном материальном и людском превосходстве Антанты. Учитывая опыт Первой мировой войны, воевать с немцами один на один было невозможно — из этого исходило руководство союзников. В принципе, этот расчет был верным, и обвинять Запад в малодушии нет никаких оснований. Английский историк Имлэй показал, что английский и французский штабы предпринимали весьма энергичные усилия, чтобы создать второй фронт в Европе, в Малой Азии или в Африке — где угодно, лишь бы распылить немецкие силы, как это было в Первую мировую войну. Иными словами, англо-французские стратеги стремились не столько отложить начало активных действий, но создать хорошие предпосылки для второй фазы войны¹⁷⁶. Польский театр не рассматривали как второй фронт — после недели боев исход войны там был очевиден. В такой последовательности действий на самом деле был смысл — именно вследствие войны на два фронта Германия в итоге и проиграла войну. Кроме того, не следует забывать, что в первой фазе Запад планировал войну не только против Германии, но и против СССР, который в этот момент находился в союзе с Германией. Трудно, правда, представить победу Запада в такой войне, ибо Советский Союз располагал огромными ресурсами для ведения всей войны и в первой ее фазе, и во второй (по оценкам западных штабов)...

Гитлер, со своей стороны, вообще не желал войны на Западе — ее ему навязали; особенно неохотно он воспринимал необходимость открытия военных действий против Англии. Он даже не верил в то, что Англия решится нарушить норвежский нейтралитет. Но англичане пошли на это, поскольку стремились положить конец беспрепятственной доставке шведской железной руды, которая перед лицом всей британской военноморской мощи продолжала поступать в рейх. Наруше-

ния норвежского нейтралитета британцами достигло пика 16 февраля, когда в Йоссинг-фьорде британский миноносец «Казак» обстрелял германское судно снабжения «Альтмарк». «Альтмарк» шел из Южной Атлантики, имея на борту около 300 военнопленных, которых он снял с борта линкора «Адмирал граф Шпее». Находившиеся рядом норвежские торпедные катера не предприняли никаких действий для защиты норвежского нейтралитета. Со своей стороны, капитан «Казак» Вайан имел строгий приказ британского Адмиралтейства снять пленных с «Альтмарка» даже в случае противодействия со стороны норвежского правительства. Как писал в мемуарах гросс-адмирал Редер, после этого инцидента немецкому командованию стало ясно, что Англия не остановится и перед оккупацией баз на побережье Норвегии, поскольку эти базы значительно повысят ее шансы на победу в войне¹⁷⁷.

Перед столкновением норвежские пограничники обследовали «Альтмарк» и пришли к выводу, что судно не вооружено и не нарушает нейтральный статус Норвегии. Следовательно, «Альтмарк» мог идти дальше вдоль норвежского берега до тех пор, пока не достигнет той точки, где он получит прикрытие немецких Люфтваффе и флота. Однако Черчилль отдал приказ командиру эсминца «Казак» атаковать немецкое судно и освободить пленников, нарушив таким образом нейтралитет Норвегии. Несколько немецких матросов в ходе столкновения погибли. В итоге «Альтмарк» оказался захвачен и пленники освобождены, причем их физическое состояние оказалось вполне нормальным, хотя под влиянием военной пропаганды, плодившей «страшилки» про немцев, англичане ожидали увидеть ходячие скелеты¹⁷⁸.

Еще в октябре 1939 г. командующий немецким флотом гросс-адмирал Эрих Редер предлагал создать на побережье Норвегии несколько военно-морских баз. Дело в том, что через Нарвик немецкая промышленность по-

лучала ежегодно около 4 миллионов тонн шведской железной руды, без которой производство вооружений просто остановилось бы. От Нарвика немецкие рудовозы охранял нейтралитет Норвегии, а вдоль южной оконечности Норвегии суда шли, охраняемые Кригсмарине. Маршрут этот работал вполне надежно, и немцы считали такое положение само собой разумеющимся. В случае перекрытия Англией маршрута рудных перевозок вдоль берега Норвегии из Нарвика, Германия могла импортировать железную руду в течение полугода только через шведский порт Лулео в устье реки Луле-Эльв, впадающей в Ботнический залив, поскольку он замерзает¹⁷⁹.

Через некоторое время немецкое военное руководство, не желая допустить расширения европейского театра военных действий, отклонило предложение Квислинга, просившего «взять Норвегию под свою защиту». Но когда в январе 1940 г. немецкое командование удостоверилось в том, что Запад готовится начать военные действия в этом районе, было принято вынужденное решение — напасть на Норвегию¹⁸⁰. Немцы обвинили англичан в нарушении нейтралитета и в гибели моряков «Альтмарка», которые «просто хотели защититься». Норвежцы выразили протест против активности англичан, но далеко заходить не захотели, поскольку придерживались проанглийской ориентации. Черчилль знал об этой поддержке и следующим шагом планировал минирование норвежских территориальных вод, вслед за которым должна была последовать оккупация норвежских портов. В действительности, немцы всего на несколько часов опередили союзников и сами захватили Нарвик и Тронхейм: 8 апреля англичане начали минировать норвежские воды, а 9 апреля Гитлер приказал немецкому десанту начать высадку в Норвегии. Целую неделю немецкие военные корабли и транспорты с войсками, растянувшись на сотни километров, двигались вдоль побережья на Норвегию, но англичане

этого движения не заметили: при проведении норвежской операции гросс-адмирал Редер воспользовался военной хитростью, суть которой заключалась в том, что корабль может плавать под флагом противника или под любым другим, но в момент открытия огня должен поднимать свой.

Англичане первыми пренебрегли норвежским нейтралитетом. На обвинение в этом Черчилль возразил: «Малые нации не должны связывать нам руки, пока мы боремся за их свободу»¹⁸¹. Между тем, после войны, на Международном военном трибунале в Нюрнберге гросс-адмирал Редер был признан виновным в организации агрессии против Норвегии, хотя его адвокаты представили доказательства того, что союзники прибегли к агрессии раньше немцев¹⁸². По донесениям СД, в немецком обществе полностью царило убеждение в том, что немецкое вмешательство в развитие событий в Норвегии последовало в ответ на нарушение англичанами нейтралитета Норвегии; это, в общем, соответствовало истине. Немецкое население, как передавала СД, приветствовало лояльное отношение к вермахту датчан, а ожесточенное сопротивление норвежцев вызвало у немцев подозрение в их тайном союзе с англичанами и с французами¹⁸³.

В тот же самый день и час (9 апреля 1940 г., в 5 часов 10 минут), когда первые немецкие десанты высаживались в Норвегии, войска под командованием генерала авиации Каупиша внезапным ударом заняли Данию. С падением Дании немецким войскам открывалась прямая дорога в Норвегию, но пройти ее можно было только с боем. Операция вермахта по захвату Норвегии — «Везерюбунг-Норд» — была отчаянно смелой акцией, предпринятой перед лицом превосходящих сил англичан. После немецкой высадки в Нарвике последовала двухмесячная борьба горстки мужественных австрийцев, которые во главе с их командиром — генералом Дитлем — отбивали все атаки в восемь раз превосходя-

шего по силам противника (англичан и норвежцев). Лишь 10 июня 1940 г. егеря Дитля вошли в Нарвик как победители, а союзники отвели свои войска¹⁸⁴.

Общую картину внезапной операции, проведенной вермахтом, сделал особенно впечатляющим быстрый и эффектный захват немецким десантом — несмотря на сильный ветер и пургу — норвежских аэродромов; такой операции еще никто и никогда не проводил. В разгар операции у Гитлера сдали нервы и он принял небольшую заминку в действиях немецкого десанта за катастрофу — ему еще не хватало опыта и терпения, к тому же британцы потопили половину немецких эсминцев. Гитлер отдал было приказ об отводе немецких войск от Нарвика, но Йодль настоял на том, чтобы генерал Дитль, несмотря на кризис, продолжал давление на противника. Впрочем, кроме Йодля, и подполковник управления планирования ОКВ Лоссберг отказался передавать Дитлю пораженческий приказ Гитлера — настолько высоко было профессиональное самомнение немецких офицеров¹⁸⁵. Даже трудно себе представить последствия подобного послушания любого советского офицера при получении какого-либо сталинского приказа, — такое просто было исключено. Впрочем, гросс-адмирал Эрих Редер признавал, что оккупация Норвегии была осуществлена только после суровых сражений и, возможно, она провалилась бы, но наступление Германии на Западе потребовало от союзников чрезвычайного напряжения сил, что не позволило им укрепить позиции в Северной Норвегии¹⁸⁶.

Тем не менее Норвежская кампания была с блеском выиграна; уже в июне в Норвегии все было кончено, а англичане поспешно ретировались. Последовавший 9 апреля приказ Гитлера об упреждающем английскую высадку ударе по Норвегии и Дании никого в Германии не удивил. В речи по этому поводу Гитлер подчеркивал, что он только отвечает на агрессивные акции Черчилля. Быстрые и эффектные действия вермахта в Норве-

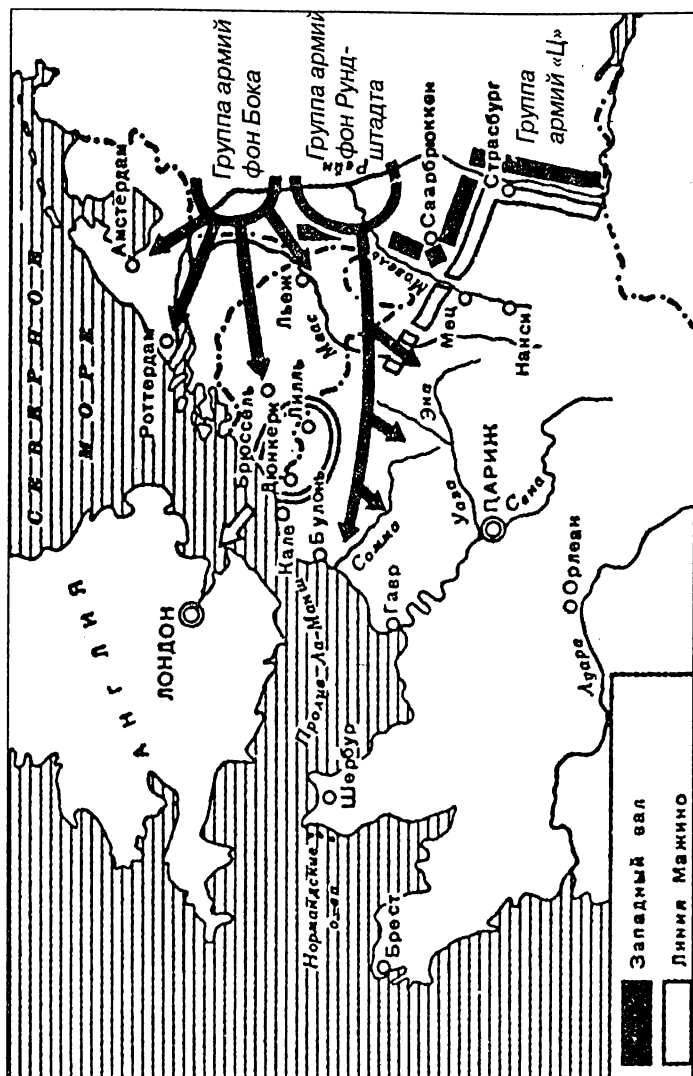
гии и Дании вызвали воодушевление в немецком обществе. СД в своих обзорах эволюции общественного мнения передавала, что воодушевление в немецком обществе было хотя и непродолжительным, но мощным¹⁸⁷. То, что приподнятые настроения вскоре испарились и уступили место повседневным заботам и проблемам, а также помыслам о желанном мире¹⁸⁸, доказывает, насколько настроения немецкого общества зависели от пропагандистских приемов и эффектных военных успехов. После норвежской операции больше всех в славе выиграл командир десантников генерал Дитль — в начальный период войны он стал одним из самых популярных военных героев. Солдаты любили этого офицера, он был фанатиком егерских частей, первым кавалером Рыцарского креста с Дубовыми листьями. Геббельсовская пропаганда всюю использовала мотив превознесения военных героев для укрепления чувства национальной общности и «германского превосходства».

Для нападения на Францию генерал Манштейн предложил удар танковыми армиями через холмистые Арденны; в принципе, это соответствовало стратегии Шлиффена, преобразованной в план «серповидного разреза» (*Sichelschnittplan* — этот термин изобрел Уинстон Черчилль), утвержденный 24 февраля 1940 г.¹⁸⁹ Сам Шлиффен, оправдывая радикализм своего плана, писал, что в «отчаянных ситуациях могут помочь только отчаянные средства» (*In verzweifelten Lagen können nur verzweifelte Mittel helfen*), то есть он сознавал большую степень риска. Суть плана Шлиффена состояла в том, чтобы, оставив на западных границах относительно небольшое прикрытие, сосредоточить большую часть сил на правом фланге и, выйдя к Ла-Маншу, разрезать англо-франко-бельгийский фронт пополам и лишить его возможности маневрировать резервами.

Крупный немецкий историк Герхард Риттер, досконально изучивший план Шлиффена, пришел в свое вре-

мя к мысли, что план этот вообще не был стопроцентным гарантом победы. Это было крайне дерзкое предприятие, успех которого зависел от многих случайностей. Схожим образом характеризовал план Эриха фон Манштейна современный историк, сотрудник военно-исторического ведомства бундесвера Карл-Хайнц Фризер в своей новаторской книге о походе вермахта 1940 г. В резюме к своему фундаментальному труду Фризер писал: «Западный поход вермахта не был запланирован, он являлся скорее отчаянной попыткой оперативными средствами выбраться из отчаянной стратегической ситуации. Так называемая «стратегия блицкрига» развивалась уже после похода 1940 г. Блицкриг не был причиной, он был следствием победы 1940 г. То, что к всеобщему удивлению удалось в мае 1940 г., представили как «тайну победы стратегии Гитлера, реализованную дивизиями вермахта»¹⁹⁰. Командующий Кригсмарине Эрих Редер отмечал в мемуарах, что вся разведывательная информация указывала на неизбежность кровавых сражений в Западной Европе и предвещала возможность наступления лишь через значительный срок. В качестве самых смелых прогнозов высказывалось предположение, что вермахт сможет продвинуться до той же самой передовой линии, до которой немцы добрались в Первую мировую войну¹⁹¹.

Именно под влиянием школы Шлиффена возникла иллюзия, что стратегические цели можно решить оперативными средствами. Эта иллюзия имела следствием сведение стратегии к оперативному блицкригу, а оперативного мышления — к тактическому окружению (как во вторую Пуническую войну это сделал Ганнибал при Каннах). Фатальные следствия такого подхода проявились в начале Первой мировой войны после краха плана Шлиффена. Известный своим сарказмом генерал-полковник фон Зект сказал: «Лозунги и девизы — смертоносны. Ни один лозунг не имел более тлетворного воздействия, чем “Канны”»¹⁹². Упомянутый немецкий

Западная кампания вермахта

историк Фризер в своей монографии пришел к выводу, что блицкриг не был политико-стратегическим, но преимущественно военно-тактическим феноменом, а сама идея блицкрига развивалась независимо от гитлеровских завоевательных планов¹⁹³.

Сутью плана «серповидного разреза» было стремление косым (в отличие от прямого наступления на Париж) ударом отрезать британские и бельгийские части от левого (французского) фланга союзников. Все думали, что Арденны не годятся для крупных танковых операций, и первоначально немецкий Генштаб планировал удар через Льеж и Намюр по направлению к морю — это также было повторением плана Шлиффена, так и не реализованного в Первую мировую войну. Стратегический смысл этого гениального, но весьма рискованного плана состоял в том, чтобы, пренебрегая опасностью французского удара на левом фланге (на Рейне) прямо в сердце Германии, сосредоточить все усилия на правом фланге и, сконцентрировав все возможные резервы именно на этом направлении, неуклонно двигаться к побережью, выход к которому отрезал главные силы противника от баз снабжения и оставлял их без тылов. У начальника германского Генштаба Мольтке-младшего на первом этапе Первой мировой войны не хватило выдержки, терпения, нервов и веры для того, чтобы твердо держаться установленных целей: снять несколько крупных немецких частей именно с правого фланга его заставило известие о вторжении двух русских армий (Самсонова и Ренненкампа) в Восточную Пруссию в августе 1914 г. По всей видимости, именно этих дивизий немцам и не хватило в решающие дни сражения на Марне, а в Восточной Пруссии армия генерала Самсонова была окружена Гинденбургом под Танненбергом за неделю до прибытия и выгрузки снятых с правого немецкого фланга дивизий, то есть никакой потребности в ослаблении правого фланга у немцев не было. В Первую мировую войну за 4 года немцы не смогли

прорвать французский фронт, а в мае 1940 г. это удалось сделать за 4 дня. Того, что не получилось у кайзеровской армии за четыре года кровопролитнейших боев и ценой потери 1,8 миллиона солдат, вермахт сделал за шесть недель и ценой 27 024 жизней¹⁹⁴. «Серповидным разрезом» вермахт сразу отрезал 1,7 миллиона английских и французских солдат.

Автора идеи «серповидного разреза» Манштейна первоначально обвинили в авантюризме и сумасбродстве, так как, по расчетам немецкого Генштаба, в 1940 г. выиграть войну на Западе было невозможно: противник окопался за 400-километровой линией Мажино, в танках соотношение сил было в его пользу — 4204 против 2439, в самолетах — 4469 против 3578. Часто указывают на то, что линия Мажино не была продлена до моря, потому что бельгийское правительство сочло бы это недружественным актом. Основная причина заключается, однако, в том, что у французов не хватало людей, чтобы снабдить линию Мажино достаточным гарнизоном и в то же время иметь полевую армию. Если бы полевая армия в 1940 г. была нормально механизирована, морально здорова и имела хорошее руководство, то линия Мажино не снискала бы такой дурной славы. Она была щитом, поэтому нужен был меч, а не другой щит до Ла-Манша. Но французская полевая армия была «не мечом, а метловищем», как писал Джон Фуллер¹⁹⁵. Ей чрезвычайно вредила убежденность в неприступности линии Мажино. Небезынтересно отметить, что оборонительные сооружения линии Мажино были прорваны за несколько часов в результате обычной атаки немецкой пехоты, без поддержки танков. Как указывал генерал Меллентин, в современной войне вообще неразумно рассчитывать на позиционную оборону, а что касается линии Мажино, то ее сооружения имели лишь ограниченное местное значение¹⁹⁶.

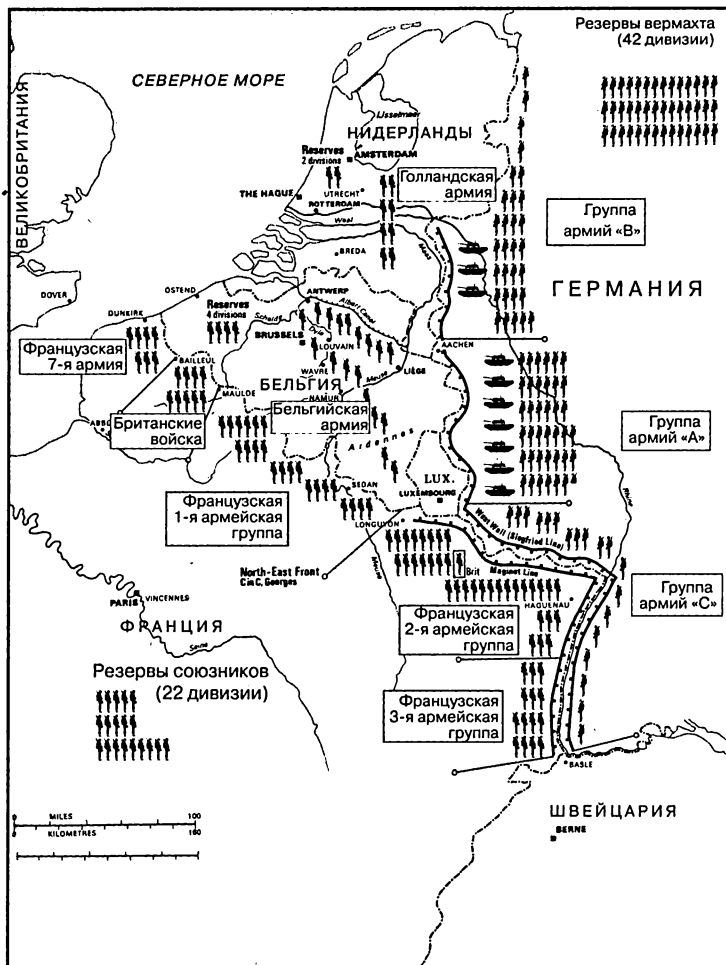
Французы готовились к позиционной войне, а не к войне, носящей характер динамичной стабильности.

В результате, как только фронт был прорван, моральный дух французов оказался сломленным. Как указывал в 1943 г. один из участников французского Сопротивления: «Прежде всего, целиком отсутствовало желание рисковать, и еще раз, как многократно встречалось в истории, отказ идти на разумный риск привел к невиданной катастрофе. Точнее, под предлогом ничем не рисковать пожертвовали всеми представившимися возможностями»¹⁹⁷.

Численное превосходство союзников было сведено на нет неожиданностью и энергией немецкого наступления — никогда прежде в военной истории эффект неожиданности от применения новых методов войны (самостоятельного использования танков при поддержке самолетов) не был столь ошеломляющим, как под Седаном в мае 1940 г. На самом деле наступление на Западе развивалось исключительно быстро — в течение десяти дней немецкие передовые части вышли к Ла-Маншу, вбив в районе Абвиля мощный клин между британской армией и большей частью французской армии. Даже немецкое военное руководство было ошеломлено успехом, что и способствовало окончательному утверждению идеи танкового прорыва Гудериана. Манштейн и Гитлер боялись обнажить фланги наступающих танковых колонн, но Гудериан, вопреки приказу, начал движение к побережью строго на запад. Это движение Гудериана вызвало лавинообразный эффект, поскольку его соседи, опасаясь за свои фланги, также оказались вовлечены в наступление. Высшее командование на некоторое время утеряло контроль над происходящим, танковая атака стала развиваться под давлением собственной динамики, и операция вошла в то русло, о каком мечтал Манштейн: немецкий танковый удар, не обеспеченный поддержкой пехоты, приобрел вид искомого «серповидного разреза». Утром 17 мая Гудериан явился на встречу с генералом фон Клейстом, который начал в резкой форме упрекать его в игнори-

ровании замысла командования. Гудериан ответил предложением об отставке, которая была принята. Впрочем, вскоре генерал-полковник Лист ликвидировал инцидент, а Гудериан взял отставку обратно. 20 мая батальон Шпитта из 2-й танковой дивизии вышел через Нуфель к Атлантическому побережью; это было первое подразделение корпуса Гудериана, вышедшее к Атлантике¹⁹⁸. То, что планировал в свое время Шлиффен и то, чего не смогли добиться немцы в Первую мировую войну, было реализовано танкистами Гудериана за какие-то десять дней.

В разгар немецкого наступления у Гитлера отказали нервы (или он рассчитывал создать предпосылки для переговоров с англичанами об условиях мира), и он отдал приказ остановиться. Танковые отряды вермахта встали у Дюнкерка, что и спасло от плена 370 тысяч английских и французских солдат, которые, побросав вооружение, эвакуировались на Британские острова. Этим приказом Гитлер принизил успех Манштейна с уровня стратегического до уровня оперативного. Позже британский премьер-министр Уинстон Черчилль высказал предположение, что Гитлер остановил наступление танковых частей на Дюнкерк, стремясь предоставить англичанам лучшие позиции для выгодного мира. Гудериан, как участник боев, считал, что более правильным является предположение, что Гитлер и Геринг полагались на превосходство немецкой авиации, могущей воспрепятствовать эвакуации английских войск морем. Гитлер заблуждался, и это заблуждение имело для немцев опасные последствия, ибо только пленение английской экспедиционной армии могло бы укрепить намерения Великобритании заключить мир с Германией или повысить шансы на успех возможной операции по высадке десанта в Англии¹⁹⁹. Немецкий генерал Фридо фон Зенгер писал в мемуарах: «Предположение, что Гитлер сознательно позволил британскому корпусу эвакуироваться, доказать невозможно, но оно вполне вероятно»²⁰⁰.

Соотношение сил на Западном фронте

Таким образом, успех в мае 1940 г. имел следующие причины: невероятное стечение благоприятных для вермахта обстоятельств, невероятные ошибки союзников, невероятная самостоятельность немецкого генерала (Гудериана), который поставил перед свершившимся фактом не только противника, но и собственное руководство. Успех немцев во Франции был основан не на численном превосходстве или превосходстве в вооружениях, а на таком распределении немецких дивизий, что они (как в шахматах) появлялись в подавляющем количестве в слабой точке фронта союзников. Массированное и хорошо скоординированное применение танковых соединений обеспечило прорыв фронта; этот успех затем последовательно развивали²⁰¹. В процессе развития первоначального успеха большое значение имела самостоятельность отдельных командиров вермахта. Манштейн указывал, что главным секретом успеха немецкой армии была самостоятельность, в такой степени не предоставлявшаяся командирам ни одной армии мира — вплоть до младших командиров и отдельных солдат пехоты²⁰². Правда, участник боев во Франции, немецкий офицер (впоследствии генерал) Фридо фон Зенгер писал, что ввиду очевидного разгрома французов и англичан, немецкая пехота в 1940 г. не имела возможности продемонстрировать, была ли ее наступательная мощь вследствие упомянутой самостоятельности такой же, как в 1914—1918 гг.²⁰³

Что касается неудач союзников, то они были прежде всего неудачами стратегическими — французские армии пришли в полное замешательство, генералы потеряли контроль над коммуникациями и передвижениями целых армий. Трудно обвинять в слабости и трусости французские или английские войска — ни один солдат в подобной ситуации не смог бы успешно сражаться.

«Чудо танкового прорыва под Седаном» и привело к возрождению «чудодейственного» рецепта Каннского окружения. Эта победа привела к возрождению лож-

ной идеи о том, что превосходящую в промышленном отношении державу можно победить в скоротечной войне. Эта логика и легла в основу планирования похода на Россию. Так же, как западные державы были переоценены Гитлером в 1940 г., точно так он в 1941 г. недооценил и Красную армию. В Первую мировую войну немцам не удалось победить западные державы, а только Россию. Во Вторую мировую войну все было наоборот: казалось, после победы на Западе СССР будет повергнут очень быстро. Это соответствовало опыту Первой мировой войны. Казалось, ничего сумасбродного в этих представлениях Гитлера не было...

Гитлер сразу интуитивно понял значение плана, разработанного Манштейном, и настоял на его принятии. СД передавала, что в немецком обществе было распространено убеждение в огромном личном вкладе Гитлера в разработку и осуществление операции против Франции²⁰⁴. К началу Французской кампании Гитлер выставил на Западе 137 дивизий вермахта: это было на 30 дивизий меньше, чем у противника, но он не сомневался в успехе. Позднее генерал Йодль писал: «Только фюрер был в состоянии умственным взором охватить все аспекты операции — и генштабистские, и войсковые, и пропагандистские. Этот его дар выказывал в нем не только хорошего генштабиста и военного специалиста, но и крупного стратега»²⁰⁵. Часто Гитлер выгодно смотрелся даже на фоне своих военачальников, которые в иных сферах ведения современной войны опережали советских, английских, французских и американских генералов на 20–25 лет. Конечно, идея независимой танковой войны — это не идея Гитлера, а план войны против Франции — это не план Гитлера, но без него Гудериан и Манштейн (они еще позаимствовали и прогрессивную доктрину воздушной войны итальянского генерала Джулио Дуэ) не смогли бы утвердить свою точку зрения: они не были самыми старшими офицера-

ми (Генштаб и руководство сухопутными силами было против плана Манштейна), и над ними были начальники с ограниченными и устаревшими взглядами. В конце концов, во Франции (Шарль де Голль²⁰⁶) и в СССР (Михаил Тухачевский) также высказывались подобные идеи о мобильной танковой войне, но политическое руководство пропускало их доводы мимо ушей. Гитлер же с присущим ему инстинктом уловил в этом перспективную линию и реализовал ее. Он первым из государственных деятелей понял, что в отличие от XIX в., когда самыми мобильными были военно-морские силы, в XX в. сухопутная армия гораздо быстрее перемещается по суше, и ее маневренность превышает морскую. Именно по этой причине Гитлер был буквально заморожен моторизацией, автомобилем и танком²⁰⁷.

Конечно, немецкого удара через холмистые и труднопроходимые Арденны враг ожидал меньше всего. Общее руководство группой армий «А», наступавшей на Францию, осуществлял Рундштедт; группа армий «В» во главе с Федором фон Боком (в состав его группы входила 6-я армия генерал-полковника фон Рейхенау и 18-я армия генерала фон Кюхлера²⁰⁸) за 5 дней добилась сдачи Голландии (при этом большое значение сыграло то обстоятельство, что ни голландское, ни бельгийское правительство не пустило союзные войска до начала боевых действий), а группа армий «С» имела задачей отвлекать внимание неприятеля на линии Мажино.

Войска Рундштедта, насчитывавшие 44 дивизии, начали наступление 10 мая. 12 мая немецкие танки (3 из 10 немецких танковых дивизий были укомплектованы чешскими танками) перевалили через холмы и пересекли французскую границу, а 13 мая переправились через Маас. 1-й танковый полк полковника Балька из 1-й танковой дивизии вышел к Маасу уже 12 мая. Офицеры и солдаты в точности знали, что от них требуется: они несколько месяцев готовились к этой атаке, изуча-

ли карты и аэроснимки местности. На следующий день при эффективной поддержке авиации, подавившей французскую артиллерию, Бальк переправился на другой берег и овладел высотами на южном берегу Мааса²⁰⁹. Столь же энергично действовали и соседи Балька. Так, взятие бельгийского форта Эбен-Эмель германскими парашютно-десантными войсками буквально произвело сенсацию, став классическим примером проведения такого рода операций. С транспортных самолетов сбросили устройства, имитирующие звуки сражения. Бельгийцы оказались введены в заблуждение и стали стягивать в предполагаемый опасный район войска, отсутствие которых на важных оборонительных рубежах создало немцам немаловажное преимущество²¹⁰.

В итоге, уже 20 мая немецкие войска вышли к Ламаншу — правый фланг франко-английского фронта с лучшими дивизиями в Бельгии был отрезан от тыла, как и предписывал в свое время план Шлиффена. СД передавала в «Вестях из рейха», что известие о капитуляции полумиллионной бельгийской армии (28 мая) произвело огромное впечатление на немецкую общественность, которая надеялась, что это негативно повлияет на состояние и боеспособность английской и французской армий. Среди немцев было распространено убеждение, что на этот раз англичанам не удастся избежать окружения и капитуляции²¹¹. Интересно, что во время этой наиболее удачной из всех кампаний вермахта города бомбили редко и мало, экономические ресурсы неприятеля пострадали незначительно, и людские потери — как немецкие, так и союзников — были минимальными. Немцы сознательно старались не наносить ущерба национальным памятникам²¹². В разгар французской кампании Гитлер осведомился о потерях в подчиненных Гудериану четырех дивизиях: 150 убитых и 700 раненых. Он был удивлен столь незначительными потерями и для сравнения привел цифры потерь его полка «Лист» (по имени погибшего командира) во вре-

мя Первой мировой войны: после первого дня боевых действий потери достигали 2000 убитыми и ранеными. Гудериан объяснил такую разницу эффективностью танков²¹³.

Первая фаза операции «серповидного разреза» этим завершилась, а с начала июня вермахт перешел ко второй фазе — к фронтальному удару по линии Сомма-Маас. Эта фаза завершилась 24 июня подписанием перемирия с Францией. Муссолини напрасно упрашивал Гитлера напасть на тылы французской армии в Альпах и продлить переговоры о перемирии до тех пор, пока итальянцы не возьмут Ниццу. Гитлер не согласился даже на совместные с итальянцами переговоры о перемирии с Францией. Для того чтобы не подтолкнуть французский флот в объятия англичан и не способствовать переходу к англичанам французских колоний, Гитлер приказал оккупировать только половину Франции. Французские ВМФ и ВВС не сдавались, но лишь демобилизовывались; их вооружение передавалось победителям. Для поддержания порядка лишь некоторые французские воинские части остались вооруженными.

Во Франции солдаты вермахта вели себя на редкость корректно, заботились об общественном порядке, старались не нарушать функционирование экономики. Сотни тысяч рабочих из Голландии, Франции, Бельгии, Польши и Чехословакии привлекала в Германии хорошая зарплата и возможность покончить, наконец, с положением безработных. В Германии они видели более совершенную, чем дома, социальную систему; государство производило впечатление безусловно прогрессивного. Поэтому до конца 1941 г. в Европе преобладали германофильские настроения. Только серия поражений на Востоке постепенно изменила отношение немецких оккупантов на Западе к местному населению²¹⁴.

Победа на Западе была расценена немцами как окончательное преодоление негативного опыта и неудач Пер-

вой мировой войны, что вызвало в Германии эйфорию, равную по масштабам эйфории от Седанской победы и объединения Германии в 1871 г. В военном отношении победа вермахта действительно была выдающимся достижением. Английский историк Говард таким образом оценивал итоги кампании: «В 1939–1940 гг. немцы достигли почти уникальных успехов, если учесть, что практический опыт у них был минимальный. Они сумели по-настоящему оценить значение технических новинок для военной науки, взяв их на вооружение и создав новую доктрину. Подыскать в истории аналогичные примеры трудно. Обычно обе стороны начинают одинаково и делают ошибки»²¹⁵. Французский историк Марк Блок, служивший офицером, так объяснял причины поражения французов в 1940 г.: «По сравнению со старым рейхсвером, войска нацистского режима выглядели более демократическими, а пропасть между офицерами и солдатами — не такой непреодолимой. Триумф Германии был триумфом интеллекта, что делает его особенно впечатляющим: казалось, что две противоборствующие стороны принадлежат разным историческим эпохам. Наше понимание войны было сродни пониманию дикарей в колониальной войне, только именно мы были в роли дикарей»²¹⁶. Это так, поскольку еще в 20-е гг. генерал фон Зект представлял будущую войну как сражение между небольшими профессиональными армиями, в которые войдет элита вооруженных сил: пикирующие бомбардировщики, танковые части и воздушно-десантные войска. Пехота же, сформированная массовым призывом, будет играть подчиненную роль. Ход войны во Франции подтвердил, что фон Зект был абсолютно прав. Никто не смог предугадать, что разумное сочетание современных видов вооружений так быстро приведет к успеху.

Победа 1940 г. смыла позор поражения 1918 г. и в полной мере восстановила честь германского оружия, и в этот момент нацистский режим и немецкий народ

были настолько едины, что оппозиция даже теоретически была немыслима. Главной причиной поражения англичан и французов была порожденная нацизмом невиданная динамика, боевой дух и боевая мораль, оплодотворившие старые традиции немецкой армии. Интересны оценки немецкой общественностью боевых качеств английских «томми» (*Tommie's*) и французских «пуалю» (*Poilu* — «волосатый»; так во Франции называли фронтовиков): СД передавала, что порой «томми», под сильным огнем добравшиеся до своих кораблей, производили благоприятное впечатление, а иногда их представляли трусливо разбегавшимися при первом появлении вермахта. Интересно, что генерал Эрих Маркс (*Marcks*) писал вскоре после окончания французского похода: «Человеческий фактор имел гораздо большее значение, чем техника — это уже были не те французы, с которыми мы воевали в 1914—1918 гг. Впечатление было такое, что революционная армия 1796 г. воевала против коалиции врагов, только на этот раз санкюлотами были мы»²¹⁷. СД передавала, что немецкое общественное мнение более ценило боевые качества французов; за цепкость и готовность драться до последней капли крови особенно ценили чернокожих солдат французской армии. Впрочем, геббельсовские «страшилки» о зверствах французских солдат, как передавала СД, также производили сильное впечатление на немецкую публику²¹⁸.

Характерно, что наибольшее впечатление на немецкую общественность (по сообщениям СД) произвело известие о мгновенном захвате Вердена (его с ходу взяла 71-я пехотная дивизия генерала Карла Вайзенбергера²¹⁹) — у всех еще были живы воспоминания о «Верденской мясорубке», которая в Первую мировую войну стоила жизни 300 тысячам немецких солдат. А когда 14 июня пришло известие о падении Парижа, восторг стал беспредельным²²⁰. На будущее развитие событий немцы в эти дни смотрели с необыкновенным оптимизмом; они

надеялись, что скоро Франция и Англия капитулируют, а война закончится. Фридрих фон Меллентин писал в мемуарах, что лето 1940 г. было для вермахта самым счастливым временем за всю войну: «Мы одержали такие победы, каких не знала история со времен Наполеона; Версаль был отменен, перед нами уже открывались перспективы прочного и почетного мира. Наши войска обосновались во Франции и Нидерландах, и потекла спокойная и размеренная солдатская служба, совсем как в мирное время»²²¹.

После завершения операций на Западе в руки вермахта попали огромные трофеи: вооружение, боевая техника и автотранспорт 6 норвежских, 18 голландских, 22 бельгийских, 12 английских и 92 французских дивизий. Трофейным автотранспортом было обеспечено 92 дивизии вермахта. Потери вермахта с 1939 г. до весны 1941 г. были небольшими — 2–3 % от общего состава армии (93 736 солдат) — и никак не повлияли на боевую мощь немецкой армии. Потери немцев в 1916 г. только в битве под Верденом или на Сомме в 3–5 раз превышали людские потери в трех кампаниях — в Польше, в Западной Европе и на Балканах²²².

По всей видимости, победа вермахта во Франции была самой громкой военной победой в XX в., по крайней мере, именно так ее воспринимали в Германии; отношение к армии, свершившей невозможное, было в немецком обществе соответствующее. Такого успеха не ожидал никто — даже Гитлер, который во время операции по несколько раз переспрашивал стремительно двигавшегося со своими танкистами командующего XIX-м танковым корпусом генерала Гудериана, а действительно ли он находится там-то и там-то, не перепутал ли генерал непривычных для немецкого уха французских названий; в итоге под горячую руку фюрер даже снял Гудериана за самовольное превышение темпов наступления, правда, и полная реабилитация не заставила себя

долго ждать. Сталин же, опираясь на опыт Первой мировой войны, твердо рассчитывал, что немцы надолго увязнут во Франции, и это позволит нашей стране укрепить обороноспособность. Эти расчеты оказались пустыми: Гитлер, втянутый в войну на Западе не по своей инициативе и триумфально расправившийся со всеми затруднениями, ни на секунду не упускал из виду своей главной цели — захвата «бесхозных и запущенных» (как он выражался), но богатых ресурсами и плодородных советских территорий.

После окончания войны на Западе Гитлер в очередной раз декларировал «вечный мир»: с Западом у Гитлера больше не было никаких счетов. Но, как известно, Черчилль не пошел на сепаратный мир и объявил о войне до победного конца. В глазах же немецкой общественности и вермахта эти гитлеровские предложения оставили впечатление действительного стремления к миру. Под воздействием пропаганды в немецком сознании гитлеровская агрессивная война почти мистически трансформировалась в представление о ведении Германией войны оборонительного характера и, что самое поразительное, это представление сохранилось до конца войны. Отсюда вытекало особое положение армии в немецком сознании — как защитницы и беззаветной хранительницы национальных ценностей, интересов и идей. После окончания французской кампании в одном из самых впечатливших немецкую публику документальных фильмов нацистской пропаганды показывали местечко *Domremy* — родину Жанны д'Арк. Сюжет был построен на том, будто бы Орлеанская дева дает тайный знак солдатам вермахта, что их борьба против еврейско-негритянского разложения старой Франции ей импонирует, и она благословляет немецких солдат²²³.

В этой связи весьма примечательна роль Гитлера в качестве военного руководителя страны и полководца. Между последней «цветочной войной» (*Blumenkrieg*) — захватом Чехии — и началом Второй мировой войны

состоялся 50-летний юбилей Гитлера. Пресса писала о «самом значительном государственном деятеле всех времен и народов». К 20 апреля 1939 г. Гитлер был канцлером уже 2290 дней; ему оставалось еще приблизительно столько же — 2188 дней, которые выпали на войну. С 1 сентября 1939 г. Гитлер сменил коричневую партийную униформу на свободно сидящую на нем униформу вермахта, которую он поклялся не снимать до конца войны: «Обращаясь с призывом к вермахту и требуя от немецкого народа жертв, я имею на то право, ибо я и сам сегодня точно так же, как и прежде, готов принести любую жертву. Я не требую ни от одного немца чего-либо иного, кроме того, что более четырех лет в любой момент был готов добровольно сделать сам. Нет в Германии такого бремени, которое я тотчас бы не принял на свои плечи. Вся жизнь моя отныне целиком и полностью принадлежит моему народу. Я не хочу ничего иного, кроме как быть первым солдатом германского рейха. Вот почему я вновь надел мундир, который с давних времен был для меня самым святым и дорогим. И сниму его только после победы, ибо поражения я не переживу»²²⁴.

Несмотря на несомненное умение Гитлера преподнести себя в выгодном свете, о чем свидетельствует приведенное высказывание, его ближайшее военное окружение оставило о нем как о стратеге и полководце самые противоречивые суждения. Весьма прохладно к нему относившийся начальник Генштаба Франц Гальдер отмечал, впрочем, его своеобразный интеллект, способность быстро усваивать неизвестные ему ранее вещи, удивительную фантазию и силу воли. Генерал-полковник Йодль отмечал, что если в военное руководство Польской кампанией Гитлер вообще не вмешивался, то во время Французского похода его руководство было ясным, последовательным и дельным. Большое значение имел и стратегический расчет — на Западе думали, что немцев удастся сдерживать долго — до тех пор, пока не даст о себе знать преимущество Запада в

материальных ресурсах. Французский главнокомандующий Морис Гамелен планировал наступление только в 1941 г., а до этого хотел наращивать силы при экономическом содействии США, держать Германию в морской блокаде и осуществлять действия на европейской периферии, ибо время работало на Запад. Гитлер совершенно ясно осознавал эту логику и сразу сделал ставку на скорейшее завершение войны в Польше; «странная война» стала для него подарком судьбы, который Гитлер смог использовать на все 100%. Через неделю после начала Польской кампании танковые части вермахта достигли Варшавы, и польская столица была окружена. Для окончательного снятия риска войны на два фронта Гитлер настоял на скорейшем введении советских войск в восточные районы Польши (17 сентября 1939 г.).

6 июля 1940 г., когда Гитлер возвращался в Берлин после двухмесячного отсутствия, дорога, по которой он ехал, была усыпана цветами. Даже старшие офицеры вермахта, которые служили при кайзере и часто критически высказывались о Гитлере, после победы над Францией признали его полководцем и стали именовать не иначе как «фюрер»²²⁵. Самым впечатляющим военным успехом Гитлера была только одна кампания — поход против Франции, а то, что он оккупировал беспомощные Голландию, Данию, Бельгию, Люксембург, Югославию и Грецию, вызвало в мире ужас и отвращение. Общественное мнение Германии приняло это индифферентно. С другой стороны, во Франции и в других западных странах установилась довольно лояльная администрация вермахта — в отличие от Восточной Европы, вопросами безопасности там ведала тайная полевая полиция (*Geheime Feldpolizei*), подчинявшаяся абверу (ОКВ). Гестаповцы имели в тайной полиции только своих наблюдателей²²⁶.

Гитлер надеялся, что в соответствии со своими гарантиями Польше Англия объявит войну и СССР, но в тайном протоколе к англо-польскому соглашению го-

ворилось только об агрессии Германии. Гитлер испытывал к англичанам сентиментальную симпатию, которая давала о себе знать весь 1940 г. Характеризуя отношение Гитлера к Англии, будущий лидер норвежских коллаборационистов майор Видкун Квислинг (*Vidkun Quisling*) 16 августа 1940 г. писал: «После того как Гитлер без конца делал предложения Англии по установлению мира и порядка в Европе, он принужден был против своей воли начать войну с Англией. Он находится сейчас в таком же положении, как и Мартин Лютер, который не хотел бороться против Рима: его принудили к этому»²²⁷. Сам Гитлер говорил, что он не стремится к тому, чтобы разбить Англию, и что Германия не в состоянии выступить наследницей английской империи.

Вопреки желанию и симпатиям Гитлера, проблему на Западе все-таки нужно было решать, ибо самым страшным кошмаром для фюрера и руководства вермахта, бесспорно, была война на два фронта. Поэтому перед нападением на СССР Гитлер решил обезопасить свой тыл и покончить с Англией. В итоге его остановило, как можно предположить и как обычно думают, не преобладание королевского ВМФ, но неудача Люфтваффе в воздушной «битве за Англию». Геринг не смог добиться воздушного господства над Британией, а это было непременным условием осуществления морского и воздушного десанта на острова; 12 октября 1940 г. операция «Морской лев» (*Seelöwe*) была отменена²²⁸. Фельдмаршал Альбрехт Кессельринг отмечал в своих мемуарах, что если бы Гитлер действительно хотел осуществить операцию вторжения в Великобританию, он стал бы вникать во все детали плана и навязал бы свою волю всем трем видам вооруженных сил. В этом случае не надо было отдавать никаких туманных приказов, мешавших достижению согласия между командующими сухопутных сил, ВВС и ВМФ²²⁹.

Операция «Орел» (*Adler*) — так называлась у немцев воздушная битва за Англию — стоила немцам потери

около 1000 самолетов; англичане потеряли вдвое меньше: для привыкших к победам асов Люфтваффе это был чувствительный удар. Командующий немецкой истребительной авиацией (с ноября 1941 г., после гибели Вернера Мельдерса) генерал Адольф Галланд писал в мемуарах, что в воздушной битве за Англию Люфтваффе, несмотря на их мощь и современные по тем временам вооружения и оснащение, не в состоянии были победить, поскольку против 2500 немецких самолетов в распоряжении Великобритании было 3600 самолетов. Численное меньшинство приблизительно уравнивалось немецким техническим превосходством. Если учесть естественное преимущество англичан в войне над собственной территорией и отдаленность немецких аэродромов от места боевых действий, то чаша весов должна была склониться в пользу англичан²³⁰. Несмотря на бесспорное преимущество в отдельных единоборствах немецких летчиков на Me-109, «Харрикейны» и «Спитфайеры» зарекомендовали себя неплохо, хотя британские истребители, как правило, уклонялись от боя с истребителями немцев, предпочитая в качестве целей бомбардировщики. К тому же Англия производила в месяц 470 истребителей — в два раза больше, чем немецкая авиапромышленность; к 1941 г. Англия смогла произвести 20 000 самолетов²³¹. Предопределила же немецкое поражение в этом воздушном противостоянии удаленность немецких баз, недооценка немцами английской радарной системы ПВО (дальность обнаружения — 120 км), а также то, что англичане воевали над родной территорией. Англичане выиграли воздушную дуэль несмотря на то, что в момент начала воздушной битвы за Англию немецкая авиация находилась в расцвете сил. На оккупированной территории и на северо-западе Германии было сосредоточено 11 истребительных эскадр общей численностью в 1300 одномоторных Me-109, две эскадры тяжелых истребителей Me-110, 10 бомбардировочных эскадр общей численностью в

180 двухмоторных бомбардировщиков Хейнкель-111, Ю-87 и Дорнье-17. Эти силы были объединены в два воздушных флота — 2-й (фельдмаршал Альбрехт Кессельринг) и 3-й (фельдмаршал Хуго Шперрле). Генерал Люфтваффе Вернер Крейпе отмечал, что немецкая авиация должна была подготовить вторжение, помешав реорганизации и перевооружению английской армии и нарушив нормальное снабжение городов топливом и продовольствием. Ожидалось, что это подорвет боевой дух англичан²³², но сделать это не удалось — немецкая общественность напрасно ожидала победоносного штурма Британских островов; узнав об отказе от штурма, немцы остались разочарованы и недовольны перспективой еще одной военной зимы. Прежний интерес к войне опять отступил перед многочисленными житейскими проблемами²³³. Немецкий ас Адольф Галланд отмечал, что для операции «Адлер» огромное значение имели эмоции и боевой дух англичан: «отчаянное положение дел, по всей видимости, высвободило всю энергию этого твердого, исторически самобытного народа, в результате чего все усилия были направлены на достижение единственной цели — любой ценой отразить нападение немецких захватчиков!»²³⁴ Напротив, английский военный теоретик генерал Джон Фуллер полагал, что Гитлер потерпел поражение в воздушной битве за Англию не только потому, что британские истребители и британские летчики были лучше германских, и не потому, что радиолокатор во много раз усилил британскую авиацию, но, прежде всего, в результате того, что теория господства в воздухе Джулио Дуэ («доктрина Дуэ») основывалась на ложных посылах. Эта доктрина заключалась в том, что война может быть выиграна бомбардировками с воздуха. История Второй мировой войны этого не подтвердила. Напротив, было многократно продемонстрировано, что если за бомбардировками не следовало немедленное занятие территории, они имели только временный эффект²³⁵.

Что касается немецкого военно-морского флота, то он сразу активно вмешался в войну, в отличие от Первой мировой войны, когда Кригсмарине так и не был по-настоящему введен в дело (за исключением безрезультатного Ютландского боя 31 мая – 1 июня 1916 г.), поэтому тогда немецких военных моряков упрекали в пассивности. Командующий флотом гросс-адмирал Эрих Редер не хотел, чтобы и во Вторую мировую войну история повторилась. Несмотря на значительное британское превосходство, он действовал с беспримерной дерзостью, что находилось в некотором противоречии с предшествующим опытом войны на море, главной чертой которой была осторожность и взвешенность, продиктованные огромной дороговизной боевых кораблей. Обстановка, сложившаяся к началу войны в немецком военно-морском флоте, не давала оснований для радужных надежд. По общему водоизмещению немецкий флот уступал английскому примерно в 7 раз, французскому – почти в три раза. Кригсмарине вступил в войну, имея всего лишь 57 подводных лодок. Хотя со временем производство подлодок в Германии непрерывно росло, численность немецкого подводного флота оставалась небольшой. И все же, как отмечал немецкий адмирал Вильгельм Маршаль, этим подлодкам до конца 1939 г. удалось потопить большое количество судов противника, общий тоннаж которых составил около 420 тысяч брутто-тонн. Чтобы представить себе такой тоннаж наглядно, следует вспомнить, что обычный товарный вагон вмещал 15 тонн. Иначе говоря, чтобы перевезти 504 тысячи тонн грузов, соответствующих 420 тысячам брутто-тонн, потребовалось бы 672 товарных состава по 50 вагонов в каждом²³⁶.

В первые два года войны Кригсмарине добились сенсационных успехов: немцы почти полностью контролировали французское побережье, немецкий флот смог обеспечить свободный доступ к Атлантике, он сыграл важную роль при захвате Нарвика. Правда, не обошлось

и без казусов, которые тщательно скрывались от общественности: 22 февраля 1940 г. немецкие бомбардировщики приняли за вражеские суда и потопили два новейших немецких эсминца «Либерехт Маас» и «Макс Шульц»²³⁷. Цена побед первого периода войны была высока: после норвежской кампании в строю у немецкого ВМФ остался всего один тяжелый крейсер и четыре эсминца, не считая легендарных линкоров «Шарнхорст» и «Гнейзенау». Последние в начале 1941 г., несмотря на английское превосходство, в течение двух месяцев вели активную морскую войну против торговых кораблей — они потопили 22 судна (преимущественно английских) водоизмещением 115 622 брутто-тонны и 22 марта 1941 г. невредимыми вернулись на базу в Брест.

После того как у «Шарнхорста» сломалась машина, а «Гнейзенау» в Бресте повредила английская авиация, немцам оставалось надеяться на успех огромного (42 000 тонн водоизмещения) и самого сильного в боевом отношении линейного корабля того времени — «Бисмарка». Гросс-адмирал Эрих Редер отмечал в мемуарах, что благодаря выдающейся боевой мощи, сильной броне и практически непотопляемой конструкции «Бисмарк» превосходил любой из кораблей, который враг мог бросить против него. Но у него была одна существенная слабость — отсутствие самолетов, которые могли бы прикрыть его. По такому же проекту строился линкор-близнец «Тирпиц»²³⁸.

21 мая 1941 г. линкор «Бисмарк» и крейсер «Принц Ойген» в качестве рейдеров отправились в Атлантику. Если бы линкоры «Шарнхорст» и «Гнейзенау», пострадавшие от бомб в Бресте, смогли выйти с «Бисмарком» и «Принцем Ойгеном», то у Германии в Атлантике оказалась бы боевая эскадра из трех новейших линкоров и одного тяжелого крейсера. В таком случае британские конвои оказались бы под смертельной угрозой, поскольку даже могучему британскому флоту трудно было бы дать своим судам сопоставимые эскорты²³⁹.

Уже 23 мая 1941 г. при встрече с английской эскадрой «Бисмарк» прямым попаданием потопил самый крупный английский корабль «*Hood*» (погибло почти 1400 английских моряков). Но к 27 мая 1941 г. англичане смогли собрать все наличные силы, создать большое преимущество в силах и потопить немецкий корабль у берегов Франции; при этом погибло две тысячи немецких моряков. Большое значение в этом успехе англичан имело то обстоятельство, что англичане подслушивали немецкие переговоры: недооценив соперника, нацисты не могли предположить, что немецкий стратегический код «Энигма» раскрыт английской разведкой и учеными.

После гибели «Бисмарка» все надежды немецкого флота были возложены на подводников, которые всю войну действовали необыкновенно эффективно, самоотверженно и мужественно.

Немецкая подлодка капитан-лейтенанта Шухарта U-29 17 сентября 1939 г. на западном подходе к Ла-Маншу двумя торпедами потопила авианосец «Корейджес». Погиб капитан авианосца и 518 членов команды. Шухарту удалось благополучно уйти. В Германии эта новость распространилась с молниеносной быстротой — у немцев вновь пробудилась долго дремавшая вера в свой подводный флот²⁴⁰. После победы Шухарта Дениц решил нанести новый удар по английским боевым кораблям. Маленьким немецким подлодкам «каноз» и Люфтваффе в проливе Керк удалось обнаружить проход, ведущий на главный рейд Скапа-Флоу; все остальные проходы сами англичане блокировали затопленными судами. Чтобы на мощной приливной волне, не выдавая своего присутствия, черепашью ходом провести подлодку по узкому проходу, минуя суда, затопленные в самых неподходящих местах, все время меняя скорость и направление движения в соответствии с линией берега и состоянием русла, — для этого требовалось незаурядное мастерство²⁴¹. Выбор Деница пал на Гюнтера Прина (1908–1941), командира подлодки U-47. 14 октября 1939 г. U-47 про-

никла в святая святых британского флота — в бухту Скапа-Флоу, утопила там линейный корабль «*Royal Oak*» (судно затонуло от торпеды за 30 минут, из 1200 членов команды погибли 833 человека) и смогла уйти от преследования. Уничтоженный Прином корабль имел почти 30 тысяч тонн водоизмещения и был вооружен восемью 380-мм орудиями; о гибели линкора английское Адмиралтейство сообщило 14 октября 1940 г.²⁴² Следует напомнить, что именно в этой бухте 21 июня 1919 г. немецкие моряки затопили приведенные для сдачи Антанте немецкие корабли. Один из военных священников Кригсмарине Альберт Клейн писал: «Теперь мы с гордостью можем произносить это название — Скапа-Флоу; в книге немецкой военно-морской истории Скапа-Флоу отныне занимает почетное место». СД передавала об огромном восторге, который вызвало у простых немцев известие об успехе Прина в Скапа-Флоу²⁴³. Газета ФБ сравнивала Прина с героем Первой мировой войны Отто Веддингеном, который потопил 3 британских броненосца. День гибели Прина, о котором командование флота объявило 24 мая 1941 г. (на самом деле он погиб в марте), стал днем неподдельного национального траура, о всенародной скорби передавала СД в своих «Вестях из рейха»²⁴⁴. Прин со своей командой утопили судов общим тоннажем в 110 300 брутто-тонн.

Германии нужны были герои, и Прин стал одним из них. Гитлер приказал Геббельсу предать подвиг Прина широкой огласке, и министр пропаганды в очередной раз блеснул своими демагогическими талантами. На пути в резиденцию Гитлера вереницу машин с подводниками забрасывали цветами. Праздничная церемония растянулась на несколько дней. Победа U-47 с капитаном Гюнтером Прином на самом деле была громкой — эта подлодка стала мировой знаменитостью, так как Скапа-Флоу считалась неприступной. Весь экипаж подлодки был награжден, моряков принял Гитлер. Прин был удостоен Рыцарского креста. Он стал пятым офи-

Фотомонтаж, пропагандирующий службу в вермахте

Гитлер до войны смог добиться в вермахте безоговорочной поддержки, восхищения, благодарности солдат за расширение армии и восстановление ее престижа

Гитлер во время одного из визитов на фронт в польскую кампанию

Полные решимости и веры в победу отправляются солдаты вермахта на фронт

Солдаты вермахта в 1934 г. принимают присягу лично Гитлеру, что было беспрецедентно для немецкой традиции

Гитлера приветствует офицер почетного караула (1938 г.)

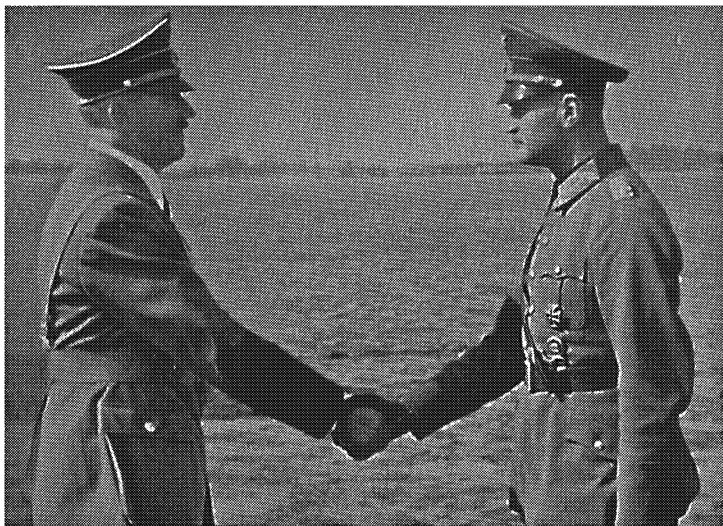
Муссолини, до крайности воодушевленный видом марширующих солдат вермахта

Советский, французский и английский военные атташе на военном параде по поводу 50-летия Гитлера (1939 г.). Судя по виду, они подавлены зрелищем немецкой военной машины

Воздушно-десантные войска на параде по поводу 50-летия Гитлера

Гитлер приветствует генерала от инфантерии Й. Бласковица в Польше незадолго до завершения кампании 1939 г.

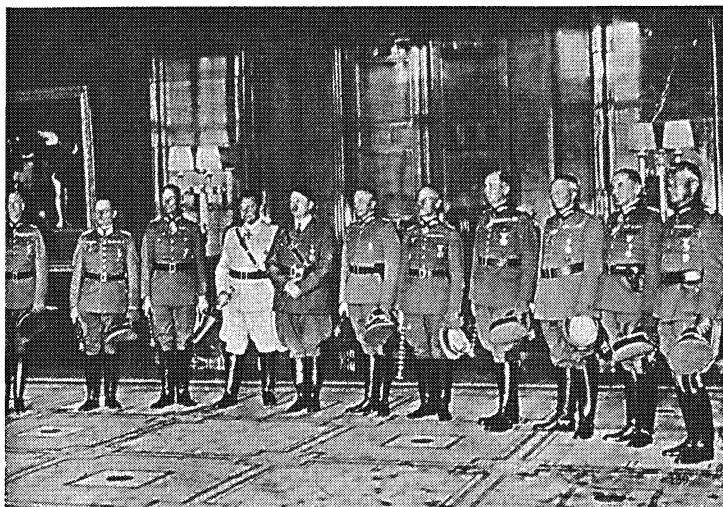
Гитлер обсуждает ход боев в Польше с генералом артиллерии Рейхенау и генерал-майором Грантцем

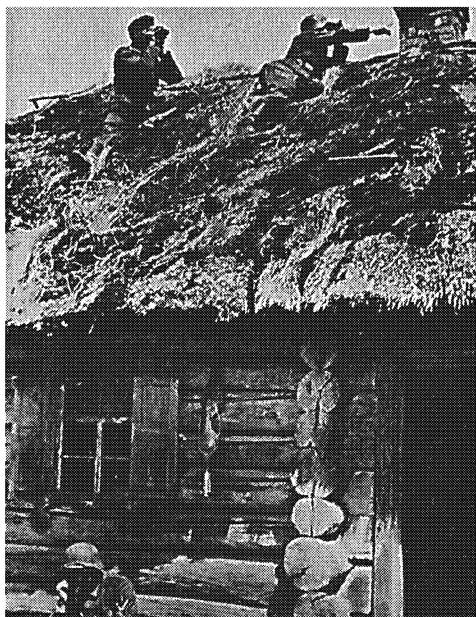
Солдаты вермахта в уличном бою во Франции летом 1940 г.

Во время войны Гитлер был почти недоступен для гражданских чиновников. Это регулировал Борман (крайний слева)

Гитлер в окружении своих фельдмаршалов (справа налево) Кей-
тель, фон Рундштедт, фон Бок, Геринг, Гитлер, фон Браухич, фон
Лееб, Лист, фон Клюге, фон Вишлебен, фон Рейхенау (1941 г.)

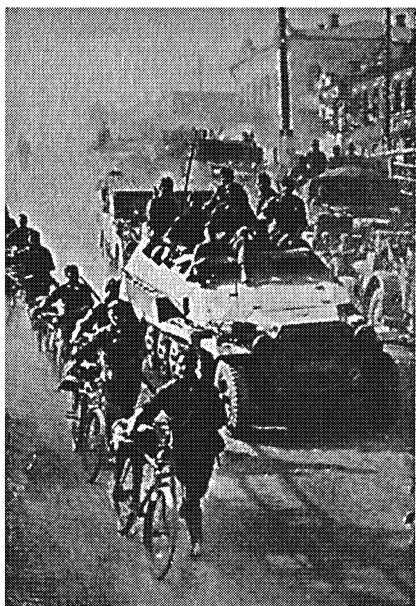
Немецкая разведка
использовала любые
возможности для вы-
яснения обстановки

Советский плакат, призывающий к борьбе с оккупантами

Верблюды во второе военное лето на Восточном фронте перестали быть экзотикой

В немецкой пехоте часто использовали велосипеды в качестве транспорта

Рыцарскими крестами Гитлер награждал лично

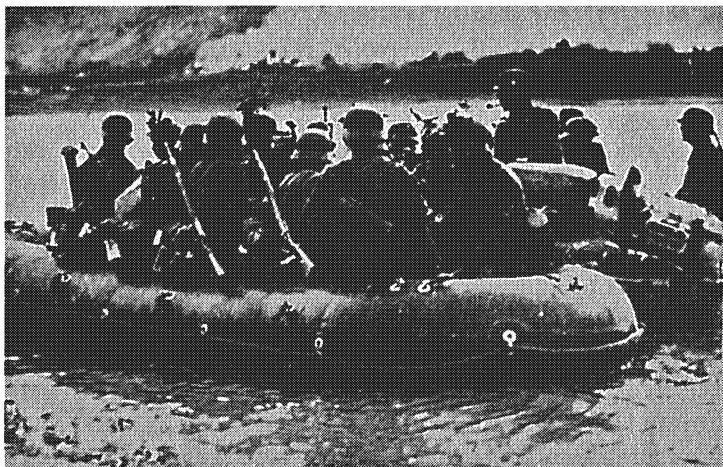
Брошенная немецкая техника под Клином (декабрь 1941 г.)

Пленного советского солдата обыскивают немцы. После допроса его отправят в «дулаг», где шансы выжить были чрезвычайно малы

Некоторые советские военнопленные в июне 1941 г. даже не успели принять участия в военных действиях

Реки Буг, Сан и Днепр для немецкой пехоты были легкими препятствиями

Винтовки Мосина и «Максим» оказались слишком легким оружием для того, чтобы дать достойный отпор немцам

цером, получившим Дубовые Листья к Рыцарскому кресту. Прин погиб вместе со своей командой 8 марта 1941 г.; подлодка морского аса была потоплена английским эсминцем.

Вскоре Прина превзошел Отто Кречмер — командир U-99, ставший лучшим асом немецкого подводного флота: он смог потопить 44 корабля (266 629 тонн). Интересно, что Кречмер попал в плен, и Рыцарский крест с Дубовыми листьями передал ему комендант лагеря для военнопленных в Канаде²⁴⁵. Вторым немецким подводником стал Вольфганг Лют (командир подлодок U-138, U-43, U-181) — кавалер Рыцарского креста с Дубовыми листьями, мечами и бриллиантами, на его счету — 43 корабля (225 712 тонн). Подводным асом номер три был Эрих Попп, после войны он стал адмиралом в Бундесмарине.

Несмотря на успехи, жертвы среди подводников росли довольно быстро: в течение марта 1941 г. было потоплено шесть немецких подлодок и среди них — подлодки трех асов. Три выдающихся капитана субмарин погибли за несколько мартовских дней 1941 г. Лодка Гюнтера Прина вместе с командой была уничтожена 8 марта 1941 г. британским эсминцем «Вулверин», когда пыталась атаковать конвой. Капитан Кречмер, заслуживший звание «Лучшего стрелка», был захвачен в плен 17 марта 1941 г., когда он и часть экипажа спасались с тонущей U-99. В том же бою погиб и Шепке со своей подлодкой U-100²⁴⁶.

Британские газеты вышли с огромными заголовками: «Подводные лодки Кречмера и Шепке потоплены, Кречмер взят в плен». О том, что погиб и Прин, англичане не знали²⁴⁷. К апрелю 1941 г. немецкие подводные лодки утопили кораблей общим водоизмещением 700 000 тонн — это гораздо больше, чем Англия могла построить; выдачи по продовольственным карточкам резко сократились; в этот момент Англия ближе всего была к поражению в войне²⁴⁸.

Глава III

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ, ВЕРМАХТ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ

«Ни одно решение, которое я принимал во время войны, не было более тяжелым и ответственным, чем мое решение напасть на Россию».

(А. Гитлер)

«Откровенная неприязнь всегда подозрительна и выдает тайное родство душ».

(Уильям Хэзлитт, 1778–1830)

«Гитлер предопределен кармой германства всего мира для того, чтобы вести борьбу против Востока и спасти германство всего мира. Эта карма нашла в его блистательной фигуре свою инкарнацию, на которую века спустя люди будут взирать с такой же верой, как и на Христа».

(Г. Гиммлер)²⁴⁹

«Между полусоциализмом немецких фашистов и полуфашизмом русских коммунистов существует такая же глухая «семейная» неприязнь, какая существовала между империализмом Романовых и империализмом Гогенцоллернов и Габсбургов. С обеих сторон — одна и та же глубоко национальная база и, сверх того, одно и то же стремление облагодетельствовать человечество. Что и ведет к войне».

(П. Дрие ла Рошель, в январе 1934 г.)²⁵⁰

«Россия никогда не была такой сильной, какой ее считали сами русские, но она не была и такой слабой, какой ее представляли враги».

(У. Черчилль)

В преддверии войны на Восточном фронте

Переброска немецких войск на Восток, которую первоначально еще можно было рассматривать просто как усиление обороны почти совершенно неприкрытой восточной границы рейха, начала проводиться сразу после окончания войны с Францией. Уже в июле 1940 г. на Восток был переброшен штаб группы армий фельдмаршала Федора фон Бока, а также штабы 4-й, 12-й и 18-й армий. Тогда же сюда были переведены 30 дивизий вермахта. Так были сделаны первые шаги к стратегическому развертыванию сил, которое заняло затем довольно продолжительное время²⁵¹. Началом германского планирования войны с Советским Союзом, как это чаще всего принято считать, является 29 июля 1940 г. В этот день начальник ОХЛ генерал-полковник Альфред Йодль обратился к нескольким специально выбранным — «по желанию фюрера» — специалистам по планированию в ОХЛ и ОКВ. В ОКВ выбор пал на полковника Лоссберга, а в ОХЛ — на генерал-майора Эриха Маркса (*Marcks*), *Ia* 18-й армии²⁵². В итоге Гитлер отдал предпочтение первому. Лоссберг полагал, что самым важным преимуществом русских являются пространства России, которые позволяют бесконечно отступать, заманивая противника вглубь территории, а потом, когда коммуникации врага оказываются растянутыми и в снабжении всем необходимым для наступательных военных действий возникает безнадежное положение, — ответить смертельным контрударом. Поэтому, предлагал Лоссберг, живую силу врага следует нейтрализовать серией охватывающих ударов с последующим окружением и уничтожением. Лоссберг предупреждал, что ни в коем случае не следует теснить врага фронтально, давая ему возможность укрепляться на последующих рубежах обороны. Начальник немецкого Генштаба Альфред фон Шлиффен (1833—1913), автор названного его именем плана молниеносной войны на Западе в годы

Первой мировой войны, считал, что в России такого рода действия бессмысленны. Дело в том, что в России масса солдат столь велика, что русским войскам можно нанести серию поражений, но уничтожить вовсе их невозможно, поскольку после каждого поражения часть русских войск все равно будет уходить вглубь страны, а людские резервы России неисчерпаемы. Лоссберг, естественно, знал об этих выводах прусского военного гения, но считал, что современные темпы наступления немецких танковых колонн сделают отход русских войск невозможным; также эти темпы не позволят советской стороне своевременно пополнять резервами отступающую армию²⁵³. Лоссберг указывал, что тяжеловесное и неповоротливое советское военное руководство не сможет правильно организовать отступление и сразу все потеряет.

5 декабря 1940 г. начальник Генштаба Гальдер впервые обсуждал с Гитлером планы готовящейся кампании на Востоке. Предложенная Генштабом главная цель — захват Москвы — после поправок Гитлера отступала на второй план. Согласно предложению фюрера, первоочередной задачей должно было стать окружение сил противника, находившихся в прибалтийских странах, которое осуществлялось бы поворотом части сил группы армий «Центр» на север. Второй главной задачей становилось уничтожение группировки противника на Украине. Что предпринимать в дальнейшем — наступать ли на Москву или выйти в район восточнее Москвы, — это, как заявил Гитлер, выяснится позже. Таким образом, отмечал генерал Бутлар, разногласия в вопросах руководства кампанией были изначально, но до поры до времени споров они не вызывали...²⁵⁴

При утверждении «плана Барбаросса» (директива № 21 от 18 декабря 1940 г.) Гитлер учел предложения и Лоссберга, и Маркса. Сам он иногда представлял эту кампанию как западный крестовый поход против языческого большевизма, по аналогии с походом знамени-

того германского императора Фридриха I. Первоначально план нападения на СССР назывался «Фриц», а название «Барбаросса» указывало на стремление Гитлера придать восточной кампании характер Крестового похода²⁵⁵. Иными словами, восточный поход изначально представлялся Гитлеру как борьба мировоззрений. В ходе этой борьбы «еврейско-большевистская интеллигенция» должна быть уничтожена — директива требовала сразу обезвреживать большевистских главарей и комиссаров; это поручалось рейхсфюреру СС. Разъяснения ОКВ о разделении полномочий в районах действия «плана Барбаросса» (*Richtlinien auf Sondergebieten zur Weisung Nr. 21*) к 13 марта 1941 г. составил руководитель центрального отдела ОКВ генерал Вальтер Варлимонт (*OKW, Abteilung L*); в задачу его отдела входили контакты с союзниками, соблюдение военного законодательства, вопросы снабжения фронтовых частей и информация о ходе боевых действий. Во время Нюрнбергского процесса этот документ вменили Варлимонту в вину. Разъяснения, на самом деле, содержат многие детали, порочащие вермахт. Так, завоеванные вермахтом территории передавались гауляйтерам, в подчинении которых были необходимые полицейские силы. Даже в прифронтовой полосе суверенитет военных командиров был существенно ограничен: для выполнения особых задач, необходимых для победы в противостоянии двух мировоззрений, особыми полномочиями наделялся рейхсфюрер СС Гиммлер. Его самостоятельность и личная ответственность не ограничивались, лишь бы деятельность СС «не мешала осуществлению военных операций». В Нюрнберге Варлимонт подчеркивал то, что ни один крупный военный не возражал против значительного сокращения его полномочий²⁵⁶. Указание на желание Гитлера «уничтожить большевистских главарей» в разъяснениях Варлимонта отсутствовало, но эту задачу предстояло решать не вермахту, а участникам опергрупп СД и полиции безопасности,

которые этих разъяснений не читали: у них были свои начальники и свои приказы.

В первых числах апреля 1941 г. подполковник Гельмут Гросскурт показал копии секретных документов, разработанных Варлимонтом, двум противникам нацистского режима — бывшему послу Ульриху фон Хасселю и генералу Людвигу Беку. «Волосы встают дыбом, — писал фон Хассель в своем дневнике, — когда узнаешь о мерах, которые планируется предпринять в России, а также о том, как систематически будут нарушаться военные законы на захваченных землях. На деле там возникнет форма самого неприкрытого деспотизма — злейшей карикатуры на любые законы. Подобное состояние дел превратит Германию в такое государство, какое существовало лишь в образе, созданном вражеской пропагандой... Армии придется принимать на себя бремя ответственности за убийства и погромы, которые прежде связывали только с СС»²⁵⁷.

С целью регулирования деятельности опергрупп СД и полиции безопасности, с одной стороны, и вермахта — с другой, 26 марта 1941 г. было подписано соглашение между СС и руководством вермахта о разделении полномочий. Операционный район (*Operationsgebiet*) вермахта был разделен на зону боевых действий (*Kampfzone*), армейский тыл (*Rückwärtige Armeegebiet*) и расширенный войсковой тыл (*übergreifende Rückwärtige Heeresgebiet*). В двух последних допускалась деятельность опергрупп СД и полиции безопасности в целях борьбы с саботажем, терроризмом, а также мероприятий — на их усмотрение — по отношению к гражданскому населению. Таким образом, объектом полицейской активности было только гражданское население, поскольку военные не допускали вмешательства в их компетенции в отношении советских военнопленных. С одним исключением, касающимся лиц, которые, строго говоря, не являются военнослужащими, но

включены в состав Красной армии. Понятно, что речь идет об армейских комиссарах.

Две недели спустя после принятия разъяснений ОКВ, 30 марта 1941 г. Гитлер выступил перед 200 высшими офицерами вермахта. В этом выступлении он уже не разделял функции полиции и вермахта во время восточного похода. Гитлер заявил, что коммунист не может рассматриваться как солдат: с ним следует обращаться, как с преступником. Таким образом получалось, что Гитлер передавал дело ликвидации комиссаров в руки вермахта... При этом никакого протеста со стороны высшего военного руководства не последовало. Гудериан и Гальдер после выступления Гитлера обедали с ним, но ни словом не обмолвились об этом чудовищном распоряжении. Еще через месяц — 28 апреля 1941 г. — в отдел Варлимонта в ОКВ пришел официальный документ, подписанный руководством ОКХ, с предложением довести до войск приказ о расстрелах захваченных комиссаров. Это было неслыханно — ОКХ, наследник старого прусского Генштаба, выступил с предложением о массовых расстрелах пленных...²⁵⁸

Как указывалось выше, Гитлер планировал Крестовый поход против большевизма, что в современных условиях было чревато многими осложнениями. Английский генерал Джон Фуллер писал: «Если вы, ведя войну, не имеете политически здоровой и стратегически возможной цели, то, по всей вероятности, вы уподобитесь тем безумцам, которые пытались истребить идеи пулями, а политические убеждения — бомбами. Цель Гитлера была логичной и возможной, цель японцев — логичной, но невозможной, хотя обе они были чудовищно несправедливы (правда, не более чем империалистические цели других глав правительств и других наций в прошлом). Хотя средства, применяющиеся для достижения здоровых целей, и бывают иногда жестокими, однако в случае безумных целей они всегда жестоки. Именно по этой причине крестовые походы и граж-

данские войны так уничтожают духовные и материальные ценности и губят так много людей». Далее Фуллер указывал, что самым худшим в Крестовых походах было то, что их идеологические цели оправдывали применение любых средств, как бы ужасны и жестоки они ни были. Так, хотя Латеранский собор в 1139 г. под угрозой анафемы запретил пользоваться арбалетом «как оружием, ненавистным богу и недостойным для христианина», однако он разрешил его использование против неверных. И в Тридцатилетнюю войну, когда неистовым религиозным фанатизмом простой народ был вовлечен в борьбу, люди поверили, что для очищения или поддержания религии, в зависимости от обстоятельств, их святая обязанность — убивать врагов самыми зверскими способами. Такое же положение было и во Вторую мировую войну — войну против ереси, войну между догмами. Император Священной Римской империи германской нации Фердинанд II Габсбург (1578—637), известный своей борьбой с протестантами, говорил: «Лучше пустыня, чем страна, управляемая еретиками»²⁵⁹. Именно следуя логике Фердинанда II стремился действовать Гитлер, что не оставляло советской правящей верхушке никакого выбора — победа или поражение доктрины (жизнь или смерть), без всяких нюансов, без альтернативы.

Нацисты были убеждены в своем превосходстве над славянами в культурном и научно-техническом развитии, поэтому особенно нетерпимо относились к любым попыткам оппозиции в Юго-Восточной Европе, безоговорочно пресекая любое сопротивление своим планам и намерениям. Поэтому, обеспечивая правый фланг вторжения в СССР, в апреле 1941 г. немцы атаковали одновременно Югославию и Грецию (чтобы помочь итальянцам). Проблема была в том, что аннексия Албании, осуществленная итальянцами 7 апреля 1939 г. в подражание немецкой аннексии Чехии, не удовлетворила честолюбия Муссолини. Поэтому Муссолини, не

уведомив Гитлера, 28 октября начал наступление на Грецию. При этом он не учел ни способности греческого народа к сопротивлению, ни силу его армии. Гитлер вынужден был помочь своему союзнику.

Предоставление Румынией своей территории для развертывания немецкой армии и присоединение болгарского царя Бориса к державам «оси» позволили в марте 1941 г. сосредоточить 12-ю немецкую армию фельдмаршала Листа в районе между Софией и Пловдивом. Этот район был наиболее благоприятным для начала наступления на Грецию как в оперативном отношении, так и в плане снабжения войск. Добиться от Югославии пропуска через ее территорию немецких частей планировалось при помощи соглашения, подписанного в Вене 23 марта 1941 г. Присоединение Югославии к «Стаальному пакту» было воспринято немецкой общественностью очень позитивно; соответственно, она восприняла известие о выходе Югославии из только что подписанных соглашений настороженно и с огорчением, ибо это неминуемо продлевало войну²⁶⁰. В Белграде произошел переворот, подпитываемый антинемецкими настроениями, и новое правительство генерала ВВС Симовича заключило пакт с СССР. Чтобы решить проблемы на южном фланге, 27 марта Гитлер отдал приказ о начале операции против Греции и Югославии. Фридрих фон Меллентин писал, что если завоевание Югославии стало для германской армии военным парадом, то в Греции началась ожесточенная борьба²⁶¹. Это сопротивление смогла оказать сама греческая армия — практически без поддержки союзников-англичан. Из всего, что предпринимали англичане во время войны, посылка экспедиционного корпуса в Грецию представлялась наименее оправданной с военной точки зрения. Посланные для поддержки истощенных греческих войск английские войска по меркам континентальной войны были только каплей в море и ни в каком случае не смогли бы сопротивляться немецким войскам, имевшим огромные резервы.

13 апреля пал Белград, 17 апреля капитулировала югославская армия, а 23 апреля, несмотря на помощь англичан, капитулировала греческая армия. По желанию итальянского короля Черногория была объявлена независимой²⁶². Англичане смогли эвакуировать 50 000 из 62 000 своих солдат. Такая скоротечность кампаний говорила о превосходных качествах немецкой армии, тем более что речь шла о войне в гористой местности, а такая война предъявляла к солдатам особые требования. Самое большое впечатление эта немецкая победа произвела на горца по происхождению Сталина, который понимал особенности и трудности войны в горах и начал более отчетливо осознать, с какой армией предстоит иметь дело. Именно поэтому Сталин приказал проявлять уступчивость в переговорах с немцами²⁶³. Дабы умиротворить Гитлера, он распорядился, чтобы советская пресса положительно писала о Германии; в середине мая 1941 г. советское правительство лишило норвежскую, бельгийскую и югославскую миссии в Москве дипломатического признания. Гитлер же эти действия Сталина рассматривал как слабость и боязнь военного конфликта. Немецкие дипломаты в Москве ничего не знали о готовящемся нападении (даже посол Фриц фон Шуленбург) и были склонны предполагать, что концентрацией войск на советской границе Гитлер оказывает на советское правительство нажим с целью экономических и, возможно, территориальных уступок²⁶⁴.

Все советские шаги к сближению в Берлине принимали к сведению, но они были напрасны — Гитлер уже принял решение и ждал для нападения установленного срока. Время начала осуществления «плана Барбаросса» из-за Балканского похода вермахта (операция «Марита») было перенесено на один месяц — с 16 мая на 22 июня; впрочем, весна в европейской части СССР была в тот год поздняя, дороги подсохли только к лету, и немцы все равно не смогли бы осуществить нападение

раньше²⁶⁵. Наполеон перешел Неман 24 июня 1812 г. Дни с 22 по 24 июня — самые длинные в году, соответственно, в эти дни солдаты смогут пройти максимально длинные дистанции, танки смогут максимально прорваться вперед, а авиация — дольше бомбить позиции противника.

В немецком же обществе после получения известий с Балкан начался очередной всплеск воодушевления и гордости за армию. Как передавала СД, быстрота победы на Балканах привела общество в изумление, хотя Балканский поход вермахта и вызвал меньший восторг, чем победа над Францией. К тому же воодушевление вскоре спало: СД передавала, что немцы были уже сыты военными победами и злились на итальянцев, которые неосмотрительным нападением на Грецию и неспособностью самим справиться с противником способствовали эскалации войны и ее распространению вширь²⁶⁶, а также вовлечению в войну Греции, что не входило в гитлеровские планы. Несколько раз Гитлер с сожалением высказывался о необходимости воевать с «храбрыми греками».

Чтобы подорвать английские позиции в Средиземноморье, после Греции Гитлер распорядился штурмовать Крит. При подавляющем немецком преимуществе в воздухе (около 30:1 в боевых самолетах, но фактически без военно-морских сил) немецкое командование силами 22 750 солдат (750 из которых должны были доставить планерами, 10 тысяч десантироваться с парашютами, 5 тысяч — самолетами и 7 тысяч — морем) рассчитывало взять огромный остров, расположенный более чем в 120 км от материковой Греции²⁶⁷. Защитники Крита насчитывали в своих рядах около 42 тысяч солдат — более 17 тысяч британцев, 6500 австралийцев, 7700 новозеландцев, 10 тысяч греков. По числу защитников оборона острова была более внушительной, чем предполагала немецкая разведка. 30 апреля новозеландский командир генерал Бонард С. Фрейберг, кавалер креста Виктории, стал командующим обороной Крита²⁶⁸.

Немецкий десант был связан со многими проблемами — далеко не у всех немецких парашютистов при выброске были «шмайссеры» или гранаты, у большинства — только пистолеты и ножи. Оружие для десантников спускали в отдельных контейнерах. Как правило, парашютисты прыгали с очень малой высоты — с 300 метров. Небо расцвело разноцветными куполами: черными — у солдат, фиолетовыми или розовыми у офицеров, белыми — у груза оружия и боеприпасов, желтыми — у грузов с медицинскими принадлежностями²⁶⁹. 31 мая, двенадцатый день битвы, стал последним для организованного сопротивления Крита. Потери среди нападающих были очень большими. После захвата Крита пропаганда особенно интенсивно использовала тот факт, что в десанте принимал участие знаменитый немецкий спортсмен — боксер Макс Шмеллинг, побивший в свое время великого американского боксера, чернокожего тяжеловеса Джо Льюиса; геббельсовские журналисты знали, как преподнести общественности это обстоятельство. Несмотря на тяжелые потери, которые понесли немцы, захват Крита послужил очередным доказательством блестящих успехов Германии. 2 июня английские солдаты прекратили сопротивление. Немецкая пропаганда представила это весьма рискованное предприятие как своего рода генеральную репетицию неминуемого вторжения на Британские острова²⁷⁰.

В Критской кампании немцы не закрепили успех, но лишь рассеяли силы. Важнейшей задачей был захват не Крита, а Мальты, которая перекрывала все немецко-итальянские пути снабжения между севером и югом Средиземноморья; от этих путей в огромной степени зависел Африканский корпус Роммеля. Именно базировавшиеся на Мальте британские корабли, самолеты и подлодки определяли расстановку сил в схватке за Египет. Мальта, несомненно, была более важной целью немецких военно-воздушных сил. Начальник Генштаба Люфтваффе генерал-полковник Ганс Ешоннек еще

3 февраля 1941 г. предлагал сделать захват Мальты первоочередной задачей 10-го воздушного корпуса. Были подготовлены детальные планы захвата Мальты²⁷¹. Но Гитлер считал, что Крит не должен оставаться в руках англичан — из-за опасности воздушных налетов на румынские нефтяные месторождения. Это решение Гитлера и спасло для англичан Египет²⁷². В литературе довольно часто указывают на то, что Гитлера смутили огромные потери десантников, и он не решился осуществить подобную операцию на Мальте. Командующий Южным фронтом фельдмаршал Люфтваффе Кессельринг постоянно твердил Герингу, что весной 1942 г. Мальту можно было оккупировать с минимальными потерями, но тот был под впечатлением гитлеровского запрета на проведение крупных десантных операций из-за предполагаемых больших потерь²⁷³.

Гросс-адмирал Редер планировал взять Мальту с тем чтобы получить возможность беспрепятственно отправлять в Африку снабженческие грузы. Летом 1941 г. Черчилль больше всего боялся захвата немцами именно Мальты — это привело бы к крушению коммуникаций, связывающих Каир с метрополией. Если бы Мальта своевременно была взята, Роммель завоевал бы Египет. Мальту вполне можно было взять: она была в 33 раза меньше и укреплена хуже, чем Крит. Именно благодаря базе на Мальте с июня по октябрь 1941 г. на дно пошло сорок немецких кораблей (водоизмещением в 179 тысяч тонн) с грузами для Африканского корпуса Роммеля. В сентябре до места назначения не добралось примерно 40 % кораблей. В ноябре Роммель недополучил уже 77 % грузов. Кампания Роммеля в Северной Африке завершилась плачевно вследствие блокады путей поступления снабжения²⁷⁴.

В принципе, Мальта должна была озаботить прежде всего итальянцев, поскольку этот остров был прекрасной базой для английского флота и авиации — он находится в 80 км от Сицилии. Немецкий адмирал Ассманн

справедливо считал, что «на месте итальянцев, японцы вступили бы в войну 10 июня 1940 г., устроив Перл-Харбор на Мальте, служившей в то время для оборонительных целей. Потому что Мальта для итальянцев была тем же, чем являлся для японцев Перл-Харбор». Но итальянцы ограничились слабыми воздушными налетами, которые не приносили никакого ущерба английской базе. Немецкий офицер, ответственный за итало-немецкое взаимодействие на море, предлагал итальянцам 9 августа захватить Мальту. Итальянцы отказались. Тем временем англичане усиливали на Мальте свой контингент: с острова можно было контролировать все Средиземноморье²⁷⁵.

События, связанные с захватом Крита, стоят особняком от Балканской кампании не только по времени, но и стратегически. Если война на Балканах была локальной операцией, то Критская операция выходила за рамки европейского спора. Это снова была мировая война, так как здесь речь шла о контроле над всей восточной частью Средиземноморья, о захвате и удержании решающих позиций в поединке между Германией и Великобританией. Это была борьба за Суэц, за Сирию и даже за Турцию. В ходе сражения за Крит немецкие войска часто попадали в исключительно тяжелое положение, и успех был достигнут ценой больших усилий и значительных потерь. Победа на Крите была омрачена еще одним обстоятельством — гибелью линкора «Бисмарк». Трезво оценивая общую обстановку, турки говорили: у англичан есть много островов, а второго «Бисмарка» у немцев нет²⁷⁶.

Впрочем, проблемы на Балканах и в Средиземноморье Гитлер рассматривал как досадные и докучливые помехи, от которых следовало быстро отвязаться: он уже был устремлен к самой главной своей цели — к «жизненному пространству» на Востоке.

***Шансы вермахта в мобильной войне
с Красной армией.
Соотношение сил и ресурсов***

Весной 1941 г. вермахт представлял собой победоносную армию, едва ли испытавшую ощутимые потери. Военная машина была идеально подготовленной и оснащенной, прекрасно сбалансированной и согласованной. Казалось, ей было предназначено направиться по стопам Наполеона — на Восток.

К лету 1941 г. Красная армия была также впечатляюще оснащена (у нее было столько же самолетов и больше танков, чем во всех остальных армиях в мире), но насколько способны были применить эту силу советские командиры? Смогут ли «коммунистические приспособленцы» (каковыми представляли себе советское военное руководство немцы), отобранные по признаку благонадежности, организовать оборону? Гитлер верил, что советская военная машина настолько пропитана коммунизмом, неуверенностью, подозрительностью и наущничеством, так деморализована «чистками», что не сможет действовать надлежащим образом. Он был прав, но только отчасти — во второй период войны, в процессе жесточайшего отбора на среднем командном уровне за счет огромных жертв, началась стабилизация командных кадров и частичное преодоление деморализации и страха перед начальством. Как ни странно это звучит, но именно смертельная опасность помогла мобилизовать лучшие качества Красной армии.

Предстоящее нападение на СССР вызвало в генералитете почти единодушную отрицательную реакцию: по причине почти полного отсутствия сведений о военном потенциале противника, из-за того, что Россия была часто бита, но никогда — разбита, по причине традиционного в прошлом союза России и Пруссии, к аристократии которой принадлежало большинство высших

офицеров вермахта; поскольку в большинстве своем генералы были практическими людьми и стояли выше идеологических мифов; потому что благодаря альянсу с СССР в межвоенный период генералитету удавалось сохранять «черный рейхсвер» с современным оружием. Большинство немецких генералов изначально склонялись к пессимистической оценке перспектив войны с СССР, что отразилось в некоторых высказываниях. Так, 4 мая 1941 г., после очередного совещания, назначенный командующим группой армий «Юг» фон Рундштедт в присутствии Гитлера попрощался с командующим группой армий «Север» фон Леебом, сказав: «До свидания в Сибири»²⁷⁷, что прозвучало довольно двусмысленно... Забегая вперед, нужно сказать, что в советском плену эти генералы не были и поэтому в Сибири не встретились.

Успех в Польше и победа над Францией были, на взгляд военных, достаточными; далее искушать судьбу они не хотели²⁷⁸. Хотя победы эти и положили конец сомнениям армии и генералитета в нацизме: поражение Германии в Первой мировой войне долгое время было самым важным переживанием для немецких офицеров и, избавившись от него, они окончательно уверовали в Гитлера. Для Гитлера война на Западе (пусть и необычайно успешная) была только началом. Его главной целью было «жизненное пространство» на Востоке. Обманывая своих генералов, фюрер утверждал, что нападение на СССР является лишь способом обеспечить победу над Британией²⁷⁹.

Буквально все советники Гитлера были против похода на Россию. МИД также был против, но Гитлер никого не слушал²⁸⁰. Он демонстративно выказывал свое недоверие русским, утверждая, что они могут начать войну в любой момент, поэтому их нападение следует предупредить. В момент нападения, 22 июня 1941 г. (Наполеон напал на Россию 12 (24) июня 1812 г.), немецкая армия вторжения насчитывала 3,2 миллиона

солдат при общей численности армии в 3,8 миллиона, то есть для грандиозной операции Гитлер смог собрать почти все наличные силы. Осенью 1920 г. Красная армия насчитывала 5,5 миллиона солдат; в 1938 г. в РККА было 1,5 миллиона солдат, а в 1941 г. — более 5 миллионов²⁸¹.

По сравнению с кайзеровскими временами, руководство вермахта на Восточном фронте было организовано по-новому. Бросалось в глаза большое количество фельдмаршалов: после французской кампании генералам в таком количестве присваивали звание фельдмаршалов, как никогда ранее в прусско-немецкой истории. При Гитлере это звание было сильно девальвировано такими фигурами, как Бломберг и Кейтель. От этого, впрочем, статус высших военных командиров не очень страдал: в армии отделяли генералов с берлинской Бенделерштрассе (ОКВ) — Кейтеля, Йодля и Варлимонта, от трех командующих группами армий — фон Рундштедта, фон Бока и фон Лееба, авторитет которых был непрекращаем. К примеру, представитель следующего поколения офицеров фельдмаршал Люфтваффе Кессельринг в своих мемуарах характеризовал фон Рундштедта как наследника традиции Верховного командования времен Первой мировой войны. «Держа руку на пульсе событий, он отдавал приказы, находясь в штабе, почти никогда не бывая на передовой и лишь в редких случаях пользуясь телефоном. Практически все его контакты с подчиненными и вышестоящим командованием находились в руках его начальника штаба и штабных офицеров. Такая система имела неоспоримые преимущества: главнокомандующего никто не беспокоил, не отвлекал от дел, на него не влияли впечатления от пребывания на фронте. Он был неким подобием верховного жреца, к которому остальные относились с изрядной долей благоговейного трепета»²⁸².

В Первую мировую войну групп армий в рейхсвере (как и в других армиях) не было — семь отдельных ар-

мий рейхсвера прямо подчинялись кайзеру. Кайзер определял стратегическое направление действий, а Генеральный штаб превращал стратегические намерения в конкретные оперативные указания войскам. Во Вторую мировую войну между Генеральным штабом и отдельными армиями была создана еще одна инстанция – руководство групп армий – высшая полевая инстанция, замкнутая на ОКВ. Созданием ОКВ как своего личного штаба Гитлер обеспечил себе прямой доступ к оперативному руководству. По всей видимости, создать ОКВ Гитлеру пришлось по той причине, что все трое командующих группами армий не были национал-социалистами и безусловно преданными Гитлеру людьми, в отличие от Кейтеля, Йодля и Браухича. Офицеры могли восхищаться энергией Гитлера, но высшим военным авторитетом для них оставались старые генералы, к примеру, фон Лееб (командующий группой армий «Север»), который еще при кайзере возглавлял подавление боксерского восстания в Китае. Слово фон Лееба для этих офицеров было законом. Фон Лееб был настроен консервативно-клерикально и весьма критически относился к нацистам. Федор фон Бок (командующий группой армий «Центр») также был закоренелым пруссаком и совершенно отстраненно относился к «штафиркам» из партии. И фон Рундштедт (командующий группой армий «Юг») не был безусловно человеком Гитлера.

В 7.00 утра 22 июня Гитлер заявил по радио: «Обремененный тяжелыми заботами, обреченный на месяцы молчания, я могу, наконец, говорить свободно. Немцы, в этот самый момент начался восточный поход, который по своим масштабам не имеет равного в мире. Сегодня я решил снова верить судьбу, будущее рейха и немецкого народа в руки наших солдат. Да поможет нам Бог, особенно в этой борьбе». Для оправдания нападения на СССР Гитлер упомянул о заговоре между евреями, западными демократиями и большевиками²⁸³. Германия, по его словам, вынуждена взять на себя дело

спасения всей Европы. Геббельс сразу откликнулся на это, и в пропаганде с первых дней нападения на СССР стала звучать тема германской миссии. Несмотря на усилия пропаганды, немцы в большинстве своем отреагировали на известие о нападении на СССР с озадаченностью, испугом и растерянностью²⁸⁴. Правда, в немецком общественном мнении царило убеждение, что Красная армия — это бесхарактерная и безвольная масса плохо управляемых солдат, что вся русская интеллигенция находится в трудовых лагерях; считалось, что в лагерях находится около 16 миллионов советских людей (10 % населения). Была распространена и точка зрения, что в России вермахт ожидают как освободителя от большевистской тирании. Тем не менее, озабочены были не только простые немцы — накануне 22 июня советник немецкого посольства в Москве Густав Хильгер подшутил над послом Фрицом фон Шуленбургом, зачитав ему тираду Луи Коленкура (французского посла в Санкт-Петербурге в 1807—1811 гг.) из мемуаров о русском походе Наполеона под видом тайной записи слов Шуленбурга, обращенных к Гитлеру: Шуленбург якобы пытался отвратить фюрера от решения напасть на Россию. Хильгер уверил Шуленбурга, что посол просто забыл об этом протоколе. Он читал текст французского мемуариста дословно, изменив только имена: Наполеона — на Гитлера, а Коленкура — на Шуленбурга. Когда шутка была раскрыта, оба были потрясены сходством ситуаций и сочли это плохим предзнаменованием²⁸⁵.

Нападение Германии на Советский Союз стало самой крупной военной операцией в истории человечества — ударные силы агрессора насчитывали 3,5 миллиона солдат. Советская армия считалась более слабым соперником, чем французская армия, и даже чем польская армия, поэтому немецкая сторона не сочла необходимым создавать какие-либо резервы, как во французском походе; вермахт был снаряжен только на

3 месяца боев на Востоке²⁸⁶. Производство немецких вооружений достигло своего пика в июле 1941 г., а затем к декабрю сократилось на треть, что еще раз свидетельствовало о недооценке Гитлером противника. В принципе, нападение на Советский Союз могло закончиться выигрышем, если бы Гитлер правильно оценил потенциал СССР. Довод о стратегической глубине России, которая спасла ее от Наполеона, Гитлер отбрасывал на том основании, что Сталин вынужден будет защищать индустриальные районы западнее Днепра. Планировщики немецкого Генштаба полагали, что иметь резервы вооруженных сил в 9–12 миллионов — выше советских возможностей²⁸⁷. Это была ложная оценка, но она соответствовала убеждению Гитлера, что «план Барбаросса» будет последним планом блицкрига. Последний блицкриг был задуман при слишком маленьких средствах, слишком экономно: Гитлер не хотел полностью переводить немецкую экономику на военные рельсы, он категорически не хотел заставлять женщин работать, не хотел сокращать гражданское производство и потребление больше, чем это, по его мнению, было необходимо для ведения войны. Для вермахта же минимум был таков: 3580 танков, 7148 орудий и 2740 самолетов. Для сравнения: в советском наступлении на Берлин в 1945 г. принимало участие 6250 танков, 7560 самолетов и 41 600 орудий. В 1941 г. большая часть сил вермахта представляла собой обычную пехоту; германский транспорт был преимущественно на конной тяге; соответственно, мобильность такой армии была небольшой. СССР в начале войны имел огромное преимущество в оружии: семь к одному в танках, четыре к одному в самолетах. Тем не менее, к 14 июля Гитлер был убежден, что война завершилась победой, и отдал приказ о переориентации военного производства на заказы флота и авиации, танковое же производство сократилось. Гитлер надеялся начать отвод некоторых пехотных частей уже в августе, а бронетанковых — в сентяб-

ре, оставив только 50—60 дивизий для поддержки линии Архангельск-Астрахань и карательных экспедиций за Урал. Этот план оказался абсурдно оптимистическим²⁸⁸.

В силу своих высоких боевых качеств вермахт был в состоянии выиграть европейский блицкриг, но не тотальную мировую войну: в 1941 г., несмотря на рост военного производства в Германии, совокупное военное производство антигитлеровской коалиции уже было вдвое больше германского; вскоре преимущество утроилось²⁸⁹. 5 августа 1940 г. генерал Эрих Маркс составил прогноз развития боевых действий на Востоке, по которому военные действия должны были продлиться до 9 недель, а в неблагоприятных условиях — до 17 недель для того чтобы дойти до Дона и Северной Двины. Гитлер с этим прогнозом согласился и в беседе с болгарским послом высказался о Красной армии крайне уничижительно²⁹⁰. С другой стороны, в первые дни войны Гитлер сказал: «Начало каждой войны похоже на открывание двери в незнакомое темное помещение, когда никто даже не догадывается, что скрывается в темноте»²⁹¹.

Огромная роль в блицкриге должна была принадлежать танкам, но у немцев в танках не только не было преимущества, но, наоборот, их танки были хуже, и их было меньше. Немецкий генерал Меллентин писал, что в то время как на Западе в 1940 и 1944—1945 гг. огромное влияние на исход танковых боев оказала авиация, на обширных пространствах России главным средством для достижения победы были именно танковые армии. Эффективная авиационная поддержка могла быть обеспечена только на короткое время и на отдельных участках²⁹². В 1941 г. немецкая армия не имела превосходства в танковых соединениях и состояла главным образом из чисто пехотных дивизий, которые передвигались в пешем строю, а в обозе использовали лошадей. Танковые и моторизованные части составляли небольшую часть вермахта²⁹³. К тому же конфигурация границы исключала возможность немедленного охвата или ок-

ружения противника, поэтому вермахту на первых порах приходилось осуществлять только фронтальные удары. Вермахт располагал всего несколькими месяцами для того, чтобы разгромить огромные советские армии западнее Днепра и Западной Двины. Задача усложнялась тем, что пехота должна была выдерживать быстрый темп наступления — переходы в 40 км в день по ужасающим дорогам были на грани физических возможностей человека. Так, 12 пехотная дивизия с 22 июня по 28 июля 1941 г. прошла 900 км, то есть более 25 км в день. Вследствие огромных расстояний у моторизованных частей вермахта (таких, как дивизия «Великая Германия») порой кончалось топливо, и солдаты шли пешком²⁹⁴.

В начале войны у вермахта было 3580 танков (преимущественно Т-III и Т-IV). Когда весной 1941 г. Гитлер приказал показать советским военным специалистам свои танковые заводы, они не поверили в то, что Т-IV и есть самый тяжелый немецкий танк²⁹⁵. Но это была правда. Немецкий Т-IV был на 4 тонны легче Т-34. В 1941 г. у СССР танков было приблизительно втрое больше, чем у Германии. Правда, самый массовый советский танк Т-26 был слабым, но в Красной армии было 5,5 тысяч танков БТ-7. Их также принято ругать, но БТ-7 был лучше вооружен, чем немецкие танки, и обладал преимуществом в скорости, правда, при слабой броне. Но, что было особенно важным для будущего развития событий, у советской армии был лучший средний танк начального периода войны — знаменитая «тридцатьчетверка» (1225 танков в 1941 г. Когда 10 июля 1941 г. Гудериан впервые увидел этот танк, он был поражен: скошенная броня, великолепная проходимость, 76,2-мм орудие...). Танк Т-34 произвел сенсацию: это был средний 26-тонный танк, превосходивший немецкие танки по броне и вооружениям. Снаряды его пушки пробивали броню немецких танков с дистанции в 2 км, тогда как немецкие танки могли поражать Т-34

с расстояния не более 500 м, да и то в боковую или кормовую броню. Первоначально немецкая 37-мм противотанковая пушка поражала советские танки, если снаряд попадал в определенные уязвимые места. Т-34 эта пушка не могла поразить даже в боковую броню. Что касается немецких противотанковых средств, то только 50-мм противотанковая пушка с близкой дистанции поражала Т-34, да и то только сзади, где броня была слабее. Немецкий офицер Ханс Киссель вспоминает, что когда его солдаты подбили-таки две «тридцатьчетверки», то пленные советские танкисты были очень удивлены: им внушали, что у немцев нет средств борьбы с этим танком²⁹⁶. В принципе, это было близко к истине. Гудериан писал, что предложение офицеров-фронтовиков делать точно такие же танки не встретило поддержки конструкторов. Они вовсе не были против подражания: их смущала невозможность быстрого выпуска важнейших деталей советского танка, особенного алюминиевого дизельного двигателя. Кроме того, выпускать такую же легированную сталь было невозможно из-за отсутствия необходимого сырья²⁹⁷.

У Т-34 лобовая броня (70 мм) почти в два раза превышала лобовую броню немецких танков (40 мм)²⁹⁸. Адекватных средств борьбы с этим танком у немцев не было. Немецкий генерал Меллендорф писал о «трагедии немецкой пехоты», так и не получившей летом 1941 г. ничего стоящего для борьбы с советскими танками Т-34: «Противотанковая оборона, без сомнения, является самой печальной главой в истории немецкой пехоты, а танк Т-34 для пехоты и противотанковой обороны немецкой армии был настоящим кошмаром»²⁹⁹.

Надо отдать Гитлеру должное — он осознавал слабость немецких танков и после кампании во Франции понял необходимость увеличения их огневой мощи. Поэтому на Т-III он потребовал вместо 37-мм короткоствольной пушки установить 50-мм пушку JI-60 с высокой начальной скоростью снаряда. Но указание Гит-

лера не было выполнено, и Управление вооружений установило на Т-III 50-мм пушку L-42 с низкой начальной скоростью снаряда. Гудериан вспоминал, что это довело фюрера до бешенства. Раздражение Гитлера можно понять: этот факт неповиновения и своеволия сказался на итоге военных действий³⁰⁰. Катастрофическое для немцев положение переменялось лишь тогда, когда в течение 1941–1942 гг. на немецкие Т-III и Т-IV — после повторного приказа Гитлера — были установлены соответственно 60 — и 75-мм орудия для борьбы с «тридцатьчетверкой»³⁰¹. По дульной мощности эти орудия в полтора раза превосходили пушки на КВ и на Т-34. Иными словами, почти год в начале войны немцы не могли адекватными средствами бороться против Т-34 — только при помощи авиации и противотанковых наземных средств. Весь этот год у Красной армии было такое же превосходство по танкам, как в конце 1944 г.! Генерал Ханс Фриснер писал, что с 1944 г. вермахт вел «войну бедняков» против гораздо более оснащенного противника³⁰².

Правда, до конца 1941 г. руководство вермахта, во-первых, обеспечило новые боеприпасы, во-вторых, поставило на вооружение новые противотанковые пушки. Немецкое орудие 75-мм калибра получило кумулятивные снаряды. Для 37-мм противотанковой пушки приняли надкалиберную кумулятивную мину, заряжавшуюся с дула. Однако самым эффективным германским противотанковым орудием (до 1943 г.) оказалась... советская 76-мм дивизионная пушка Ф-22, получившая в вермахте название РАК-36. Огромное количество этих эффективных артиллерийских орудий попали к немцам в качестве трофеев. Еще более эффективным противотанковым средством с 1943 г. стали реактивные гранатометы «Панцер-фауст 1» и «Панцер-фауст 2»³⁰³. В принципе, с начала войны немцы применяли в артиллерии кумулятивные снаряды, немецкая пехота была вооружена сперва магнитными кумулятивными минами, а

затем, с конца 1943 г. — одноразовым гранатометом с кумулятивной гранатой, который назывался «фаустпатрон». В Красной армии также с 1943 г. использовали кумулятивные снаряды в артиллерии; авиация применяла против немецких танков кумулятивные «бомбочки»; в 1943—1944 гг. их было изготовлено 13 миллионов штук. Весной 1943 г. на вооружение советской пехоты поступила ручная противотанковая граната РПГ-43, затем РПГ-6. Немцы ответили на это тем, что на заводах стали ставить на танки экраны от кумулятивных зарядов. У нас же танкисты сами, подручными средствами экранировали танки³⁰⁴.

У Т-34 были свои недостатки: теснота, плохая оптика, неудачное размещение смотровых приборов. Так, все немецкие танки от Т-III до «тигра» имели две огневые точки — одну в башне, одну — в лобовой броне, чтобы иметь возможность вести огонь в двух направлениях одновременно. Основная масса советских довоенных танков имели только одну огневую точку. Как представлял себе использование этих танков в бою тот, кто их заказывал? — спрашивает советский фронтовик А. З. Лебединцев и сам отвечает, что у Гудериана, когда он начинал танковым командиром, не было ни одного танка, и он навесил на трактор фанерные щиты и на учениях «атаковал» на нем противника. Сразу выяснилось, что из танка плохо видна местность, поэтому Гудериан приложил огромные усилия к тому, чтобы немецкая оптическая промышленность разработала для танков приборы наблюдения и стрельбы. В Красной армии до войны это никого не волновало. В результате были случаи, когда «тигры» подбивали советские Т-34 с дистанции в 3 км. В Красной армии имелись пушки, способные на таком расстоянии поразить броню, но не было такой оптики³⁰⁵. Оптические приборы советских танков вызывали у немецких танкистов недоумение. Атакуя противника своими фанерными танками, Гудериан сразу понял, что никакая связь между ними, кроме ра-

дио, невозможна, а без связи танк беспомощен. И Гудериан настоял на том, чтобы немецкая промышленность снабдила каждый танк надежной радиостанцией. В советской армии радиостанции ставили только на командирские машины. Это объясняет тот факт, что формально боевой техники у немцев было меньше, а эффективность немецких войск была неизмеримо выше³⁰⁶.

Но главной причиной, по которой советские танки в полной мере не смогли проявить себя — это их бездарное применение. Тяжелый танк КВ весил 50 тонн и стал серийно производиться с февраля 1940 г. Толщина брони башни была до 105 мм! Такая броня долгое время не пробивалась никакими противотанковыми средствами противника, кроме 88-мм немецкой зенитки. Обычно КВ вооружали 76-мм пушкой, но для борьбы с дотами был создан полк КВ со 152-мм гаубицей! До июня 1941 г. было выпущено 1225 танков Т-34 и 636 КВ; соответственно, 968 и 508 машин в июне 1941 г. находилось на западных рубежах СССР³⁰⁷. С такими силами грамотное руководство за небольшой промежуток времени легко могло уничтожить все, что у немцев двигалось на гусеницах, или загнать вермахт на Северный полюс...

Версию о тотальном немецком превосходстве в первый период войны охотно поддерживали советские военачальники, поскольку именно вследствие их невежества и непрофессионализма наша страна понесла огромные потери. В воспоминаниях Жукова, Рокоссовского, Еременко, Баграмяна, Ротмистрова и Мерецкова на разные лады говорится о том, что противник имел самые лучшие в мире танки, и что их было очень много, а советские танки были устаревшими, взрывоопасными, небоеспособными³⁰⁸. Это совершенная неправда... Один из знатоков военной истории Владимир Васильевич Бешанов назвал книгу о наших неудачах начального периода Великой Отечественной войны «Танковый погром 1941 г. (куда исчезло 28 тысяч советских танков?)». Основная

мысль автора сводится к тому, что в техническом отношении наши танковые силы были на голову выше немецких, но руководили этими силами совершенно неправильно и бестолково. Танковый парк Красной армии на 22 июня 1941 г. имел следующий вид:

Т-26 — 9998;
БТ — 7519;
Т-28 — 481;
Т-35 — 59;
Т-37, 37А, 38 — 5836;
Т-40 — 132;
Т-34 — 1225;
КВ — 636.

Кроме этих танков, в Красной армии насчитывалось более 5 тысяч бронеавтомобилей, в том числе 3258 средних, вооруженных 45-мм пушкой. То есть гитлеровцам следовало считаться с колоссальным советским превосходством... Советские заводы во время войны изготовили 205 тысяч автомобилей, вдобавок к этому от союзников было получено еще 427 тысяч³⁰⁹. Это обеспечивало РККА большую мобильность, чем у вермахта.

Почти половина немецких танков, вторгшихся на территорию СССР, были не только легкими, но и сильно устаревшими. В немецкой армии было приблизительно 26 типов танков — по сравнению с советской унификацией на Т-34 это был крупный недостаток³¹⁰. Средний немецкий танк Т-III был первым по-настоящему современным танком вермахта; в момент нападения на СССР было 1440 таких машин, 965 из них было выставлено против СССР. Т-III был вооружен 37-мм пушкой и тремя пулеметами MG-34. Экипаж состоял из 5 человек. Такое количество членов экипажа стало стандартным для последующих немецких средних и тяжелых танков. Немцы первыми добились функционального разделения обязанностей членов экипажа, что да-

вало им преимущество в бою: командир был освобожден от работы заряжающего для выполнения своих прямых функций. Т-III был очень удобным для экипажа танком — таких удобств не имел ни один советский, английский или американский танк. Он был оснащен отличными приборами наблюдения и прицеливания с великолепной цейссовской оптикой. Т-III мог на равных сражаться с советскими БТ и Т-26, но при столкновении с Т-34 или КВ он имел шанс на успех только при очень благоприятных условиях. Если немецкие командиры отводили роль Т-III боевой машины поддержки, то более мощные Т-IV должны были выполнять функции танков прорыва. Вес Т-IV составлял 22 тонны; он был, как и Т-34 (26 тонн), средним танком. Тяжелых танков в вермахте в 1941 г. не было даже в проектах.

Т-IV был вооружен короткой пушкой 75 мм и двумя 7,92 мм пулеметами. Короткоствольная пушка этого танка из-за низкой начальной скорости снаряда не обеспечивала успешной борьбы с Т-34. Новая длинноствольная пушка стала устанавливаться на этот танк только с апреля 1942 г. На войну с СССР немцы отрядили 439 танков Т-IV. Таким образом, видно, что не мощь танковых вооружений, как обычно представляли в советской историографии, позволяла немцам постоянно переигрывать советские войска в первой фазе войны, но высокая динамика движения, современная тактика и оперативное мастерство. Войска вермахта, не превосходя противника по количеству и качеству вооружений, переигрывали его тактически и в оперативном отношении³¹¹. Офицер советского Генштаба Н. Г. Павленко отмечал, что «в первом стратегическом эшелоне численность вооруженных сил СССР и Германии в 1941 г. была приблизительно равной, при превосходстве в самолетах и танках у РККА: по количеству новых тяжелых и средних танков советские войска бесспорно превосходили вермахт»³¹².

Когда летом 1942 г. Гитлер посетил Маннергейма, он заявил, что силу советской армии изначально оценили неправильно, и что если бы ему до нападения кто-нибудь сказал, что у русских 35 тысяч танков, он счел бы этого человека безумцем — «мы уже уничтожили 34 тысячи»³¹³. Эту оценку Гитлер для пущей важности преувеличил: по сведениям абвера, к маю 1942 г. у СССР был «только» 26 271 танк.

Радикальная ошибка Гитлера состояла и в том, что самой существенной предпосылки для победы в блицкриге у Германии не было, а именно — у вермахта не было (даже временного) достаточного запаса прочности в ресурсах для нанесения мощного первого (и последнего, как в блицкриге) удара. В оценке мобилизационных возможностей Красной армии абвер чудовищно ошибся, преуменьшив численность последней на 30 %, самолетов — на 280 %, а о количестве танков и их качестве вообще никаких вразумительных данных не было³¹⁴. Еще в январе 1941 г. в ОКХ офицеры оперативного отдела говорили, что если большевистский режим не удастся свалить первым ударом, то рейх окажется перед неразрешимой задачей³¹⁵. На деле оказалось, что вооружения вермахта было совершенно недостаточно даже для кратковременной кампании: в июне 1941 г. 3600 немецких танков противостояли 24 000 советских. Первоначальный гигантский успех вермахта (огромные «котлы» под Белостоком, Вязьмой, Киевом, Брянском)³¹⁶ был достигнут исключительно вследствие нераспорядительности и бестолковости советского военного руководства во главе со Сталиным, за ошибки которого советский народ заплатил огромной кровью. Это были, однако, не стратегические, а исключительно оперативные успехи вермахта, которые не отражали, а только искажали действительное положение дел. Можно сказать, что вермахт «оперативно допобеждался до поражения»³¹⁷. Огромную роль при этом сыграло простран-

ство; один немецкий генерал точно сформулировал главную особенность кампании 1941 г.: впереди нет врага, а позади нет тыла. Советский ветеран Яков Терёньев вспоминал, что в августе 1941 г. пленный немец на допросе сказал: «Вы так отступаете, что я на мотоцикле от самого Смоленска до Сухиничей не встретил ни одного русского. А в Сухиничах меня схватили. Ну что это за война? Вот во Франции при наступлении на каждом шагу падал убитым наш солдат. А здесь что? Так наши скоро загонят всех вас в Сибирь»³¹⁸.

Еще одним существенным фактором, обеспечившим победу СССР, был его человеческий потенциал, благодаря которому пополнялись воинские части. Когда началась война, Красная армия насчитывала приблизительно 5 миллионов солдат (300 дивизий). К концу 1941 г. от этих сил практически ничего не осталось. Однако в запасе у Сталина было еще 14 миллионов человек, имевших базовую военную подготовку. В результате мобилизационных мер уже к концу 1941 г. Красная армия насчитывала 8 миллионов солдат (600 дивизий). При таких мобилизационных ресурсах противника вермахт мог выиграть войну только в ходе blitzkriega. Самый крупный шанс в blitzkriegе вермахт имел в битве за Москву: сомнительно, смог бы сталинский режим пережить падение Москвы³¹⁹.

Насколько утопичной была идея Гитлера в индустриальный век выиграть войну чисто военными средствами, наглядно видно по следующей статистике: Третий Рейх произвел в годы войны 20 000 танков и воевал против 200 000 танков противника. С таким соотношением сил даже общепризнанное оперативное искусство и бесспорное превосходство немецкого генералитета были совершенно бессмысленными и никакого значения не имели. До этой простой истины можно было вполне дойти и на примере гражданской войны в США, которая показала, что Юг, превосходивший в военном отношении Север, был обречен по причине экономи-

ческого отставания от Севера. По всей видимости, самой адекватной реакцией на войну, — как вспоминал немецкий социал-демократ Гюнтер Маркшеффель, эмигрировавший во Францию, — были слова старого француза из Авиньона, увидевшего в витрине газету с сообщением о нападении на СССР: «Ну, теперь войне конец: Гитлер совсем спятил»³²⁰.

Но все же первые две летние кампании вермахт побеждал. Встает вопрос, за счет чего немецким генералам удавалось добиться победы над противником, значительно превосходящим по мощи, по вооружениям и по количеству живой силы? Ответу на этот вопрос и посвящена следующая глава.

Начальный период войны, характер и условия войны на Восточном фронте

«Кроме англичан, история вообще знает только две нации, которым досталось сопоставимое национальное чувство собственного достоинства, схожее провиденциальное осознание собственной силы: это римляне и, по крайней мере, на протяжении определенного времени, ведущие классы русской нации. Русские и англичане привыкли идентифицировать дело развития человечества с собственным национальным положением. Им свойственно убеждение, что осуществление их естественных планов и работа во благо своего народа наилучшим образом служит человечеству и мировой культуре вообще».

*(Пауль Рорбах)*³²¹

Немецкая армия на Востоке, начавшая военные действия 22 июня, имела следующий состав:

— Группа армий «Юг» (фельдмаршал фон Рундштедт) включала 6-ю армию фельдмаршала фон Рейхенау,

11-ю армию генерал-полковника Шоберта, 17-ю армию генерала пехоты Штюльпнагеля и первую танковую группу генерал-полковника фон Клейста. Всего в этой группе армий было 29 пехотных, 5 танковых, 4 моторизованные, а также 14 румынских дивизий. Группу армий поддерживал 4-й воздушный флот генерал-полковника Лера.

– Группа армий «Центр» (фельдмаршал фон Бок) включала 2-ю армию генерал-полковника фон Вейкса, 4-ю армию фельдмаршала фон Клюге, 9-ю армию генерал-полковника фон Штрауса, 2-ю танковую группу генерал-полковника Гудериана и 3-ю танковую группу генерал-полковника Гота. Эта группа армий имела 31 пехотную дивизию, 9 танковых, 7 моторизованных и 1 кавалерийскую дивизию. Группу армий поддерживал 2-й воздушный флот фельдмаршала Кессельринга.

– Группа армий «Север» (фельдмаршал фон Лееб) включала 16-ю армию генерал-полковника Буша, 18-ю армию генерал-полковника фон Кюхлера и 4-ю танковую группу генерал-полковника Гепнера. В этой группе армий было 20 пехотных дивизий, 3 танковые и 3 моторизованные дивизии. Группу армий поддерживал 1-й воздушный флот генерал-полковника Келлера.

В резерве гитлеровской ставки находились 21 дивизия, 2 танковые и 1 моторизованная дивизия. В составе групп армий находились и опергруппы полиции безопасности и СД, которые подчинялись непосредственно рейхсфюреру СС³²².

В первые недели войны советское сопротивление было слабым. Уже 22 июня фронт обороны был прорван на нескольких направлениях, нарушена система связи, потеряно централизованное управление войсками. После прорыва советских укрепленных пограничных линий для немецкой пехоты началось время бесконечных маршей – до 30 и более километров в день³²³. Моторизованные соединения в вермахте не были преобладающими; большинство солдат шло пешим ходом,

Соотношение сил на Восточном фронте

а лошади тянули обоз и тяжелые вооружения. Порой за день солдаты преодолевали до 35 км. При этом нельзя забывать, что каждый немецкий пехотинец нес на себе до 30 кг амуниции: стальную каску, винтовку, шанцевый инструмент, оловянный котелок, алюминиевую ложку-вилку, походную плитку, шомпол для чистки оружия, сменное белье, колья для палатки, плащ-палатку, набор ниток с иголками, бритвенный прибор, мыло и даже пакет презервативов³²⁴. Ветеран РККА Яков Терентьев отмечал в своих воспоминаниях, что по сравнению с советскими, немецкие солдаты выглядели щеголями. У немцев были сапоги с голенищами из грубой кожи, суконные брюки и китель сизого цвета (*feldgrau*), шинель из тонкого сукна и хорошего покроя пилотка. В РККА все обмундирование было хлопчатобумажным³²⁵.

Жара, пыль, а впереди еще одно облако пыли — которое поднимала советская пехота... Часто отступающие советские части имели преимущество в том, что они знали дороги, проходы через болота, поскольку первое время у немцев не было достоверных и полных карт. В Первую мировую войну немцы также воевали у Припятских болот, но при советской власти возникла новая сеть дорог, которая была немцам не знакома.

Первого июля 2-я танковая группа Гудериана достигла Березины. Все машины группы были обозначены большой белой буквой G (*Guderian*), по имени командира. Справа от Гудериана наступала 3-я танковая группа генерал-полковника Гота, а слева — две армии группы армий «Центр», которые через Смоленск (за 24 дня до занятия этого города вермахт прошел, считая по прямой, 700 км...) и Минск двигались прямо к Москве. За первые два дня группа армий «Центр» продвинулась на 200 км: была окружена Белостокская группировка РККА, в состав которой входило более половины всех войск Западного особого военного округа. На пятый день немцы вышли к Минску, через три дня советская

группировка под Минском была окружена. Группа армий «Центр» наступала на Москву по пути, которым в 1812 г. шел Наполеон.

Двина, Березина и Днепр — вот крупные водоразделы, которые для немецкого командования были главными стратегическими рубежами. Немецкое руководство считало, что если Красная армия, сохранив боевое состояние, вовремя сможет перебраться через эти рубежи, то тогда вермахт ждет судьба наполеоновской армии. Интересно отметить, что 8 июля начальник штаба 4-й армии фельдмаршала фон Клюге генерал Блюментритт записал в дневнике, что при переправе через Березину у Борисова солдаты нашли остатки свай, вбитых саперами наполеоновской армии в 1812 г.³²⁶ Слово «Березина» знают все французы: здесь в 1812 г. русские войска почти окружили армию Наполеона, и только части ее удалось переправиться через Березину благодаря храбрости саперов генерала Жана-Батиста Эбле (Éblé), которые и навели через реку две переправы.

Кроме Березины, германские войска без особых затруднений захватывали мосты на Немане, Припяти, Днепре и даже под Москвой. Так, в первые дни боев в самом важном центральном секторе, где у Буга скопились 800 танков 2-й танковой группы, оба моста южнее Бреста целыми и невредимыми попали в руки немцев. К северу от Бреста 18-я танковая дивизия использовала танки, специально загерметизированные для операции «Морской лев» (вторжение в Англию), форсировала реку и нанесла удар по советским оборонительным сооружениям. Стремительность и глубина танкового вклинения, присутствие в воздухе самолетов Люфтваффе и, прежде всего, безупречная координация всех родов войск создавала вокруг немцев ореол непобедимости, которой не было ни у одной армии мира со времен Наполеона. В первые два дня Красная армия потеряла 2 тысячи самолетов — совершенно беспрецедентные по-

тери. Самая сильная (численно) авиация в мире была уничтожена за 48 часов³²⁷. Генерал Меллентин писал, что советская авиация понесла такие огромные потери и была доведена до такого состояния, что, казалось, ей уже никогда не удастся вновь обрести силу. Однако за этим неожиданно последовало возрождение такого масштаба, какое возможно только при наличии неисчерпаемых ресурсов³²⁸.

Войдя в соприкосновение с советскими войсками, передовые немецкие части при поддержке артиллерии и авиации предпринимали попытки с ходу преодолеть сопротивление противника. Впереди, как правило, с целью выявить систему огня советской обороны наступали более легкие и маневренные танки и мотопехота. В случае неудачи выдвигалась группа из 5–10 средних танков, которые огнем подавляли противотанковую артиллерию и огневые точки. Затем на большой скорости легкие танки атаковали совместно с пехотой. Нередко на броне немцы везли пулеметы и минометы с расчетами — для занятия более выгодных позиций. Если после повторной атаки не удавалось прорвать оборону или нащупать слабое место, фланг или стык, снова наносились удары артиллерией и авиацией, а затем снова атаковали средние танки. Действиям авиации предшествовала воздушная разведка. С началом танковой атаки бомбовыми ударами и огнем по советским позициям авиация стремилась максимально подавить оборону, посеять панику и вынудить противника к отходу.

При встрече с более подготовленной обороной немецкие войска проводили артиллерийскую и авиационную подготовку продолжительностью 45 минут и более. Огонь корректировался с самолетов. При отсутствии открытых флангов немцы — с целью выявления слабых мест — наступали небольшими силами на широком фронте, а затем главными силами наносили удар в установленном уязвимом пункте. При достаточно хорошо организованной обороне германские части дей-

ствовали очень осторожно и, понеся даже незначительные потери, отходили в исходное положение. Советские же «отцы-командиры» гнали на немецкие пулеметы в неорганизованные контратаки повторяющимися «волнами» целые корпуса: без разведки, без поддержки авиации, без связи и взаимодействия, без снабжения горючим и боеприпасами³²⁹. Причем такой стиль был характерен для советского командования до самого конца войны. Об отношении к жизни советских солдат свидетельствует незатейливый фронтовой анекдот. Командир, отправляя бойцов за «языком», интересуется, готовы ли они отдать жизнь. «Такую?!» — спрашивает один из них...

Красноармейцы и сами подчас пренебрежительно относились к собственной безопасности. Советский генерал Петр Григоренко писал, что к каскам в РККА было пренебрежительное отношение — считалось, что их носят только трусы. Будучи начальником штаба 8-й дивизии и объезжая ее позиции, он не встретил ни одного солдата, который носил бы каску. Между тем военный хирург профессор Костенко сообщил Григоренко, что 80 % погибших красноармейцев имели поражение в голову — почти все эти солдаты не носили каски. Костенко при этом заметил, что смерть при поражении головы через каску — большая редкость. В сущности, констатировал хирург, красноармейцы, которые не носят каски на фронте — это «самоубийцы по расхлябанности»³³⁰. У немцев же за появление на передовой без каски судили как за членовредительство. Все попытки Григоренко установить в своей дивизии порядок с использованием касок окончились провалом, а его самого стали считать трусом и тыловой крысой, трясущейся за свою жизнь... Другой мемуарист, советский ветеран войны, вспоминал, что в 1944 г. выданные пехоте новые каски просто оставили на дороге — на следующий день во всей роте каска была только у одного сержанта...³³¹

Немецкий генерал Меллентин отмечал, что советская тактика представляла собой странную смесь умения просачиваться в расположение противника и мастерства в использовании полевой фортификации со ставшей почти нарицательной негибкостью атак и безрассудного их повторения на одном и том же участке. Отсутствие гибкости в действиях артиллерии и неудачный выбор района наступления с точки зрения местности свидетельствовали о неумении творчески подходить к решению задач и своевременно реагировать на изменения в обстановке³³². Меллентин писал: «Индивидуальность советского солдата непрочна, она легко растворяется в массе; иное дело терпеливость и выносливость — черты характера, складывавшиеся в течение многих веков страданий и лишений. Благодаря природной силе этих качеств, русские стоят во многих отношениях выше сознательного солдата Запада, который может компенсировать свои недостатки лишь более высоким уровнем умственного и духовного развития... Комиссарам удалось создать в русской армии то, чего ей не доставало в Первую мировую войну, — железную дисциплину. Не знающая жалости военная дисциплина, которую, я уверен, не выдержала бы ни одна другая армия, превратила неорганизованную толпу в необычайно мощное орудие войны. Дисциплина — главный козырь коммунизма, движущая сила армии. Она также явилась решающим фактором и в достижении политических и военных успехов Сталина»³³³. Дисциплина в Красной армии оставалась крайне суровой до самого конца войны. Страх наказания был основной причиной тактической косности на всех уровнях командования. После войны американский генерал Омар Бредли вспоминал, что лейтенант армии США имел куда большую свободу действий, нежели советский командир дивизии. Командующие фронтами могли проявлять личную инициативу, но на более низких уровнях армии, корпуса и дивизии были по рукам и ногам связаны инструкциями Ставки³³⁴.

Но и эта дисциплина первоначально ничего не давала; при всей храбрости и терпеливости красноармейцы были совершенно беспомощны без четкого руководства и разумных приказов, чего не было в первые месяцы войны, поскольку советское военное руководство планировало только наступательную войну: в ответ на вражескую агрессию должен был последовать уничтожающий удар Красной армии. В связи с наступательным характером военной доктрины советские военные специалисты совершенно игнорировали отступление — специфический, наиболее сложный вид маневра, требующий высокого мастерства. По свидетельству бывшего главкома РККА С. С. Каменева, Красная армия, как и старая российская армия, не умела совершать отступательный маневр, который обычно сводился либо к латанию дыр в обороне, либо к простому отходу. Кроме того, известный советский военный теоретик профессор А. А. Свечин еще в середине 20-х в работе «Опасные иллюзии» писал: «Советская власть получила от старого режима сложное наследство, в том числе и ту “пуховую перину”, которая создает иллюзию о бесконечности русской территории, предоставляющей широкие возможности для отступлений, о неуязвимости для внешнего врага политического центра, о русской земле, которая сама остановит любое вторжение»³³⁵. Поэтому представления о том, как действовать в отступлении, у советского высшего и среднего командного звена не было. Генерал Меллентин также писал, что из всех видов боевых действий отступление под сильным давлением противника является самым трудным и опасным. Когда знаменитого немецкого фельдмаршала Хельмута Мольтке хвалили за его руководство франко-прусской войной 1870—1871 гг., и один из поклонников сказал, что его можно поставить в один ряд с такими великими полководцами, как Наполеон, Фридрих Великий и маршал Анри Тюренн, — Мольтке ответил: «Нет, ибо я никогда не руководил отступлением»³³⁶.

Положение усугублялось еще и тем, что в Красной армии всякая тактическая инициативность и свобода решений командиров не только не культивировались, но выжигались каленым железом. Командующие советскими фронтами и армиями буквально по рукам были связаны противоречивыми инструкциями из Кремля. В довершение этого, с 16 июля был восстановлен институт военных комиссаров, что на практике означало двойную ответственность, так как любой приказ требовал утверждения политруком. Политическое руководство Красной армии, естественно, стремилось переложить ответственность на фронтовых командиров, которых зачастую и обвиняли в предательстве. В таких условиях миллионы солдат, даже самых храбрых и самоотверженных, станут беспомощным стадом. Такая «безголовость» Красной армии была на руку Гитлеру и его генералам: советская армия несла чудовищные потери. Оперативная беспомощность советского командования была одинаковой на всех направлениях немецкого наступления, и немецкие генералы надеялись, что она поможет вермахту преодолеть трудности, связанные с недостатком времени и колоссальными пространствами. Например, немецкий генерал Курт фон Типпельскирх удивлялся, почему русские из окружения всегда пробиваются прямо на восток, что облегчает задачу пресечения их прорыва. Ведь из окружения легче прорываться в любом другом направлении, а уже затем идти на восток, к своим. Такой простой логике советские командиры обучены не были. Не было подсказана и такая тактика: подходить к населенному пункту, в котором возможен противник, не с того направления, откуда тебя ждут, а с любого другого³³⁷.

Ошибкой немецкого командования было то, что оно идентифицировало бездарность советского военного руководства с простыми красноармейцами, «иванами», как их презрительно называли немцы. Солдаты вермахта вскоре обнаружили, что даже в окружении и в условиях

подавляющего превосходства противника советские солдаты продолжали самоотверженно сражаться. В подобных условиях большая часть западных армий уже давно бы сдалась. Может быть, поначалу примеров такой стойкости было не так много, но это можно объяснить паникой и дезорганизацией, смятением и общей неразберихой — вины простых солдат здесь не было никакой.

Зато немецкие солдаты чувствовали свое превосходство над противником. В большинстве своем они гордились тем, что участвуют в «крестовом походе против коммунистов и евреев». Один из ветеранов Восточного фронта, князь Донна из 60-й моторизованной дивизии, через много лет после войны перечитывая свои дневники, поражался собственному бессердечию. Он говорил: «Сейчас невозможно понять, как я без единого слова протеста дал заразить себя охватившей нас манией величия. Но все мы в те дни ощущали себя составными частями грандиозной военной машины, которая безостановочно катилась на восток, на большевиков»³³⁸.

В начальный период войны германская армия достигла ошеломляющих успехов. Английский историк Дэвид Глэнтц писал, что не фактор внезапности сам по себе был причиной катастрофических неудач Красной армии, но внезапность институциональная — именно она лежала в основе катастрофических советских поражений 1941 г. Красная армия находилась в состоянии трансформации, реорганизации; менялась ее организационная структура, командование, оснащение, дислокация и оборонительные планы. Если бы Гитлер совершил нападение за четыре года до 1941 г. или даже год спустя, то мощи Красной армии хватило бы для того, чтобы остановить вермахт³³⁹.

С другой стороны, советская военная доктрина уже в начале своего формирования предусматривала переход Красной армии в решительное наступление и оказание помощи революционным движениям в других

странах. Это обстоятельство и позволило спекулянтам всякого рода утверждать, что гитлеровская агрессия имела превентивный характер. В конечном счете такую точку зрения легко свести к оправданию гекатомб сталинизма подготовкой СССР к войне с Гитлером.

Сами нацисты использовали в пропагандистских целях массовые убийства, учиненные чекистами во Львове в самом начале войны. Как указывал Йоахим Гофман (первым из историков подхвативший тезис о превентивной войне), именно эти убийства были причиной превращения войны на Восточном фронте в «войну на уничтожение» (*Vernichtungskrieg*). Однако истинным автором «теории превентивной войны» является не Гофман и не Виктор Резун (В. Суворов), а Геббельс, который 1 октября 1941 г. писал: «Если бы фюрер в самый последний момент не отдал приказ об упреждающем ударе по Советам, то большевистские орды затопили бы Европу, грабя и уничтожая все на своем пути. Это означало бы конец европейской цивилизации»³⁴⁰.

Стержневая идея Гофмана — это то, что Советский Союз, так же, как и Германия, вел войну на уничтожение. Война эта была основана на ненависти к целому народу и соответствовала характеру тоталитарной идеологии как с одной, так и с другой стороны³⁴¹. Но советская сторона была вынуждена действовать таким образом, о чем Сталин и объявил в речи от 6 ноября 1941 г. Он сказал, что если оккупанты хотят вести войну на уничтожение против народов СССР, они получают такую же войну и против них самих. Но вермахт был грозной силой, поэтому почти все операции советских стратегов в 1941–1945 гг. выглядели истреблением собственного народа и издевательством над военным искусством. Об этом неопровержимо свидетельствует соотношение потерь: 2,8 миллиона немецких солдат и 19,5 миллиона советских³⁴². Столь же убийственной была и тактика: ни в коем случае не принимать генерального сражения — отступать по огромным территориям стра-

ны, сжигая за собой все, что можно (по выражению одного из западных историков — «спасать страну путем ее уничтожения»).

Благодаря тезису о «превентивной войне», воспроизведенному автором «Ледокола» В. Суворовым и Й. Гофманом, Гитлера можно было представить гуманистом, стремившимся избавить человечество от беды большевизма. Это, конечно, чепуха: Гитлер исходил из собственной геополитики, и не будь пресловутой советской наступательной доктрины или зверств чекистов во Львове, Виннице или еще где-нибудь, он придумал бы что-нибудь другое для оправдания своих действий; что именно — не имело никакого значения... Нацистам еще повезло: чекисты оставили массу следов. Обер-лейтенант вермахта Гетц Дорнбах, воевавший на Восточном фронте, вспоминал, что о преступлениях сталинского режима немецкие солдаты знали не только от геббельсовской пропаганды, — они часто сами сталкивались со свидетелями и свидетельствами этих преступлений и были в ужасе от жестокости НКВД³⁴³.

Клаузевиц, участник Отечественной войны 1812 г., писал, что Россия может быть завоевана только при помощи самих русских. В этой связи американский историк Алберт Ситон указывал, что нацисты в 1941 г. имели уникальный шанс представить свой восточный поход как освободительную войну против преступного террористического большевистского режима. Но как раз это не входило в планы Гитлера: он хотел, чтобы победа на Востоке была достигнута исключительно военными средствами. Ситон передает содержание беседы, состоявшейся в мае 1941 г., когда начальник отдела абвера «Иностранные армии. Восток» полковник Кинцель собрал бывших русских офицеров царской армии из среды белой эмиграции, чтобы обсудить вопрос об обеспечении вермахта переводчиками с русского. Интересно, что один из русских генералов потребовал за свои услуги такую же оплату, как у немецких генералов его ран-

га. Эмигранты настойчиво советовали Кинцелю под-
нять вопрос о том, чтобы немецким войскам было дано
распоряжение вести себя по отношению к местному
населению в СССР подчеркнуто корректно: это соста-
вило бы контраст с поведением представителей боль-
шевистской власти и многих привлекло бы на сторону
немцев. Что касается комиссаров, то, к удивлению пол-
ковника Кинцеля, эмигранты также советовали отно-
ситься к ним уважительно, поскольку большинство из
них обладает в войсках куда более сильным влиянием,
чем запуганные сталинскими чистками командиры. По
словам эмигрантов, большинство комиссаров перешли
к большевикам из карьерных соображений: это наибо-
лее энергичные и целеустремленные люди, стремившие-
ся устроиться в жизни. При соответствующих условиях
именно они помогут настроить советских солдат про-
тив Сталина и его руководства. На самом деле, советс-
кое общество не забыло сталинских репрессий и не оп-
равилось от потрясений массовой коллективизации на-
чала 30-х гг. (Фактически советское общество пребывало
в морально-политическом кризисе; можно сказать, что
война и зверства немецких оккупантов стали причиной
сплочения народа и мобилизации советского общества.)
Кинцель аккуратно записал эти пожелания, но пред-
принимать ничего не стал; он знал, что «приказ о ко-
миссарах» уже утвержден³⁴⁴. Иными словами, в боль-
шинстве случаев в тоталитарной машинерии преобла-
дали политические решения. Советские «герои» Катюши
со шпалами и кубарями на воротниках гимнастеров по
своему цинизму не уступали немецким «героям» Бабь-
его Яра, облаченным в эсэсовские мундиры с рунами.
А ведь именно по этим «героям» немцы зачастую суди-
ли о русских, а русские — о немцах. Подлинными пре-
ступниками были руководители Третьего Рейха и Со-
ветского Союза, отдававшие жестокие приказы, а мил-
лионы людей сделались вольными или невольными
соучастниками и жертвами преступлений³⁴⁵.

Для Гитлера завоевание огромной территории на Востоке было обычной колониальной войной, а не освобождением советского народа от ига или борьбой с большевизмом. Кроме того, советско-финская война показала всему миру слабость РККА: миллионная армия Тимошенко долгое время ничего не могла поделаться с маленькой финской армией и несла огромные потери (в ходе финской войны общие потери наших войск составили 281 192 человека, а потери финской стороны — 23 500 солдат³⁴⁶). Знарок истории РККА Николай Григорьевич Павленко указывал, что репрессии 1937—1938 гг. серьезно снизили и без того невысокую боеспособность РККА: наблюдалось небывалое падение дисциплины, командиры находились в растерянности. Репрессии в отношении командных кадров РККА продолжались и в ходе войны, и почти целое десятилетие после ее окончания³⁴⁷. Самым слабым местом Красной армии с конца 20-х гг. до начала 40-х являлось неуклонное снижение морального состояния войск. Красная армия изначально создавалась не как военная организация государства, а как инструмент большевистской партии. Для этого в армии была создана разветвленная система политических органов, главной функцией которых была слежка за деятельностью военачальников. Власть политработников прямо или косвенно распространялась на многие сферы: на войска, на кадровую политику, на трибуналы, на особистов, на снабженческие органы. Некоторые политработники, понимая бесполезность своей работы, переходили на командирские и другие посты. Так было с маршалом И. С. Коневым, маршалом П. С. Рыбалко, генералом А. В. Хрулевым, генералом И. Т. Коровниковым. Обладая огромной властью, политработники почти ни за что не несли никакой ответственности. Например, в июле 1941 г. по приговору трибунала были осуждены и расстреляны четыре генерала — командующий фронтом Д. Г. Павлов, начальник штаба фронта В. Е. Климовских, начальник связи фрон-

та А. Т. Григорьев, командующий 4-й армией А. А. Коробов. Члену же Военного совета фронта А. В. Фоминых Мехлис, руководивший по поручению Сталина этой расправой, приказал «уйти с глаз и больше в штабе фронта не появляться»³⁴⁸.

Представить себе такую армию (не в Отечественной), а в агрессивной, наступательной войне, требующей инициативности и оперативного мастерства, было абсолютно невозможно; Сталина трудно обвинить в безрассудстве: он все-таки был прагматиком власти, а не авантюристом, как Гитлер.

Между тем, к 24 июня Манштейн вклинился на 100 км; 26 июня он был уже в Двинске (Даугавпилс), мост через Двину был захвачен — это было выдающимся достижением. Теперь коридор шириной в 100 км у входа вел прямо к Ленинграду. За пять дней немцы прошли половину пути, который отделял их от «колыбели революции». 27 июня советские войска были окружены под Минском; приграничное сражение оказалось проиграно Западным фронтом на пятый день войны. Характерно развивались события под Барановичами, которые обороняли остатки советских 121-й и 155-й стрелковых дивизий; там на 30 тысяч солдат было 10 тысяч винтовок. Для обороны города привлекли формируемый в этом районе 17-й мехкорпус, который был укомплектован рядовым составом, располагал артиллерией и 63 танками. Правда, личный состав мехкорпуса не имел необходимой подготовки, в дивизиях не было штабов и отсутствовали средства связи и артиллерийские снаряды. Штаб фронта потерял всякое управление корпусом. Справедливо считая соединение небоеспособным, задач ему не ставили, но в тыл для доукомплектования отвести забыли. И вот 26 июня практически безоружные красноармейцы попали под гусеницы танков Гудериана, элитной части вермахта: в один день 17-й мехкорпус Красной армии перестал существовать³⁴⁹. Этот эпизод был типичен для всего развития событий в этот

период войны. Приблизительно за восемь дней было полностью разгромлено шесть советских армий.

Еще во время боев в районе Минска высвободившиеся части обеих танковых групп были сведены в 4-ю танковую армию, которая начала наступление на Смоленск. 10 июня немецкие войска вышли к Днепру в районе Рогачева, Могилева и Орши и начали готовиться к форсированию реки. Сюда же, по мере выполнения задач по ликвидации окруженных в районе Минска войск противника, подтягивались пехотные дивизии. Казалось, успех достигнут, и теперь нужно просто подтянуть тылы и достаточное количество резервов. Если говорить о масштабах захваченной территории, то итоги пограничных сражений в Советском Союзе можно признать в оперативном отношении выдающимися; в части же уничтожения живой силы противника они заслуживают более скромной оценки. Хотя группа армий «Центр» в результате двух сражений (за Белосток и Минск) добилась побед, приведших к уничтожению основной массы войск противника, две другие группы армий попросту гнали противника перед собой, не имея возможности навязать ему решающее сражение³⁵⁰. Вследствие такого развития событий на флангах Восточного фронта генерал Бутлар в аналитическом обзоре ставил вопрос, нельзя ли (как предлагали в немецком Генштабе) сосредоточить севернее Припятских болот еще более крупную группировку немецких войск за счет ослабления групп армий «Север» и «Юг» и ограничения их целей и задач, — с тем чтобы нанести в центре более мощный удар? Такая расстановка сил позволила бы не только лучше использовать создавшуюся в ходе пограничных сражений благоприятную оперативную обстановку, но и создала бы все возможности для того чтобы выйти на оперативный простор и, безостановочно продвигаясь на восток, в кратчайшее время овладеть ничем не защищенной Москвой, тем самым нанеся Красной армии решающее поражение и серьезно нару-

шив всю ее систему управления и снабжения. Бутлар считал весьма сомнительным, что Буденный или Ворошилов смогут быстро и достаточными силами ударить по глубокоэшелонированным флангам огромной массы наступающих на Москву немецких войск.

Кроме того, Бутлар указывал на еще одну возможность для решительного усиления группы армий «Центр»: в 1941 г. Англия была еще не в состоянии крупными силами осуществить вторжение на континент, поэтому можно было, пойдя на некоторый риск, снять 2/3 войск вермахта с Запада и за их счет усилить группу армий «Центр». Это позволило бы накопить в тылу этой группы армий достаточные резервы для наращивания силы удара. Если Гитлер действительно хотел победить Советский Союз в блицкриге, то нужно было идти на этот риск. Эти силы явились бы для центральной немецкой группировки тем резервом, который дал бы возможность быстро решить исход всей кампании. А на Запад можно было перебросить некоторое количество сил из армии резерва, а также запасные части Люфтваффе³⁵¹.

По всей видимости, Гитлер, как и большая часть высших офицеров, был загипнотизирован первоначальным превосходством вермахта. На самом деле, гибкость и оперативность управления немецкими войсками со стороны командиров всех степеней, отличная боевая выучка и опыт помогали одерживать верх над противником, хотя он часто имел превосходство и в людях и в боевой технике. Однако в результате упорного сопротивления РККА, уже в первые дни боев немецкие войска понесли потери, которые были значительно выше потерь в Польше и во Франции. Стало очевидным, что способ ведения боевых действий и боевой дух противника, равно как и географические условия страны, были совсем не похожими на те, с которыми немцы столкнулись в западном «блицкриге».

Германское командование надеялось, что после Минска танковые части смогут с ходу форсировать Запад-

ную Двину и Днепр и развить наступление на Смоленск с целью ликвидации оставшихся советских войск и открытия пути к Москве. Однако немцев ждало разочарование: из глубин страны в это время выдвигались семь свежих советских армий второго стратегического эшелона. В них было 77 дивизий, около миллиона солдат, более 3000 танков. Буквально на глазах вместо одного разгромленного фронта возникал другой³⁵². Это не укладывалось ни в какие расчеты.

Вначале у немцев был восторг: они считали количество убитых и пленных, измеряли пройденные расстояния. Затем настало время недоверия: такая безрассудная трата живой силы не может продолжаться долго — русские блефуют, они вскоре выдохнутся. Затем появилась тревога: чем же вызвано бесконечное бесцельное повторение контратак и стремление отдать десять русских жизней за одну немецкую? До немцев стало доходить, какие необъятные территории открываются за этими пасмурными горизонтами... Полковник Бернд фон Клейст писал в дневнике: «Германская армия, сражающаяся в России, подобна слону, напавшему на армию муравьев. Слон затопчет тысячи, может быть даже миллионы муравьев, но в конце концов их количество его одолеет, и он будет обглодан до костей»³⁵³.

Потери Красной армии на 10 июля 1941 г. были, по меркам любой европейской армии, просто катастрофическими — 815 700 солдат, 21 500 орудий и минометов, 4013 самолетов и 11 783 танка. Когда командующий 2-м воздушным флотом Альбрехт Кессельринг доложил Герингу, что за первые два дня операции на земле и в воздухе уничтожено 2500 советских самолетов, Геринг не поверил в эту цифру... Проверка, однако, эти данные подтвердила. Кессельринг писал в мемуарах, что советские ВВС позволяли Люфтваффе беспрепятственно атаковать тихоходные бомбардировщики, передвигавшиеся «в тактически совершенно невозможных построениях». Это даже немецкому фельдмаршалу казалось

преступлением. По словам Кессельринга, происходило самое настоящее избиение младенцев³⁵⁴. Вследствие беспомощности советских ВВС в первые недели войны, уже через несколько дней после нападения на Советский Союз фельдмаршал Кессельринг на своем «Фокке-Вульф-189» беспрепятственно летал над территорией, занимаемой РККА.

Красной армией были уничтожены или оставлены противнику гигантские запасы военной амуниции, снаряжения, боеприпасов, горючего и боевой техники. В Лиепае немцам досталось 3/4 запасов топлива Балтийского флота. Уже на десятый день войны треть расходов горючего немецкая армия стала покрывать за счет трофеев. В начальный период войны Красная армия потеряла 500 тысяч тонн снарядов! В приграничных округах вермахт захватил от 8 до 10 миллионов винтовок. Это и привело к тому, что многие советские бойцы имели одну винтовку на троих. А ведь Мольтке-старший еще в середине XIX в. предупреждал, что только профан будет размещать тыловые базы вблизи войск. Впрочем, начальник тыла РККА генерал А. В. Хрулев и предлагал разместить запасы материальных средств за Волгой, но его не послушали. Сталин предпочитал рецепты политработника Мехлиса³⁵⁵.

Немцам было на что употребить трофейные боеприпасы. Особенно специалистам вермахта понравилась 76,2-мм дивизионная пушка Ф-22 — в вермахте она считалась превосходным противотанковым орудием. Этой пушкой немцы снаряжали самоходку «Мардер-2»³⁵⁶.

Спустя много лет после войны в разговоре с советским журналистом Львом Безыменским о боях лета — осени 1941 г. бывший немецкий генштабист Вальтер Варлимонт сказал: «Я просто обезумел. Такие успехи, такие успехи! Это настроение охватило тогда всех нас, включая тех, кто скептически относился к замыслу операции на Востоке...» Даже сверхосторожный началь-

ник Генштаба Гальдер к 3 июля уже считал, что задача плана «Барбаросса» — уничтожить основные силы Красной армии — выполнена³⁵⁷.

Сталин, разумеется, собственные ошибки в руководстве РККА возложил на других. Вслед за расстрелом группы генерала Павлова, были объявлены «изменниками» и генералы, которые попали в плен, либо числились без вести пропавшими. Среди них были П. Г. Понеделин, Н. К. Кириллов, В. Я. Качалов. Как потом оказалось, в конце июля 1941 г. генерал Качалов погиб смертью героя у Рославля. Генералы Понеделин и Кириллов возвратились из плена в 1945 г., и в 1950 г. как изменники Родины были повешены по приговору советского суда. Только в 1956 г. Верховный суд СССР прекратил эти дела из-за отсутствия состава преступления. Семьи генералов также подвергались репрессиям. Например, жена генерала Климовских была отправлена в Саратовскую тюрьму, а два его сына-подростка — в исправительно-трудовой лагерь³⁵⁸.

Первоначально вместо целеустремленного движения вперед Гитлер поставил целью окружение советских войск, что и выполнялось с относительным успехом: чего стоили только окружения под Вязьмой, Брянском, Киевом, Смоленском, Харьковом (во всех случаях вследствие крайне неудачного — в линию — построения советского фронта). Только под Вязьмой и Брянском было окружено 6 советских армий. В первые дни боев на Восточном фронте немецкие танковые войска покрывали ежедневно не менее 60—70 км в день: такими темпами советские войска были поставлены в весьма затруднительное положение и несли беспрецедентные в военной истории потери. Например, немецкий историк Пауль Карель считал сражения за Вязьму и Брянск самыми значительными операциями по окружению во всей военной истории: с 30 сентября по 17 октября войска группы армий «Центр» фельдмаршала Федора фон Бока окружили в двух «котлах» 80 советских диви-

зий — 660 000 солдат³⁵⁹. В целом историки расценивают соотношение советских и немецких потерь в разбросе от 5:1 до 17:1, что, безусловно, является беспрецедентным случаем — в итоге вермахт просто утопил в крови советских солдат, и в первую очередь это относится к начальному периоду войны. 16 июля 1941 г. начальник немецкого Генштаба Гальдер писал об особенностях советского командования: «Без артиллерийской поддержки русские гонят своих людей в атаку; до двенадцати волн, одна за другой. Это необученные рекруты, которые, переговариваясь между собой, закинув ружье за спину, мчатся на наши пулеметы, гонимые страхом перед комиссарами и начальниками. Неисчерпаемые людские ресурсы всегда были преимуществом России, и советское военное руководство принуждает нас убивать этих людей, так как они не уходят с нашего пути»³⁶⁰.

Элитное подразделение Ваффен-СС «Лейбштандарт» 1 июля 1941 г. впервые вступило в бой около Ровно. Гитлеровские гвардейцы были удивлены примитивной тактикой советских войск. Один из очевидцев писал: «Советская контратака началась, когда мы переводили дыхание. Их пехота двигалась на грузовиках, болтавшихся из стороны в сторону. ...Снаряды разбивали грузовики, убивали людей, но оставшиеся в живых спрыгивали через борта и бросались на нас,... не ища прикрытия. У них не было шансов дойти до нас, но они шли вперед». Несмотря на примитивную тактику советских войск, за три недели боев «Лейбштандарт» потерял 683 человека убитыми и ранеными, а также около сотни машин. Один из эсэсовцев так оценил красноармейцев: «Они были лучшими солдатами из всех, каких мы когда-либо встречали»³⁶¹.

Одну из типичных советских фронтальных (или сквозных) атак (37-й армии Власова, под Киевом, в августе 1941 г.) немецкий офицер описывал в письме к родным: «С расстояния в 600 метров мы открыли огонь,

и целые отделения в первой волне атакующих повалились на землю... Уцелевшие одиночки тупо шли вперед. Это было жутко, невероятно, бесчеловечно. Ни один из наших солдат не стал бы двигаться вперед. Вторая волна тоже понесла потери, но сомкнула ряды над трупами своих товарищей, павших в первой волне. Затем, как по сигналу, цепи людей побежали на нас. С их приближением доносилось раскатистое нестройное: «Ура-а-а!»... Первые три волны были уничтожены нашим огнем... Натиск четвертой волны был более медленным: люди прокладывали путь по ковру трупов... Пулеметы раскалились от непрерывной стрельбы, и для замены стволов часто приходилось прекращать огонь... Количество, продолжительность и ярость этих атак истощили нас... Если Советы могут позволить себе тратить столько людей, пытаясь ликвидировать даже незначительные результаты нашего наступления, то как же часто и каким числом людей они будут атаковать, если объект будет действительно очень важным?»³⁶² Другой немецкий ветеран писал, что в первый год войны советские командиры нижнего и среднего звена использовали только тактику фронтальных лобовых атак, совершенно не обращаясь к обходным маневрам и фланговым атакам. Это облегчало задачу солдатам вермахта³⁶³. Советский ветеран войны А. З. Лебединцев отмечал, что немецкие офицеры даже не учили свою пехоту штыковой атаке. Завершением атаки считался выход на рубеж, с которого пехотинец был в состоянии поразить противника имеющимся оружием. Советские офицеры до конца войны венцом атаки считали удар штыком. Это объясняет, почему наши войска, наступая во второй половине войны, потеряли убитыми больше, чем в период отступления³⁶⁴.

26 июля 1941 г. начальник Генштаба Франц Гальдер зафиксировал в своем дневнике загадочное высказывание Гитлера: «Русского не разбить оперативными достижениями, поскольку он их просто не признает. По-

этому его следует постепенно сломить при помощи маленьких, скорее тактических охватов». По существу, это было косвенное признание Гитлера, что стратегический план войны был нарушен буквально месяц спустя после начала войны. Вскоре, однако, выяснилось, что и при помощи — пусть весьма и весьма успешных — тактических охватов «русского» на колени не поставить. 6 ноября министр иностранных дел Италии Галеаццо Чиано отмечал в своем дневнике: по словам его информированного доверенного лица в немецком Генштабе, среди немецкого военного руководства все более распространяется убеждение, что война превращается в безумие, силы немецкой армии и ее резервы тают на глазах, что обратного пути нет и что Гитлер ведет страну к катастрофе³⁶⁵. Сил же для стратегического успеха явно не хватало...

События на Восточном фронте развивались совершенно не так, как в Польше или Франции. Внешне «блицкриг» протекал успешно, но, как ни странно, за этим никакой паники и никаких предложений о сдаче не следовало. Уже 29 июня ФБ писала: «Русский солдат превосходит нашего противника на Западе своим презрением к смерти. Выдержка и фатализм заставляют его держаться до тех пор, пока он не убит в окопе или не падает замертво в рукопашной схватке». 6 июля другая немецкая газета отмечала то же самое: «Психологический паралич, который обычно следовал за молниеносными германскими прорывами на Западе, совершенно не наблюдается на Востоке; в большинстве случаев противник не только не теряет способности к действию, но в свою очередь пытается охватить германские клещи»³⁶⁶. Это было совершенно новым для немцев в восприятии войны, до них никак не доходило, что в советской тоталитарной системе жизнь человека ничего не значила.

15 ноября 1941 г. в полосе 16-й армии Рокоссовского под Москвой была брошена в бой только что передан-

ная этой армии 58-я танковая дивизия. Командиры не успели произвести разведку местности и расположения противника, но, несмотря на это, дивизию бросили во фронтальный удар прямо через болото. Много танков завязло и вышло из строя, остальные были расстреляны немцами с замаскированных артиллерийских позиций. В атаке дивизия потеряла 157 танков из 198. Рокоссовский, естественно, не смел противоречить нелепому приказу Жукова немедленно отправить танкистов в бой, а командир дивизии А. А. Котляров не протестовал из опасений быть заподозренным в предательстве и застрелился... В тот же день Рокоссовский послал в атаку на окопавшуюся немецкую пехоту и танки 17-ю и 44-ю кавалерийские дивизии из Средней Азии. Описание этого боя сохранилось в журнале боевых действий 4-й танковой группы Гепнера: «...Не верилось, что противник намерен атаковать нас на этом широком поле, предназначенном разве что для парадов... Но вот три шеренги всадников двинулись на нас. По освещенному ярким солнцем пространству всадники с блестящими клинками, пригнувшись к гривам лошадей, неслись в атаку... Первые снаряды разорвались в гуще атакующих... В воздух взлетали разорванные на куски люди и лошади... В этом аду носились обезумевшие лошади. Немногие уцелевшие всадники были добиты огнем артиллерии и пулеметов»³⁶⁷. За первой волной последовала вторая волна, участь которой была решена еще быстрее, поскольку немцы уже пристреляли местность.

Еще более жуткое впечатление оставляет описание советского «способа» разминирования минных полей, которое запечатлел немецкий солдат в письме домой: «Большие плотные массы людей маршировали плечом к плечу по минным полям, которые мы только что выставили. Люди в гражданском и бойцы штрафных батальонов двигались вперед, как автоматы. Бреши в их рядах появлялись только тогда, когда кого-нибудь убивало или ранило разрывом мины. Казалось, эти люди

не испытывают страха или замешательства. Мы заметили, что тех, кто упал, пристреливали комиссары или офицеры, которые следовали сзади, очень близко от жертв наказания. Неизвестно, что совершили эти люди, чтобы подвергнуться такому обращению, но среди плененных были офицеры, не сумевшие выполнить поставленной задачи, старшины, потерявшие в бою пулемет, и солдаты, чье преступление состояло в том, что они оставили строй на марше... И все же почти никто из них не жаловался на подобное обращение... Никто не был готов признать, что поставленная задача могла быть невыполнимой, а приговор — несправедливым»³⁶⁸. В какой-либо западной армии солдаты просто отказались бы идти на минные поля и добились бы судебного разбирательства по этому поводу, а в советской армии знали, что жаловаться на начальство — гиблое дело. Что значит рядовой боец в армии, где маршалы бьют по лицу генералов, генералы — полковников, а командиров дивизий расстреливают без суда перед строем. Конев предпочитал вразумлять подчиненных палкой. Нельзя себе представить, чтобы Эйзенхауэр дал в ухо Патону, а Манштейн расквасил нос своему начальнику штаба Буссе (как это сделал Конев начальнику штаба Калининского фронта, будущему маршалу М. В. Захарову)³⁶⁹.

Естественно, что если рукоприкладство имело место среди высших командиров, оно было и в армии. Офицер советского Генштаба Н. Г. Павленко признавал, что «поскольку в низших звеньях командования Красной армии было много командиров с низкой культурой и столь же низкими профессиональными качествами, то плохо понятые требования Дисциплинарного устава стали вырождаться в частое рукоприкладство. Этой позорной болезнью заразились даже старший и высший командный состав»³⁷⁰.

Генерал Александр Васильевич Горбатов, командир 226-й стрелковой дивизии, вошедшей в состав 38-й ар-

мии генерала К. С. Москаленко, вспоминал, что бои на Северном Донце были исключительно тяжелыми. В день наступления, 4 марта 1942 г., была необычайно сильная по тем южным местам пурга, в двадцати шагах ничего не было видно. Командиры взводов не видели своих людей, роты и батальоны были неуправляемы, поэтому наступление захлебнулось. Командарм Москаленко не нашел ничего лучшего, как обвинить Горбатова в предательстве, спросив его, не Гитлеру ли тот служит³⁷¹. Визиты руководства Генштаба к Сталину в кризисных ситуациях были крайне тягостными. А. М. Василевский вспоминал, что не успевали они переступить порог кабинета Сталина, как тот раздражался гневными и грубыми упреками в адрес Генштаба. После таких грубых нападок никакого доклада не получалось³⁷².

Ради давления на генералов Сталин прибегал к уловкам: вызывал перед большими совещаниями младших офицеров Генштаба и уточнял с ними положение на фронтах, запоминал некоторые детали и названия деревень. Затем при встречах с командующими фронтами и армиями он удивлял их своей осведомленностью, спрашивая о том, кем занята та или иная деревня — иногда офицеры этого не знали; это доставляло Сталину возможность упрекать их в незнании положения дел. На такую удочку мог попасться и Жуков, который, временами руководя двумя фронтами, мог и не знать, кем занята та или иная деревня³⁷³. Сталин даже специально сталкивал своих командиров, чтобы лучше контролировать ситуацию. Для этого был создан весьма странный институт представителей Ставки на фронтах. Эти представители часто руководили операциями за командующих фронтами. К этой неопределенности Рокоссовский, к примеру, относился неодобрительно³⁷⁴.

Георгий Владимов в романе «Генерал и его армия» показал, насколько разным было положение офицеров в Советской армии и вермахте; в первом случае

существовала постоянная угроза со стороны стукачей и неусыпный контроль властей в мелочах. Одного из героев Владимирова, советского генерала Фотия Ивановича Кобрисова (командующего армией), за его смелость и частые выезды на фронт СМЕРШ заподозрил в политической неблагонадежности. Адьютанта Кобрисова майора Донского и личного шофера генерала принудили доносить на него «куда следует». Непосредственное руководство генерала Кобрин (в частности, маршал Жуков) могло, игнорируя элементарное уважение к профессиональной компетентности, вмешиваться в любые вопросы. Это невозможно представить себе в вермахте, в котором за неуважение или вмешательство в компетенции другого офицера можно было натолкнуться на решительный протест или даже получить вызов на дуэль. У Владимирова эта разница раскрыта на примере взаимоотношений Гудериана и его непосредственного начальника — фельдмаршала Федора фон Бока. В этих отношениях иерархия, безусловно, имела значение, поскольку речь все-таки шла об армии, но она отступала перед стремлением к эффективности.

Один из ветеранов Великой Отечественной войны Александр Захарович Лебединцев задается вопросом, почему так много внимания обращают только на глупость Верховного командования Красной армии? Но ведь сколько миллионов солдат было потеряно из-за тупости и подлости остальных «отцов-командиров»³⁷⁵. Это справедливо — сталинская тоталитарная система одинаково разлагающе действовала на всех уровнях власти. В некоторых художественных произведениях эта сторона войны нашла свое отражение — так, герои повести Василя Быкова «Мертвым не больно» говорят о «дурне Сарафьянове», который «за два дня всю роту уложил». Тот же Лебединцев вспоминает, что советские командиры подчас были беспощадны не только к врагу, но и к своим солдатам, когда посылали их на немину-

ему ю смерть, так и не подавив огневых средств врага. Практически на каждом участке фронта были свои «долины смерти», где лежали горы трупов наших солдат, посланных в атаку из-за страха командиров перед вышестоящим начальством³⁷⁶. Этот страх отражался и на моральном состоянии офицеров. Лебединцев же передавал, что на офицерских курсах «Выстрел» (в ноябре 1944 г.) после церемонии вручения наград у заместителя наркома обороны по кадрам генерал-полковника Ф. И. Голикова украли папаху. На курсы за это был наложен жестокий карантин. Но ничего не помогало. Крали даже сапоги и обмундирование. Поэтому на ночь поднимали ножки кроватей и под них подставляли хромовые сапоги, а обмундирование прятали под подушку³⁷⁷.

Самым страшным преступлением в Красной армии было невыполнение приказа (даже заведомо невыполнимого) вышестоящего начальника. Ослушнику грозил немедленный расстрел или, — что почти то же самое, — штрафной батальон. Свой начальник был страшнее противника. Именно поэтому, по оценке немецкого генерала Фридриха фон Меллентина, «командиры младшего и нередко среднего звена страдали нерасторопностью и неспособностью принимать самостоятельные решения — из-за суровых дисциплинарных взысканий они боялись брать на себя ответственность. Шаблон в подготовке командиров мелких подразделений приводил к тому, что они приучались не выходить за рамки уставов и наставлений и лишались инициативы и самостоятельности, что является очень важным для хорошего командира. Стадный инстинкт у солдат был настолько велик, что отдельный солдат всегда стремится слиться с «толпой»... Русские солдаты и младшие командиры инстинктивно сознавали, что если они будут предоставлены сами себе, они погибнут. В этом инстинкте можно видеть корни как паники, так и величайшего героизма и самопожертвования»³⁷⁸.

Именно по этим причинам в 1941 г. советские людские потери были в 10 раз больше, чем немецкие. Не меньшими были потери и техники: 28 тысяч танков против 3730 у немцев и 10 тысяч самолетов — против 4643 у немцев. Более катастрофический результат трудно себе представить, а ведь вермахт вел наступательную войну, в которой потери обычно раза в три выше, чем в оборонительной.

Самым важным фактором советского сопротивления была готовность Сталина и его генералов заваливать противника трупами красноармейцев. В бой бросали всех мужчин, способных носить оружие, а их место в тылу занимали женщины и дети. В вермахте всю войну упор делался на хорошую подготовку пополнений, а в СССР в бой бросали не только необученных, но даже и невооруженных (!) новобранцев. Зачастую толпу призывников гнали в бой, даже не выдав им форму и оружие, о последнем говорили, что его нужно добыть в бою. В 1943 г. Красная армия стала пополняться призывниками с оккупированных территорий — этих несчастных гнали, как скот на бойню. «Черная пехота» появлялась, когда вслед за красноармейцами в села входили полевые военкоматы, которые собирали мужиков, выдавали им винтовки и отправляли с наступающей пехотой³⁷⁹. Расчет был на то, что «черная пехота» измотает немцев и заставит израсходовать часть боеприпасов, чтобы потом свежие части смогли выбить противника с занимаемых позиций. Зачем тратить оружие и обмундирование на тех, кто погибнет в первом же бою? Лишь единицам таких призывников суждено было уцелеть и стать солдатами, получив форму и оружие³⁸⁰. Фронтовик Александр Захарович Лебединцев вспоминает, что 14 ноября 1943 г. на Украине в его полк призвали 72 человека из небольшого села Долина. Необученными призывниками, которых загнали в армию, в полку было укомплектовано два батальона. Некоторые из призванных по месяцу и более оставались в сво-

их кожах, свитках, треухах. Некоторые погибли в десяти километрах от своего дома³⁸¹. Сведения о «черной пехоте» (на этот раз с Западной Украины) есть и в повести Виктора Астафьева «Веселый солдат»³⁸². «Черная пехота» использовалась советской стороной до конца войны. Несмотря на уверенность большинства фронтовиков в близкой победе, дезертирство из Красной армии продолжалось. Перед штурмом Берлина его масштабы возросли. Большинство из тех, кто покидал части, были недавно призванными солдатами — поляками, украинцами, румынами. Увеличение числа дезертиров означало рост бандитизма, грабежи и насилие по отношению к местному населению³⁸³.

Один немецкий солдат летом 1943 г. писал домой: «На вновь занимаемой территории Красная армия призывала все население, мужчин и женщин. Сформированные из них трудовые батальоны использовались для увеличения атакующей массы. Не имело значения, что эти призывники не обучены, большинство из них без оружия, а многие — без сапог. Взятые нами пленные говорили, что безоружные рассчитывают взять винтовки у павших. Эти невооруженные люди, вынужденные идти в атаку, подозревались в сотрудничестве с нами и своими жизнями платили за подозрение». Другие информанты, эмигранты Иосиф Дугас и Федор Черон — сами бывшие пленные — вспоминали: «Как правило, освободив от немцев определенную территорию, советское командование собирало всех военнообязанных мужчин и, часто без оружия и военной формы, гнало их в бой. Так, например, было в харьковском наступлении в мае 1942 г. Солдаты называли наспех мобилизованных “воронами” (по темной гражданской одежде). В наступлении “вороны” могли быть вооружены лопатой, штыком, в редких случаях винтовкой, из которой стрелять они не умели. Немцы поступали так: “ворону” с наголо остриженной головой или же с винтовкой отправляли в плен. Иногда немцы просто прогоняли

“ворон”»³⁸⁴. Этим срочно мобилизованным и штрафникам не полагалась даже звездочка на пилотке. Шансов выжить у штрафников и срочно мобилизованных практически не было. Отношение к жизни солдат в советской армии не изменилось до самого конца войны. Так, немецкая мемуаристка Габриэлла Лич-Аннах передавала, что в 1945 г. при похоронах солдат, убитых в бою недалеко от пригорода Берлина Бабельсберга, она обратила внимание, что на убитых немецких солдатах были медальоны для опознания, а на советских — нет³⁸⁵.

В Красной армии потребность в пополнении на фронте была столь велика, что в конце марта вышло специальное постановление ГКО, которое регламентировало отправку на фронт заключенных. Сейчас трудно сказать, насколько охотно заключенные шли в войска... Пятеро бывших эков стали Героями Советского Союза. В эту пятерку входил и знаменитый Александр Матросов, бросившийся на амбразуру вражеского дота³⁸⁶.

Дисциплина, основанная на страхе, — вот главный козырь советской сталинской системы, движущая сила армии; она явилась решающим фактором и в достижении огромных политических и военных успехов Сталина. Потери Красной армии в 1941 г. не были последними — впереди были неудачная Ржевско-Вяземская операция, катастрофы под Харьковом и на Дону, трагедия 2-й ударной армии, огромные и ничем не оправданные жертвы в многочисленных наступательных операциях и бестолковых фронтальных атаках. Из-за чудовищных потерь в Красной армии почти не оставалось опытных солдат, которые помогли бы новобранцам освоиться в боевой обстановке. Весьма недолго оставались в строю командиры рот и взводов. Советские сухопутные войска за четыре года войны потеряли около двух миллионов офицеров! Именно поэтому немецкие танки в среднем ходили в атаку одиннадцать раз, а советские — три, именно поэтому в советской армии не могло быть

такого танкового аса, как Михаэль Витман, уничтоживший за три года 138 танков и 132 артиллерийских орудия³⁸⁷.

Трагический парадокс Великой Отечественной войны заключается в том, что советские солдаты, бросаясь в лобовые атаки со словами «За Родину, за Сталина!», гибли с верой в грядущую победу. На самом же деле такие атаки не приближали, а отдаляли победу над нацистской Германией, поскольку, используя советское руководство подавляющее численное и техническое превосходство более рационально, заботясь оно о сохранении жизни и здоровья солдат, — победы, быть может, удалось бы достичь еще в конце 1942 г., и уж во всяком случае — в 1943 г.³⁸⁸

Жорес Медведев, призванный в армию в феврале 1943 г. (перед своим первым боем под Новороссийском в мае 1943 г. он ни разу не стрелял из трехлинейной винтовки, да и гранатами пользоваться не умел), рассказывал жуткие вещи, свидетельствовавшие о полной некомпетентности командования: «Ну, скажем, у нас была очень популярна тактика мощной артподготовки перед началом наступления. У немцев под Новороссийском были две линии обороны, отлично укрепленные в глубину примерно на три километра. Считалось, что артподготовка очень эффективна, но мне кажется, что немцы довольно быстро к ней приспособились. Заметив, что сосредоточивается техника и начинается мощная стрельба, они уходили на вторую линию, оставив на передовой лишь несколько пулеметчиков. Уходили и с таким же интересом, как и мы, наблюдали весь этот шум и дым. Потом нам приказывали идти вперед. Мы шли, подрывались на минах и занимали окопы — уже почти пустые, лишь два-три трупа валялось там. Тогда давался приказ — атаковать вторую линию. Тут-то и погибало до 80 % наступавших — немцы ведь сидели в отлично укрепленных сооружениях и расстреливали всех нас чуть ли не в упор. В течение одного дня от роты, в

которой я воевал, осталось 37 человек. А ведь это был май 1943 г., когда советская армия имела уже большой опыт... Когда обнаруживалось, что взять немецкую линию невозможно, давался приказ — окапываться! И вот результат: у немцев — прекрасно оборудованная линия с колючей проволокой, а мы рыли индивидуальные окопчики и пытались в них противостоять немцам. Через пару дней они, понятно, отбрасывали нас обратно. На мое счастье, сила контрудара после очередного нашего наступления пришлось немного в сторону от окопчиков, где мы лежали. Оттуда я видел, как шли танки, как героически оборонялись наши солдаты. Это особенно трудно, когда нет сплошной линии окопов, нет артиллерии, расположение войск беспорядочно, командование не знает толком, где какой полк... Я убедился, что рядовой пехотинец в активной фронтовой обстановке выжить практически не мог. Я видел просто горы трупов — после таких бессмысленных с точки зрения военной науки бросков. ...Потом, уже после Курска, артиллерийский вал стали использовать таким образом, что он все же защищал пехоту, но весной 1943 г. еще не разработали такую тактику, и много народу погибало бессмысленно»³⁸⁹.

За первые четыре военных месяца советские потери были в 15 раз (!) больше потерь противника. В последний военный год наши потери были больше немецких в 2,8 раза — это самое благоприятное для нас соотношение за всю войну³⁹⁰. Сталин об этих жутких и непропорциональных потерях прекрасно знал, время от времени призывая воевать не числом, а умением. Но это противоречило тоталитарной системе беспрекословного подчинения, в которой всякая инициатива была нежелательна. К тому же сам Сталин слал своим командирам приказы с настойчивыми призывами «с жертвами не считаться». Советская сверхцентрализация привела к большим потерям, к истощению людских ре-

сурсов страны и, в конце концов, к затягиванию боевых действий на два года³⁹¹. В рамках сталинской тоталитарной системы по-другому вести войну просто было нельзя, но, с другой стороны, — в этом и заключался трагизм положения — иначе вермахта было не одолеть...

Советские офицеры, боясь принимать решения, подменяли свою роль командиров передачей приказов сверху с бездумным требованием его обязательного исполнения «любой ценой». Такие приказы, особенно в начальный период войны, часто отдавал Жуков. Виктор Астафьев в своей последней повести «Веселый солдат» отмечал, что никто и никогда так не сорил русскими солдатами, как маршал Жуков, лицемерно посвятивший свои мемуары простому солдату. В другом месте Астафьев назвал Жукова «браконьером русского народа»³⁹².

Спрашивается, какое, собственно, отношение имеет все это к вермахту? Как на нем могла отразиться «беззаветная» готовность советского руководства без предела жертвовать своими людьми? Со временем все начинают походить на своих врагов и проникаться их отношением к жизни, к себе, к окружающим, ибо для того, чтобы преодолеть врага, нужно встать с ним на одну почву и попасть во власть тех же ценностей, понятий и даже идеалов. На солдат вермахта огромное влияние оказали не только многочисленные свидетельства злодеяний НКВД, но и отношение советского руководства к собственным солдатам на фронте, к пленным красноармейцам, которые, по существу, были объявлены Сталиным вне закона. Легко теоретически допустить, что подобное отношение советской власти к солдатам стало образцом и для солдат вермахта... Разумеется, это ничуть не релятивирует вины вермахта, но учесть этот аспект нужно обязательно.

Разумеется, оставалась и сфера, неподвластная идеологии, унификации, давлению, манипулированию — немецкие фронтовики постоянно отмечали необычно-

венное упорство, неприхотливость (даже стоицизм) и изобретательность советских солдат. Так, Отто Скорцени в мемуарах приводит весьма любопытный факт: при переправе через Десну советские войска использовали гениальное инженерное сооружение — невидимые с воздуха фермы моста находились на глубине 30—40 см от поверхности воды, и увидеть этот мост с самолета было невозможно³⁹³. Мостом пользовались только в ночное время...

Долгое время воевавший в России командир «Лейбштандарта» Зепп Дитрих высказывал неожиданное (для эсэсовца) мнение о русских: «Очень интеллигентный народ, здоровые по природе, легкоуправляемые и разбирающиеся в технических вопросах. В начале войны ими управляли плохо, но они быстро научились. Русские крестьяне весьма сообразительны. Их танки были лучшими, они были проще, легко управлялись. Казалось, что наши танки делали часовщики; они были более сложны и чувствительны». Впрочем, в другой раз, с почтением отзываясь о советской военной мощи, Дитрих сказал: «средний русский — почти ничтожество»³⁹⁴.

ОКХ и ОКВ весь 1941 г. никак не могли понять причин непрекращающегося сопротивления Красной армии. Непонятные изгибы линии фронта, донесения о сопротивлении за их глубокими выступами, усиление партизанского движения — все это казалось непонятным и зловещим. Группа армий «Центр» была намного сильнее других, она должна была разрезать советских фронт надвое. Однако, несмотря на стремительное продвижение и блестящие операции по окружению, противник сохранял способность к взаимодействию и сопротивлялся так же упорно, как и в начале кампании. ФБ с похвалой писала: «Во время форсирования германскими войсками Буга первые волны атакующих в некоторых местах могли продвигаться вперед совершенно беспрепятственно, затем неожиданно смертоносный огонь открывался по следующим волнам наступающих,

а первые волны подвергались обстрелу с тыла. Нельзя не отозваться с похвалой об отличной дисциплине оборонявшихся, которая давала возможность удерживать уже почти потерянные позиции»³⁹⁵. Во всех немецких донесениях звучало удивление, что противник так долго сопротивляется. Так, в одном из них говорилось: «Русские не ограничивались тем, что сопротивлялись фронтальным атакам наших танковых дивизий. Они пытались найти каждый удобный случай, чтобы действовать против флангов наших моторизованных элементов, которые неизбежно становились растянутыми и относительно слабыми. Для этого они использовали свои танки, которых было так же много, как и наших. Они ставили себе целью отделить танковые части от следующей за ними пехоты. Часто оказывалось, что они в свою очередь попадали в ловушку и в окружение. Обстановка иногда была такой запутанной, что мы, с нашей стороны, не могли понять, мы ли выходим им во фланг или они обошли нас»³⁹⁶.

Особенно сильно немецкая военная машина забуксовала в первые месяцы войны под Смоленском, где 14 июля была впервые применена ракетная установка «катюша» (немцы ее называли «Сталинский орган»). В ходе Смоленского сражения войска Резервного фронта Жукова провели первую наступательную операцию и освободили Ельню, а выступ возле этого города был ликвидирован. Гальдер отмечал в своем дневнике: «Общая обстановка все очевиднее показывает, что колосс России нами был недооценен. Это утверждение распространяется на все хозяйственные и организационные вопросы, на средства сообщения, и в особенности на чисто военный аспект»³⁹⁷. По существу, именно Смоленское сражение, длившееся два месяца, и сорвало план блицкрига. Правда, и немецкие достижения были весьма внушительны: к декабрю 1941 г. от довоенной Красной армии (5,3 миллиона солдат) осталось 7 %, советские войска потеряли 20 тысяч танков и 18 тысяч самолё-

тов³⁹⁸. Но и для немцев трудности войны быстро нарастали. Например, немецкие железнодорожные войска, в принципе, были готовы к замене колеи советских железных дорог на европейскую, но темп наступления был так высок, что они за ним не поспевали³⁹⁹.

Перелом под Москвой

«В России климат суров, но справедлив».

(В. В. Ерофеев)

Английский историк Алан Кларк писал, что считать Гитлера дилетантом — не означает опорочить его. Он был храбрым солдатом, заслужившим Железный крест в Первую мировую войну. На протяжении всей жизни он изучал военные предметы. Его способность понимать чувства простого солдата и вдохновлять его на военные подвиги не вызывает сомнения. И в первые месяцы войны его энтузиазм, его склонность к риску, его «интуиция» принесли желанные плоды. Но через восемь недель после начала кампании на Востоке Гитлер и Генштаб решительно разошлись во мнениях — Генштаб был единодушен в своем желании усилить фон Бока (группа армий «Центр») и нанести удар в центре на узком фронте в направлении Москвы. Гитлер настаивал на ортодоксальном решении согласно Клаузевицу — методически уничтожать силы неприятеля на территории независимо от географических и политических целей. Еще 13 июля Гитлер заявил Браухичу: «Не так важно быстро наступать на Восток, как уничтожать живую силу противника»⁴⁰⁰. Эта задача была проста в формулировке, но крайне сложна по существу. После первых успехов вермахт начал терять темп из-за проблем со снабжением. В тактическом же аспекте — детальные планы, разработанные Генштабом, были давно выполнены, и рассредоточение армий усиливалось с каждым днем по мере

продвижения вдоль предписанных осей, с обходом очагов сопротивления и с использованием слабых сторон обороны противника. На огромных пространствах командующие армий, даже командиры дивизий, все чаще действовали по своей инициативе, причем более активные вели ряд совместных (но не обязательно согласованных) боевых действий глубоко в тылу советской армии, а их более флегматичные коллеги терпеливо держали кольцо вокруг окруженных частей Красной армии. При этом немецкие войска не могли и мечтать о том, чтобы хоть на короткое время передохнуть, они забыли о том, что такое нормальное снабжение.

Во второй неделе августа немецкие танки вышли к смоленской дороге на Москву, по которой в свое время шел Наполеон. После короткой передышки войскам предстоял последний бросок на Москву — в ОКХ считали, что для взятия советской столицы до начала распутицы потребуется восемь недель (до начала октября; но распутица началась в ноябре). Гитлер медлил... Его смущал открытый южный фланг группы армий «Центр». Генералы вермахта в своих мемуарах почти единодушно писали, что они выиграли бы войну, если бы Гитлер не вмешивался в руководство военными действиями. Есть все основания сомневаться в этом утверждении. Маршал Жуков в частном разговоре отмечал, что стратегия Гитлера летом 1941 г. была совершенно правильной, в отличие от стратегии фронтального удара, на которой настаивал немецкий Генштаб⁴⁰¹. Жуков считал, что опасения Гитлера в отношении флангов были вполне оправданными, поскольку правый фланг немецкого фронта был открыт и сильно растянут. В Отечественную войну 1812 г. Кутузов также считал открытые фланги наполеоновской армии самым уязвимым ее местом. Впрочем, Клаузевиц указывал, что главной причиной поражения Наполеона было снабжение — единственная дорога, открытая для подвоза всего необходимого, подвергалась постоянным нападениям парти-

зан. В условиях постоянного вражеского давления без подвоза боеприпасов, снаряжения и продовольствия наполеоновская армия просто не смогла бы пережить зиму. По всей видимости, Гитлер не хотел повторить ошибку Наполеона, который взял Москву, но войну проиграл. Генерал Блюментритт писал, что после того как Наполеон взял Москву, для русского народа война только началась: армия французов со всеми своими воинскими доблестями оказалась в этой войне совершенно беспомощной. В 1941 г. ситуация для немцев оказалась весьма схожей: тылом армии Кутузова была вся Россия, а для Красной армии — промышленный и сельскохозяйственный юг СССР (Украина, Донбасс, Кавказ). Гитлер решил не повторять ошибки Наполеона и войти в Москву только после того, как Красная армия будет отрезана от своих главных ресурсов...

Кроме того, Клаузевиц писал, что если бы Наполеон до или после взятия Москвы разбил 120-тысячное русское войско, стоявшее на Калужской дороге, то тогда, скорее всего, последовал бы мирный договор, хотя огромные пространства России не были оккупированы. Клаузевиц указывал, что 7 сентября Наполеон не стал преследовать отступавшего после Бородино Кутузова, так как для него важнее было сохранить стремительно таявшую *Grand Armée*. Это свидетельствовало о том, что он осознал непомерность задачи, за которую взялся, и боялся потерять свою последнюю надежду — армию. Клаузевиц так и не смог сказать, как **правильно** должен был действовать Наполеон: по всей видимости, что бы он ни сделал, он все равно был обречен⁴⁰². Положение немцев в августе 1941 г. казалось более благоприятным, чем положение Наполеона в сентябре 1812 г. — они могли выбрать либо взятие Москвы, либо захват богатств юга СССР. Гитлер решил сделать и то и другое — это решение оказалось ошибочным.

Существовало ли какое-либо правильное для немцев решение — сейчас сказать невозможно. Может быть,

в самом деле, как отмечал немецкий генерал Меллентин, удар на Москву в августе принес бы решающий успех, поскольку Москва представляла собой центральное звено административной машины Сталина, важный промышленный район, центральный транспортный узел⁴⁰³.

К исходу лета 1941 г. отдельные неудачи групп армий «Юг» и «Север», а также мощные контрудары советских войск по войскам группы армий «Центр» вызвали среди Верховного главнокомандования сильное замешательство. ОКХ пришло к выводу, что военная мощь Советского Союза была недооценена, и что растянутость фронтов мешает группам армий концентрировать свои силы на главном направлении, а без этого вряд ли можно добиться серьезных успехов. Поэтому ОКХ сочло необходимым сосредоточить все свои силы для удара на Москву и разгромить там новые соединения противника. Эта точка зрения была пространно изложена Гитлеру в меморандуме. Однако Гитлер отклонил предложение ОКХ и принял решение продолжить операцию в соответствии с прежними замыслами⁴⁰⁴. 21 августа 1941 г. Гитлер приказал направить войска от Москвы к Киеву с тем чтобы отрезать Москву от нефтяных месторождений Кавказа. Как уже говорилось, руководство немецкого Генштаба и группы армий «Центр» с этим решением Гитлера было не согласно, и 23 августа на совещании командования группы армий «Центр» офицеры договорились, что Гудериан вместе с Гальдером должен поехать в ставку Гитлера и убедить его сохранить московское направление в качестве главного. Гудериан был недоволен тем, что его танкистам предстояло пройти такой же путь, какой они уже прошли до Смоленска (полдороги до Москвы) и вернуться обратно, что было бы тяжелейшим испытанием для техники. Когда Гудериан прощался со своим начальником фон Боком, тот процитировал слова офицера стражи, сказанные 17 апреля 1521 г. Мартину Лютеру, когда Лютер

намеревался объяснить суть своего учения императору Карлу V: «монашек, монашек, путь твой непрост»⁴⁰⁵.

Пауль Карель писал, что главным и самым важным аргументом Гудериана был тот, что после захвата главного транспортного узла СССР, каковым является Москва, индустриальные районы Украины и Прибалтика сами упадут в руки немцам: у Сталина больше не будет возможности перебрасывать свои резервы из Сибири на север и на юг. Свой монолог Гудериан закончил так: «Мой фюрер, плацдарм для наступления на Москву до сих пор в наших руках. Планы развертывания войск и боевые приказы — все готово. Схемы движения транспортных средств и все инструкции соответствующим частям для наступления на Москву предоставлены. Во многих местах даже указатели заготовлены: такой-то и такой пункт — столько-то и столько километров до Москвы. Если вы отдадите приказ, уже сегодня ночью танковые войска могут выступить и прорваться через мощные сосредоточения войск Тимошенко под Ельней. Мне надо только позвонить в штаб и произнести кодовое слово. Давайте же наступать на Москву, мы возьмем ее». Гитлер терпеливо выслушал генерала, но не принял его точку зрения, аргументируя отказ экономическими интересами рейха, а в этой сфере компетентен был только он... Гудериан промолчал⁴⁰⁶. Экономические мотивы считал самыми существенными и бывший офицер немецкого Генштаба Вальтер Варлимонт, который через много лет после войны в разговоре с советским журналистом Львом Безыменским сказал: «В августе 1941 г. основные силы Красной армии находились у Москвы. Гитлер же преследовал экономическую цель: он хотел захватить Украину. Тем самым противник получил передышку и подтянул резервы — тогда и была предрешена наша неудача под Москвой...»⁴⁰⁷ Английский историк Алан Кларк справедливо писал, что бросок на Москву в июле был бы огромным риском, о котором можно сказать только одно: он положил бы

конец войне — в пользу тех или других⁴⁰⁸. По всей видимости, Гитлер не хотел рисковать.

Правда, и удар немцев на новом направлении вскоре увенчался успехом. Советский фронт на юге не выдержал давления в начале июля, когда Кирпонос не смог очистить ось Ровно — Дубно — Тернополь. 10 июля Сталин объединил южную и юго-западную группировки и подчинил их Буденному, который прибыл вместе со своим комиссаром Н. С. Хрущевым. Как и Тимошенко, Буденный совершенно не соответствовал занимаемой должности — первого в армии называли «дубовый маршал», а второго — «икона с усами»⁴⁰⁹. Чудовищно некомпетентный офицер Буденный не обладал никакими полководческими качествами для ведения современной войны и стал крайне неудачным выбором Сталина. А ему противостояли один из самых хладнокровных умов немецкого Генштаба — Герд Рундштедт и один из самых энергичных танковых командиров — Эвальд фон Клейст. Правда, у Буденного было преимущество, а именно — численное превосходство. Решение Сталина удержать Киев любой ценой обеспечивало первоочередность предоставления войск и вооружений южному сектору советской обороны, а более развитая сеть железных дорог на Украине ускорила их сосредоточение⁴¹⁰. Расположение железных дорог обусловило наличие двух районов советского сосредоточения — Киев и Умань (Черкасская область), между которыми Буденный расположил полтора миллиона солдат, то есть половину численности Красной Армии. При этом Рундштедт знал, что у Буденного не было достаточно танков, чтобы угрожать флангам.

Клейст занял Белую Церковь 18 июля — через два дня последовала советская контратака силами шести стрелковых и двух кавалерийских дивизий; она была организована и проведена крайне неумело. Было двенадцать последовательных волн атак советской пехоты. Зачастую атаковавшие танки сопровождали грузовики,

набитые солдатами. Грузовики мчались прямо на немецкие позиции, пока не останавливались от прямого попадания. Советская контратака была ликвидирована в течение нескольких часов. За пять дней Клейст достиг Новоукраинки, а 30 июля Мантойфель взял Кировоград, который был далеко в тылу советской армии под Уманью. Германские части двигались по обе стороны железных дорог в тылу Буденного. Единственным шансом для Буденного был отход вниз по Бугу к Николаеву. Но в течение пяти дней советские войска ничего не предприняли, а время уходило. 3 августа вокруг всей Уманской группировки советских войск была наброшена петля. В день, когда Мантойфель овладел Днепропетровском, советские саперы взорвали запорожскую плотину. Этот отчаянный жест лишил источника энергии промышленные предприятия в излучине Днепра и понизил уровень воды в реке в верхнем течении, облегчив работу саперам Мантойфеля. Тем не менее сам факт разрушения огромной плотины говорил о двух вещах: о самоубийственной политике «выжженной земли» и о том, что советское руководство не надеялось быстро вернуть Донецкий бассейн.

В отличие от фон Бока, у Рундштедта не было цели, достижение которой могло бы закончить войну. Должен ли он остановиться на Донце? На Волге? У Каспия? Политическая или географическая цель отсутствовала. Рундштедту приходилось ограничиваться задачами исходной директивы «Барбаросса», где главной задачей было «предотвращение отхода боеспособных частей в обширные внутренние районы России». С этой целью Рундштедт направил танки группы армий «Юг» на северо-восток. Он знал, что Гудериан также изменил направление, устремив свой взор на крупную и самую желанную добычу — огромный гарнизон Киева (750 тысяч солдат), имевший приказ Сталина держаться любой ценой. Хотя Сталин отвечал за безобразное руководство Красной армией в первые месяцы войны,

было бы неправильно возлагать всю ответственность только на него одного. Сталин предоставил Буденному почти миллион солдат и вправе был ожидать, что рубеж Днепра будет удержан, но Буденный ничего не предпринимал. Положение стало критическим, когда 12 сентября Клейст прорвался через позиции 38-й советской армии и атаковал со своих плацдармов в Черкассах и Кременчуге. 12 сентября (в этот же день Рейнхардт прорвал ленинградскую оборону) можно считать самым несчастливым днем для Красной армии на всем протяжении войны. Эренбург вспоминал, что, несмотря на подход немцев к самому Киеву, жители города не унывали: «Крещатик, как всегда многолюден и шумен. По утрам его поливают из шлангов, моют, скребут... Начались занятия в школах... Во всех переулках строят баррикады... Очередь у кассы цирка...»⁴¹¹ Через пару дней по улицам Киева уже маршировали немцы.

В киевской трагедии большую роль сыграли боязнь инициативы и ответственности, характерные не только для среднего звена Красной армии, но и для высших командиров. Дело в том, что в Киевском сражении в августе – сентябре 1941 г. из-за отсутствия полководческих навыков Сталин мог и не сознавать опасности, но Б. М. Шапошников (начальник Генштаба) не мог не видеть совершенно очевидную угрозу с Кременчугского плацдарма, куда переправились 1-я танковая группа Клейста и 17-я армия. Шапошников просто боялся разделить участь Д. Г. Павлова, расстрелянного в июле по обвинению в измене. Даже когда представитель Ставки С. К. Тимошенко разрешил командующему Юго-Западным фронтом М. П. Кирпоносу отход из Киева, тот запросил у начальника своего штаба И. Х. Баграмяна письменное распоряжение на этот счет. А Тимошенко не дал Баграмяну такой бумаги, потому что хотел играть беспроигрышно: если Сталин выступит против отвода войск, то от своего устного приказа Тимошенко откестится. А если Сталин спросит, поче-

му войска вовремя не отвели, то Баграмян засвидетельствует, что приказ об отводе войск был... Таким образом, чисто шкурные расчеты стоили потери трети личного состава Красной армии за одну операцию...⁴¹²

16 сентября окружение советских войск под Киевом завершилось. В Киевской битве была уничтожена почти треть Красной армии. После пятидневных кровопролитных боев начались первые сдачи в плен. При подсчете трофеев немцы старательно классифицировали и учитывали каждую вещь. Фотографы и художники толпами прибывали на поля сражений и оставили нам большое количество документальных свидетельств. Скопища изуродованных выгоревших грузовиков, обгоревших танков, громадные кучи стрелкового оружия, бесконечные ряды полевых орудий с вырванной последней выстрелом казенной частью⁴¹³.

В численном выражении сражение за Киев выглядело следующим образом: 665 тысяч военнопленных и огромное количество оружия. Только один 48-й танковый корпус Кемпфа, три дивизии которого вели бои в центре, взял в плен 109 тысяч красноармейцев — больше русских солдат, чем было взято в плен в крупнейшем сражении под Танненбергом в Первую мировую войну. Победа под Киевом заставила многих офицеров немецкого Генштаба поверить, что еще один такой котел, и с русскими будет покончено, а они будут зимовать в Москве. Только Рундштедт, один из самых профессиональных военных руководителей вермахта, противился таким настроениям: предвидя новые трудности, он советовал оставить армию на Днестре до весны 1942 г. Его мнение, однако, не было услышано⁴¹⁴. Поражение под Киевом стало одной из самых крупных советских неудач, вызвавших отчаяние, но в то же время и ожесточение. Английский историк Алан Кларк задавался вопросом: когда немцы видели бесконечные колонны советских военнопленных, тянувшиеся по дорогам, понимали ли они, что посеяли ветер?⁴¹⁵ Вско-

ре после захвата Киева, в сентябре, эсэсовцы из оперкоманды полиции безопасности и СД расстреляли в Бабьем Яру 33 771 еврея — эта акция была проведена в зоне ответственности 6-й армии. Командующий армией Рейхенау отрядил солдат сгонять евреев в места сбора⁴¹⁶. Эти мотивированные нацистской расовой политикой зверства также способствовали ожесточению советской стороны.

Поражение под Киевом было следствием некомпетентности высшего советского руководства; когда Гудериан спросил пленного генерал-майора М. И. Потапова, командующего 5-й армией (генерал попал в плен тяжелораненым), почему он не эвакуировал свои дивизии из излучины Днепра, тот ответил, что командование фронтом уже издало соответствующий приказ, но из Ставки от Сталина пришел приказ принять бой и держаться до конца. Этот приказ стоил Советскому Союзу всей Украины и потери сотен тысяч солдат. Теперь перед наступающими открылась дорога в Крым и на Донбасс. В отличие от многократных попыток германского командования прорвать северный фланг советского фронта и принудить Ленинград к сдаче, операции на юге имели успех. Все цели, поставленные Гитлером в директиве № 33, были выполнены. Припятские болота были очищены от советских войск, район излучины Днепра оккупирован, Донецкий бассейн был взят и противник лишился промышленного комплекса Украины. И самое главное, Красная армия на юге была разбита в гигантской «битве на уничтожение», стоившей Советскому Союзу почти миллиона человеческих жизней. К сентябрю 1941 г. стратегические задачи, которые были поставлены перед вермахтом в начале кампании, были выполнены. Ленинград был осажден и нейтрализован; Украина открыта для германской экономики вплоть до Донца. На Бенделерштрассе, в военном министерстве, уже началась работа над изучением новых потребностей в войсках на оккупированной тер-

ритории. Предусматривался отвод в Германию примерно 80 дивизий (половина из которых подлежала демобилизации). Планировалось, что военная администрация оставит в своем распоряжении лишь мобильные войска в крупных промышленных и транспортных центрах; каждая группа, кроме обычных оккупационных обязанностей, сможет выполнять отдельные задания по ликвидации попыток сопротивления⁴¹⁷.

Это планирование, однако, оказалось преждевременным по той причине, что последствия ошибок Сталина все-таки не стали фатальными, а быстрое развитие кампании окончательно утвердило Гитлера в его вере в то, что Красная армия не способна оказать сопротивление. После окружения семи советских армий под Киевом и овладения Крымом, 2 октября Гитлер объявил о начале операции «Тайфун» (захват Москвы). Он и ОКВ были убеждены, что после астрономических потерь Красная армия обескровлена и как военная сила перестала существовать. Гитлер, как в свое время и Наполеон, был очень удивлен, что со стороны русских до сих пор не последовало предложения о мире. После того как в Киеве (после вступления в город 6-й немецкой армии) советские саперы взорвали по радио несколько тысяч бомб⁴¹⁸, Гитлер заявил, что русские прибегают к той же тактике, что и в Москве в 1812 г., поэтому следует ограничиться разгромом советских войск, защищающих столицу СССР, а вступать в город не следует во избежание ненужных жертв среди немецких солдат. Главной целью для Гитлера была Красная армия, а не Москва и даже не большевизм, который на востоке мог бы и дальше продолжать свое существование⁴¹⁹.

К моменту наступления на Москву осенью 1941 г. немецкие войска понесли тяжелые потери, особенно в унтер-офицерах и офицерах, имевших боевой опыт. Техника была сильно потрепана. Однако наступательные возможности вермахта не иссякли, вера солдат в превосходство своих сил над противником не была подо-

рвана. Правда, советские солдаты оказались очень упорным и выносливым противником, располагавшим значительными резервами. Но было видно, что войска, которые вводились в бой советским командованием, являлись уже далеко не такими полноценными, как раньше, в особенности в отношении боевой подготовки; они не всегда имели нужное количество вооружений. Поэтому немцам представлялось вполне возможным достичь окончательного успеха на всем Восточном фронте путем нового наступления на Москву. Для этого наступления были привлечены все средства и возможности Восточного фронта, но использовать в этом наступлении резервы, имевшиеся на Западе, Гитлер не рискнул. Между тем за два года до этого Гитлер двинул против Польши все имевшиеся силы, оставив на Западе лишь слабый заслон. Правда, по сравнению с Польской кампанией, война на Восточном фронте была несравненно масштабнее.

В целях более полного ограничения свободы действий противника, одновременно с нанесением удара по Москве, — несмотря на передачу части сил группе армий «Центр», — группа армий «Юг» должна была захватить Крым, выйти к Донецкому бассейну и отрезать Москву от кавказской нефти. Группа армий «Север» с той же целью должна была выйти к Свири и соединиться с финнами. Это были очень сложные задачи. Возможно, наступление и достигло бы своей цели, если бы на юге немцы ограничились блокированием Крыма с суши и направили бы свои войска под Москву. Вместо этого 11-я армия получила приказ взять Крым и Севастополь. Эта задача была выполнена наполовину: к середине ноября Крым был взят (за исключением Севастополя, который был блокирован).

Наличные силы вермахта совершенно не соответствовали тем огромным задачам, которые были перед ним поставлены. Этот недостаток не могли компенсировать ни высокий боевой дух войск, ни их храбрость,

ни мастерство командования. Давали о себе знать необъятные просторы России и огромные людские и материальные ресурсы Советского Союза, руководство которого с величайшей энергией мобилизовывало все силы для ведения тотальной войны в масштабах, которые были неизвестны немцам и на которые они просто не в состоянии были решиться.

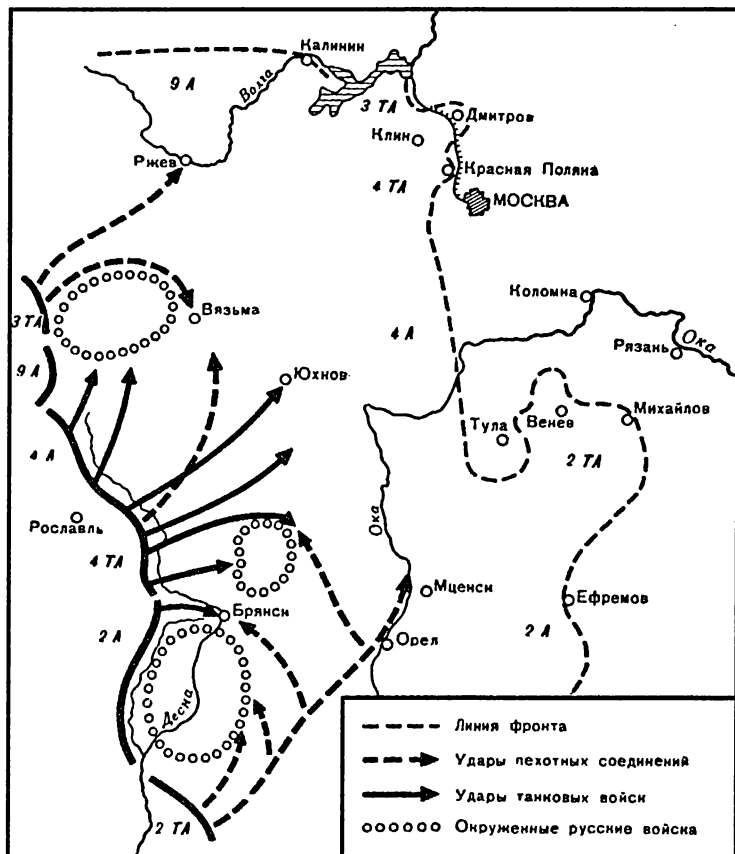
Приказ о начале операции «Тайфун» был зачитан солдатам и офицерам на Восточном фронте. Он завершался обещанием Гитлера, что это будет последнее решительное сражение и оно приведет к полному поражению противника. В соответствии с этим приказом 2 октября группа армий «Центр», получив большое подкрепление, перешла силами трех полевых армий и трех танковых армий в наступление на Москву. Немецкий генерал Бутлар отмечал в воспоминаниях, что за действиями группы армий «Центр» с величайшими надеждами следило немецкое руководство и весь немецкий народ. Это наступление должно было полностью решить исход кампании. То, что было сделано немецким Верховным главнокомандованием, сегодня представляется недостаточным, хотя в состав группы армий «Центр» входило три танковые армии. Танковые и артиллерийские части и соединения были полностью доукомплектованы. Однако целиком восполнить огромные потери, понесенные в первые месяцы войны, немцам не удалось⁴²⁰.

С точки зрения оснащения и подготовки, армии, развернутые для начала боевых действий в прологе битвы за Москву, были самыми слабыми из когда-либо выставленных Сталиным. Почти все бойцы были резервистами. То немногое, что они могли помнить из своей военной подготовки, очень отличалось от современных способов борьбы с танками. Правда, у советского руководства оставался еще один резерв, в котором числились лучшие части Красной армии — это 25 стрелковых дивизий и 9 танковых бригад генерала армии Иосифа

Родионовича Апанасенко⁴²¹. Именно этот резерв и обеспечил достойный отпор врагу. Начальник штаба наступавшей на Москву 4-й армии генерал Блюментритт вспоминал: «Когда мы вплотную подошли к Москве, настроение наших командиров и войск резко изменилось. С удивлением и разочарованием мы обнаружили, что разгромленные русские как военная сила вовсе не перестали существовать. В течение последних недель сопротивление противника усилилось, а напряжение боев с каждым днем возрастало»⁴²².

Бывший член Военного совета МВО (с декабря 1941 г. — Московской зоны обороны) дивизионный комиссар К. Ф. Телегин указывал, что самым опасным моментом в боях за Москву были 5 и 6 октября, когда противник взял Юхнов⁴²³. Поэтому именно 7 октября 1941 г. Сталин поручил Берии прозондировать почву для заключения сепаратного договора с Германией. Доверенные лица Берии обратились к болгарскому послу в СССР Стаменову с просьбой о посредничестве, но Гитлер отказался от переговоров, надеясь, что Москва вот-вот падет⁴²⁴.

После 5 октября, вследствие трудностей с передвижением и со снабжением войск продуктами питания, Люфтваффе пришлось сбрасывать продовольствие некоторым частям 2-й танковой армии с воздуха. Командующий 2-м воздушным флотом Кессельринг писал в мемуарах: «Физическое и эмоциональное напряжение превысило все допустимые пределы. Учитывая это, я пришел к выводу, что стратегическая цель наступления стала недостижимой. Грязь и непогода совершенно изменили условия ведения боевых действий, которые ранее складывались в нашу пользу. Состояние почвы было просто невероятным». Кессельринг отмечал, что Гепнеру и Гудериану не составило бы труда, бросив танки вперед, дойти до Москвы и даже дальше, но «боги, пославшие дождь, распорядились иначе; русские получили шанс создать тонкую линию

Положение на Восточном фронте к началу Московской битвы

обороны к западу от Москвы и насытить ее своими последними резервами, состоявшими из рабочих и курсантов военных училищ. Они сражались самоотверженно и остановили наступление наших почти утеревших мобильность войск»⁴²⁵.

После того как немцы передислоцировали танковые части на московское направление, их наступление развивалось довольно быстро. 13 октября пала Калуга, расположенная в 160 км к юго-западу от Москвы. 14 октября передовые части 1-й танковой дивизии Экингера взяли Калинин, перерезав железнодорожную ветку Москва – Ленинград, и захватили мост через Волгу. Этот мост был единственным мостом на великой русской реке, который достался вермахту целым. Небольшой плацдарм на восточном берегу Волги удерживали 1-я танковая дивизия и 900-я моторизованная учебная бригада⁴²⁶. Таким образом, был выбит краеугольный камень в 300-километровой стене обороны советской столицы. Главным объектом этой линии являлся 100-километровый рубеж между Бородино и Можайском. 14 октября под Бородино (в 100 км от Москвы) позиции занимала дивизия Ваффен-СС «Рейх» (командир – генерал-лейтенант Хауссер) и части 10-й танковой дивизии. Им противостояли сибиряки, ранее стоявшие на маньчжурских границах и только в октябре переправленные под Москву. Два стрелковых полка сибиряков сразу вступили в бой с дивизией «Рейх» на Бородинском поле: окопы 17-го Краснознаменного полка 32-й стрелковой дивизии 5-й армии генерала Л. А. Говорова тянулись по самому Бородинскому полю. Гренадеры Ваффен-СС штурмовали в ходе этого боя легендарные Семеновские флеши (на их месте были окопы), взяли их и вышли к ключевому пункту – к дороге от Бородино к Можайску. В немецких частях у Бородино было четыре батальона французских добровольцев, которые, правда, не особенно успешно, сражались вместе с солдатами вермахта, взявшими в итоге Бородино⁴²⁷. В бою у Бородино

потери с обеих сторон были огромные, ожесточение достигло, казалось, мыслимых пределов, обе стороны забыли слово «пощада». В конце концов наступающим удалось пробить брешь в сильных позициях сибиряков — прорыв полков Ваффен-СС «Дойчланд» и «Фюрер» увенчался успехом. Стрелять времени не оставалось — в ход пошли винтовочные приклады, штыки, лопатки. Сибиряки дрались отчаянно; 32-я сибирская дивизия вся полегла у Бородино. 19 октября дивизия Ваффен-СС «Рейх» и 10-я танковая дивизия взяли Можайск, до Москвы оставалось 100 км. В городе началась паника... В конце октября казалось, что Москва обречена. Особенно опасной была ситуация на севере от Москвы, где 3-я танковая армия генерала Рейнгарта (изъятая Гитлером из-под Ленинграда) пыталась расширить плацдарм на восточном берегу Волги у Калинина. Свежие сибирские части сильно потеснили немцев к окраинам Калинина, но вермахт частями 6-й танковой дивизии, 14-й и 36-й моторизованных дивизий, 129-й пехотной дивизии удержал позиции под Калинином. В боях на плацдарме большую роль сыграл и 41-й танковый корпус генерала Моделя. На эти немецкие части 18 октября начали осуществлять систематические атаки батальоны 29-й (с декабря 1941 г. — 39-й) армии генерал-лейтенанта И. И. Масленникова.

Когда 14 октября Жуков принял командование, ему, должно быть, казалось, что те два резервуара, из которых Советский Союз черпал свои ресурсы для своей защиты — пространство и люди — уже вычерпаны до дна. Но Жуков верил, что положение, хотя и крайне опасное, поддается контролю. Пока держатся фланги у Калинина и Мценска, слабый центр был меньшим злом, потому что угрожающие клещи Гота и Гудериана оставались разъединенными, и только танки Гепнера поддерживали прямое наступление 4-й и 9-й армий. Даже если бы фон Боку удалось покрыть расстояние до столицы, еще оставалась вероятность, что срок удержания

города будет таким же недолговечным и непрочным, как и у Наполеона⁴²⁸.

Проблема, с октября 1941 г. стоявшая перед Жуковым и Ставкой, была очень сложной: сохранить какой-нибудь фронт до прихода зимы. Сопротивление должно было быть достаточно гибким, чтобы избежать окружения, но при этом сильным, чтобы удерживать вермахт. В лесистом центре России у немецких танковых частей было мало возможностей расходиться вее-ром. Привыкшие к небольшим площадям Западной Европы, немцы были ошеломлены бесконечными лесами, в которых они день за днем кое-как продвигались. Глубокой осенью день сократился, и темнота продолжалась до 14 часов. Когда германские колонны останавливались на ночлег, по тропинкам за линией фронта пробиралась советская кавалерия, устанавливая мины и обстреливая из минометов обозы с продовольствием. Даже танковая группа Гота, которая уже прорвалась к Калинин, к концу октября продвигалась со скоростью пехоты⁴²⁹. Как раз в это время начались сильные дожди. Наступило время осенней распутицы. В этих условиях, даже не ведя боя, продвигаться вперед было исключительно трудно.

Основной натиск немцев начался с северо-запада по обеим сторонам Московского шоссе. Здесь самые ожесточенные бои вел 40-й танковый корпус генерала Штумме. 10-й танковой дивизии (генерал-майора Фишера) этого корпуса первой предстояло выйти к Красной площади. Но эта дивизия была остановлена в 80 км от Москвы непролазной грязью. Снабжение 10-й дивизии генерал Фишер организовал по пятнадцатикилометровой гати — по дороге из положенных на раскисшую почву бревен. По обеим сторонам гати стояли вросшие в грязь грузовики, танки, пушки. В баках танков не оставалось горючего. Артиллеристы получали всего по дюжине снарядов на орудие в день. В отличие от немецких танков, Т-34 сохранял маневренность даже на

слабых грунтах. Дивизия медленно истекала кровью. Когда генерал Фишер доложил корпусному командиру Штумме о численности боеспособных солдат и готовой к применению боевой техники, тот воскликнул: «Боже мой, да ведь у вас всего лишь усиленный дозор разведки!»⁴³⁰ Большие потери в немецких войсках привели к тому, что на основных направлениях бои вели уже не дивизии и корпуса, а отдельные отряды, даже роты, поддержанные танками. Немецкое командование принимало энергичные меры, чтобы не допустить остановки наступления. Однако оно постепенно затухало то на одном, то на другом участке. Фельдмаршал фон Бок, переехав на свой передовой командный пункт, стал лично руководить сражениями передовых частей⁴³¹.

Огромную роль в этой критической ситуации сыграли сибирские дивизии, отличавшиеся особым упорством и цепкостью в обороне. Полковник Афанасий Павлантьевич Белобородов командовал сибирской 78-й стрелковой дивизией (с 27 ноября — 9-я гвардейская дивизия), оказавшей упорнейшее сопротивление танковой дивизии Ваффен-СС «Рейх» под командованием Битриха. Упорством сибиряков восхищался даже командующий 4-й танковой армией Гепнер. Битриху с огромным трудом и большими потерями удалось взять Истру, которую Белобородов же и отбил 11 декабря. Белобородов (ставший впоследствии командующим 43-й армией) потерял в боях под Москвой 90 % своих солдат — из 9 стрелковых батальонов у него в декабре остался 1 батальон. Такой же героизм проявила в этих боях казахстанская 316-я стрелковая дивизия (с ноября 1941 г. — 8-я гвардейская дивизия) Ивана Васильевича Панфилова, который сам погиб в этих боях. Дивизия Панфилова не была кадровой: ее спешно укомплектовывали в Казахстане практически необученными людьми. Боевое крещение дивизия получила на северо-западном фронте под Малой Вишерой, а потом она была переброшена на западный фронт под Волоколамск.

Несмотря на то что дивизия не была кадровой ее героизм и самопожертвование послужили причиной того, что немцы все же были остановлены. Этот подвиг не нуждается в том, чтобы его приукрашивали выдумками и враньем — наподобие того, как это произошло с легендой о подвиге «двадцати восьми героев-панфиловцев», выдуманной пропагандистом из газеты «Красная Звезда». В 1947 г. Сталин приказал провести тщательное расследование истории обороны Дубосеково. На деле оказалось, что разъезд Дубосеково (117-й км Рижского направления Московской железной дороги) оборонял 1075-й полк (1534 солдата) под командой полковника И. В. Капрова. Когда 16 ноября немцы перешли в наступление, то удержать их не удалось, поскольку противотанковых средств (два противотанковых орудия и четыре противотанковых ружья) было недостаточно. Немцы смяли боевые порядки полка за 45 мин, и 1075-й полк как полноценная армейская единица перестал существовать. Командир полка и комиссар были отстранены, а остатки полка отвели на переформирование. Правда, после публикации материалов о панфиловцах в «Красной Звезде» Капров был восстановлен в должности⁴³².

Политрук Клычков на самом деле погиб на этом разъезде и там же был похоронен. «28 героев-панфиловцев» — это взвод из 1075-го стрелкового полка, который, как и тысячи других взводов Красной армии под Москвой, героически погиб 16 ноября 1941 г. при отражении атаки вражеских войск. «28 героям» приписали уничтожение десятков немецких танков, хотя весь 1075-й полк в тот день подбил едва ли 6 танков. Благодаря советским пропагандистам, из почти 800 погибших бойцов этого полка были прославлены и стали Героями Советского Союза (посмертно) именно эти 28 солдат. Главный редактор «Красной Звезды», расписывая подробности боя, так расстарался, что прославил и сержанта, перебежавшего к немцам, что раскрылось

позже...⁴³³ Подобные пропагандистские выдумки только унижают память героев, которые и так совершили невозможное.

К югу от 40-го танкового корпуса 78-я пехотная дивизия пробила 30-километровую брешь в обороне Красной армии, наступая от Рузы по дороге Звенигород — Москва. 195-й и 215-й полки смогли приблизиться к Москве на 65 км, но и их остановила грязь и растущее сопротивление Красной армии. Английский генерал Джон Фуллер писал: «Несовершенство немецкой тактики быстрых ударов было обусловлено, главным образом, недостатком транспорта высокой проходимости. Основную часть германских транспортных средств составляли колесные, а не гусеничные машины, поэтому немецкие транспортные колонны были привязаны к дорогам. Уже один этот ограничивающий фактор объясняет спад наступательного порыва в ноябре 1941 г., когда дороги стали раскисать. С полным основанием можно считать, что не сопротивление русских, каким бы значительным оно ни было, не влияние погоды на действия германской авиации, а грязь, в которой застрял немецкий транспорт за линией фронта, спасла Москву»⁴³⁴.

Еще южнее, в зоне боевых действий 4-й армии Ключе, 7-я и 292-я пехотные дивизии овладели районом Крюкова, но и здесь продвижение немецких солдат было остановлено грязью. Первоначально Ключе пришлось отказаться от попыток штурмовать советские позиции на реке Нара. Однако, благодаря отчаянному броску 2-го батальона (479-го пехотного полка 258-й дивизии) майора Любке, 22 октября немцы взяли Наро-Фоминск на магистрали Рославль — Москва. Таким образом, вторая линия обороны Москвы была прорвана в 69 км от города. Южнее Наро-Фоминска был создан плацдарм шириной в 11 км. С захватом Наро-Фоминска и переходом вермахта через Нару последние рубежи советской обороны к юго-западу от Москвы оказались прорванными. Наступающим немецким частям, казалось,

уже ничего не мешало, но погода резко ухудшилась, дожди усилились и превратили почву в трясину. Генерал-фельдмаршал фон Бок приказал войскам остановиться и ждать, пока земля затвердеет, чтобы продолжить движение. Немецкий историк Пауль Карель отмечал, что если бы у немцев в этот момент нашлось несколько тысяч путеукладчиков с широкими, как у Т-34, гусеницами, Москва бы пала⁴³⁵. Еще важнее было то, что к уже к концу ноября 1941 г. от первоначальных 136 немецких дивизий на Восточном фронте фактически осталось 83 дивизии: боевая мощь пехотных дивизий снизилась на 65 %, танковых — на 35 %. 7 ноября ударил мороз, дороги подмерзли, и до первого крупного снегопада 20 ноября установилась ясная морозная погода — в этот период вермахт имел шанс обойти Москву и отрезать советские войска от тыла. Вермахт вновь мог двигаться вперед, но сил для последнего броска уже не было... На начало декабря 1941 г. группа армий «Центр» имела 30–40 полнокровных дивизий. На этот момент этим дивизиям группы армий «Центр» противостояло около 100 полнокровных советских подразделений (дивизий и бригад), а в целом на Восточном фронте, по данным немецкой разведки (они, в принципе, совпали с советскими данными), — 350 подразделений⁴³⁶. Из этого следовало, что дальнейшее наступление не имеет никаких шансов. Вермахт «допобеждался» до смерти... Между 4 октября и 17 ноября 1941 г. Гальдер отмечал увеличение потерь в вермахте на Восточном фронте с 16,2 % до 20,6 %. Советская армия при своих потерях могла рассчитывать на огромные людские ресурсы, а вермахту уже в ноябре нечем было возмещать потери офицеров⁴³⁷.

На тульском направлении командир 4-й (с ноября 1941 г. — 1-й гвардейской) танковой бригады полковник Михаил Ефимович Катуков, получив приказ задержать наступление Гудериана на Тулу, 6 октября нанес сильный удар по немецкой 4-й танковой дивизии и

заставил ее «пережить несколько трудных часов и понести тяжелые потери». Гудериан отмечал, что «это был первый случай, когда огромное преимущество Т-34 перед нашими танками стало очевидным. От быстрого наступления на Тулу, которое мы планировали, пришлось отказаться»⁴³⁸. Затем Катуков отошел назад, здраво рассудив, что сохранить свою группу гораздо важнее, чем предпринять самоубийственную атаку на целое соединение вермахта. Немецкая 4-я дивизия танкистами Катукова была практически уничтожена. Гудериан писал, что «нет ничего страшнее, чем танковое сражение против превосходящих сил противника. Не по численности — это было не важно для нас, мы привыкли к этому. Но против лучших машин — это ужасно... Вы гоняете двигатель, но он почти не слушает. Русские танки так проворны, на близких расстояниях они вскарабкиваются по склону или преодолевают болото быстрее, чем вы повернете башню. И сквозь шум и грохот вы все время слышите лязг снарядов по броне. Когда они попадают в наш танк, часто слышишь оглушительный взрыв и рев горящего топлива, слишком громкий, благодарение Богу, чтобы можно было разобрать предсмертные крики экипажа»⁴³⁹.

К 23 октября танковая армия Гудериана также завязла в грязи в 90 км от Тулы. Дорога на Тулу не годилась для тяжелой техники. Покрытие не выдерживало, ямы, выбоины и лужи превратили дорогу в месиво. Грузовики со снабженческими грузами застревали в пути, топлива не было, боеприпасов не хватало. В результате у советской армии было достаточно времени для разрушения мостов и минирования дороги. Но Гудериан не хотел пасовать перед силами природы и принял характерное для него решение: он объединил бронетехнику 24-го корпуса, части 75-го артиллерийского полка и 3-й стрелковый полк, а также дивизию «Великая Германия» в авангардное соединение под началом энергичного полковника Эбербаха и приказал любой ценой

взять Тулу. Оперативно-тактическая группа Эбербаха, скользя по грязи, тараном пробивалась вперед, и ей удалось взять Мценск и Чернь. 29 октября Эбербах был в 5 км от Тулы, индустриального центра с 300-тысячным населением. Но все его усилия по захвату Тулы ни к чему не привели — личный состав совершенно выдохся, а советское сопротивление с каждым часом усиливалось. Руководство Люфтваффе попыталось сбрасывать боеприпасы с небольшой (5–10 м) высоты, но в большинстве случаев боеприпасы взрывались от удара, и это не стало решением проблемы. К 31 октября наступление на Тулу окончательно захлебнулось⁴⁴⁰. 2-я танковая армия, имевшая целью выйти к Оке между Рязанью и Коломной, не смогла овладеть Тулой. Ее наступление было остановлено, при этом Тула была почти полностью окружена⁴⁴¹.

Одним из многих парадоксов восточной кампании является то, что в тот момент, когда советские войска были наиболее слабы, в германской армии возникли первые сомнения. Блюментритт отмечал, что, несмотря на незначительное сопротивление, «наступление шло медленно, потому что грязь была ужасной и войска устали»⁴⁴². В последние три недели октября погодные условия — сильные дожди, снег, туманы — делали продвижение немцев невозможным. На северном фланге от Калинина до Можайска иногда весь день сохранялась минусовая температура, но иногда неожиданная оттепель путала все карты немцам. В такие дни единственная советская батарея или поспешно установленное минное поле в дефиле между болотистыми перелесками могли задержать целый танковый корпус. Поредевшие немецкие части оказались просто не в состоянии продолжать наступление из-за истощения сил и крайней степени износа техники. Головные части 43-го пехотного корпуса генерала Хайнрици — по словам самого командира корпуса, докладывавшего обстановку Гудериану — не получали хлеба в течение последних

8 дней. Солдаты замерзали, голодали, у них не было патронов и снарядов. Моторизованные и танковые части танковой армии Гудериана почти в полном составе остались позади на раскисших дорогах, так что наступление велось исключительно пехотой. По всему 1000-километровому фронту группы армий «Центр» повторялась картина, знакомая немцам по Туле и Калинин у ноября 1941 г. Не случайно английский историк Лиддел Гарт указывал, что если бы в Советском Союзе были такие же дороги, как в западных странах, Россия пала бы так же быстро, как и Франция⁴⁴³. В условиях бездорожья кавалерия отнюдь не была анахронизмом и приносила огромную пользу. Рекрутируемая из казаков и калмыков, — людей, проводивших всю жизнь в седле, — она отличалась исключительной маневренностью. Лошадей использовали для переходов на огромные расстояния по бездорожью и для перевозки легкой артиллерии и минометов. Кавалеристы умели мастерски скрываться и рассеиваться. «Советская кавалерийская дивизия, — отмечал Манштейн, — может пройти сотню километров за ночь, да еще по касательной к оси коммуникации»⁴⁴⁴. Им не было цены в условиях маневренных боев, а мохнатые низкорослые лошадки были крайне неприхотливы и выносливы.

Немецкие дивизии стояли на приколе вдоль дорог, утопая по горло в грязи. Линии коммуникаций были не просто опасно растянуты, они едва действовали. Стремительные дивизии вермахта, привыкшие вести мобильную войну, стали медленными и неповоротливыми, как армия Наполеона в 1812 г. Советская сторона, напротив, получила преимущество и стремилась максимально его использовать: Сталин мог перебрасывать прибывавшие с востока воинские части и технику туда, где в данный момент были наибольшие трудности. В результате, как только штурмовые группы вермахта прорывали фронт советской обороны, они тотчас оказывались перед лицом превосходящих сил противника, об-

ладавшим сильными резервами⁴⁴⁵. В этих условиях советская сторона неожиданно получила преимущество в воздухе. Ветеран Красной армии Яков Терентьев вспоминал: «Удивительно было видеть — впервые за всю войну наша авиация стала хозяйкой в воздухе! Наши подмосковные аэродромы оказались рядом с местами боевых действий, а немецкие аэродромы — в глубоком тылу. Приятно было видеть, как наши «пешки» (легкие бомбардировщики Пе-5) со сдвоенным хвостовым оперением на бреющем полете бомбили и расстреливали движущиеся по дорогам немецкие части»⁴⁴⁶.

Первый мороз ударил в ночь с 6 на 7 ноября, и по немецкому фронту прокатился вздох облегчения — грязь закончилась... Возобновились поставки, появились запчасти, танки стали возвращаться из передвижных полевых мастерских. Командующий группой армий «Центр» фон Бок стремился поскорее возобновить боевые действия, но войска были настолько измотаны, что нуждались в передышке. Поэтому первые дни морозов стали особенно напряженными для тылового обеспечения — на грузовиках, на санях и на телегах они доставляли все необходимое на передовую. 12 ноября температура опустилась до -15° , а на следующий день было уже -20° . В этот день в Орше состоялось секретное совещание, на которое начальник Генштаба Гальдер созвал высшее военное руководство вермахта на Восточном фронте; это стало одним из решающих моментов в истории немецкой армии. Решался вопрос, следует ли встать на зимние квартиры, дать отдых солдатам и не торопясь отремонтировать материальную часть, обдумывая следующий этап кампании? Или следовало пойти на риск последнего рывка к столице?

Гитлер сам обрисовал общую обстановку, сложившуюся на Восточном фронте, и, выслушав мнение офицеров, приказал продолжить наступление. При этом командование группы армий «Юг» (генерал-фельдмаршала Рундштедта представлял генерал Зоденштерн)

настаивало на прекращении наступления и переходе к обороне, как это сделали немцы в 1914 г.; Зоденштерн предлагал закрепиться на позициях и встать на зимние квартиры. Такого же мнения было руководство группы армий «Север»; фон Лееба представлял генерал Бреннеке, который обрисовал незавидное положение этой группы войск, которая после вывода из ее состава всех танковых сил была настолько ослаблена, что ни о каком наступлении не могло быть и речи. Фактически на этом фронте немцы давно находились в обороне. Напротив, руководство группы армий «Центр» считало, что наступление следует продолжить, исходя из военной и психологической точки зрения. Фон Бок находил, что даже если овладеть столицей СССР не удастся, то это в любом случае будет не хуже, чем торчать в снегу и на морозе всего в 30 км от вожделенной цели.

Гитлер, со своей стороны, считал, что русские находятся при последнем издыхании и нужен только последний решительный удар. Доводы фон Бока совпадали с мнением Гитлера, но в штабе группы армий «Центр» было иное мнение — начальник штаба генерал-майор фон Грайфенберг и начальник оперативного отдела штаба (Ia) подполковник фон Тресков не разделяли подобного оптимизма. Они знали, в каком состоянии находятся войска, и понимали, что с наступлением настоящих холодов наступит тяжелый кризис. Руководство Генштаба во главе с Гальдером видело единственный шанс завершить кампанию в последнем броске. Тогда же, 13 ноября, Гальдер огласил амбициозные боевые приказы: Гальдер и его 2-я танковая армия должны были овладеть Тулой и наступать на Горький (Нижний Новгород), на севере 9-я армия должна была двигаться по каналу Москва-Волга вместе с 3-й танковой армией, образуя левый клин охвата. Фронтальную атаку должна была вести 4-я армия и 4-я танковая группа.

Пауль Карель писал, что это были очень тяжелые задачи, но, с другой стороны, могла ли группа армий «Центр» закрепиться на завоеванных позициях, имея в резерве единственную пехотную дивизию, а в тылу — огромное количество партизан? Следовало ли уступать инициативу Красной армии, давая ей возможность перейти в наступление? Также несомненной ошибкой было допустить использование Сталиным Москвы в качестве идеального распределительного пункта, куда бы стягивались войска со всех концов СССР, чтобы ударить по тонкой линии обороны закочевевших солдат вермахта?⁴⁴⁷

Но существовало еще одно важное обстоятельство: руководство ОКХ во главе с Браухичем, командующий группой армий «Центр» фон Бок и его подчиненный Гудериан еще под Смоленском добивались от Гитлера разрешения идти прямо на Москву, не отвлекаясь на Ленинград и на Киев. Гитлер принял половинчатую линию — он отказался от Ленинграда, но настоял на взятии Киева. А теперь он уступил генералам группы армий «Центр»: могли ли фон Бок, Гудериан, Браухич и Гальдер сказать Гитлеру, что в текущий момент нет никакой возможности взять Москву и что следует окопаться в 50 км от нее? Конечно, они не могли этого сказать...

19 ноября дивизии вермахта начали наступление на Москву. Командиры отдельных частей — и крупных и малых — прекрасно знали, что поставлено на карту. Генерал-полковник Гепнер, за активное участие в антигитлеровском Сопротивлении закончивший жизнь на виселице, 17 ноября отдал высокопарный и напыщенный приказ о последнем бое: тогда даже он пребывал в уверенности, что Москву можно взять⁴⁴⁸.

В самом начале наступления еще была мягкая зимняя погода, но уже 19 ноября столбик термометра упал ниже -20° , выпал снег. Настоящая русская зима пришла чуть раньше, чем обычно. На немецкий фронт

поступили первые скудные партии зимнего обмундирования; так, в 56-й танковой армии на один оружейный расчет приходилась одна шинель.

Переброска советских войск с Дальнего Востока началась в первые дни ноября. К тому времени, когда началось новое наступление немцев, Жуков удвоил количество наших войск по сравнению с серединой октября. Однако мощь Красной армии оставалась меньшей по сравнению с вермахтом, поэтому Сталин хладнокровно шел на риск, постепенно забирая дивизии с других фронтов, где советские войска еще могли использовать «пространство». Под Ленинградом все местные (то есть не с Дальнего Востока) войска резерва были сведены в две армии — 4-ю и 52-ю. Они получили двойную задачу — открыть железную дорогу Ленинград — Тихвин — Москва и организовать энергичные действия для предотвращения пополнения группы армий «Центр» за счет войск фон Лееба⁴⁴⁹.

Советские войска с конца октября получили помощь от союзника — лютой зимы, от холодов, которые трудно представить западноевропейцам. Русские же солдаты, привычные к холодам, были готовы и соответственно одеты. Однако только одного влияния зимы было бы недостаточно, чтобы измотанная и меньшая по численности Красная армия могла изменить ход событий в свою пользу. Избранным для этой цели инструментом стали закаленные бойцы сибирских дивизий. Для того чтобы удар сибиряков произвел максимальный эффект, нужно было держать их до последнего момента. Сибирские части не должны были перенапрягаться, блокируя германские бронетанковые войска; им нужно было дать Готу и Гепнеру на севере и Гудериану на юге развернуться и зайти флангом к Москве, разбиваясь о советские стрелковые дивизии, занявшие внутреннее кольцо обороны. Это была тонкая и опасная операция. 15–16 ноября группа армий фон Бока начала свой последний рывок к советской столице.

Командующий 2-м воздушным флотом Кессельринг отмечал в мемуарах, что для него и после войны оставалось загадкой, как дальняя разведка Люфтваффе, сообщая об оживленном движении на дорогах к востоку от Москвы, в целом проворонила стягивание к фронту под Москвой частей и соединений из восточных районов СССР. Кессельринг считал, что приказ отвести войска на прежние рубежи должен был последовать самое позднее в середине ноября, когда отдельные командиры вермахта стали докладывать о прибытии на фронт сибиряков⁴⁵⁰.

Немцы очень страдали от холода. Военный врач из 276-й дивизии сравнивал солдат двух армий: «Русский чувствует себя в лесу как дома. Дайте ему нож и топор, и через несколько часов он смастерит что угодно — сани, носилки, шалаш, сделает печку из пары старых канистр. Наши солдаты стоят с несчастным видом и жгут драгоценный бензин, чтобы согреться. Ночью они набиваются в те немногие деревянные дома, которые еще уцелели. Несколько раз мы обнаруживали наших часовых заснувшими... на самом деле они замерзли до смерти. Ночами вражеская артиллерия бомбила деревни, нанося большие потери, но солдаты не решались рассеяться из страха попасть в руки мародерствующих конников»⁴⁵¹. Автоматы немцев так промерзли, что стреляли только одиночными выстрелами (выяснилось, что, заходя в тепло, автоматы нужно оставлять на холоде — иначе они, отпотевая, вообще отказывали); 37-мм противотанковые снаряды — непригодные для стрельбы по Т-34 — приходилось очищать ото льда, прежде чем они входили в казенную часть: замерзала даже упаковочная смазка. Дрожащих от холода и практически беззащитных немецких солдат приводил в ужас вид сибиряков в белых полушубках, с ручными пулеметами и гранатами, несшихся с большой скоростью на «тридцатьчетверках».

24 ноября 56-й танковый корпус генерала Шааля взял Клин, потом Рогачев. Два полка вермахта из 7-й танко-

вой дивизии корпуса Рейнгардта во главе с полковником Хассо фон Мантойфелем 28 ноября вышли к каналу Москва – Волга, овладели мостом в Яхrome и создали плацдарм на восточном берегу канала. Эта танковая часть удерживала канал в течение 10 дней⁴⁵². 7-я дивизия состояла из тех же солдат, которые взломали оборону Ленинграда и от Дудергофских высот вышли к городу⁴⁵³. Фон Бок несколько дней намеревался перебросить на плацдарм Мантойфеля основные силы своей группы: он считал, что тогда рухнет весь северо-восточный фронт обороны Москвы. 27 ноября Сталин приказал любой ценой ликвидировать плацдарм Мантойфеля, бросив туда 1-ю ударную армию, а южнее – на рубеж Крюкова – 20-ю армию⁴⁵⁴. Как раз в этот день температура сильно понизилась, а у солдат Мантойфеля были только балаклавы (вязанные подшлемники), легкие короткие шинели и узкие сапоги. Во многих дивизиях вермахта обморожения на передовой доходили до 40 %. Потери от обморожений значительно превышали боевые потери⁴⁵⁵.

При таком раскладе боевой группе Мантойфеля, несмотря на упорную борьбу, не удалось удержать Яхромской плацдарм. 29 ноября его заняли части советской 1-й ударной армии. Таким образом, первоначальный расчет немцев ударить по Москве с севера не оправдался. Именно 29 ноября фон Бок отметил в дневнике: «Если в ближайшие дни разгромить северо-западный фронт обороны Москвы не удастся, то наступление должно быть приостановлено. Оно приведет лишь к бессмысленному фронтальному столкновению с противником, который, видимо, еще располагает очень большими людскими и материальными резервами. Я не хочу создавать второй Верден»⁴⁵⁶.

Зато 1 декабря в 30 км южнее Яхромы немцы атаковали переправу через канал севернее Лобни и захватили село Озерное. Стоя под навесом на автобусной остановке в пригороде Москвы, немецкие солдаты на мо-

розе в шутку ругали опаздывающий маршрутный автобус. До Москвы оставалось 38 км.

Штурмовая команда 38-го танкового инженерно-саперного батальона пробралась на станцию Лобня и взорвала ее с целью не допустить подтягивания советских резервов. Оттуда до окраины столицы было 15 км.

То, что в первые декабрьские дни на сорокаградусном морозе пришлось пережить солдатам вермахта, кажется невероятным. Немцы выли от холода и плакали от злости и беспомощности: находясь рядом с целью, они не могли подступить к ней. В ночь с 5 на 6 декабря передовые дивизии получили приказ приостановить наступление. На тот момент 2-я танковая дивизия находилась в 16 км к северо-западу от Москвы.

8 декабря газеты и радио в Германии сообщили, что отныне ход войны в России будет зависеть от условий зимы. Что это означало, было не совсем понятно, но такое известие пробуждало беспокойство. Швед Арвид Фредборг, находившийся в то время в Берлине, писал: «Тревожные настроения нарастали. Пессимисты вспоминали войну Наполеона с Россией; книги о “Великой армии” стали вдруг пользоваться спросом. Гадалки изучали судьбу Наполеона, стала популярной астрология...»⁴⁵⁷

В ту же ночь, с 5 на 6 декабря, на южном фланге фронта Гудериан, находясь в Ясной Поляне, принял решение прекратить атаки на Тулу и отвести передовые части на оборонительные позиции. Ему пришлось признать: «наступление на Москву провалилось, мы потерпели поражение»⁴⁵⁸.

Причины немецкого поражения под Москвой были очевидны: Красная армия несла несравненно большие потери, но и людские ресурсы СССР были велики, поэтому Сталин перебросил под Москву тридцать свежих стрелковых дивизий, тридцать три бригады и три кавалерийские дивизии. Вермахт же в декабре 1941 г. не получил ни одной свежей дивизии. Весьма важным об-

стоятельством было и то, что последний воздушный налет на Москву Люфтваффе совершил в ночь с 25 на 26 ноября восемью машинами, а в декабре проводились только беспокоящие рейды. Таким образом, в решающей стадии боев нервный центр оборонительной системы Москвы не подвергся воздушным ударам, а господство в воздухе было важнейшей составляющей эффективности действий вермахта. Командующий 2-м воздушным флотом Кессельринг отмечал, что результативность действий советской противовоздушной обороны под Москвой была великолепной: она производила впечатление даже на тех немецких пилотов, кому довелось летать над Англией⁴⁵⁹.

У офицеров и солдат не хватало специального зимнего обмундирования, которое позволяло бы им воевать, оставаясь под открытым небом при весьма низкой температуре. В результате солдаты натягивали на себя все, что попадется под руку, но теплее от этого не становилось, а вот движения такое облачение затрудняло. Грязная пропотевшая одежда становилась питательной средой для вшей. Солдаты страдали не только от холода, но и от голода. Хлеб поступал твердый, как камень; он становился причиной желудочно-кишечных расстройств. Страдали от холода и лошади, они погибали тысячами. Поставки тормозились вследствие того, что имевшиеся в распоряжении паровозы тоже замерзали. Из 26 эшелонов, ежедневно потребных для снабжения группы армий «Центр», приходило только восемь-десять. Большинство транспортных самолетов тоже не могло подняться в воздух из-за холода и отсутствия ангаров⁴⁶⁰.

По существу, еще до начала активных действий советских войск силы ударных группировок вермахта выдохлись. На отдельных участках немцы начали отход, но не успели закрепиться. Как подчеркивал Г. К. Жуков, именно это создало предпосылки для контрударов советских войск, то есть для более активной обороны.

К 8—9 декабря контрудары переросли в контрнаступление. Иными словами, советское контрнаступление было продиктовано самим ходом событий, а не решениями Ставки. За месяц наступательных действий войска продвинулись на расстояние от 100 до 250 км — они не только разгромили фланговые армии группы армий «Центр», но и на некоторое время захватили инициативу. После этих несомненных успехов Сталин стал требовать наступления от всех фронтов. Впоследствии Жуков расценивал эти требования как «дилетантские и младенческие»; катастрофы не произошло только потому, что противник был в сильной степени ослаблен⁴⁶¹.

Ночью с 4 на 5 декабря советские войска северозападного фронта перешли в наступление, и к 6 декабря группа армий «Центр» оказалась под сильным давлением. В течение нескольких дней все три группы войск фон Бока — танковые группы Гудериана, Гепнера и Клюге — потеряли контакт друг с другом, и стало казаться, что группа армий вот-вот развалится. Изолированные части вели местные бои, в то время как их машины стояли, стрелковое оружие промерзло (только гранаты оставались эффективным оружием), а половина солдат, обмороженных и страдающих от дизентерии, спасалась шнапсом. Отвод танковых частей оказался для немцев практически невозможным; сотни танков были брошены и занесены снегом, их экипажи ушли сражаться как пехотинцы, имея только личное оружие. Из четырех дивизий в группе Гепнера только в одной было больше 15 танков. В канун Рождества во всех частях Гудериана было менее 40 танков. Из более чем 100 тысяч обморожений не менее 14 357 — больше дивизии — были отнесены к категории тяжелых, требующих ампутаций⁴⁶².

13 декабря командование 3-й танковой группы, с разрешения Гитлера, отдало распоряжение оставить позиции у Клина. Если фронтовые подразделения сохраняли дисциплину и старались удержать фронт, прикрывая

эвакуацию раненых и матчасти, то отступление тыловых подразделений превратилось в беспорядочное бегство. Вот как вспоминал об этом генерал Шааль: «Дисциплина начала рушиться. Все больше и больше солдат пробивалось на запад без оружия, ведя на веревке теленка или таща за собой санки с мешками картошки — они просто брели на запад без командиров. Солдат, погибших в ходе бомбежек, больше никто не хоронил. Подразделения тыла заполняли дороги, в то время как боевые части всех родов войск, включая зенитчиков, отчаянно дрались на передовой. Целые колонны войск обеспечения, — за исключением тех, кто имел жесткое руководство, — в страхе устремились в тыл. Части тыла охватил психоз, вероятно потому, что в прошлом они привыкли к постоянным наступлениям и победам. Без еды, трясущиеся от холода, в полном смятении солдаты шли на запад. Среди них попадались раненые, которые не смогли вовремя отправиться в тыл. Экипажи самодвижущейся техники, не желая ждать на открытых местах, когда на дороге рассосутся пробки, просто уходили в ближайшие села. Такого трудного времени на долю танкового корпуса еще не выпадало»⁴⁶³. Особенно показательным было то, что в вермахте перестали как положено хоронить убитых. Илья Эренбург отмечал в мемуарах, что в первый период войны немцы аккуратно и заботливо хоронили солдат — было много кладбищ с шеренгами березовых крестов и тщательно выписанными именами. Немцы хоронили своих и на площадях советских городов — этим они, вероятно, хотели показать, что пришли надолго⁴⁶⁴.

3-я танковая группа оставила Клин к 15 декабря; танковое острие, нацеленное на Москву с севера, расплющилось. 30-й и 1-й советским армиям удалось устранить смертельную угрозу для столицы. С другой стороны, советским войскам не удалось уничтожить 3-ю танковую группу: она избежала окружения и по плану вывела свои части из соприкосновения с противником,

отойдя на 90 км и заняв позиции по реке Лама. К западу от города 4-я танковая группа и 2-я танковая армия Гудериана на юге также отступили, сумев избежать охватов.

Пауль Карель пишет, что воочию жестокость зимы явила себя на Рождество одному из тыловых прикрытий 3-го полка на участке 2-й танковой группы. Это случилось под Озаровым. В бинокль лейтенант увидел группу людей и лошадей, стоящих на пологом склоне. Немцы стали осторожно приближаться. Была странная тишина. Группа советских солдат казалась зловеще неподвижной на блистающем снежном покрывале. И вдруг лейтенант понял причину — люди и кони, стоявшие близко друг к другу и наполовину утопавшие в снегу, были мертвы: они замерзли стоя. Смерть застала их там, где они остановились на привал. На одной из лошадей сидел замерзший раненый⁴⁶⁵. Кажется сомнительным, что лошадь могла замерзнуть стоя, но этот эпизод впечатляет..

Уже к концу 1941 г. немецкие потери убитыми достигли 150 тысяч, что более чем в пять раз превысило их потери за всю французскую кампанию. С осени 1941 г. в донесениях СД впервые появились указания на то, что письма фронтовиков отмечены озабоченностью — солдаты жаловались на растущие трудности со снабжением, писали об огромных резервах Красной армии, о бесперспективности войны на необозримых и бескрайних просторах России. С началом зимы настроение фронтовиков стало критическим: легко себе представить состояние человека, который в легкой шинели неделями или даже месяцами должен был торчать в окопах на сорокаградусном морозе. Приходится только удивляться тому, что немецкий фронт не развалился в первую же зиму. Гитлер считал, что санкционированное общее отступление приведет к тому же, что случилось с французами в 1812 г.⁴⁶⁶ По всей видимости, эти опасения Гитлера были не напрасны. Майор тыловой

службы Омихен, который по служебным делам был в командировке на Восточном фронте, передавал, что солдаты были в жутком моральном состоянии, кутались в какие-то невероятные лохмотья, а когда к ним обращались, они либо не отвечали ничего, либо плакали⁴⁶⁷. Военврач вермахта Ловис Гремлица передавал, что в январе 1941 г. в одной из дивизий группы армий «Центр» саперы не успевали хоронить трупы погибших и замерзших солдат — их просто присыпали снегом. Гремлица описывал, как больной диареей и ослабевший капитан лежал, примерзнув к луже собственного поноса, и умолял его пристрелить...⁴⁶⁸

Немецкий ветеран Ги Сайер вспоминал, что зимой, кроме мороза, немецкие солдаты страдали и от грязи. О намерении помочиться объявлялось всем присутствующим. Солдаты совали под струю мочи замерзшие руки, часто моча при этом заживляла порезы⁴⁶⁹. Оружие на морозе казалось хрупким, как стекло. Сайер писал: «Никто не покрыл себя славой, сражаясь против русских. Мы вели другой бой — бой против мороза, усталости, грязи и вшей. Этот бой и стал частью повседневной жизни»⁴⁷⁰.

16 декабря группе армий «Центр» был отдан приказ ни при каких обстоятельствах не отступать (*Haltebefehl*); в войска он пришел 18 декабря⁴⁷¹. 20 декабря 1941 г. Гудериан был в Ставке Гитлера и пытался убедить его в необходимости отвода истощенных войск. Гитлер был против: «Если я разрешу им отступать, их ничто не удержит. Солдаты побегут. А принимая во внимание морозы, глубокий снег и гололедицу на дорогах, это означает: первым делом они бросят тяжелые вооружения, а потом — легкие, потом они побросают винтовки, и в конце концов не останется ничего. Нет. Нужно держаться на оборонительных позициях. Транспортные узлы и центры снабжения надо защищать, как крепости. Войска должны вгрызаться в землю, они должны зарыться в нее и не сдавать ни сантиметра!»⁴⁷²

Дело в том, что военный опыт Гитлера был связан с Первой мировой войной, а она была преимущественно позиционным противостоянием, которое началось после бурного маневренного начала. Это был единственный пример в мировой истории, когда укрепленные фронты простирались не на десятки, а на многие сотни, даже тысячи километров. На протяжении трех лет — с 1915 по 1917 гг. — проводилось несколько операций по прорыву позиционного фронта, но они оказались бесполезными. Одна из таких операций была предпринята в конце сентября 1915 г. в Шампани. Для осуществления прорыва французское командование сосредоточило группировку войск в 300 тысяч солдат и около 3 тысяч орудий. Артиллерийская подготовка велась в течение трех дней; было выпущено 1,7 миллиона снарядов. В ходе последующих боев французская пехота вклинилась в немецкую оборону лишь на 1–3 км, потеряв 80 тысяч солдат⁴⁷³. Подобные попытки предпринимали и немцы, они также были безуспешными. В этих боях в качестве солдата принимал участие и Гитлер. Исходя из этого опыта, он полагал, что удержать фронт довольно просто: главное — достичь определенной линии, а остальное — дело техники и выучки солдат, их стойкости и верности долгу...

Вот что писал относительно руководства Гитлера кампанией зимы 1941–1942 гг. генерал-полковник Йодль: «Никогда я не восхищался Гитлером так, как зимой 1941–1942 гг., когда он один восстановил пошатнувшийся Восточный фронт, когда его воля и решимость передавалась всем, включая солдат, сражавшихся на передовых позициях точно так, как это было в минувшей войне, когда Гинденбург и Людендорф возглавили немецкое Верховное командование. Всякое иное изображение действий Гитлера в этот период противоречит исторической правде...»⁴⁷⁴

Между тем, удержать фронт было отнюдь не просто. Бывший командир XXXXVII-го танкового корпуса гене-

рал Рудольф Бамлер вспоминал: «Соединение неожиданного советского наступления и морозов, к которым мы совершенно не были готовы, дало убийственные результаты... Я вспоминаю такую картину: пехотинцы бредут по заснеженным полям, не желая залезать в окопы и бросая оружие. Даже некоторые офицеры бежали с передовой, крича, что продолжать бой не имеет смысла — все равно все перемерзнут или будут убиты»⁴⁷⁵.

Английский военный историк генерал Джон Фуллер писал, что, отказавшись отступить или даже отойти к западу от Смоленска, Гитлер, несомненно, спас вермахт от еще большего краха, чем тот, что постиг армию Наполеона. По существу, у Гитлера не было выбора — следовало укрыть большую часть войск, пока они не погибли от мороза, и держаться за линии коммуникаций, чтобы переоснастить армию и подвезти запасы. Прежде всего, необходимо было держать линии самых важных железнодорожных коммуникаций, на которых находились передовые склады, снабжавшие фронт. Важнейшие склады были в Старой Руссе, Ржеве, Вязьме, Калуге, Брянске, Орле, Курске и Харькове. Между ними находились второстепенные склады. Гитлер решил превратить передовые склады в укрепленные лагеря и отойти к ним. Так он обеспечил укрытие для войск, которые могли существовать за счет имевшихся запасов до приведения в порядок коммуникаций. Позади перечисленных складов создавались новые передовые склады. Следовательно, план Гитлера не был планом отступления (как у Наполеона), но маневром в сторону тыла. Укрепленные позиции немцы, заимствовав название средневековых каре шведских копейщиков, называли «ежами» (*Igelstellung*), так как они держали круговую оборону. Между основными «ежами» были созданы второстепенные «ежи»; вся эта система соединялась воедино авиацией; некоторые «ежи» снабжались по воздуху⁴⁷⁶. В принципе, гитлеровская стратегия была верной — любая попытка отхода от своих позиций, отступление

через заснеженные поля привела бы к тому, что вся германская армия была разрезана на куски. Более правильным было стоять и держаться до последнего, положившись на стойкость и дисциплину немецких солдат⁴⁷⁷.

Советские войска стремились обойти эти «ежи», окружить их, поэтому они широко использовали кавалерию, могущую двигаться и без дорог. Их поддерживали партизаны, поэтому боевые действия приобрели крайне ожесточенный характер. Жестокость порождает жестокость. Один немецкий журналист писал: «Сейчас идет война на истребление, какой еще не знала современная Европа. Это беспощадная борьба, в которой ни одна сторона не дает и не получает пощады. Бой почти всегда заканчивается ожесточенной рукопашной схваткой»⁴⁷⁸. 30 декабря советские войска взяли Калугу, которая была одним из основных «ежей».

В период битвы за Москву Гитлер был единственным человеком, который смог удержать в строгой узде отдельных командиров, не позволить им ради интересов своих армий подвергать опасности другие армии на флангах, заставить Люфтваффе организовать непрерывный воздушный мост с отрезанными соединениями. Исходя из своего принципа не уступать ни пяди завоеванной земли, Гитлер выиграл время для реализации идеи оперативных очагов обороны («ежей»). В январе 1942 г., когда генерал-полковник Гепнер самовольно отвел свою 4-ю танковую армию, фюрер распорядился лишить его воинских наград и звания и выгнать со службы. Тридцать пять корпусных и дивизионных командиров были отправлены в отставку. Во время разговора с Ключе генерал-полковник Гепнер сказал о «дилетантском военном руководстве» (речь шла о фюрере), а Ключе передал это Гитлеру. Тот пришел в ярость и при отставке лишил Гепнера права на ношение мундира и орденов, а также права на пенсию и на служебную квартиру. Гепнер отказался признать этот противозаконный при-

каз, а у юристов из ОКХ хватило мужества сообщить Гитлеру, что он не имеет права выносить подобные решения: такие меры могут быть применены к Гепнеру в том случае, если против него будет возбуждено дисциплинарное дело, но оно, по мнению юристов, несомненно должно закончиться в пользу Гепнера⁴⁷⁹. Гитлер вынужден был уступить... Впоследствии Гепнер погиб в Соппротивлении (он был казнен по делу о заговоре 20 июля 1944 г.).

На южном фланге советские войска также перешли в контрнаступление в Крыму и на берегу Азовского моря. «Ежи» в Таганроге, Сталино и Артемовске были обойдены с тем чтобы бросить силы на «сверхъежа» — Харьков, но гитлеровцы его упорно удерживали, несмотря на то что советскими войсками была занята Лозовая.

Красная армия использовала в этом зимнем наступлении все, что могла, но сил на масштабный глубокий прорыв у нее не было. В тех немногих случаях, когда советским войскам удавалось окружить врага, не было артиллерии, чтобы его уничтожить, не было авиации, чтобы воспрепятствовать Люфтваффе обеспечить окруженных боеприпасами и продовольствием. Суммарный результат Московской битвы был в целом небольшим. После взятия Бородина один майор РККА сказал Илье Эренбургу: «До Гжатска шестнадцать километров. Можем идти в два дня...» Но до Гжатска (с 1968 г. — Гагарин, Смоленской области. — *О. П.*) оставалось идти 430 дней...⁴⁸⁰

Хотя советские войска в течение трех месяцев давили на группу армий «Центр», им так и не удалось добиться крупного окружения врага, а отвоеванная территория была небольшой. Немцы смогли удержать Ржев, Вязьму и Орел. Таким образом, Московская битва стала бесспорным доказательством превосходства Гитлера над генералами, которые готовы были — даже ценой территориальных уступок — без конца выравни-

вать фронт. Но если в исключительно тяжелых условиях зимы 1941–1942 гг. жесткость Гитлера еще была уместна и принесла бесспорную пользу, то в дальнейшем она стала для военных обузой. Гитлер игнорировал профессиональные качества военных; так, он сказал Гальдеру: «Овладеть вашим оперативным искусством – это любой сможет». Чистой воды глупость, ибо оперативное искусство немецких офицеров было на голову выше, чем у офицеров любой другой армии. Но для Гитлера стала важнее формула «держаться до последнего» (*ausharren*).

Иные историки отвергают значимость зимней немецкой настойчивости в битве под Москвой. Так, сотрудник военно-исторического ведомства бундесвера Манфред Рау, вопреки мнению Фуллера, считал, что хотя подвижность немецких войск сильно снизилась к концу 1941 г., она была достаточной для осуществления тактических маневров и подвижного отступления, которое было бы наиболее эффективной тактикой в условиях мощного советского натиска; оно также могло привести к сокращению фронта и экономии сил.

Того же мнения был немецкий генерал Ганс Фришнер, который отмечал в своих мемуарах, что Гитлер придерживался стратегии «держаться во что бы то ни стало» по той причине, что он опасался превращения отхода в паническое бегство и развала фронта. Эти опасения были совершенно необоснованными. Доказательством тому служит немецкое отступление под Ржевом, Орлом, Брянском, Гомелем, из Крыма, а также из Румынии и Венгрии. Когда отступление планировалось заранее, оно осуществлялось с точностью часового механизма. Гитлеровские приказы на отступление поступали, как правило, только тогда, когда что-либо сделать было уже поздно⁴⁸¹.

С 15 декабря 1941 г. Гитлер своими приказами «держаться» практически перекрыл дорогу для использования тактики гибкой обороны. На место полководческого искусства и оперативных мер должна была засту-

пить воля: всякая планомерная штабная работа была, по выражению Рау, заменена «любительскими импровизациями» (*sprunghafte Augenblickseinfälle eines Laien*). ОКХ с этого момента практически был отстранен от решения специфических задач Генштаба; он стал исполнительным органом ОКВ.

Рау отрицал, что гитлеровские приказы «держаться» в 1941 г. предотвратили разрушение Восточного фронта. По его мнению, именно эти приказы создали угрозу распада Восточного фронта: Восточный фронт вермахта был спасен зимой 1941 г. не благодаря, а вопреки приказам Гитлера. Дело в том, что советское военное руководство не смогло организовать глубокие оперативные прорывы, хотя все средства для этого были⁴⁸². Иными словами, Фуллер считал удержание фронта немцами заслугой Гитлера, а Рау — следствием оперативной беспомощности советского командования.

Обе точки зрения специалистов имеют право на существование: зимой 1941—1942 гг. две особенности тоталитарных режимов наложились друг на друга и дали искомый результат...

Немецкий генерал Бутлар писал: «Ведя боевые действия в тяжелейших климатических условиях, которые ранее считались совершенно невозможными, испытывая огромное физическое и духовное напряжение, немецкое командование и войска сохраняли целостность Восточного фронта до тех пор, пока советские войска не выдохлись. Это вызвало у немецких солдат чувство превосходства над советской армией, которое не покидало их вплоть до самого окончания войны на Востоке. Вероятно, это самое чувство собственного превосходства и помогло вермахту, находясь вдалеке от родины, на протяжении нескольких лет сдерживать натиск противника, имевшего часто двадцатикратное превосходство»⁴⁸³. Генерал Меллентин утверждал: «Успехи немецких солдат в России убедительно показали, что русских можно победить. В конце осени 1941 г. немецкая армия

была очень близка к победе, несмотря на огромную территорию и осеннюю слякоть на дорогах, а также несмотря на наше несовершенное снаряжение и малочисленность войск. Даже в критические для нас 1944 и 1945 гг. наши солдаты никогда не чувствовали, что в чем-то уступают русским. Но слабые немецкие войска напоминали собой затерянные в океане островки, которые захлестывали бушующие вокруг бесконечные волны пехоты и танков. Приобретенный в войне опыт свидетельствует, что немецкие войска успешно вели боевые действия при соотношении сил 1:5, пока участвующие в боях соединения сохраняли до некоторой степени свой боевой состав и имели достаточно боевой техники. Иногда успех достигался даже и при более неблагоприятном соотношении сил. Трудно предположить, что армия какой-либо другой страны Запада могла бы добиться лучшего»⁴⁸⁴.

Только в марте натиск советских войск стал ослабевать — кризисный момент для группы армий «Центр» миновал. Еще несколько недель подвижные советские соединения продолжали наступление восточнее Смоленска, но это были последние волны слабеющего шторма.

Перелом в пользу вермахта наступил по двум причинам. Во-первых, советское командование пыталось отхватить слишком большой кусок. Вторая причина заключалась в исключительной стойкости немецких войск. В решающий момент вермахт смог предотвратить прорыв противника к шоссе Москва — Смоленск, и окружения группы армий «Центр» удалось избежать. Серьезный кризис на центральном участке Восточного фронта был преодолен⁴⁸⁵. Но преодоление кризиса не означало, что характер войны останется прежним — основным результатом зимней кампании 1941 г. было то, чего больше всего боялись немецкие генералы: война на истощение на Восточном фронте стала фактом⁴⁸⁶.

Что касается действий группы армий «Север», то когда 22 июня 1941 г. она начала прорыв между Сувалками

и Клайпедой, перед ней стояла ясная цель — Ленинград. По плану «Барбаросса» наступление на Москву до взятия Ленинграда не предусматривалось. Такой план со стратегической точки зрения был вполне логичным, особенно в определении центра тяжести кампании и в стремлении как можно скорее превратить Прибалтику в транзитную территорию для доставки снабженческих грузов и соединения с финнами. В свете этой генеральной линии 4-я танковая группа Гепнера намеревалась направить танковый корпус Рейнгардта к Ленинграду по дороге Псков — Луга — Ленинград. Танковый корпус Манштейна двигался к Ленинграду через Опочку и Новгород. Других путей к городу через сильно заболоченную местность с юга и юго-запада просто не существовало⁴⁸⁷.

В середине августа 1941 г. из-за кризиса в районе Старой Руссы 56-й танковый корпус Манштейна вывели из состава 4-й танковой группы Гепнера. Последнему пришлось приостановить наступление на Ленинград, поскольку пытаться овладеть городом с многомиллионным населением оставшимися силами было бы авантюрой. В сложившейся обстановке для группы армий «Север» существовало только одно решение, принятия которого Гепнер добивался от фон Лееба с 15 августа — перебросить 18-ю армию генерал-полковника фон Кюхлера из Эстонии на Лужский фронт, чтобы прикрыть северный фланг 4-й танковой группы, обеспечив ей возможность рывка на Ленинград. Но фон Лееб вместо этого поставил перед 18-й армией еще одну задачу — ликвидировать советские укрепленные районы по обеим сторонам Нарвы, хотя их можно было просто блокировать. Пауль Карель писал, что незачем было тратить время и силы, отвлекая крупные части на второстепенный участок, когда на подступах к Ленинграду 4-я танковая группа так нуждалась в подкреплении. 18-й армии потребовалось 11 дней, чтобы пройти от Нарвы до Ополя — это 40 км по прямой. Если бы части

18-й армии вовремя и в полном объеме успели на помощь 4-й танковой группе, то у Гепнера появился бы серьезный шанс овладеть Ленинградом уже во второй половине августа⁴⁸⁸.

Сигнал к штурму Ленинграда был дан 9 сентября 1941 г.; главная ответственность возлагалась на 41-й танковый корпус генерала Рейнгардта, который должен был наступать по центру оборонительных рубежей Ленинграда в районе Дудергофских высот.

Не менее важные события происходили в этот день и на южном берегу Ладожского озера, где располагался Шлиссельбург — наиболее важный в стратегическом смысле район. Именно отсюда можно было контролировать водные артерии, ведущие из Ленинграда и Балтийского моря к Белому морю, а также к Рыбинскому водохранилищу и каналу Волга — Москва. 8 сентября боевые группы полковников графа Шверина и Гарри Гоппе вышли на исходные позиции для штурма Шлиссельбурга и начали наступление из района Мги. Наступление увенчалось успехом⁴⁸⁹. Захват Шлиссельбурга означал, что Ленинград заперт с востока; город превратился в остров, окруженный водой и немецкими войсками. Падение Шлиссельбурга повергло в ужас советское командование — к Шлиссельбургу отправляли все новые советские войска на десантных лодках и судах, но гамбургский полк Гарри Гоппе выстоял, хотя время от времени он оказывался отрезанным. Открытым оставался лишь один узкий коридор к западному берегу Ладоги, поскольку финны на Карельском перешейке стояли без движения; они так и остались на прежней государственной границе и рубеж Свири не перешли.

В тот момент, когда была прорвана последняя линия обороны Ленинграда, когда немецкие части овладели Дудергофскими высотами, когда была взята Гатчина и Шлиссельбург, пришел приказ Ставки фюрера о прекращении наступления. Расстроенный решением Гит-

лера, Лееб сказал: «Гитлер ведет войну так, будто он в союзе с русскими»⁴⁹⁰. Приказ по группе армий «Север» некоторое время держали в тайне, поскольку Ленинград предстояло обложить как можно плотнее, захватив Пулковские высоты и Колпино. «Но какая же часть, — писал Карель, — будет драться с прежним энтузиазмом, если солдаты и офицеры знают, что предстоящие действия — всего лишь выравнивание фронта»⁴⁹¹. 15 сентября генерал Иван Иванович Федюнинский в Военном совете Ленинградского фронта получил задание выяснить положение в 42-й армии, защищавшей Пулковские высоты. Эта армия сильно поредела в предыдущих боях и едва удерживала фронт. По прибытии в штаб армии, Федюнинский обнаружил, что связи с частями нет, командующий армией генерал-лейтенант Иванов пребывает в полной прострации, фронт — по словам Федюнинского — держится буквально чудом. Вскоре Федюнинский сам получил назначение в 42-ю армию. Ему удалось стабилизировать обстановку: к началу октября 1941 г. 42-я армия в составе пяти стрелковых дивизий и двух стрелковых бригад занимала оборону на фронте от берега Финского залива до восточной окраины Пулково. Армия не просто оборонялась, но вела активные бои в направлении Урицка, Ивановки, Старо-Паново и Сосновой Поляны⁴⁹².

Суть происходящего под Ленинградом была в том, что после поражения советских войск под Смоленском генералы побуждали Гитлера воспользоваться крушением советского Центрального фронта и захватить Москву. Но Гитлер не хотел спешить. В течение полутора месяцев продолжались его колебания, в итоге которых он решил ни придерживаться прежнего плана первоочередного овладения Ленинградом, ни давать разрешение на штурм Москвы. Вместо этого 21 августа танковой группе Гудериана был отдан приказ вместе с группой армий «Юг» овладеть Киевом. Это сражение было выиграно — победа на Украине привела Гитлера к мыс-

ли о том, что Советский Союз находится на грани военной катастрофы. Он окончательно уверовал во всемогущество вермахта и принял решение, несмотря на приближение осенней распутицы и холодов, наступать на Москву и овладеть ею. В то же самое время на юге должно было продолжиться наступление на кавказские нефтяные месторождения. Ленинград же предстояло окружить плотным кольцом и голодом принудить к сдаче. Это была чрезмерная программа, выполнить которую было практически невозможно. Стратегия Гитлера сводилась к фронтальному давлению на противника по всем направлениям, в то время как Клаузевиц указывал, что **стратегия** должна иметь определенный центр тяжести. Гитлер считал, что располагает достаточными силами, чтобы взять Москву, принудить к сдаче Ленинград, а также продолжать наступление на Кавказ. Принимая во внимание колоссальные масштабы и протяженность Восточного фронта, а также численность и резервы вермахта, эта затея Гитлера была чистым безумием.

Поскольку для блокады Ленинграда мобильных танковых войск не требовалось, 17 сентября они были отозваны с Ленинградского фронта. Стоявшие под Ленинградом войска оказались лишены танкового кулака. В самом Ленинграде было 30 советских дивизий (55-я и 8-я армии), которым и предстояло сдерживать 18-ю немецкую армию. Особенно упорными были бои в районе Колпино и Невской Дубровки. Поскольку финны не перешли своей старой границы, с востока Ленинград с Ладогой связывал 80-километровый коридор. Это позволило зимой создать «дорогу жизни», во многом благодаря которой осажденный город и выжил.

Вечером 8 ноября немецкие 12-я и 8-я танковые дивизии взяли Тихвин. Операция прошла настолько гладко, благодаря участию в операции закаленных в боях полков, что из Ставки запросили у командования корпуса, возможно ли наступление на Вологду — то есть

продвижение еще на 400 км на восток. Четыреста километров — зимой! Безумие!

Впрочем, радость немцев по поводу захвата Тихвина оказалась преждевременной: утром 15 ноября началось советское контрнаступление на Тихвин. К 22 декабря немецкие войска были оттеснены к Волхову; Тихвинская операция по окружению Ленинграда провалилась и блокада города оказалась неполной.

Немецкие генералы негодовали по поводу решения Гитлера отказаться от взятия Ленинграда, поскольку Ленинград мог бы стать неоценимой по значению базой снабжения немецких войск на Восточном фронте. Через Ленинградский порт, не подвергаясь атакам партизан, могли бы течь снабженческие грузы и поступало бы подкрепление для вермахта. А эти грузы шли тяжелой и опасной дорогой через всю Восточную Европу. С другой стороны, решение Гитлера можно было оправдать тем, что в условиях уличных боев вермахт разом бы потерял все свое тактическое превосходство и оказался бы втянут в бесперспективную и кровопролитную борьбу, как это произошло в Сталинграде. В Ленинграде возможности для организации такой борьбы были гораздо шире (большее количество каменных построек, водные преграды), чем в Сталинграде.

Дополнительным указанием на превращение северного направления удара во второстепенное было перемещение 12 сентября 1941 г. Манштейна из-под Ленинграда, где он командовал LVI-м танковым корпусом (именно эта часть тянула основной груз наступления в группе армий «Север»), на самый южный фланг Восточного фронта — командующим 11-й армии. На юге в это время фельдмаршал Рундштедт завершал окружение советских войск под Киевом. 11-я армия в этой операции участия не принимала — ей предстояло форсировать Днепр в его низовьях и захватить Крым, а главными силами наступать на Ростов вдоль берега Азовского моря. Как писал Пауль Карель, Манштейн не испытал

удовлетворения от этого повышения, поскольку чувствовал, что наверху не было ясного понимания, какие задачи следует решать в первую очередь. Фон Бок и ОКХ хотели наступать на Москву, фон Лееб считал, что отступать от первоначального плана нельзя и нужно брать Ленинград, а Гитлер отдавал приоритет экономическим задачам (зерно, нефть, руды), в которых военные не были компетентны: он хотел получить Украину и Кавказ⁴⁹³. Его волновало то обстоятельство, что Крым представлял собой угрозу румынским нефтяным скважинам: с полуострова могли осуществляться авианалеты на месторождения нефти. Ростов-на-Дону, «ворота на Кавказ», также был важным стратегическим пунктом.

11-я армия, в командование которой вступил Манштейн 17 сентября в Николаеве, после завоевания Крыма и Ростова должна была создать фундамент для завоевания «советского Рура» — Донбасса. Иначе говоря, 11-й армии предстояло обеспечить выведение южной части линии «А—А» (Архангельск — Астрахань), гигантского рубежа длиной в 2000 км через всю территорию Советского Союза — от Северного Ледовитого океана по Северной Двине и Волге. Этот рубеж представлял собой финишную черту операции Гитлера против СССР. Здесь, выстроив пограничные укрепления на Волге и Северной Двине, вермахту предстояло удерживать советские войска и не давать им пройти в Европу. Такая постановка задачи неминуемо должна была привести к рассеиванию сил. Особенно это касалось 11-й армии. Манштейн, будучи трезвым стратегом, прекрасно понимал, что обе задачи — овладение Крымом и Ростовом — одновременно выполнить не удастся. Он первоначально сосредоточился на захвате Крыма, а на ростовском направлении приказал поддерживать боевой контакт с противником⁴⁹⁴.

28 октября 11-я армия прорвала советскую оборону на Перекопе и начала преследование отступающих советских частей. 1 ноября боевая группа полковника

Циглера овладела Симферополем, затем вышла в район Ялты и таким образом отрезала путь стремившейся к Севастополю отступающей Приморской армии генерала И. Е. Петрова. Победа была полной — только штаб и отдельные части Приморской армии без тяжелых вооружений смогли спастись бегством через Керченский пролив. 15 ноября пала Керчь.

105-й пехотный полк подполковника Мюллера смелым броском смог захватить Балаклаву — самый южный бастион Севастополя. Но овладеть Севастополем с ходу 11-я армия не смогла, поскольку в бой вступила советская морская пехота и крепостная артиллерия. Достижения 11-й армии, однако, были очень большими: 12 стрелковых и 4 кавалерийские советские дивизии были разбиты. Шесть немецких пехотных дивизий взяли в плен 100 тысяч советских солдат и офицеров⁴⁹⁵. Манштейн планировал взять Севастополь до Рождества: 11-ю армию хотели использовать для наступления на Кавказ, и она не могла долго быть привязанной к Севастополю. Этим планам Манштейна, однако, не суждено было сбыться, поскольку крепость Севастополя — это одна из самых мощных в мире крепостей. Для ее взятия Манштейн сосредоточил все свои наличные силы, практически оставив Керченский полуостров открытым (его прикрывала единственная пехотная дивизия — 46-я, и ее фронт составлял 300 км).

17 декабря закончились последние немецкие приготовления к штурму Севастополя по всему 20-километровому фронту. 23 декабря 22-я пехотная дивизия полковника Хольтица вышла к дороге, ведущей в крепость с севера, внешнее кольцо укреплений Севастополя немцы взяли. Но Севастополь держался. Рождество прошло в упорных боях. В разгар штурма Севастополя, 29 декабря, в штаб Манштейна пришла неприятная новость — после подготовительной высадки у Керчи мощные советские силы вторжения десантировались у Феодосии, на перешейке между Крымом и Керченским полуост-

ровом. Командир 42-го корпуса генерал-лейтенант фон Шпонек отрядил две свои дивизии на штурм Севастополя, а сам остался с 46-й пехотной дивизией. Сначала фон Шпонеку удалось отразить советскую атаку у Керчи, но 29 декабря советские войска взяли Феодосию. Это было чревато тем, что 46-я дивизия вермахта будет отрезана⁴⁹⁶. 29 декабря фон Шпонек прислал в штаб Манштейна сообщение, что его дивизия отходит с Керченского полуострова. Манштейн распорядился немедленно прекратить отход, но штаб фон Шпонека не отвечал, рация была отключена. Впервые со времени начала кампании на Востоке командир такого высокого ранга не подчинился приказу начальника. Фон Шпонек отличался исключительной личной храбростью и был прекрасным боевым командиром, кавалером Рыцарского креста. Его единственную дивизию атаквали две советские армии — 51-я генерала В. Н. Львова и 44-я генерала А. Н. Первушина; в общей сложности — 6 стрелковых дивизий, 2 стрелковые бригады, 2 горнострелковых полка, около 42 тысяч солдат, 454 орудия и миномета, 43 танка и 500 самолетов фронтовой авиации. И фон Шпонек стал первым немецким командиром, который, оказавшись перед альтернативой: держаться насмерть и погибнуть или отступить, — выбрал последнее. Правила прусского Генштаба требовали от командира холодно и трезво взвешивать ситуацию и проявлять гибкость, принимая решения, а не бросать солдат в ненужную мясорубку. Фон Шпонек решил, что ввиду ответственности, которую он несет за жизнь 10 тысяч человек, времени терять нельзя, и поступил вопреки приказу Манштейна. Он понимал, что рискует головой. Итак, 29 декабря фон Шпонек приказал дивизии отойти с Керченского полуострова и атаковать противника в Феодосии⁴⁹⁷. При довольно низкой температуре (не характерной для Крыма) дивизии Шпонека предстояло преодолеть 120 км. 31 декабря 46-я немецкая дивизия вышла к Феодосии, но советские войска

были уже там. Отчаянными усилиями дивизии фон Шпонека удалось предотвратить прорыв советских войск в тыл 11-й армии. 11-я армия, со своей стороны, вынуждена была прекратить осаду Севастополя и сосредоточиться на отражении советской атаки со стороны пролива. Советское продвижение было остановлено в феврале 1942 г. Фронт стабилизировался⁴⁹⁸.

Стабилизация стала возможной вследствие слабых действий советского командования — предпринятое РККА 27 февраля 1942 г. наступление завершилось неудачей, несмотря на преимущество в живой силе (13 дивизий Крымского фронта против 3 дивизий у немцев). Уже 28 февраля противник вернул то немногое, что красноармейцам удалось захватить накануне. Находившийся в 51-й армии корреспондент «Красной Звезды» Симонов писал: «Наступление началось очень неудачно. В феврале пошла метель вместе с дождем, все невероятно развезло, все буквально встало, танки не пошли, а плотность войск, подогнанных Мехлисом, который руководил этим наступлением, фактически подменив собой командующего фронтом безвольного генерала Козлова, была чудовищна. Все было придвинуто вплотную к передовой, и каждый немецкий снаряд, каждая мина, каждая бомба, разрываясь, наносили нам громадные потери. В километре-двух-трех-пяти-семи от передовой все было в трупях. Словом, это была картина бездарного военного руководства и полного, чудовищного беспорядка. Плюс к этому — полное небрежение к людям, полное отсутствие заботы о том, чтобы сохранить живую силу, о том, чтобы уберечь людей от лишних потерь»⁴⁹⁹.

По-другому действовал фон Шпонек, не пожелавший жертвовать своими солдатами. В принципе, получалось, что в своем решении он оказался прав? Манштейн в мемуарах не дает ответа на этот вопрос; он порицает фон Шпонека за то, что тот поставил командование армии перед свершившимся фактом.

Военный трибунал Ставки фюрера приговорил фон Шпонека к лишению всех званий и наград и смертной казни. По ходатайству Манштейна приговор был заменен 7 годами заключения⁵⁰⁰.

Принявший под свое начало группу армий «Юг» фельдмаршал фон Рейхенау в январе 1942 г. огласил в приказе: «Ввиду вялой реакции на высадку русских на Керченском полуострове, а также преждевременного отступления с полуострова, я объявляю 46-ю дивизию лишенной солдатской чести. Награждения и повышения в звании запрещаются до поступления отменяющего приказа». Но приговор целой дивизии отважных солдат не менял суть проблемы — частям по-прежнему ставили задачи, которые они не могли выполнить в силу своей малой численности⁵⁰¹.

Другие войска группы армий «Юг» продолжали двигаться на Восток. Танковая группа Эвальда фон Клейста, переименованная в 1-ю танковую армию, изготавилась для удара на Ростов. 20 октября 1-я горно-стрелковая дивизия взяла Сталино (Донецк). Таким образом, главный центр производства вооружений попал в руки оккупантов. Согласно концепции Гитлера, исход войны решался захватом промышленных центров, поэтому поражение России якобы стало неминуемым...

24 октября 6-я армия взяла Харьков. Затем, как и повсюду на Восточном фронте, настал период осенней распутицы. Только 17 ноября, когда основательно подморозило, Клейст возобновил продвижение, и в этот день «Лейбштандарт», усиленный 13-й танковой дивизией, взял Ростов-на-Дону. Одному из батальонов «Лейбштандарта» удалось невредимым взять ростовский железнодорожный мост. Этот мост вел на Кавказ, перед которым уже не было крупных водных преград и простиралась степь.

18 ноября, как только Ростов-на-Дону оказался в руках немцев, начались ожесточенные советские атаки на город. Клейст, опасаясь оказаться отрезанным от остальных

частей группы армий «Юг», начал отходить к реке Миус. Отходя от Ростова, «Лейбштандарт» сражался с отчаянной смелостью. Один из участников этого боя писал: «Невозможно на словах описать зиму на этом участке фронта. Сплошной линии фронта не было, ни передовых постов, ни резервов. Лишь небольшие группы наших поддерживали друг друга в обороне узлов сопротивления... И это на солнечном юге. Сколь же ужасно было нашим боевым товарищам на севере? Здесь жизнь замерла. Мы даже не могли умыться... А что касается пищи, то мы жили на густом супе из гречихи и проса. Мы раздевали и своих и чужих убитых, чтобы снять с них теплую одежду. Я думал, что мне никогда уже не будет тепло. А русские говорили, что это еще мягкая зима. Сохрани нас Бог». Даже командир «Лейбштандарта» Зепп Дитрих отморозил себе пальцы на правой ноге. В этом элитном подразделении Ваффен-СС на 30 ноября 1941 г. насчитывалось в строю 157 офицеров и 4566 солдат, хотя штатная численность дивизии была 290 офицеров и 9700 солдат. Половина транспорта была потеряна⁵⁰².

В итоге этих боев, несмотря на первоначальный успех, три сильно потрепанные немецкие дивизии не смогли удержать Ростов-на-Дону перед натиском пятнадцати советских стрелковых и кавалерийских дивизий, а также нескольких танковых бригад. В Ростове-на-Дону командующий 1-й танковой армией Эвальд фон Клейст, за неимением других войск, прикрыл свой северный фланг всего несколькими батальонами венгров и итальянцев. У Тимошенко же было три свежие армии, и он отбросил войска союзников Германии. Клейсту пришлось покинуть Ростов в такой спешке, что он оставил там 40 танков и большое количество ремонтных машин. 28 ноября 1941 г., под натиском советских войск, немецкая 1-я танковая армия вынуждена была оставить Ростов-на-Дону.

30 ноября Гитлер запретил запланированный отвод 1-й танковой армии на Миус севернее Таганрога. Ко-

мандующий группой армий «Юг» фельдмаршал фон Рундштедт отвечал Гитлеру, что запрет отвода войск на линию Миуса невыполним; он просил либо отменить этот запрет, либо отправить его в отставку. 1 декабря Гитлер сместил Рундштедта и поставил на его место командующего 6-й армией Вальтера Рейхенау, который, естественно, также не был в состоянии остановить отступление к Миусу. Ростовский кризис вынудил Гитлера 3 декабря отправиться в Мариуполь. Он был полон решимости снять командующего 1-й танковой армией Эвальда фон Клейста, но командир «Лейбштандарта» Зепп Дитрих, пользовавшийся особым расположением Гитлера, смог убедить его в том, что виновен штаб группы армий...⁵⁰³ На месте Гитлер помирился с Рундштедтом, но было решено, что престарелый фельдмаршал все же отправится домой для поправки здоровья. Через десять дней после отъезда Рундштедт получил от Гитлера чек на 250 тысяч рейхсмарок в качестве подарка ко дню рождения.

7 декабря Гитлер требовал возвращения к Ростову и начала наступления на Майкоп, что, собственно, было невыполнимо⁵⁰⁴. Гитлер неоднократно повторял, что из-за нефти овладение Кавказом является первейшей необходимостью для Германии. Он говорил, что Кавказ имеет такое же значение для военной экономики Германии, как промышленный район Силезии для Пруссии⁵⁰⁵.

Инцидент под Ростовом был первым случаем массового отступления немецкой армии и увольнением высокого командира вермахта. Но и Рейхенау, прибыв на место, 1 декабря заявил Гитлеру, что отход за Миус необходим. Только после этого Гитлер разрешил Рейхенау сдать Ростов. Узнав о поражении под Ростовом, Гудериан мрачно заметил: «первый тревожный сигнал». Он еще не знал, что поражение под Ростовом будет всего лишь малозначительным эпизодом по сравнению с ураганом, обрушившимся на группу армий «Центр» под Москвой шесть дней спустя...⁵⁰⁶

Что касается положения дел на самом северном участке советско-германского фронта, то там положение дел для немцев было крайне неблагоприятным с самого начала. Еще 21 апреля 1941 г. в разговоре с генералом Дитлем, героем Нарвика и командиром горно-стрелкового корпуса «Норвегия», Гитлер указал на цель его корпуса — Мурманск, который от Петсамо отделяют «смешные 100 километров». Дитль пытался убедить фюрера, что речь идет о тундре — совершенно непроходимой летом и еще более страшной зимой, в полярную ночь и с жуткими морозами. По мнению Дитля, 1350-километровую железную дорогу на Мурманск можно было перерезать южнее, где местность более подходила для проведения боевых операций. Доводы Дитля произвели на Гитлера впечатление — Гитлер боялся, что советские войска смогут лишить Германию никеля Петсамо и железной руды Нарвика⁵⁰⁷. Кроме того, через Мурманск в Советский Союз поступали очень важные грузы от западных союзников. Только вера в быструю победу могла заставить немцев рассматривать операцию против Мурманской железной дороги как дело второстепенной важности.

Вместо того чтобы последовать совету Дитля, 7 мая 1941 г. Гитлер издал компромиссный приказ: сам Дитль должен был наступать прямо на Мурманск из Печенги, в 350 км южнее корпуса Дитля на Кандалакшу наступали две пехотные дивизии вермахта, еще южнее на 150 км финны наступали на Лоухи. По всей видимости, распылить силы и не принять предложение Дитля об атаке с юга Гитлера побудило мнение Маннергейма, заявившего, что в Лапландии невозможно развернуть и снабжать более двух дивизий одновременно⁵⁰⁸. В результате ни на одном направлении гитлеровцы и финны не смогли добиться желаемого — перерезать Мурманскую железную дорогу, которая сразу приобрела для СССР стратегическое значение, ибо первое время именно через Мурманск шла основная помощь союзников. Правда, впус-

ледствии финны все же перерезали эту дорогу, но южнее ее ветки на Вологду, что и сохранило для советской стороны возможность получения грузов.

26 июня 1941 г. президент Рюти объявил Советскому Союзу войну. Мобилизация финской армии была проведена заранее. Почти 18 % населения вступило в армию — подобного напряжения сил народа не знала ни одна страна, участвовавшая в войне⁵⁰⁹. Солдаты финской армии отличались высокими боевыми качествами. Именно на северном театре военных действий имела место ярко выраженная коалиционная война, в которой немцам приходилось не приказывать, а договариваться о совместных действиях.

Генерал вермахта Дитмар писал, что в Лапландии и восточной части Карелии при ведении боевых действий солдаты сталкивались с трудностями, которые были необычайно велики даже по сравнению с тяжелыми условиями ведения войны на всем Восточном фронте. Бесконечные, лишенные дорог и покрытые непроходимыми болотами, малонаселенные лесные массивы, беспорядочное нагромождение валунов, пресловутые *tunturi* (горы), напоминающие собой естественные крепости, а также тундра — все это чрезвычайно затрудняло боевые действия⁵¹⁰. В условиях, когда тяжелые пехотные вооружения применять было невозможно, основную тяжесть борьбы нес на себе одиночный боец, вооруженный винтовкой и ручной гранатой. Только значительное численное превосходство наступающих или низкие боевые качества обороняющихся могли свести на нет преимущества обороны в таких природных условиях.

1 сентября финны овладели Выборгом, а к концу месяца освободили всю территорию, ранее принадлежавшую Финляндии. По другую сторону Ладожского озера войска финской «Карельской армии» 4 сентября перешли в наступление и через три дня вышли к Свири в районе Лодейного поля. Финны раз за разом переигры-

вали Красную армию в маневренной войне. 1 октября они взяли Петрозаводск, а взяв 5 декабря Медвежье-горск, отбросили советские войска от своего левого фланга. Глубокие снега и жестокие морозы затрудняли боевые действия, и вскоре здесь наступило долгое затишье⁵¹¹.

Первая попытка наступления частей Дитля на Мурманск провалилась, но фюрер приказал предпринять еще одно наступление. 8 сентября, когда танковые дивизии Гепнера устремились к Ленинграду, а танковая группа Гудериана поворачивала к Киеву для завершения разгрома окруженных советских войск, горные стрелки Дитля взяли в руки поводья мулов, погрузили на них ящики с боеприпасами и вновь принялись покорять тундру, сражаясь с советскими войсками на мурманском направлении. 23 сентября в Мурманске выпал первый снег и началась северная зима. До Мурманска Дитлю оставалось «каких-то» 50 км⁵¹². Ранний приход зимы еще можно было предвидеть, но 28 сентября единственный мост через реку Петсамойоки у Титовки, по которому шло снабжение войск Дитля, рухнул вместе с целым километром берега высотой в 8 м, осевшим вследствие оползня. Оползень был вызван двумя советскими авиабомбами. Впечатление было такое, что гигантский бульдозер свалил массу земли в долину реки, глубина которой была 7–8 м, а ширина 50 м⁵¹³. В одно мгновение две дивизии (около 15 тысяч солдат) и 7 тысяч лошадей и мулов оказались отрезанными от тыловых коммуникаций. Для советской стороны это был настоящий подарок судьбы.

На двух других участках наступления немецких и финских войск на Мурманск положение было не лучше: наступление выдохлось с началом зимы; достигнуть главной цели — полностью отрезать Мурманскую железную дорогу — так и не удалось. Результаты немецко-финского наступления на Крайнем Севере оказались совершенно неудовлетворительными. Несмотря на не-

которые начальные успехи (немцы дошли до реки Западная Лица — половина пути от финской границы до Мурманска), ни немцы, ни финны не смогли выйти к Мурманской железной дороге. Финны, правда, взяв Медвежьегорск, перерезали Мурманскую дорогу на юге, но поставки союзников шли из Мурманска по железной дороге через Беломорск на Вологду⁵¹⁴.

В 1942—1943 гг. на финском и лапландском участках фронта, в отличие от полных трагизма событий на юге Восточного фронта, царило абсолютное спокойствие; фронт на Крайнем Севере стал действительно второстепенным. Советское командование уделяло ему ровно столько внимания, сколько нужно было для его поддержания. Осенью 1943 г. против финских и немецких частей, насчитывавших до 500 тысяч солдат и находившихся в превосходном состоянии, действовало не более 270 тысяч советских солдат. Тот факт, что исключительно благоприятная ситуация не была использована финской стороной, объясняется политическими решениями: финны отказывались от любых действий, которые обострили бы их отношения с Западом. США сохраняли с Финляндией дипломатические отношения, и финны видели в этом путь к спасению после войны⁵¹⁵. Со временем мысль об овладении Ленинградом совместно с финнами была немцами окончательно похоронена.

Джон Фуллер справедливо указывал, что, принимая во внимание такие факторы, как огромные трудности снабжения, стоявшие перед немцами, неразвитость дорожной сети в России, неожиданное по силе сопротивление, просчеты в отношении советских резервов и тот факт, что немцы никогда не вводили в дело более 25 танковых дивизий, следует отметить, что немецкое наступление между 22 июня и 6 декабря 1941 г. — удивительное достижение вооруженных сил Германии. Главным образом, оно было результатом умелого применения немцами тактики окружений. В некоторых случаях

котлы, в которые немцы загоняли красноармейцев, были огромными. Минский котел имел длину до 300 км и почти такую же ширину. Когда начались операции на юге, то северная часть Киевского котла имела в длину 160 км, горловина — 80 км, а южная сторона — 300 км, то есть по размерам котел был таким же, как весь западный фронт во Франции... Таким образом, если даже не принимать в расчет стойкость советских солдат, становится понятным, почему так затягивались бои в этих огромных котлах: они скорее были небольшими театрами военных действий, чем полями сражений⁵¹⁶. Жуков после войны писал, что главная причина немецких неудач в итоге первой летней кампании состояла не в ошибках с выбором направления главного удара, а в том, что немецкое командование допустило крупный просчет, привлекая слишком много войск для ликвидации окруженных войск⁵¹⁷.

Ни на одном направлении гитлеровцам не удалось довести военные действия до логического завершения. Главной причиной этого, конечно, были не только мороз и грязь, на которые жаловались немцы-фронтовики, а колоссальные людские резервы СССР и сопротивление Красной армии, на которую не действовали никакие тактические успехи немцев: казалось, что несмотря на ужасающие потери, советские войска их просто не замечали. В первые месяцы войны настоящим героем был простой советский солдат, неумело руководимый, недостаточно подготовленный, плохо оснащенный, но мужеством и стойкостью на первом году войны изменивший ход всей истории. На фоне беспрецедентных человеческих жертв в трагическое для нашей страны лето 1941 г. оперативная беспомощность советского командования была особенно явственна. Советский Союз выстоял еще и по той причине, что военачальники не щадили солдат — жестокость политического руководства и высшего командного состава не знала границ. Такой подход был основан на допуще-

нии, что другого способа одолеть врага просто не существовало. Дискутировать же на тему, так ли это, здесь не место.

Те же беспомощность и отсутствие ясных представлений о последовательности действий сказались на многих сторонах советской политики в «холодную войну» и породили чрезвычайно высокие стандарты для оценки безопасности страны, завышенные критерии пределов боеготовности в мирное время, «аллергическую» реакцию на возможность повторения стратегической неожиданности.

Итоги зимней кампании подвел генерал Курт фон Типпельскирх: «Упрямое и негибкое преследование поставленных перед собой целей посредством все новых и новых ожесточенных атак в одних и тех же местах во всех отношениях существенно облегчило немецкому командованию задачу сломить натиск противника»⁵¹⁸. С 1 января по 31 марта 1942 г. вермахт потерял на Восточном фронте около 150 тысяч убитыми и пропавшими без вести. Советские потери были в четыре раза больше⁵¹⁹.

Потери вермахта в зимние месяцы, хотя и были ниже, чем в летние месяцы наступления, но весьма велики были потери от болезней и обморожений. Что касается потерь материальной части, то они были такие же, как и летом. Ощутимые для вермахта потери были и в высшем командовании: фон Лееб по болезни (формально) вышел в отставку; Рундштедта перевели в запас. Командующий 9-й армией Штраус, Гудериан (2-я танковая армия) и Гепнер (4-я танковая армия) потеряли посты по той причине, что без ведома руководства отвели свои части. Гудериан был переведен в резерв фюрера; впоследствии он был назначен начальником Генштаба, а Гепнер вышел в отставку⁵²⁰. Хотя вермахт так же, как и Красная армия, понес тяжелые и невосполнимые людские потери, но по масштабам людского потенциала немцы значительно отставали от Советского

Союза (почти в 3 раза), что быстро сказалось на развитии военных действий. Дело в том, что система подмены фронтовых частей в вермахте базировалась на существовании отдельной резервной армии (*Ersatzheer*), обязанностью которой была подготовка и обучение новобранцев, которые затем попадали в действующую армию (*Feldheer*). Когда Германия напала на СССР, резервная армия в вермахте насчитывала 400 тысяч человек⁵²¹. 90 тысяч солдат было в «полевых батальонах войск замены», которые шли прямо за наступающими дивизиями. Весь этот резерв был, однако, быстро исчерпан, и в августе уже существовала потребность в 132 тысячах солдат резерва. Гитлер же первоначально не видел проблем с численностью армии — 6 декабря 1941 г. он сказал, что Германия испытывает недостаток в рабочих, а не в солдатах. Он и мысли не допускал об ослаблении немецких сил на Западе. Следовательно, для восполнения потерь на Востоке оставалась только одна лазейка — «прочесывание» тыла⁵²².

Парадоксально, но при сокращении численности немецкой армии на Восточном фронте на 750 тысяч — до 2,7 миллиона солдат к июню 1942 г., число дивизий в то же время увеличилось на 43 — до 179⁵²³. Это объясняется тем, что Гитлер находился во власти магии цифр и стремился увеличить число дивизий хотя бы таким способом. Поэтому к марту 1942 г. всего 5 % всех соединений вермахта на Восточном фронте считались укомплектованными и готовыми к военным действиям.

Самой большой проблемой для вермахта на Восточном фронте, несмотря на первоначальные головокружительные успехи, было то, что сильно увеличились потери: если за два первых года войны в вермахте погибло 1253 офицера, то с июня 1941 г. до марта 1942 г. — 15 тысяч. Естественно, в основном это были младшие офицеры: число, скажем, младших лейтенантов снизилось за тот период с 12 055 до 7276. Например, 18-я танковая дивизия, которая 22 июня 1941 г. пересекла совет-

скую границу с 17 174 солдатами и 401 офицером, три недели спустя потеряла 2300 солдат и 123 офицера, или 1/3 своего состава.

Характерное для всякой войны исключительно напряженное психологическое состояние и ожесточение, а с другой стороны — вседозволенность, ежедневно порождали на войне ситуации, которые невозможно было объективно оценить и в тылу, и по прошествии времени. Молодым солдатам на Восточном фронте казалось, что они борются за «великое дело», тем более что обещанной легкой победы добиться не удалось и началось кровопролитное и упорное противостояние с достойным соперником, обладавшим высокой боевой моралью, часто восхищавшим своей изобретательностью, неприхотливостью и простотой. Свою жестокость на Восточном фронте солдаты вермахта часто рассматривали как ответную реакцию на жестокость своего противника, или как проявление патриотизма, или как месть за своих товарищей, или как проявление солдатского товарищества, как борьбу за жизнь своих товарищей, за солдатский коллектив. Вероятно, так оно чаще всего и было, поэтому вермахт следует считать более объектом развития, жертвой развития, а не частью нацистской идеологической машины. При этом не следует забывать о том, что давление тоталитарной системы испытывало не только общество, но и армия — во время войны нацистская военная юстиция приговорила к смерти около 15 тысяч солдат вермахта⁵²⁴.

Также при анализе ситуации на Восточном фронте следует учитывать, что все это происходило в суровых климатических условиях, в районах часто малонаселенных или вовсе пустынных, и чем дальше развивалась война на Восточном фронте, тем более тяжелыми и примитивными становились ее условия, что оказывало воздействие на солдат, способствовало «варваризации» войны⁵²⁵. В статье с характерным названием «Царили обычаи и правила, как в Тридцатилетнюю войну» немец-

кий историк Йоган Хюртен на материалах биографии генерала Готхарда Хайнрици описывал условия войны на Восточном фронте. По его мнению, сами эти условия своей примитивностью и суровостью порождали жестокость и бесчеловечность. Хайнрици, будучи старым кайзеровским офицером и прошедшим военную социализацию в Пруссии, воспитывался в глубоко консервативной среде. В 1914 г. он принимал участие в преследовании отступавших из Восточной Пруссии русских войск. Молодого офицера поразило безжалостное и бессмысленное разрушение русскими солдатами хозяйственных построек; это подтвердило в его глазах представление о «варварстве» русских. С 1942 г. Хайнрици командовал армией на центральном участке Восточного фронта. С фронта он писал жене, что непохороненный труп русского солдата служит ему ориентиром в ежеутренних прогулках по свежему воздуху. Хайнрици, консерватору и христианину, и в голову не приходило, что погибшего солдата все же следует похоронить...⁵²⁶ Для Хайнрици и многих других немцев Россия оставалась страной с глубоко чуждой, отсталой, неевропейской культурой, чужим, неведомым миром, с обитателями которого нельзя обращаться, как с европейцами. Это отношение к «Востоку» со временем все более накладывалось на процесс нарастающей нацификации армии, который начался еще до войны; в тяжелейших условиях Восточного фронта вермахт превратился в армию Гитлера⁵²⁷. Даже такой образованный и консервативный военный, как генерал Блюментритт, в 1941 г. писал: «История войн России показывает, что русский солдат чувствует и думает, как полуобразованный азиат». Генерал Эрих Гепнер, осужденный за участие в заговоре 20 июля 1944 г., писал в приказе по своей 4-й танковой группе (после захвата Минска преобразованной в 4-ю танковую армию): «Эта война должна привести к уничтожению современной России, и поэтому ее следует вести с неслыханной жестокостью, особенно не следует щадить

носителей большевистской идеологии»⁵²⁸. Зимой 1941—1942 гг. вермахт, будучи не в состоянии реализовать до этого момента успешную стратегию блицкрига, вынужден был воспринять точку зрения Гитлера, что это идеологическая война, война не на жизнь, а на смерть, война, требующая полной внутренней мобилизации и фанатизма. Фанатизм, разумеется, призван был компенсировать отсутствие технического превосходства вооружений вермахта над вооружением Красной армии.

В одном немецком научном журнале были опубликованы итоги интервью, проведенные в 1978—1979 гг. среди 86 мужчин 55—65 лет из Гамбурга, которые были на фронте и в плену в СССР. Эти бывшие солдаты вермахта, прежде чем попасть на фронт, прошли все молодежные организации Третьего Рейха — по существу, их солдатская жизнь началась в ГЮ и РАД, то есть влияние нацистской идеологии на них было велико. Главным впечатлением от русских у них было: «добродушные и примитивные». Причем без оттенка презрения: во всех случаях тон был ровным; рассказы часто сопровождались воспоминаниями, свидетельствующими о симпатиях к русским. Бывшие солдаты высказывали мысль, что русский народ еще должен пройти школу цивилизации, поскольку он находится в средневековье. Один из информантов сказал, что русские не вызывали у него никаких отрицательных эмоций, просто их жизнь определялась ритмами природы, а жизнь немцев, как он тогда считал, — ритмами культуры. Многие информанты выражали удивление, что они вообще остались живы: ни малейшей надежды на спасение в русском плену у немцев, как правило, не было. Один из информантов вспоминал: «На фронте я постоянно твердил про себя, что девятый, последний патрон в своем пистолете я должен оставить для себя, поскольку русские пленных не берут»⁵²⁹. Ожесточение боев было с самого начала очень большим; Манштейн писал: «В первые же дни боев нам

пришлось познакомиться с теми методами, которыми велась война с советской стороны. Один из наших разведывательных дозоров, окруженных врагом, был потом найден нашими войсками. Он был вырезан и зверски искалечен. ...Советские солдаты поднимали руки, чтобы показать, что они сдаются в плен, а после того как наши пехотинцы подходили к ним, они вновь прибегали к оружию; или раненый симулировал смерть, а потом с тыла стрелял в наших солдат⁵³⁰.

В сознании бывших военнопленных осталось отвращение к советской политической системе, а также воспоминания о примитивных условиях жизни. Многие сомневались в том, что эти условия могли измениться, настолько архаическими они казались им во время войны⁵³¹. Интересно отметить, что некоторых информантов, побывавших в американском плену, возмущало лицемерие западных установок: на их глазах белые — рядовые и офицеры — плохо обращались с неграми. С другой стороны, солдаты — негры, получая власть над белыми военнопленными, всячески над ними издевались, но как только их удавалось убедить в том, что они стоят на одной социальной ступени с пленными, они часто становились лучшими друзьями⁵³². Информанты говорили, что, — как и англичанин или американец, — русский человек сам по себе неплох, более того — насколько плохо бы ни было его собственное питание, русский всегда готов был помочь другому. Пленные видели, что русские иногда питаются даже хуже, чем они... Сами русские часто были высокого мнения о военнопленных: «немец все умеет делать и не обманывает» (*Der Deutsche kann alles und betrügt nicht*)⁵³³.

В солдатских письмах с Восточного фронта повторяется одна и та же характеристика местного населения и его быта: оборванные, грязные, завшивевшие люди, грязное, разваливающееся жилье. Интересно, что в Первую мировую войну в солдатских письмах было то же самое⁵³⁴. Любопытно отметить, что французы во време-

на Ришелье то же самое писали о немцах — завшивевших, грязных, вонючих.

Примитивные условия войны на Восточном фронте способствовали возникновению одного из самых крупных парадоксов истории Второй мировой войны: между 1941 г. и 1942 г. подразделения вермахта на Восточном фронте подверглись радикальной демодернизации, в то время как экономика Третьего Рейха начала модернизироваться быстрыми темпами. Если успехи вермахта первых двух лет мировой войны основывались на эффективном использовании новых подходов и новой техники войны, то на Восточном фронте все было наоборот: несмотря на растущее военное производство в Германии, большая часть воевавших в России солдат жила и воевала в крайне примитивных условиях. Это обстоятельство в решающей степени обусловило положение вермахта на Востоке: немецкие солдаты должны были воевать худшим оружием, они были обмундированы гораздо хуже своего противника... В Демянском котле⁵³⁵ со всей ясностью стала очевидна демодернизация и одичание солдат вермахта: чтобы согреться, солдаты заматывали конечности газетами, тряпьем, не хватало еды. Врач 12-й пехотной дивизии писал, что солдаты спят вповалку в грязных, темных, душных и холодных землянках, к тому же до предела переполненных. Правила гигиены соблюдать было невозможно, моментально распространялись кожные инфекции, солдат замучили вши. Немцы называли вшей «маленькими партизанами». Илья Эренбург писал, что наши солдаты называли вшей «автоматчиками»⁵³⁶. Русские перебежчики поделились с немцами народным средством избавления от этих паразитов. Одежду следовало закопать в землю, оставив на поверхности только край. Вши устремлялись наружу, где их и уничтожали огнем⁵³⁷. Разумеется, в таких условиях солдаты тупеют и морально опускаются (*geistig immer stumpfer*)⁵³⁸. Любопытно отметить, что советский мемуарист вспоминал: «После от-

ступления немцев мы часто находили в их бункерах зубные щетки. Это значит, что немцы, может быть, не все, но многие, чистили зубы. У нас этого не было, даже штабные офицеры зубов не чистили»⁵³⁹.

Разумеется, в условиях Восточного фронта и речи не могло быть о торжестве каких-либо высоких идеологических или моральных ценностей: немецкие солдаты (как и красноармейцы) просто стремились выжить, а врага воспринимали как препятствие к этому.

В 1995 г. на немецкий язык перевели монографию американца Омера Бартова «Армия Гитлера»⁵⁴⁰, в которой исследователь, опираясь на источники по истории трех дивизий вермахта, а также на письма немецких солдат, смог подтвердить свою концепцию о «демодернизации» войны на Восточном фронте после краха «блицкрига» зимой 1941 г. и постепенного разрушения регионально структурированных «первичных групп» в вермахте. Эта «демодернизация» привела к тому, что нацисты смогли на первый план выдвинуть особым образом извращенное понятие о дисциплине; они также активно поощряли моральное одичание солдат, подвергавшихся тяжелейшим испытаниям. Да и сама действительность войны была ужасна — не нужны были никакие пропагандистские ухищрения, чтобы отвечать жестокостью на жестокость, убийствами на убийства, садизмом на садизм... Командование вермахта со своей стороны способствовало этому процессу, отдавая приказы о жестоком обращении с военнопленными, о массовых расстрелах партизан, подталкивая армию к сотрудничеству с опергруппами полиции безопасности и СД. И чем дальше шла война, тем далее развивался этот процесс.

Бартов, сам в прошлом солдат вермахта, оспаривал первостепенное значение идеологической сплоченности солдат в рамках мелких армейских подразделений в силу значительной текучести кадров на Восточном фронте. Его книга о вермахте является самым важным,

что было написано на эту тему за последние годы. Бартов доказывает, что хотя не каждый немецкий пехотинец был убежденным нацистом, но нацистская идеология и мировоззрение были значительно распространены среди солдат. В качестве причин Бартов на первое место ставил репрессивные меры командования, расовый фанатизм и примитивные условия жизни. Соображения Бартова особенно ценны тем, что тезис о развале первичных групп в вермахте он почерпнул из собственного опыта, а не из вторичных, субъективных источников⁵⁴¹.

Еще один участник войны на Восточном фронте, обер-ефрейтор дивизионной разведки, в письме домой от 12 июля 1943 г. жаловался родственникам, что условия жизни на Восточном фронте так давят, что ни у кого нет интересов, выходящих за пределы самого насущного. Он пишет, что их подразделение инспектировал какой-то крупный чин, который с ужасом констатировал, что половина солдат не знает, когда Гитлер пришел к власти — никого это больше не интересовало. Еще он замечает, что время фанатизма и нетерпимости прошло, все более распространяется трезвый взгляд на положение вещей; если три года назад говорили о необходимости победы ради достижения мирового господства, то сейчас необходимость войны и победы мотивируется желанием избежать мести евреям за то, что с ними было сделано⁵⁴².

Ожесточенное сопротивление солдат вермахта в последней стадии войны было причиной огромных его потерь. Всего в вермахт было призвано 18,2 миллиона солдат, 5,3 миллиона из них погибли. За последние 10 месяцев войны погибло столько же немецких солдат, сколько за предыдущие 4 года. Наибольшие потери вермахт понес не в Сталинграде, а при крахе группы армий «Центр» в июле 1944 г., а также 20–29 августа 1944 г. в Ясско-Кишиневской операции Красной армии. Ежемесячно в таких кампаниях погибало 300–400 ты-

сяч немецких солдат. 51,6 % убитых немецких солдат приходилось на Восточный фронт⁵⁴³. Немецкая армия во Вторую мировую войну потеряла солдат в три раза больше, чем в Первую мировую войну, что было связано не только с расширившимися масштабами войны, но с модернизацией оружия, а также с ошибками армейского руководства как стратегического, так и тактического свойства.

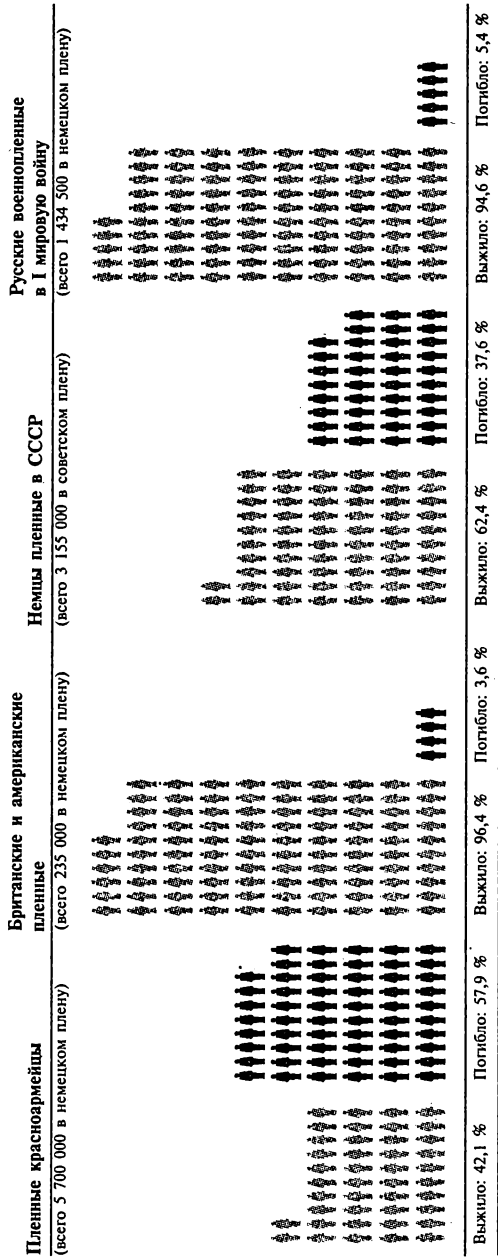
Глава IV

«ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ» ХАРАКТЕР ПРОТИВОСТОЯНИЯ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ВЕРМАХТА И НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА

Проблема вины вермахта и трагедия плена советских солдат

Самой большой отдельной группой жертв Второй мировой войны были граждане Советского Союза, а самой большой подгруппой внутри этой группы были советские солдаты: их погибло или было искалечено около 10 миллионов, в том числе 3,3 миллиона военнопленных⁵⁴⁴. Зарубежные историки определяют общее количество советских военнопленных в 5,7 миллиона человек, отечественные — в 4,6 миллиона, исключая ряд категорий военнослужащих и ополченцев⁵⁴⁵. Иная методика подсчета отечественных историков используется то ли для большей точности, то ли для лакировки неприглядной статистики — это не совсем ясно.

Особое отношение руководства Третьего Рейха к Советскому Союзу и к советским людям отразилось на положении советских военнопленных, с которыми имел дело прежде всего вермахт. Соответственно, одно из главных преступлений, в котором обвиняют вермахт — это обращение с советскими военнопленными и колоссальное количество жертв среди них. В этой трагедии есть, однако, не до конца проясненные вопросы, однозначные ответы на которые дать довольно сложно. непонятно, каково было в конечном счете количество жертв: спорят о числе между 2,6 и 3,3 миллиона⁵⁴⁶. По крайней мере, ясно, что из 3 350 000 красноармейцев, взятых в плен в 1941 г., до февраля 1942 г. 2 миллиона

Сравнительная таблица потерь среди русских (советских) военнопленных и военнопленных западных стран

(60 %) были уже мертвы⁵⁴⁷. И это несмотря на то что до мая 1944 г. германское командование освободило более 800 тысяч советских солдат и офицеров, преимущественно родом с Украины, Белоруссии и республик Прибалтики⁵⁴⁸. Первый приказ генерал-квартирмейстера ОКХ об освобождении из плена «дружественных» национальностей — прибалтов, украинцев и белорусов, румын, финнов, фольксдойч, кавказцев и туркестанцев — вышел 25 июля 1941 г. Часть тех, кто не мог попасть домой, завербовывали на работы в рейхе; тех, кто «не оправдал доверия» или уходил к партизанам — наказывали⁵⁴⁹. В августе 1941 г. фельдмаршал фон Рейхенау, командующий 6-й армией, выдвинул идею создания белорусских и украинских дивизий. Предложение уважаемого Гитлером фельдмаршала было тем не менее фюрером отвергнуто: «пусть Рейхенау занимается военными проблемами, а остальное предоставит мне»⁵⁵⁰. Освобождение из плена продолжалось и в 1942 г. — суммарно оно затронуло 318,8 тысяч человек. 9 мая 1943 г. распоряжением ОКХ из плена были освобождены советские военнопленные-женщины. С отпущенными из немецкого плена красноармейцами особенно жестоко расправлялись партизаны — это были, в основном, украинцы⁵⁵¹.

Сложно однозначно ответить на вопрос о причинах массовой смертности среди пленных красноармейцев. Сразу после войны немецкие военные ссылались на объективные тяжелые условия на Восточном фронте, на колоссальную численность военнопленных и связанные с нею проблемы снабжения, охраны и содержания. Начальник Генштаба сухопутной армии Гальдер в апреле 1940 г. сказал: «Война всегда порождает большие проблемы, и со временем они сами собой решаются». По всей видимости, эти слова генерала могли стать лозунгом немецких военных перед лицом проблем с колоссальным числом советских военнопленных⁵⁵². Оправдательные для военного руководства доводы приводились

в 1948 г. на так называемом «процессе ОКВ». На самом деле, объективные трудности отчасти были, но следует помнить и о злодейских политических планах военного руководства, которое рассчитывало вести на Востоке войну на уничтожение.

Первыми двумя обреченными группами населения к концу 1941 г. оказались военнопленные и жители блокадного Ленинграда...

Степень вины вермахта в преступлениях нацистов на Восточном фронте — весьма сложный вопрос; говорить об этих преступлениях в общем плане трудно — это может привести к недоразумениям. В самом деле, можно ли рассматривать 17 миллионов солдат вермахта как общность, действовавшую совершенно одинаково на всех уровнях? Очевидно, нет, хотя историк должен обобщать, должен попытаться найти общий знаменатель в действиях всех солдат... Известен печальный результат нацистской политики в отношении советских военнопленных, известно равнодушие или зловещие намерения нацистского политического руководства, но что было посередине? Как реагировали средние и нижние армейские инстанции на происходящую на их глазах трагедию? Было бы слишком простым решением свести настроения и намерения немногочисленной нацистской верхушки к настроениям в миллионном вермахе — они принципиально не могли быть однородными. Сомнительно, что в немецкой армии все без исключения хотели смерти несчастных советских военнопленных. Немецкую общественность долгое время после войны волновал вопрос о степени причастности вермахта к преступлениям против военнопленных. Это, правда, не сразу вызвало реакцию юстиции. Так, между 1949 и 1958 гг. в ФРГ прошло 24 судебных процесса по делам, связанным с убийствами советских военнопленных; только в 5 случаях речь шла об ответственности вермахта. Лишь в 1970 г. государственный прокурор Ганновера открыл следствие по делу об «от-

браковке нетранспортабельных русских военнопленных конвоем «дулага 203»⁵⁵³. Впервые предметом этого процесса стало обращение простых солдат вермахта и средних начальственных инстанций с советскими военнопленными; приговоры были вынесены обвинительные.

В этой связи интересно обратиться к немецкой организации размещения и содержания военнопленных, поскольку этот вопрос был важной частью всей системы организации вермахта. Когда 27 июля 1927 г. в Женеве международная конференция из представителей 47 государств приняла Конвенцию о военнопленных, казалось, что человечество покончило с одной из самых больших проблем, связанных с войной. В Конвенции было четко оговорено, что плен не является наказанием, а также не может быть актом мести, но является лишь временным задержанием, не имеющим характера кары. В литературе иногда можно встретить указание на то, что Советский Союз не подписывал Женевскую конвенцию, но это соображение следует отвергнуть, так как достаточные основания для человеческого обращения с пленными давало Гаагское соглашение 1907 г., которое оставалось действительным и без Конвенции 1927 г., о чем были прекрасно осведомлены немецкие военные юристы. В немецком сборнике международно-правовых актов, изданном в 1940 г., прямо указывалось, что Гаагское соглашение о законах и правилах войны действительно и без Женевской конвенции 1927 г., к которой СССР не присоединился⁵⁵⁴. К тому же и Конвенция Красного креста обязывала заботиться о раненых военнопленных, лечить их и обращаться с ними гуманно. Принятый вермахтом в июне 1939 г. «Устав армейской службы» отражал традиционные взгляды военного руководства: он предписывал вести военные действия только против войск противника; необходимые для жизнеобеспечения войск припасы разрешалось приобретать у населения только за плату; предписывалось щадить памятники культуры, гуманно обращаться с

пленными и оставлять им вещи личного пользования. Убивать военнопленных можно было только в случае их побега⁵⁵⁵. Немецкий публицист Йорг Фридрих подчеркивал, что 17 июля 1941 г. советское правительство выказало готовность соблюдать Гаагские соглашения о военнопленных. Странно, что немецкая сторона никак на это не реагировала: к концу лета и Красная армия взяла в плен около 20 тысяч немецких солдат⁵⁵⁶.

С другой стороны, советская сторона сама проявила «инициативу» в вопросе о военнопленных. Уже 16 августа 1941 г. Сталин вместе с другими членами Ставки Верховного Главнокомандования подписал приказ № 270 (более известный приказ № 227 от 29 июля 1942 г. («Ни шагу назад!») был лишь его повторением с детализировкой). В принципе, Сталин с самого начала войны к немецким военнопленным относился так же, как Гитлер к советским, просто последних было гораздо больше. По приказу № 270 советские военнопленные объявлялись предателями и изменниками. Семьи командиров, попавших в плен, подлежали репрессиям; родственники солдат лишались льгот⁵⁵⁷. Трудно поверить, но только 29 июля 1956 г. вышло постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «Об устранении последствий грубых нарушений законности в отношении бывших военнопленных и членов их семей». 28 сентября 1941 г. командующий Ленинградским фронтом Жуков распорядился довести до личного состава, что все члены семей солдат, сдавшихся в плен, будут расстреляны. Это могло означать казнь даже грудных детей! По всей видимости, и вернувшихся из плена ожидал расстрел. Мао Цзэдун, наверное, следовал сталинскому примеру, ибо всех китайских добровольцев, попавших в плен в Корею во время войны 1949—1953 гг. и возвращенных американцами, поголовно истребляли.

В 2004 г. немецкий историк Найтцель Зенке опубликовал фрагменты из протоколов прослушивания немецких генералов в английском плену в Трент Парк (*Trent*

Park) в Миддлсексе. Работавшие на прослушивании сотрудники английского военного министерства отбирали только самые важные высказывания; вследствие отбора возникло 1725 протоколов. Трент Парк представлял собой традиционное старинное английское имение в 700 га, в центре которого находился замок, в котором и содержали немецких генералов и штабных офицеров. Среди пленных был один генерал-полковник (Ханс-Юрген фон Арним, 1889—1962), четыре генерала танковых войск, пять генерал-лейтенантов, два генерал-майора, два полковника, один подполковник и один майор⁵⁵⁸. Документы о прослушивании представляют особый интерес, поскольку регистрируют импульсивные реакции немецких офицеров на происшедшее с ними, а также на новости с фронтов и из рейха. Так, офицеры давали поразительно высокую оценку моральной интегральности участников заговора 20 июля 1944 г. Те из офицеров, под командой которых в свое время служил Клаус фон Штауффенберг, высказывали самые лестные мнения о его качествах как военного профессионала. Также весьма высокой оценке по своим моральным качествам и профессиональным достоинствам удостоился один из руководителей заговора генерал-полковник Людвиг Бек.

Вместе с тем, генерал-лейтенант Максимилиан Зири (*Siry*) еще более радикально, чем нацистские активисты, оценивал перспективы и реалии войны на Восточном фронте. Он говорил, что напрасно немцев обвиняют в жестокости — по его мнению, все неудачи происходили как раз от недостаточной жестокости. По мнению Зири, если во Франции в 1940 г. французским солдатам, попавшим в окружение, достаточно было указать местонахождение сборного пункта для военнопленных и они туда направлялись, то в СССР все было иначе. Между наступавшими танковыми клиньями и немецкой пехотой часто был 50—80-километровый зазор — советские солдаты этим пользовались и разбегались по

лесам, откуда их было чрезвычайно трудно выудить, а ущерб, который они наносили партизанскими действиями, был огромен. Поэтому Зири в свое время предлагал ломать советским военнопленным ноги или руки. Минимум на четыре недели они стали бы небоеспособны, а за это время их можно было бы собрать в лагеря. Зири сказал: «Тогда на меня все замахали руками и закричали, что это варварство, но я и теперь не отказываюсь от своего мнения — мы не смогли по-настоящему воевать на Востоке, потому что были недостаточно последовательны в ведении варварской войны. Русские же ее вели — они были последовательны и по отношению к нам, и по отношению к себе»⁵⁵⁹. В одном Зири прав: главной причиной колоссальных потерь Красной армии был общественный строй нашей страны — сталинская тоталитарная система, которая отличалась циничным презрением к человеческой жизни, основывалась на всеобщем страхе и подавляла всякую инициативу. Но, с другой стороны, не будь этой сталинской машинерии страха и давления, мы бы не смогли выстоять перед врагом.

Немецкая пропаганда, разумеется, использовала данные об отношении советских властей к собственным пленным солдатам. 10 мая 1942 г. газета «Фронт» (*Die Fronte*) в статье «Военнопленные-враги. Как Сталин обращается со своими солдатами» писала: «Советы рассматривают всех военнопленных как изменников. Они отказываются от международных договоров, подписанных всеми культурными государствами: не существует ни обмена тяжелоранеными, ни почтовой связи между пленными и их родственниками. Теперь Советы пошли еще дальше: они взяли под подозрение всех сбежавших или другими путями вернувшихся из плена своих же военнопленных. Властители Советов не без основания боятся, что каждый, кто очутится по ту сторону “социалистического рая”, вернувшись в СССР, поймет большевистскую ложь. ...По приказу наркома обороны все

вернувшиеся из плена рассматриваются как “бывшие” военнослужащие и у всех без суда отнимаются их воинские звания. ...При отправке на сборные пункты у бывших военнослужащих отбирается холодное и огнестрельное оружие. Личные вещи, документы, письма остаются у арестованных. Почтовая связь для бывших военнослужащих запрещена. Все поступающие на их имена письма хранятся в комендатуре в запечатанных конвертах. Бывшие военнослужащие не получают ни жалования, ни одежды. ...По истечении недели этих бывших военнослужащих направляют в лагеря НКВД»⁵⁶⁰. Разумеется, сталинский подход к военнопленным как к «отрезанному ломтю» облегчал оккупантам соответствующее обращение с попавшими в плен красноармейцами.

Правда, немцы осознавали, что такому же обращению могут подвергнуться и пленные из вермахта. В начале 1942 г. в «Вестях из рейха» говорилось: часть немецкой общественности опасается того, что боевые действия могут продлиться и в неподходящий для Германии момент в войну вступят США с их колоссальными ресурсами, а также того, что в варварских условиях России немецким военнопленным придется несладко. Поскольку Советский Союз объявил об отказе от Гаагской конвенции и не присоединился к Женевской конвенции о военнопленных, то немецкая общественность опасалась, что Красная армия не будет придерживаться общепринятых правил ведения войны. Вскоре после начала войны до немцев дошли сведения о расстрелах красноармейцами немецких военнопленных. Так, сообщалось, что 180 раненых немецких солдат на Украине попали в руки красноармейцев, и все были расстреляны. От 90 до 95 % немецких солдат, в 1941–1942 гг. попавших в плен в России, были расстреляны⁵⁶¹.

Интересно отметить, что обращение с «окруженцами» и в немецкой армии было довольно жестким. Так, солдат-мемуарист Ги Сайер приводит довольно редкое

в литературе описание встречи полевой жандармерией частей вермахта, вышедших из окружения после форсирования советскими частями Днепра в 1943 г. Жандармы не хотели слушать объяснений солдат и требовали только ответа на вопросы, которые были в анкете. Сайер писал, что жандарма не удивляло, что перед ним стоит чудом выживший человек, потерявший десять килограммов веса, зато он негодовал по поводу того, что у лейтенанта пропал офицерский цейссовский бинокль. За эту потерю и за то, что тот не знал, где его взвод, офицера разжаловали⁵⁶². Правда, массовых и огульных репрессий по отношению к «окруженцам» (таких, как в Красной армии) в вермахте не практиковалось...

С советскими военнопленными обращались варварски. А с русскими военнопленными в Первую мировую войну обращались совершенно иначе. В чем дело? Почему старшие офицеры, которые прошли социализацию в прусской армии, превратились в простых исполнителей нацистской расовой политики? Тому есть причины объективного и субъективного свойства, к которым стоит присмотреться.

Военнопленными в вермахте занималось АВА (*AWA, Allgemeines Wehrmachtsamt*); это Управление по делам военнопленных входило в ОКВ. В состав АВА входило также бюро «чиновника по специальным поручениям», это бюро осуществляло связь между ОКВ и партийной канцелярией — таким путем нацистская партия оказывала влияние на политику по отношению к военнопленным. Начальником АВА и непосредственным руководителем Управления по делам военнопленных был генерал Рейнеке, который был известен своими пронацистскими взглядами и с декабря 1943 г. являлся ответственным за политическое воспитание в вермахте. Охрану в лагерях военнопленных несли призывники старшего возраста, сформированные в отдельные батальоны ландвера. Интересно отметить, что особое положение

занимали лагеря для военнопленных летчиков; они были изъяты из ведения ОКВ и подчинены исключительно ОКЛ. В эти лагеря помещали летчиков западных держав, а советских и польских — помещали в обычные лагеря, что было косвенным свидетельством дискриминации красноармейцев.

Организация системы лагерей для военнопленных в вермахте была продумана давно, поскольку еще до начала Второй мировой войны немецкое военное руководство знало, что в условиях мобильной войны будет не обойтись без сборных и пересыльных лагерных пунктов для военнопленных. Было несколько типов лагерей для военнопленных: «дулаг» (*Durchgangslager*) — пересыльный лагерь; «шталаг» — (*Front-Mannschaftstammlager*) — основной лагерь какой-либо армии; «офлаг» (*Offizierslager*) — офицерский лагерь. Поскольку армейские «шталагы» и «офлагы» не могли поспеть за быстро движущимися фронтовыми частями, то заботу о военнопленных брал на себя персонал «дулагов», иногда имевших автомобили, иногда конную тягу, и следовавших за фронтовиками. «Дулагы» были пересылками и подчинялись тыловым комендатурам соответствующих армий, так называемым «корюксам» (*Kommandatur des Rückwärtigen Armeegebiets*). Ввиду того, что на Востоке речь шла об огромных территориях, «дулагы» активно кооперировались с охранными (комендантскими) дивизиями вермахта (*Sicherungsdivisionen*), которые имели задачу установить административный контроль над захваченной фронтовыми армейскими частями территорией. «Дулагы» находились в тыловых районах действующей армии, а «шталагы» — в районах, находящихся под юрисдикцией немецкой гражданской администрации. Даже слово «лагерь» приукрашивало эти учреждения, поскольку «дулагы», «шталагы» и «офлагы» бывали порой просто участками земли, обнесенными колючей проволокой.

В соответствии со служебной инструкцией, военнопленные в «дулаге» должны были оставаться там до того

момента, пока их количество не достигнет 5000 человек. В той же инструкции говорилось, что задачей руководства «дулага» является разделить обитателей лагеря по расам и национальностям и составить список пленных. С военнопленными рекомендовалось обращаться строго, но справедливо — в рамках международных соглашений о военнопленных от 1927 г. Указывалось также, что мелкие придирки к военнопленным не соответствуют понятиям о чести немецкого солдата. Однако, вопреки инструкции, число пленных в «дулагах» всегда превышало норму, и руководство всеми правдами и неправдами стремилось избавиться от военнопленных и переправить их дальше. При огромной текучке отношения между охраной «дулагов» и пленными были неличностными; проявлять гуманность по отношению к военнопленным и при желании было бы нелегко, не говоря уже об отсутствии желания⁵⁶³. Волны военнопленных катились по лагерям до осени 1941 г., а потом все лето 1942 г. ... Инструкция позволяла подолгу задерживать некоторые категории военнопленных в «дулагах» для их санитарного или иного обустройства. Поскольку между Германией и СССР не было договора о правилах обращения с военнопленными, то нацистское руководство приняло решение о привлечении военнопленных к работам.

Обычно в исторической литературе не обращали особого внимания на существование специальных эсэсовских лагерей для советских военнопленных. Между тем комендант Освенцима Хесс еще в марте 1941 г. получил приказ Гиммлера подготовиться к размещению 100 тысяч человек — ясно, что речь шла именно о советских военнопленных. Этих людей эсэсовцы хотели задействовать в качестве рабочих на заводах по производству искусственного каучука; это и было сделано после начала реализации плана «Барбаросса»⁵⁶⁴. Правда, первоначально речь шла о небольших партиях военнопленных.

В августе 1941 г. по вопросу пропитания пленных (вместо импровизаций тыловых подразделений вермахта) пришло официальное распоряжение: ограничить ежедневный рацион работающих военнопленных 2100 калориями, а неработающих — 2040 калориями. Эти нормы, однако, существовали только на бумаге. Такое положение противоречило международному праву: в соответствии со статьей 11 Женевских соглашений о военнопленных, нормы их питания должны были соответствовать нормам питания армейского резерва; в статье 82 уточнялось, что норма должна соблюдаться даже в том случае, если военнопленные принадлежат стране, не подписывавшей соглашений о военнопленных. Немецкое военное руководство игнорировало эти пункты соглашений. 16 сентября 1941 г. Геринг заявил: «При продовольственном снабжении большевистских военнопленных, в отличие от военнопленных западных стран, мы не привязаны ни к каким обязательствам и соглашениям. Их снабжение зависит только от того, как они смогут работать»⁵⁶⁵. Таким образом, было ясно, что всех остальных, неработающих военнопленных, планировалось уморить голодом. Это подтверждается и тем, что Геринг требовал сократить рационы советских военнопленных для поддержания стандартов питания гражданского населения в Германии. К тому же Геринг, слывший большим гурманом, цинично высказался об определении пищевой ценности мяса лошадей и собак для пропитания советских военнопленных. Чуть позже генерал-квартирмейстер вермахта (начальник тыла) Эдуард Вагнер распорядился сократить рационы для неработающих военнопленных до 500 калорий, что составляло 2/3 минимальной нормы. Это было равносильно смертному приговору, ибо большинство советских солдат попадали в плен до предела истощенными⁵⁶⁶.

О подобном отношении к пленным первым делом стало известно армейской разведке. 15 сентября ее руководитель адмирал Канарис писал в служебной запис-

ке Кейтелю: «Женевская конвенция о военнопленных не действует между СССР и Германией, поэтому действуют только основные положения общего международного права об обращении с военнопленными. Правила, сложившиеся с XVIII в., гласят, что военный плен не является ни мстью, ни наказанием, но только мерой предосторожности, единственная цель которой заключается в том, чтобы воспрепятствовать военнопленным в дальнейшем участвовать в боевых действиях. Это положение развилось в связи с господствующим во всех армиях убеждением, что недопустимо убивать и калечить беззащитных. Кроме того, каждый военачальник заинтересован в том, что его собственные солдаты в случае пленения будут защищены от плохого обращения»⁵⁶⁷. Кейтель отвечал, что такова объективная обстановка на Восточном фронте, и ничего сделать нельзя.

Чтобы выяснить, так ли это было, следует обратиться к фактам.

Всевозможные нарушения правил и инструкций по обращению с военнопленными проявлялись во всем. Поскольку «дулаг» должен был оставаться мобильным, его ограждение состояло из двойного забора с «колючкой» высотой в 2,5 м и с контрольной полосой шириной в 3 м. Согласно армейскому предписанию, организация «дулага» состояла из двух составляющих — собственно караула и внутренней лагерной администрации численностью до 100 человек. Согласно инструкции, караул назначался из расчета: 1 солдат на 10 военнопленных, то есть стандартный «дулаг» должны были охранять два стрелковых батальона вермахта. Почти никогда эти нормы не соблюдались: «дулаг» 131 (18 139 военнопленных) в сентябре 1941 г. охраняло 92 немецких солдата, «дулаг» 220 (8500 военнопленных) — 30 солдат⁵⁶⁸.

9 октября 1941 г. Гальдер отметил в дневнике, что после боев под Киевом для охраны и транспортировки 20 тысяч пленных требуется дивизия. Только в резуль-

тате краха советского южного фланга в плен попало 665 тысяч солдат. Откуда было взять дивизию для их охраны и транспортировки, если на Восточном фронте в тот момент воевали 152 немецкие дивизии при полном отсутствии резервов? На одном-единственном участке фронта в плен попало столько же солдат, сколько их было в «великой армии» Наполеона. К концу 1941 г. число советских военнопленных превышало численность вермахта на Восточном фронте⁵⁶⁹. Во второй половине 1941 г. на Востоке был 81 лагерь военнопленных: 22 армейских сборных лагеря (*Armee-Gefangenen-Sammelstellen*), 12 «шталагов» и 47 «дулагов»⁵⁷⁰. Вследствие нехватки караульных сил, оккупанты использовали для охраны лагерей самих военнопленных (украинцев или кавказцев), но, несмотря на это, охрана оставалась крайне слабой. Командный состав персонала лагерей формировали из офицеров – ветеранов Первой мировой войны.

Какова же была логика поведения ветеранов в качестве ответственных офицеров в этих лагерях?

Одним из таких офицеров был майор Йоханнес Гутшмидт, который с 1940 по 1944 гг. побывал комендантом лагерей всех типов. В 1941 г. ему было 65 лет, он был монархистом и не разделял нацистских расовых воззрений. По его дневникам интересно проследить, как изменялось положение в лагерях советских военнопленных. Гутшмидт писал, что проходящие мимо его «дулага» части вермахта добровольно предлагали ему помощь в организации охраны огромных масс военнопленных. В лагере Гутшмидт восхищался пением украинцев и танцами цыган, но при этом упомянул, что цыган полевая жандармерия вскоре вывезла и расстреляла⁵⁷¹.

В октябре, с началом большого наступления вермахта, новая волна военнопленных захлестнула лагеря: 17 октября 1941 г. в «дулаге» Гутшмидта было 26 тысяч пленных (вместо 5000 по инструкции). К тому же начались холода – топить в своей спальне Гутшмидт прика-

зал уже 3 сентября, а 2 октября он заметил первый иней. Самой большой проблемой был, однако, не холод, а нехватка продовольствия для военнопленных. К 16 октября в «дулаге» Гутшмидта положение стало нестерпимым. Приходилось выпрашивать продовольствие у проходящих частей, которые сами испытывали трудности, толкавшие военных на преступления. Многих немецких командиров приводили в отчаяние масштабы грабежей, учиняемых солдатами. Мало кто покупал продукты у местного населения, — большинство предпочитало их отбирать. «Солдаты опустошают огороды и вообще берут все, что под руку попадет, — писал в дневнике летом 1942 г. офицер 384-й дивизии во время наступления на Сталинград. — Забирают даже домашнюю утварь — стулья, горшки, кастрюли. Это просто скандал! Против этого выпускаются суровые приказы, но едва ли обычный солдат станет слишком себя сдерживать. Часто его заставляет так поступать элементарное чувство голода»⁵⁷².

Если в относительно благоприятных условиях наступления (летом 1941 или 1942 гг.) голодали солдаты вермахта, то что уж говорить о пленных... 17 октября прибыла новая большая партия военнопленных, и началось самое страшное... Не вдаваясь в причины недостаточных поставок продовольствия, Гутшмидт писал, что 25 октября в его «дулаге» были отмечены первые случаи каннибализма. Когда 17 ноября «дулаг» Гутшмидта инспектировало начальство, пленные хором просили хлеба... 26 ноября Гутшмидт записал в дневнике, что от голода ежедневно погибает 1 % обитателей лагеря. В декабре этот показатель поднялся до 2,5 %. К голоду и суровой зиме вскоре добавились эпидемии тифа и дизентерии. Санитарные условия были отвратительные, хотя инструкции указывали, что пленным необходимо предоставлять питание, медицинскую помощь, кров (палатки) и одежду, а если им добровольно придется работать, то и справедливую оплату труда: на Во-

сточном фронте исполнение этих предписаний было нереально. В июле 1941 г. ОКВ приказало оснастить «дулаги» лазаретами, дабы не отягчать Германию ранеными военнопленными⁵⁷³. Но этот приказ также остался на бумаге, а лазареты — в воображении армейских бюрократов.

Гутшмидт пишет о том, что сначала казалось, что продуктов для пленных красноармейцев будет достаточно, поскольку советское командование в начале войны не успевало вывозить или уничтожать продовольственные запасы. Однако, уже 6 августа квартирмейстер 2-й армии, на участке которой находился «дулаг» Гутшмидта, отмечал, что сколь-либо существенных припасов Советы не оставляют нигде — они их планомерно уничтожают или вывозят. Только 6 августа ОКХ приказал организовывать питание военнопленных, но и после этого никаких особых перемен не произошло. Гутшмидт пишет, что очень многое в вопросах пропитания военнопленных зависело лично от него: сумеет он отыскать продукты или нет. Заместитель Гутшмидта вспоминал, что ему самому приходилось выпрашивать продовольствие для пленных у проходящих мимо воинских частей, командиры которых резонно отвечали, что их больше интересуют собственные солдаты на фронте, нежели пленные в тылу⁵⁷⁴. Поначалу командиры немецких частей старались придерживаться прежних стандартов питания, равных в вермахте для всех. Так, у немцев солдатская норма хлеба составляла 400 г, а в РККА на фронте — 1 кг, но жировая и белковая норма в вермахте была значительно выше⁵⁷⁵. Некоторые немецкие офицеры (например, командующий LI-м армейским корпусом генерал Клаус Вайзенберг) в своих дивизиях регулярно ревизовали полевые кухни и требовали строгого соблюдения норм. Вайзенберг даже требовал, чтобы мясо в котлах не разваривали, и при приеме пищи каждый солдат мог съесть цельный кусок мяса — это якобы было психологически важно⁵⁷⁶. Один из советских сол-

дат, побывавших в немецком плену, вспоминал, что немецкие солдаты на фронте очень много ели: «я уверен, что наш солдат не стал бы возиться с поиском, ловлей, ощипыванием и приготовлением кур. А вот по части выпивки мы проигрывали». Он писал, что немецкие танкисты пили только чай и не пытались раздобыть спиртного, что обычно сразу делали красноармейцы⁵⁷⁷.

С увеличением протяженности коммуникаций продовольственным снабженцам вермахта стало не до тонкостей — не хватало самого необходимого, и кризис снабжения был преодолен только к концу зимы. Но если для солдат вермахта это был только кризис, то для истощенных военнопленных — смерть. Катастрофа плена наших солдат зимой 1941—1942 гг. не была случайностью. К пленению французских солдат немецкий Генштаб готовился совершенно по-другому. 28 мая 1940 г. приказ по группе армий «А» (во Франции) гласил, что ожидаются большие массы военнопленных, поэтому необходимы меры по подготовке к их принятию. Команданты временных лагерей и сборных пунктов военнопленных получили право в случае необходимости **конфисковывать** 1/10 часть припасов проходящих мимо воинских частей. А priori такой приказ на Восточном фронте был невозможен...⁵⁷⁸

Уже 16 октября (то есть до того как ОКХ сократил рационы военнопленных) Гутшмидт отмечал в дневнике, что такого рациона недостаточно, чтобы выжить. При этом численность военнопленных достигла неслыханных размеров: до середины сентября в немецком плену оказалось 918 тысяч человек; до середины октября (после «котлов» под Киевом, Вязьмой и Брянском) — еще 1 447 000 красноармейцев. Во второй половине 1941 г. на Восточном фронте был 81 лагерь для военнопленных, а за всю войну — 245, из которых 120 находилось на оккупированных советских землях. На каждый лагерь приходилось в среднем по 100 солдат охраны.

Даже печально знаменитый «шталаг 352» охраняла только рота немецких солдат. Этот «шталаг» находился в семи километрах к северо-западу от Минска, советские военнопленные его называли «лесной лагерь». Он был создан на месте советского артиллерийского полигона летом 1941 г. На территории «шталага» размещалось десять казарм и несколько конюшен. Это был самый большой на территории Белоруссии лагерь для военнопленных, в нем находилось около 100 тысяч красноармейцев. Бараки, разумеется, не могли вместить такое огромное количество народа, и в морозы до 86 тысяч военнопленных погибло от холода, голода, болезней и было расстреляно⁵⁷⁹.

В рейхе положение было таким же. Так, в саксонском Цайтхайне летом – осенью 1941 г. на 32 тысячи военнопленных приходилось 160 охранников, а в вестфальском Хемере в начале 1944 г. 400 немецких солдат охраняли 100 тысяч советских военнопленных⁵⁸⁰. Впрочем, число охранников для большинства пленных красноармейцев не имело никакого значения, а вот положение с питанием было вопросом жизни или смерти.

Бесспорно, было бы слишком простым решением объяснить катастрофу плена так, как это делали бывшие руководители вермахта после 1945 г. – немецкое военное руководство обязано было предвидеть эти организационные проблемы или что-либо предпринять после того, как планируемый блицкриг не состоялся, и в перспективе замаячила затяжная война. Но в нацистском руководстве никто никаких конкретных шагов не предпринял. Ко всему прочему, с колоссальным притоком военнопленных совпало резкое похолодание. Уже 9 октября в дневнике ОКВ отмечены резкие заморозки, снег, а в таких условиях найти в поле что-либо съестное было сложно.

Кроме того, с началом войны продовольственное снабжение красноармейцев резко ухудшилось, и это тоже нельзя упускать из виду как один из факторов гибели

военнопленных. В конце сентября 1941 г. зампотылу 37-й армии сообщал, что продснабжение его армии за последние 4 недели было недостаточным и покрывало только небольшую часть потребностей солдат. Из 221-й пехотной дивизии вермахта в январе 1942 г. сообщали, что пленные красноармейцы жаловались на очень плохое питание до плена: сухари, иногда пустой суп; овощи — только если найдешь сам. Таким образом, красноармейцы попадали в плен уже истощенными, к тому же в «дулагах» они были лишены возможности добывать съестное самостоятельно⁵⁸¹. Гутшмидт отмечал, что военнопленные прибывают в «дулаг» уже практически исчерпав все свои силы, в состоянии крайнего физического изнеможения и психически совершенно подавленные. Нужно учитывать и колоссальный стресс, который перенесли военнопленные: Гутшмидт писал, что даже при достаточном питании военнопленные после длительного голодания иногда не поправлялись, а некоторые умирали сразу после приема пищи. О таких случаях передавали из всех «дулагов». Патологи указывали, что при длительном нерегулярном и некачественном питании (например, часто пишут, что пленные ели кору деревьев) в кишечнике у человека начинаются необратимые воспалительные процессы; такие больные подлежат крайне сложной терапии, провести которую в условиях «дулага» невозможно. Часто красноармейцы в окружении по 6—8 дней ничего, кроме лесных ягод и коры, не ели. Потом они попадали в «дулаг», где положение с питанием было не лучшим. Силы сопротивляемости организма поначалу действовали, но с наступлением холодов ситуация резко ухудшалась. При этом отмечалось, что при столь высокой смертности процент гибели пленных вследствие эпидемии или огнестрельных ранений был крайне незначительным. С осени 1941 г. свобода действий немецких лагерных властей начала резко ограничиваться из-за общего ухудшения военного положения, из-за распутицы и транспортных проблем⁵⁸².

Таким образом, происходившее в лагерях нельзя назвать целенаправленным уничтожением людей в строгом смысле слова. Достаточно вспомнить о положении самих немецких солдат, тоже страдавших от холода и кризиса снабжения. Число обморожений у немецких солдат на Восточном фронте зимой 1941 г. составило 228 тысяч; в январе 1942 г. потери от обморожений и болезней превысили боевые. Это нисколько не снимает с вермахта вины за гибель пленных красноармейцев, но уточняет картину: экзистенциальный кризис зимы 1941 г. просто заставил вермахт сделать «крайними» слабых и беззащитных советских военнопленных⁵⁸³.

На основании дневников Гутшмидта можно утверждать, что ни он, ни его начальство — комендант тыла 2-й армии и начальник тылового района группы армий «Центр» генерал Макс фон Шенкендорф — не имели умысла уничтожать советских военнопленных. Будучи офицером старой школы и старого воспитания, Гутшмидт пытался относиться к военнопленным по справедливости и по-человечески, но объективно это сделать было невозможно. Руководство группы армий «Центр» даже распорядилось провести следствие по делу о массовой гибели военнопленных. Упрек в запланированном убийстве этих людей можно адресовать только высшему руководству Третьего Рейха, а не вермахту как таковому, во всяком случае, не фронтовым и не комендантским частям. Офицеры ранга Гутшмидта не в состоянии были изменить развитие событий в своем «дулаге», поэтому называть «дулаги», «офлагги» и «шталаги» вермахта «лагерьями уничтожения» в прямом смысле слова — несправедливо: это не соответствует истине.

Ясная оценка положения военнопленных затруднена еще и тем, что какую-то определенную линию поведения в этом вопросе и в самом высшем руководстве Третьего Рейха выявить сложно. Так, 21 октября ОКХ распорядился сократить рационы военнопленных. Гитлер же, напротив, десять дней спустя объявил о необхо-

димости широкомасштабного вовлечения советских военнопленных в немецкую военную экономику (в Германии в октябре 1941 г. был дефицит рабочих рук; на производстве не хватало 800 тысяч человек). Такие противоречивые указания свидетельствуют о том, что единого представления как действовать по отношению к военнопленным, в немецком руководстве не было⁵⁸⁴. Это утверждение не соответствует распространенной в советской историографии точке зрения, что гибель миллионов советских военнопленных была частью предусмотренного стратегического плана. Только 2 декабря 1941 г. ОКХ отреагировал на гитлеровские указания о военнопленных, но в этот момент на первый план выступили объективные факторы, над которыми немецкое командование было уже не властно. До февраля 1942 г. из 3 350 000 военнопленных красноармейцев погибло около 2 миллионов. Предпосылку для этой катастрофы создало немецкое высшее военное командование, не придававшее никакого значения жизни советских военнопленных, но эта предпосылка стала второстепенной по сравнению с объективным характером развития войны на бескрайних и бесприютных просторах России. В молниеносной войне, которую вели немцы, вопрос об обхождении с военнопленными не мог играть значительной роли. Впрочем, даже Розенберг проникся положением русских пленных и 28 февраля 1942 г. писал Кейтелю: «Участь советских военнопленных является величайшей трагедией. Большая часть их умерла от голода или погибла в результате суровых климатических условий. Тысячи умерли от сыпного тифа. Разумеется, снабжение продовольствием таких масс пленных столкнулось с трудностями. Однако если бы существовало понимание целей, которые преследует германская политика, можно было бы избежать высокой смертности. На оккупированной территории местное население имело самые лучшие намерения предоставить пленным продовольствие. Несколько предусмот-

рительных комендантов лагерей пользовались этим. Однако в большинстве случаев они запрещали мирному населению передавать пленным продукты питания и предпочли обречь их на голодную смерть... Во многих лагерях вообще не позаботились о помещении для пленных. В дождь и снег они оставались под открытым небом. Более того, им даже не выдавали инструменты, чтобы вырыть землянки или ямы. Совершенно забыли о систематической дезинфекции в целях ликвидации завшивленности пленных»⁵⁸⁵. Таким было положение даже в «шталагах» далеко от линии фронта, например, в крепости Демблин на территории Польши, где погибло около 80 тысяч советских военнопленных; этот «шталаг» просуществовал до 25 июля 1944 г.⁵⁸⁶

Знаток истории плена Павел Полян отмечал, что в условиях, в которых зимой 1941–1942 гг. содержали советских военнопленных, смертность среди них можно было сравнить разве что с падежом скота во время эпизоотии. Армейские и фронтовые сборные пункты и «дулагы» в Бяла-Подляске, Славуте, Дарнице, Минске и других, находящихся в зоне ответственности ОКХ, — по бесчеловечности обращения и смертности не уступали самым страшным концлагерям. В зоне ответственности ОКВ (то есть в рейхе и генерал-губернаторстве) из 390 тысяч привезенных туда военнопленных к декабрю 1941 г. умерло 18,5 % (72 тысячи). Только в минском «дулаге» к осени 1941 г. под открытым небом и без всяких санитарных строений одновременно находилось около 100 тысяч военнопленных и около 40 тысяч гражданских лиц. Зимой 1941–1942 гг. в лагерях на востоке и на западе свирепствовал сыпной тиф. Очевидец передавал: «Больные старше 40 лет умирали все. Многие, уже перенесшие сыпняк, умирали от истощения. На лагерной пайке им просто не хватало сил для восстановления после невольной голодовки во время болезни». Поражительный факт: администрация «шталага 304» Цайтхайн в Германии, где ежедневно умирало до 200 воен-

нопленных, провела между лагерем и кладбищем узкоколейку⁵⁸⁷.

И без того жуткое положение в лагерях для советских военнопленных усугублялось еще и вмешательством СС — на основе договоренности политического и военного руководства группенфюрер СС Рейнхард Гейдрих 17 июля 1941 г. выпустил инструкцию для опергрупп полиции безопасности и СД о чистках в лагерях военнопленных. 24 июля генерал-квартирмейстер сухопутной армии Эдуард Вагнер приказал выделять из числа военнопленных «подозрительных элементов, комиссаров, зачинщиков», которые поступали в распоряжение лагерных комендантов, иными словами, их убивали. Евреи и азиаты по распоряжению Вагнера должны были привлекаться на различные работы, это свидетельствует о том, что вермахт традиционно видел своего главного врага в большевиках, а не в евреях. 8 сентября 1941 г. вышло распоряжение ОКВ, предписывавшее всем комендантам лагерей самое тесное сотрудничество с опергруппами СС, для которых противник был «недочеловеком». Впервые термин «недочеловек» (*Untermensch*) 6 августа 1941 г. употребил в нацистской ФБ Густав Херберт. Обычно это слово шло в контексте рассуждений о «славяно-татарской гидре с еврейскими головами», об «ордах гуннов» и т. п.⁵⁸⁸ Насколько нацисты представляли себе «гуннов», свидетельствует то, что офицер связи Восточного министерства Отто Бройтигам жаловался на опергруппы полиции безопасности и СД, которые уничтожают всех «обрезанных» военнопленных, принимая их за евреев. Присутствовавший при этом начальник гестапо Мюллер заявил: он впервые слышит, что мусульмане тоже практикуют обычай обрезания⁵⁸⁹. Число жертв опергрупп СС среди военнопленных оценивают по-разному: от 580–600 тысяч до 120 тысяч человек. В декабре 1941 г. шеф гестапо Мюллер в служебной записке указывал на 16 тысяч советских воен-

нопленных, расстрелянных его подчиненными только за один месяц⁵⁹⁰.

Дело доходило даже до того, что руководство вермахта несколько раз издавало и отменяло приказ о клеймении советских военнопленных. Первое распоряжение относится к 16 января 1942 г., но оно было вскоре отменено, с тем чтобы полгода спустя появиться вновь. В распоряжении подробно описывалась конфигурация клейма, которое должно было иметь форму перевернутой буквы «V» и производиться на левой ягодице путем надреза кожи ланцетом и использования в качестве красителя китайской туши. Однако не успело распоряжение о клеймении дойти до лагерей, как 3 августа 1943 г. оно было отменено⁵⁹¹. Независимо от того, что побудило руководство вермахта отменить этот приказ, само намерение кажется весьма показательным.

Ради справедливости нужно отметить, что порой к немецким чувствам по отношению к военнопленным подмешивалась и месть. Так, в конце июля 1941 г. под Николаевом солдаты вермахта нашли нескольких сожженных заживо немцев. Чтобы жертвы мучились подольше, чины НКВД привязали их к деревьям и облили бензином только нижнюю часть тела. В отместку немцы расстреляли 400 советских военнопленных. В Мелитополе в подвалах местного НКВД были обнаружены трупы немецких военнопленных, которым в половые органы вводили стеклянные трубки, а потом разбивали их молотком. 17 октября 1941 г. в Таганроге «Лейбштандарт» обнаружил в здании местного НКВД шесть изуродованных трупов немецких солдат этой дивизии. В отместку эсэсовцы расстреляли четыре тысячи советских военнопленных. Еще один страшный инцидент случился в конце декабря 1941 г. на Керченском полуострове, где советские войска учинили жестокую расправу над попавшими к ним в руки военнопленными: в Феодосии под напором советской атаки немцы оставили 160 тяжелораненых солдат, которые

были забиты до смерти; некоторых на 20-градусном морозе обливали водой и оставляли замерзать. В Керчи одному немецкому врачу гвоздями прибили язык к столбу. Варварские казни военнопленных в Крыму санкционировал представитель Ставки Л. З. Мехлис⁵⁹². В Великую Отечественную войну партизаны и солдаты Красной армии считали немецкие санитарные поезда вполне приемлемой и законной целью. Немецкий врач из 22-й танковой дивизии рассказывал: «На моем санитарном автомобиле наверху был установлен пулемет, а на бортах нарисованы красные кресты. Но красный крест в России ничего не значил. Он использовался лишь как опознавательный знак для наших»⁵⁹³.

Немцы отбили Феодосию 18 января, а Керчь — в мае 1942 г. С санкции Манштейна за убийства раненых немецких солдат местному населению отомстили. Убийствами заложников занималась специальная команда 10b опергруппы полиции безопасности и СД «D». В целом, пока Манштейн находился на посту командующего 11-й армией, опергруппа полиции безопасности и СД «D» уничтожила свыше 33 тысяч евреев. Олендорф, командир опергруппы, на Нюрнбергском процессе по делу ОКВ заявил, что акции по уничтожению евреев проходили с ведома и разрешения Манштейна, который один только и располагал в Крыму настоящей властью⁵⁹⁴.

Большую роль в радикализации войны сыграли партизаны, действия которых отражались на отношении к военнопленным. По воспоминаниям солдата-мемуариста Ги Сайера, партизаны доставляли вермахту много неприятностей — они неожиданно нападали на немецких солдат, затрудняли им отступление. Используя снаряды замедленного действия, партизаны минировали трупы немецких солдат, нападали на поезда с провиантом, на оказавшиеся в изоляции отряды и на сборные пункты, безжалостно обращались с пленными. Мемуарист писал, что партизаны вполне заслужи-

ли данного им названия — террористы, но именно поэтому своими действиями они достигали того, что было не под силу регулярной армии⁵⁹⁵. Сайер, участвуя в карательной экспедиции против партизан, сам был свидетелем жестокого обращения партизан с немецкими пленными. Каратели обнаружили в партизанском лагере шесть изувеченных трупов немецких солдат, полностью раздетых, лежавших в море запекшейся крови. Над ними издевались так, что невозможно было смотреть. Немецкие солдаты, прошедшие битву под Москвой, Курском, Брянском, Белгородом, повидавшие всякого, — закрывали лицо руками и выходили из блиндажа: такого ужаса им видеть еще не доводилось. Дух отмщения, стоявший за действиями партизан, разрушил последние остатки человечности у солдат противостоящих друг другу армий: как писал Сайер, «предательских действий мы не могли понять»⁵⁹⁶.

Самые тяжелые последствия для советских военнопленных имело то обстоятельство, что уже 28 июня 1941 г. ОКВ и РСХА договорились о допуске в лагеря военнопленных сотрудников полиции безопасности и СД — «для отделения “мировоззренческих врагов” из среды военнопленных». К «мировоззренческим» врагам, в соответствии с приказом Гейдриха № 8, принадлежали: профессиональные революционеры, функционеры Коминтерна, ВКП(б); политкомиссары Красной армии, советские работники, интеллигенция, евреи, коммунисты. Осенью 1941 г., по просьбе вермахта, в этот список были включены и «неизлечимо больные»⁵⁹⁷.

Политический заключенный концлагеря Заксенхаузен Эмиль Бюге 10 сентября 1941 г. отмечал в дневнике, что две партии советских военнопленных — всего 392 человека — по прибытию в концлагерь были расстреляны. 19 сентября вторая партия из 463 военнопленных также была расстреляна. Этих военнопленных члены опергрупп полиции безопасности и СД отбирали в «дулагах» и «шталагах», а затем для уничтожения переправ-

ляли в концлагеря. Псевдоюридическим основанием этих убийств были оперативные приказы №№ 8 и 9 шефа полиции безопасности и СД Рейнхарда Гейдриха от 17 и 21 июля 1941 г. В приказах, правда, речь не шла об уничтожении: употреблялся эвфемизм «специальное обращение» (*Sonderbehandlung*). В соответствии с этими приказами, только в Заксенхаузене до конца войны было расстреляно, по меньшей мере, 18 тысяч советских военнопленных⁵⁹⁸. Встает вопрос, сколько же всего советских солдат было расстреляно на территории Германии по приказам №№ 8 и 9? Около 120 тысяч⁵⁹⁹. Кроме того, советских военнопленных в концлагеря на территории рейха эсэсовцы транспортировали, как скот: в открытых вагонах и в любую погоду. Всю дорогу люди стояли, притиснутые друг к другу; если кто-то из пленных умирал, этого могли даже не заметить...⁶⁰⁰

И на территории рейха до лета 1942 г. опергруппы СД — с согласия ОКВ — осуществляли отбор «подозрительных» советских военнопленных и их уничтожение. Основанием для таких действий были приказы Гейдриха №№ 8 и 9. Отбор военнопленных по прибытии их в концлагеря осуществлялся членами оперкоманд полиции безопасности и СД⁶⁰¹, но вина руководства вермахта в этих преступлениях — очевидна. Из приблизительно 3 миллионов советских солдат, погибших в плену, 850 тысяч приходится на территорию, находившуюся под непосредственным контролем вермахта, 1,2 миллиона — на территорию рейхскомиссариатов, 500 тысяч — на генерал-губернаторство (Польшу), и 400 тысяч — на рейх⁶⁰².

Разумеется, определенно можно сказать, что — даже при наличии доброй воли — в таких колоссальных котлах, как под Киевом, Вязьмой и Брянском, чрезвычайно трудно было организовать транспортировку, размещение и питание огромного количества пленных. Но дело было не только в организационных проблемах: до 15 апреля 1942 г. в генерал-губернаторстве погибло 292 тысячи

пленных — 85 % от их общего состава. Среди них не было ни одного пленного из упомянутых трех больших окружений — большинство погибших попало в немецкий плен до сентября 1941 г.⁶⁰³ На территорию рейха советских военнопленных первоначально не допускали из принципиальных соображений — нацистское руководство боялось распространения «бациллы большевизма». В одной из инструкций Геббельс указывал: не следует забывать, что еще недавно в Германии около 5 миллионов голосовало на выборах за коммунистов⁶⁰⁴.

Количество советских военнопленных в рейхе росло и к августу 1944 г. составило 631 599 человек. Соответственно, их доля среди задействованных на производстве выросла втрое (с 11,2 % до 32,7 %). В мае 1944 г. она впервые превысила долю французских рабочих из военнопленных (611 тысяч)⁶⁰⁵.

В процесс уничтожения советских военнопленных вермахт был вовлечен пресловутым «приказом о комиссарах», который в литературе обсуждается чаще, чем план «Барбаросса» или приказ по вермахту об обращении с советскими военнопленными: в нем более явно проявилось нарушение прав человека. «Приказом о комиссарах» целые группы участников военных действий подлежали ликвидации на месте в случае пленения. В частности, он определял еврейство как «биологический корень» большевизма, поэтому евреи и подлежали ликвидации опергруппами полиции безопасности и СД; вермахт обязали содействовать этим акциям. «Приказ о комиссарах» стал символом вовлечения вермахта в нацистскую расовую политику. Точное число расстрелянных вермахтом комиссаров и политработников неизвестно, но по сравнению с другими группами жертв террора оно было невелико: в мае 1941 г. в Красной армии насчитывалось 61 400 комиссаров, из них только часть попала в руки врага. 6 мая 1942 г. Гитлер отменил приказ о комиссарах поначалу «в качестве опыта» (*zunächst versuchsweise*)⁶⁰⁶; больше он к нему не обращался.

В соответствии с этим приказом практиковалась и расовая политика, что для нашей страны было особенно актуально. Дело в том, что по сравнению с центральной Европой в СССР была довольно низкая плотность населения — даже на Украине в 1939 г. на 1 км приходилось 69 человек, в Белоруссии — 44 человека, еще меньше в России. Кроме того, состав этого населения был до крайности разнородным: около 60 крупных и более 100 мелких народностей. В соответствии с нацистской расовой доктриной лишь немногие из этих народов заслуживали гуманного обращения: прибалтийские, кавказские народы и украинцы. Остальные должны были стать объектами нацистской расовой политики⁶⁰⁷.

Примечательно, что этот приказ был направлен в войска 8 июня 1941 г., но — в условиях сугубой секретности — в письменной форме он был направлен только в руководство армий и танковых групп (позже переименованных в танковые армии), а до личного состава доводился через командиров подразделений⁶⁰⁸. Однако этот приказ некоторые командующие группами армий и командующие армиями либо вовсе не передавали в войска, либо предписывали его обходить (невзирая на опасность быть обвиненными в невыполнении приказа)⁶⁰⁹ — настолько диким он казался некоторым высшим военным. Если же происходила смена командования армии или армейской группы, то бывали случаи отмены этого приказа, когда он был отправлен в войска предыдущим командующим (как было в 6-й армии, когда умер Рейхенау, а его место занял Паулюс). Для наиболее проникательных наблюдателей характер «приказа о комиссарах» был очевиден еще до войны. Так, 16 июня 1941 г. бывший посол в Италии Ульрих фон Хассель писал, что если этот приказ будет доведен до войск, то он превратит вермахт в такую же шайку убийц, каковой были опергруппы полиции безопасности и СД в польскую кампанию. Хассель принадлежал к оппози-

ционной группе генерала Бека, а эти люди были построены не менее антибольшевистски, чем руководство вермахта. Но начальник Генштаба Гальдер не увидел (или не захотел увидеть) людоедского потенциала этого приказа.

Непосредственного влияния Гитлера на судьбу советских военнопленных по имеющимся документам обнаружить не удалось. Разве что он, как и Геббельс, в июле 1941 г. требовал не отправлять советских военнопленных на территорию рейха. Потом, в октябре 1941 г., Гитлер указал, что военнопленных следует использовать для строительства дорог на Востоке. В третий раз, в марте 1942 г., на одном из совещаний Гитлер высказался за то, чтобы советские военнопленные получали достаточное питание. Правда, чуть позже, под влиянием Бормана и Баке, Гитлер изменил свое решение, согласившись с тем, что тогда придется сократить продовольственные нормы для немецкого гражданского населения. В своих планах на октябрь 1941 г. Гитлер исходил из того, что три миллиона советских военнопленных должны быть сохранены как рабочая сила. По всей видимости, он просто не был информирован о массовой смертности среди них. Очень вероятно, что приказ опергруппам полиции безопасности и СД о ликвидации «недееспособных» (*untragbaren*) военнопленных исходил не сверху, а из второго или даже третьего уровня власти — от Кейтеля, Гейдриха или Рейнеке⁶¹⁰.

Таким образом, на глазах у вермахта и без всякой попытки с его стороны воспрепятствовать дикому обращению с пленными красноармейцами, происходила одна из самых страшных трагедий войны — трагедия плена: из 4–5 миллионов советских военнопленных к весне 1942 г. погибло около 3,8 миллиона человек. Лишь после неудачи блицкрига русских военнопленных по приказу ОКВ стали сохранять как рабочую силу. По сообщению общего отдела ОКВ, к 1 мая 1944 г. из 5,16 миллиона русских военнопленных были живы 1,871 мил-

лиона; 473 000 были обозначены как казенные, 67 000 бежало, почти 3 миллиона погибли от голода⁶¹¹. В Первую мировую войну в немецком плену был 1 434 500 русских солдат, из которых 5,4 % погибло, а во Вторую мировую войну в плен к немцам попало 5,4 миллиона красноармейцев, из которых к 1945 г. были живы 930 тысяч. Иными словами, немецкого плена не пережило 57,6% советских солдат, а советского плена не пережило 37,5% немецких солдат: в советском плену из 3 155 000 немецких военнопленных погибло 1 185 000 человек⁶¹². Для сравнения следует указать, что из 235 473 британских и американских военнопленных в Германии умерло 8348 человек⁶¹³. С английскими и американскими военнопленными в Германии обращались относительно гуманно. С фламандцами обращались лучше, чем с валлонами, с французами лучше, чем с поляками, а советские военнопленные занимали низшую ступень в этой иерархии.

Интересно, что во время войны в немецком плену находилось около 20 тысяч польских офицеров; в этих «офлагах» шла активная и разнообразная культурная жизнь: в частности, лагерная театральная самодеятельность находилась на высоком художественном уровне. В соответствии с Женевской конвенцией пленным полякам предоставляли возможность создать внутреннее самоуправление во главе со старшим по званию офицером; их положение контролировали представители международного Красного креста и религиозные организации⁶¹⁴. Ничего подобного в лагерях для советских военнопленных не было.

Отношение к западным пленным не шло ни в какое сравнение с отношением к пленным с Востока. Так, немецкая общественность была взволнована, когда узнала, что в связи с неудачей своего десанта под Сен-Назаром и Дьеппом 19 августа 1942 г., — геббельсовской пропагандой он был представлен как провал «вторжения союзников в Европу»⁶¹⁵, — английские офицеры

приказывали «козлом» связывать немецких пленных солдат. В ответ немцы точно так же связали 1376 английских военнопленных, что, в свою очередь, имело следствием связывание такого же количества немецких военнопленных в Англии. Как передавала СД, такое обращение с немецкими военнопленными возбудило ненависть к англичанам⁶¹⁶. Были и другие случаи жестокого обращения с военнопленными. Так, в июле 1944 г. на юге Франции у Пуатье после акта саботажа были взяты в плен два английских парашютиста. Ссылаясь на Женевскую конвенцию, на допросе они отказались говорить больше, чем предписывала ст. 5, в соответствии с которой пленный обязан был сообщить только имя, звание и номер воинской части. После этого парашютисты были переданы полиции и вскоре под пытками выдали 34 своих товарищей по боевой группе. 31 человек был расстрелян полицией⁶¹⁷. Эта акция была следствием приказа Гитлера (о борьбе с террористами), и вермахт не нес за нее ответственности. Такие инциденты носили единичный характер. После войны в судебном порядке все они были досконально рассмотрены, а виновные, если остались в живых, — наказаны. В целом отношение к пленным на Западе было корректным с обеих сторон.

Когда в феврале 1945 г. войска 1-го Белорусского фронта освободили лагерь военнопленных у Торна, советские солдаты были поражены различием в положении пленных из разных стран. Заключение из западных стран имели вполне здоровый вид, как будто они находились в отпуске, тогда как советские военнопленные были сильно истощены и одеты в лохмотья. Военнопленным из западных стран не нужно было работать, им позволяли играть в футбол и получать через Красный Крест продовольственные посылки. В то же время в советской части лагеря было убито или погибло от истощения и болезней около семнадцати тысяч человек⁶¹⁸. Тяжелые условия плена попирали человеческое

достоинство и вызывали чувство безысходности. Многие солдаты, поддавшись пропаганде, становились на путь сотрудничества с врагом. По различным оценкам, таких «добровольных помощников» насчитывалось от 1 миллиона до 1,5 миллионов человек⁶¹⁹. После плена советские люди попадали в состояние тяжелейшего стресса. Так, главный хирург Красной армии генерал-полковник Н. Н. Бурденко вспоминал: «Картины, которые мне пришлось видеть, превосходят всяческое воображение. Радость при виде освобожденных людей омрачалась тем, что на их лицах было оцепенение. Это обстоятельство заставляло задуматься — в чем тут дело? Очевидно, пережитые страдания поставили знак равенства между жизнью и смертью. Я три дня наблюдал этих людей, перевязывал их, эвакуировал — психологический ступор не менялся»⁶²⁰.

Что касается немецких солдат, то они, зная, как обходились с пленными красноармейцами, более всего боялись попасть в советский плен. Об этом писал ветеран дивизии «Великая Германия» Ги Сайер. Сайеру и его товарищам, эвакуировавшись из Мемеля, удалось попасть на Запад, и они с радостью сдались в плен англичанам. Англичане — в передаче Сайера — пытались обращаться с пленными подчеркнуто грубо, но немецкие ветераны, которые на Восточном фронте испытали настоящий ад, как грубость это даже не воспринимали. И уж ни в какое сравнение это не шло с участием пленных красноармейцев. Сайер писал, что англичане заставили их ехать в грузовиках стоя, и их беспрерывно трясло. При этом англичане никак не могли понять, почему немцы смеются и шутят — им было невдомек, что солдаты, с неимоверными трудностями пробившиеся с Восточного фронта, воспринимают происходящее как комфортабельные условия. Сайер пишет: «Наши западные победители были высокие, розовощекие, пухлые. Вели себя как хулиганы, но хорошо воспитанные хулиганы. Их форма была изготовлена из мягкой ткани,

вроде спортивного костюма, и они непрерывно двигали челюстями, будто жвачку жевали. Они не выражали радости от победы и не выглядели расстроенными. Им было все равно. Они просто выполняли изрядно надоевшие им обязанности. Мы с любопытством их разглядывали. Наверное, со стороны можно было подумать, что мы — сторона, потерпевшая поражение, — попали в рай. Им же как раз недоставало радости. ...В центре лагеря американцы раскрыли ящики, наполненные консервами. Поддав их ногой, они высыпали консервы на землю и отошли, предоставив нам самим распределять пищу. Мы так изголодались, что забыли об унижении, и о дожде, который превратил землю в месиво. Верхом роскоши стал порошковый лимонад: мы набирали в карманы воду и высыпали туда порошок. Американцы смотрели на нас и о чем-то болтали между собой. Наверное, они думали, как быстро мы согласились сдаться в плен и подчиниться условиям заключения, например, раздаче пищи прямо под дождем. Разве мы не должны были ходить молча, с мрачными лицами, как все те, чьей гордости нанесен удар? Мы вовсе не походили на немцев с тех кинолент, которые показывали нашим тюремщикам перед отправкой на фронт. На нас не за что было сердиться: мы оказались не кровожадными “бошами”, а просто оголодавшими людьми, которые мокнут под дождем, лишь бы им досталось немного консервированного мяса. Мы были полумертвы, на наших лицах читался страх, мы валились с ног от усталости и бессонницы. Мы не требовали к себе вежливого отношения, нам было нужно всего несколько часов сна»⁶²¹. Наверное, так же, как американские солдаты смотрели на одичавших и утративших человеческое достоинство немецких военнопленных, смотрели на «недочеловеков» и солдаты вермахта, когда красноармейцы через колючую проволоку протягивали руки и просили хлеба — с той разницей, что им никто ничего не дал, и большинство из них погибло от голода...

Трагедия блокады Ленинграда и проблема ответственности вермахта

После трагедии плена советских солдат второй колоссальной человеческой катастрофой была блокада Ленинграда. Степень вины вермахта в этой трагедии весьма трудно отделить от стратегических решений Гитлера в этом вопросе. Дело в том, что в соответствии с первоначальным планом «Барбаросса» Ленинград подлежал оккупации как важный центр промышленности, транспортный узел (балтийский порт), а также как «Иерусалим коммунизма». Затем Гитлер радикально пересмотрел первоначальный замысел, хотя все развивалось исключительно благоприятно для группы армий «Север», которая наступала весьма энергично и целеустремленно. Эти исключительно благоприятные условия для немцев на Ленинградском направлении были созданы не только победами в центре и на юге Восточного фронта, но и действиями Кригсмарине, причем минимальными силами. Гросс-адмирал Эрих Редер отмечал, что основная цель Кригсмарине на Балтике — охрана немецких портов и балтийской торговли была полностью достигнута в результате смелых действий легких сил. Крейсеры «Лейпциг», «Эмден» и «Кельн», совместно с патрульными катерами и минными заградителями сыграли важную роль в захвате островов Эзель и Даго. Полный контроль над балтийской акваторией немцы осуществляли вплоть до выхода из войны Финляндии⁶²².

В этих благоприятных для вермахта условиях Риттер фон Лееб во главе группы армий «Север» (16-я, 18-я армии и 4-я танковая группа), насчитывавшей 500 тысяч солдат, наступал из Восточной Пруссии через Литву. 21 июля Гитлер был в штабе фон Лееба в Пскове и еще раз подтвердил необходимость взятия Ленинграда, к которому и устремлялись немецкие солдаты. Но уже в первых числах августа фон Лееб почувствовал, что Гитлер и ОКХ начинают отдавать предпочтение группе

армий «Центр». В практическом плане это означало отнятие мобильных танковых соединений у фон Лееба и передачу их фон Боку в группу армий «Центр»⁶²³. Между тем подписанная 18 декабря 1940 г. директива № 21 — план «Барбаросса» содержала в пункте III.A указание на то, что первоначально следует овладеть Ленинградом и Кронштадтом, а затем продолжить наступление на Москву. Лишь неожиданно быстрая потеря советскими войсками воли к сопротивлению могла бы оправдать стремление к достижению обеих целей одновременно⁶²⁴. Поэтому вместо того, чтобы брать Ленинград с ходу, как это и предписывал план «Барбаросса», фюрер в начале сентября неожиданно остановил наступление на город и отобрал у группы армий «Центр» все мобильные части. Это было труднообъяснимое решение, поскольку 1-я танковая дивизия вышла на Дудергофские высоты и была готова к последнему броску. Ударная группа полковника Гарри Гоппе с гамбургским 76-м пехотным полком овладела Шлиссельбургом. В городе началась паника — все ждали вступления немецких войск. И в этот момент Гитлер прекратил операцию. Он решил покорить Ленинград при помощи голодной блокады. Это решение изумило офицеров 1-й танковой дивизии. Узнав о таких настроениях, Гитлер представил офицерам разъяснение под грифом «совершенно секретно» от 7 октября 1941 г. В документе говорилось о том, что капитуляция Ленинграда или Москвы будет отвергнута, даже если противник ее предложит. Гитлер объяснял это тем, что в Киеве немецкие солдаты подверглись огромному риску, столкнувшись с минами с часовым механизмом. В Ленинграде и Москве эта опасность, по его мнению, может быть еще большей. Поэтому ни один немецкий солдат не должен входить в эти города⁶²⁵. Были эти доводы Гитлера искренними или нет, но он перешел к тактике блокады. Действительно, немецкие войска в Киеве и Харькове понесли ощутимые потери от советских мин с часовы-

ми механизмами или управляемыми по радио. А в Ленинграде готовили тотальное минирование города — захватчики должны были погибнуть под его развалинами. С другой стороны, кажется, что эти планы невозможно было осуществить в полной мере; такая опасность была скорее гипотетической или сильно преувеличенной.

Нужно прямо сказать, что изначально расчеты Гитлера на успех блокады и на сдачу города были напрасными не только по причинам патриотизма, самоотверженности и героизма ленинградцев, о которых в отечественной патриотической литературе сказано уже много, но и по причине циничного отношения к страданиям и смерти своих сограждан со стороны высшего советского руководства. Точно так же, как советское командование «не замечало» немецких оперативных успехов летом 1941 г. и связанных с ними колоссальных потерь, продолжая гнать в бой все новые полки, — так же оно «не заметило» и жертв блокады. Офицер, ветеран войны, переживший и блокаду, Борис Михайлович Михайлов пишет, что в октябре 1941 г. в Ленинграде начался регламентированный Государственным Комитетом Обороны голод. Он утверждает, что никто его не убедит в том, что в Ленинграде можно было остаться в живых, питаясь только продуктами, полученными по карточкам⁶²⁶. Имевшиеся же возможности для снабжения города продовольствием и вывоза людей из блокады использовались отнюдь не полностью. В самое тяжелое время «дорога жизни» использовалась только на 5 % — автор считает, что это был преднамеренный геноцид со стороны властей, привыкших с пренебрежением относиться к жизни советских граждан⁶²⁷. Этот же мемуарист передает, что его поражало большое количество делегаций в блокированный Ленинград; членов этих делегаций возили на фронт, кормили, а потом отправляли на Большую землю. А ведь за счет продуктов, выделяемых этим делегациям, можно было спасти не одного блокадника... Иными словами, нацистский ге-

ноцид наложился на равнодушие советских властей к собственным гражданам. Даже если гитлеровцам удалось бы установить полную блокаду (отрезать город от Ладоги), предложения о сдаче города не последовало бы из «принципиальных соображений» властей, готовых к любым жертвам.

Итак, 6 сентября Гитлер, поддавшись давлению обстоятельств, приказал ради решительного рывка на Москву стянуть с обоих флангов все резервы⁶²⁸. Для группы армий «Север» это означало изменение задачи — охватить Ленинград до 15 сентября как можно более плотным кольцом, а после этого срока передать свои самые мобильные соединения (4 танковую группу) и VIII-й авиакорпус группе армий «Центр». Командующий 4-й танковой группой, вышедшей 15 сентября к Финскому заливу между Лигово и Петергофом, генерал Райнхардт обдумывал план дальнейшего наступления, ибо его танковые части готовы были к последнему штурму, и до желанной цели было рукой подать. И вдруг 16 сентября последовал приказ: Райнхардту оставить позиции и со своими танковыми силами начать движение на юг от Ленинграда для выполнения новой задачи в составе группы армий «Центр». После звонка руководству группы армий «Север» Райнхардт приказал вывести из боя танковые дивизии, заменить которые было нечем.

Гитлер решил не захватывать многомиллионный город, потому что не хотел брать ответственность за его снабжение, как предписывалось международным правом в случае оккупации города. Он собрался уморить город голодом и разрушить артиллерийским обстрелом и бомбежками с воздуха. Советская сторона получила передышку и возможность не только вернуть стратегически важные пункты, но, как показало будущее, спасти город. Это было настоящим переломным моментом для группы армий «Север», повторением «чуда на Марне»⁶²⁹. День 16 сентября 1941 г. создал оперативную обстановку, которой было суждено определить весь ход

военных действий для группы армий «Север» в течение последующих 800 дней⁶³⁰.

Гитлер заставил целую немецкую армию стоять на часах у одного единственного города. Он позволил противнику сохранить важный центр военной промышленности и военно-морскую базу Балтийского флота. Гитлер даже не закрыл огромный Ораниенбаумский плацдарм. Он решил, как выразился финский командующий Маннергейм, «всю войну тащить этот рюкзак». Кроме прочего, Гитлер спас Красную армию от потери примерно 42 дивизий, которые находились в городе и на Ораниенбаумском плацдарме⁶³¹. С другой стороны, следует принять во внимание еще одно важное обстоятельство: английский историк Алан Кларк писал, что иные западные эксперты считают, что отводом 41-го танкового корпуса Гитлер спас Ленинград... Это кажется сомнительным, поскольку воевать на танках в городе с прочными каменными строениями, да еще и изрезанном сетью каналов, было бы крайне сложно. Высокая подготовка, выучка, огневая мощь и подвижность теряли в уличных боях всякое значение. Об этом ясно свидетельствует опыт Сталинградского сражения. То ли учитывая этот элементарный закон тактики, то ли из каких-то менее рациональных мотивов, но Гитлер был против прямого штурма Ленинграда⁶³².

Гитлер недооценил стойкость и организацию функционеров коммунистической партии, а также упорство и терпение ленинградцев. Кроме того, он был уверен в том, что город полностью окружен, но на самом деле пригороды Ленинграда выходили на западный берег Ладожского озера, ширина которого в этом месте не более 30 км — не шире, чем Ла-Манш. Если днем судоходство можно было контролировать с помощью Люфтваффе, то ночью корабли могли ходить. Зимой озеро замерзало, и по нему была проложена «дорога жизни». Таким образом, Ладога оказалась спасением для Ленинграда. Немецкий 39-й танковый корпус пытался в ок-

тябре — ноябре 1941 г. обойти вокруг озера и соединиться с финнами на Свири, но из этого ничего не вышло.

9 ноября фон Лееб отмечал в дневнике, что взятие Тихвина (от него шла железная дорога на Москву) обеспечивает полную блокаду Ленинграда. 9 декабря Красная армия отбила Тихвин, и таким образом сохранилась возможность доставки продовольствия в город по Ладоге. Тем не менее, несмотря на взятие Тихвина, в январе 1942 г. в Ленинграде каждый день умирало от голода 300—400 человек. Немцы были отброшены от Тихвина, поэтому 18-я немецкая армия удерживала только 15 километров берега Ладоги — от Шлиссельбурга до Липок. В этом коридоре справа был Волховский фронт, постоянно оказывавший давление на немцев, а слева — Нева и Ленинградский фронт (67-я, 55-я и 42-я армии — около 200 тысяч солдат). У Ленинграда советские войска несли едва ли не самые тяжелые потери за всю войну. На знаменитом плацдарме «Невский пятачок», с которого предпринимались безуспешные попытки прорыва блокады, погибло не менее 200 тысяч советских солдат, а по некоторым оценкам — около 400 тысяч. Учитывая, что площадь этого плацдарма около 194 га (примерно 3 км на 700 м в глубину), на «Невском пятачке» погибло наибольшее количество солдат за всю Вторую мировую войну, считая по плотности на 1 км². На Синявинских высотах погибло еще больше красноармейцев, но там они были рассредоточены на большей площади⁶³³. Вот что вспоминал один из участников обороны Ленинграда, пехотинец Волховского фронта Н. Н. Никулин: «Каждое утро, получив подкрепления, войска шли на штурм немецких позиций вдоль железнодорожной линии и падали, сраженные. Так продолжалось день за днем. Когда весной снег стоял, обнажились штабеля убитых. У самой земли лежали солдаты в летнем обмундировании, в гимнастерках и ботинках. На них громоздились морские пехотинцы в бушлатах и брюках-клешах. Выше сибиряки в

полушубках, ходившие в атаку в январе — феврале 1942 г. Еще выше — «политбойцы» в ватниках и тряпичных шапках, выданных в блокадном Ленинграде. На них тела в шинелях и маскхалатах, с касками на головах и без них. Страшная картина!»⁶³⁴

Незадолго до блокады власти вывезли на восток более полумиллиона квалифицированных рабочих и 40 тысяч железнодорожных вагонов с оборудованием. Это указывает на то, что советское руководство было готово к сдаче города, а также объясняет, почему в городе не было достаточных продовольственных припасов. Что касается импровизированного снабжения города продовольствием, то советская транспортная авиация не справлялась с доставкой продовольствия — в период с 14 по 18 ноября было перевезено только 1200 тонн продовольствия или 86 тонн в день. Практически столько же доставляли в Сталинградский котел самолеты Люфтваффе — и этого было недостаточно для находившихся там 250 тысяч человек. А в Ленинграде было около 2 миллионов человек. В блокированный Западный Берлин в 1948—1949 гг. для 2,5 миллионов жителей доставляли ежедневно 4500 тонн, а затем до 10 000 тонн продовольствия в день⁶³⁵.

В блокадном Ленинграде голод был стимулом поступать либо на работу, либо в ополчение: «иждивенческий паек» означал голодную смерть. Властям осажденного города удалось провести такую мобилизацию населения, которая в другом случае была бы невозможна.

Военные действия Красной армии сводились к одному — нужно было прорвать немецкую оборону и соединиться с Волховским фронтом. Впоследствии Гитлер также побуждал вермахт к решительным действиям — в директиве № 41 от 5 апреля 1942 г. (оперативный план на 1942 г.) он приказывал взять Ленинград. Когда Манштейн взял Севастополь, Гитлер решил бросить его армию и мощную осадную технику на Ленинград. Цена отсутствия 11-й армии на южном фланге Восточного

фронта оказалась очень высока – Сталинградский котел для 6-й армии вермахта.

Манштейн планировал нанести основной удар по обороне Ленинграда через Дудергофские высоты тремя корпусами, а потом двумя корпусами двигаться на восток и форсировать Неву. В момент начала наступления Манштейн верил в удачный исход атаки, поскольку до сих пор все, что он планировал, удавалось, но не на этот раз... Дело в том, что когда 27 августа он разворачивал корпус для атаки, пришло известие о том, что советские войска Волховского фронта прорвали немецкую оборону у Гайтолово и почти дошли до Мги. Немецкий коридор сократился наполовину. В этой ситуации Манштейну не оставалось ничего другого, как использовать свои развернутые силы для обороны и контратак. Хотя первое из трех сражений на ладожском берегу закончилось вытеснением советских частей, теперь уже не могло быть речи о запланированном наступлении Манштейна на Ленинград. Поэтому Гитлер вернул Манштейна на юг, где разворачивались драматические события: под угрозой оказался весь южный фланг немецкого фронта.

12 января 1943 г. 2-я ударная армия В. С. Романовского с Волховского фронта начала новое наступление на немецкие позиции. Со стороны Ленинграда одновременно ударила 67-я армия М. П. Духанова. Советские солдаты шли по голому льду прямо на немецкие пулеметы, жертвы были колоссальные⁶³⁶. Ожил фронт и на Невской Дубровке (29 апреля 1942 г. немцы ликвидировали этот плацдарм на левом берегу Невы, но 26 сентября он был восстановлен) – в январе 1943 г. с этого плацдарма наступление вела 45-я стрелковая дивизия генерала А. А. Краснова, сковывавшая значительные силы противника.

С 14 по 18 января бои шли уже в центре горловины – у рабочего поселка № 5, который немцы хотели удержать во что бы то ни стало, чтобы вывести свои войска

из Шлиссельбурга и с берега Ладоги, от Липок. В целом, немцы смогли вывести к Синявинским высотам 6 тысяч солдат⁶³⁷.

Прорыв блокады 18 января 1943 г. был неполным, поскольку советские войска не смогли выйти к Кировской магистрали, но в течение 25 дней была построена 35-километровая железнодорожная ветка по берегу Ладоги до Шлиссельбурга, а оттуда по временному мосту — до линии в Ленинград. 6 февраля временная железная дорога вступила в действие, вследствие этого хлебный паек вырос для рабочих до 600 г, а для остальных — до 400 г. Советское командование продолжило бои на юге от Ладоги, стремясь выйти на Кировскую магистраль к Мге. Бои за Синявинские высоты были чрезвычайно тяжелыми, потери советской стороны были ужасающими — торфяное болото в Синявино, леса у Колпино и Красного Бора являли собой одно жуткое поле брани. Потери советской армии немецкая сторона оценивала в 270 тысяч солдат. Мгу удалось взять только через год — 27 января 1944 г., когда и была окончательно снята блокада Ленинграда.

С незапамятных времен осада применялась как способ сломить сопротивление противника — Библия рассказывает о том, как израильтяне в конце II тысячелетия до нашей эры осаждали Иерихон; гомеровская Илиада повествует об осаде Трои; римляне держали осаду Карфагена три года, до 146 г. до н. э., Иосиф Флавий описывает осаду Иерусалима римлянами в 72 г. до н. э., осада Константинополя турками в 1453 г. стала одним из поворотных моментов во всемирной истории. В XX в. наибольшие людские потери из всех городов, ставших полем битвы, понес блокадный Ленинград. Число его погибших жителей в несколько раз превышало количество жертв Хиросимы и Нагасаки вместе взятых⁶³⁸. Осада и последующая блокада продолжалась почти 900 дней — с 8 сентября 1941 г. до 27 января 1944 г.

Собственно, блокаду Ленинграда держала 18-я армия вермахта. Она была довольно аморфным образова-

нием, часто менявшим свой состав: поход на Восток начался с 3 корпусов и 10 дивизий, затем число дивизий колебалось между 5 (на 7 августа 1941 г.) и 25 (на 11 мая 1942 г.)⁶³⁹. Если организация дивизионного командования или командования корпусом еще обозрима и ее можно описать, то командование армией — это небольшое, но довольно сложное министерство. В руководстве армией (АОК 18 — *Armee Oberkommando 18*) работало до 100 офицеров, 130 унтер-офицеров, 25 чиновников и несколько сотен служащих вермахта (от шоферов и поваров до зенитчиков). Во главе всего этого хозяйства стоял командующий армией — ответственный за все происходящее в армии, как министр в своем министерстве; ему подчинялся (как статс-секретарь) начальник штаба и множество других отделов и служб. В первые четыре месяца войны АОК 18 был мобильным центром армии и в период наступления 10 раз менял место своей дислокации. Однако с 20 сентября 1941 г. командование и штаб армии расположились в здании бывшего легочного санатория Большево вблизи Сиверской, в 45 км от линии фронта. Главнокомандующим армией был генерал-полковник Георг фон Кюхлер (1881—1968); позже, в 1942—1944 гг., в чине генерал-фельдмаршала он командовал группой армий «Север». Начальником штаба 18-й армии был Вильгельм Хассе, офицер Генштаба. Третьим офицером в иерархии армейского командования был первый офицер Генштаба (*Ia*) подполковник барон Мориц фон Штрахвитц — впоследствии командир дивизии в чине генерал-лейтенанта. *Ia* был ответственен за оперативные и тактические боевые задачи. Ему помогал третий офицер Генштаба (*Ic*), который занимался вопросами войсковой разведки; в его обязанности входил ежедневный доклад о положении дел у противника. Вопросами, прямо не относящимися к ведению военных действий, командующего армией старались не обременять и решали их самостоятельно. Отдел оберквартирмейстера был самым большим в АОК,

но менее престижным, поскольку занимался вопросами снабжения, обеспечения и администрирования на занимаемой территории.

Части 18-й армии еще в июле 1941 г. захватили города Остров и Псков и вторглись в пределы Ленинградской области. К осени 1942 г. они завладели 51 (из 72) районом области. Кроме Острова и Пскова, были оккупированы Новгород, Луга, Выборг, Гдов, Старая Русса, Порхов, Кингисепп, Гатчина, Пушкин, Павловск, Петергоф. Ни в одном другом месте СССР оккупанты не были так долго: 29 месяцев. Политика немцев по отношению к местному сельскому населению Ленинградской области эволюционировала от «мягкой» к более жесткой (под влиянием партизанского движения). Оккупационный район армии был разделен на тыловой район (*rückwärtiges Armeegebiet*) и район боевых действий (*Gefechtsgebiet*); последний был довольно узким. У 18-й армии фронтовая полоса составляла всего 10–15 км, в пределах которой находились и штабы корпусов. В наиболее важных пунктах оккупационного района 18-й армии находились полевые комендатуры и местные комендатуры — в Нарве, Красногвардейске, Сиверской, Вырице, Тосно и Любани⁶⁴⁰. Армейское руководство с его тайной полевой полицией (*Geheime Feldpolizei*) и полевой жандармерией (*Feldgendarmarie*) должно было примириться с тем, что в их районах самостоятельно действовали эсэсовские и полицейские формирования.

Для того чтобы обеспечить безопасность тыла и заручиться поддержкой 1,26 миллиона жителей оккупированных районов Ленинградской области, командование 18-й армии восстановило деятельность русской православной церкви, разрешило начальные школы, допустило торговлю. Это также способствовало дружелюбному, в целом, отношению местного населения к солдатам вермахта. Кстати, фон Лееб при передаче 18-й армии «приказа о комиссарах», сказал, что он счи-

тает этот приказ «правовой глупостью», и рекомендовал его бойкотировать⁶⁴¹.

17 января 1942 г. вместо фон Лееба командующим группы армий «Север» стал фон Кюхлер. Поводом для отставки фон Лееба был Демянский выступ, на котором были II-й и X-й армейские корпуса, далеко врезавшиеся в советские позиции. Лееб полагал, что этот выступ не имеет никакого оперативного значения, и напряжение, вызванное снабжением по воздуху окруженных немецких войск, — это лишняя трата ресурсов. Гитлер, напротив, полагал, что Демянский выступ связывает большое количество советских войск и таким образом выполняет свою роль в противостоянии на Восточном фронте⁶⁴². К тому же фон Лееб раздражал Гитлера своими откровенными антинацистскими высказываниями.

В Нюрнберге Кюхлера обвиняли в основном как командующего 18-й армией, поскольку командующий армией несет ответственность за исполнительную власть и порядок на территории, которую его армия занимает. Соответственно, участь гражданского населения на этой территории — это сфера компетенции старшего офицера армии. На процессе в Нюрнберге Кюхлер заявил, что не он объявил войну Советскому Союзу, а Третий Рейх. Кроме того, Гитлер в течение войны многократно вмешивался в компетенции командующего армией, поэтому Кюхлер, по его словам, предпочитал заниматься исключительно военным руководством⁶⁴³.

Отношение к местному населению и мероприятия руководства 18-й армией произвели впечатление на главу КОНР (Комитет освобождения народов России) генерала А. А. Власова. Завершив поездку по ряду городов и сел, находившихся в тылу немцев, он отмечал, что ни в одной другой зоне оккупации не было столь отрадных перемен, произошедших в результате действий немецкой администрации. Вместе с тем, из отчетов СД в армейском тылу группы армий «Север» видно, с какой жестокостью велась борьба не только против парти-

зан, но и против той части населения, которая отказывалась сотрудничать с оккупантами. Ради достижения лояльности местного населения руководство группы армий «Север» пошло на раздел колхозной земли и поощрение единоличных хуторских хозяйств. СД с удовлетворением отмечала, что в связи с ликвидацией колхозов настроение населения заметно улучшилось⁶⁴⁴. Продовольственный налог, назначенный немцами, был меньше, чем при советской власти, но взимался довольно жестко. Крестьян нередко обманывали — так, осенью 1942 г. тыловые службы 18-й армии раздали им трофейных лошадей. Крестьяне зимой их откормили, надеясь на них работать. Однако весной лошадей потребовали обратно⁶⁴⁵. В целом, однако, земельная реформа обеспечила симпатии крестьян по отношению к немцам и лишила советские власти надежды на массовые выступления крестьян против оккупантов. Сами немцы, однако, весьма критически оценивали ситуацию. Так, 11 июля 1943 г. разведотдел 61-й пехотной дивизии доносил: «Восточный поход показал, что наши представления о большевизме не совпадают с действительностью не только в оценке его военной мощи, но и в оценке его моральных сил. Старшее поколение, знавшее царское время, менее прониклось большевистскими идеями и легче поддается нашему влиянию. В отношении же молодежи следует констатировать сильное влияние большевизма. ...При нашем первом соприкосновении с русскими мы произвели на них благоприятное впечатление. Однако неуважение к их духовным особенностям, наши многочисленные расстрелы пленных, часто в присутствии местных жителей, наша болтовня о колониальном народе сильно ослабили это хорошее впечатление и подорвали наш авторитет. Воспитанные в духе равенства всех людей, они не могут понять — почему мы, поющие хвалебные гимны жизни немецких рабочих, заставляем их работать больше прежнего при самых плохих условиях»⁶⁴⁶.

Исполнительная власть руководства армией была также ограничена экономическими организациями, которыми распоряжался Геринг как генеральный уполномоченный по четырехлетнему плану. Разделение властей в полицейских и экономических вопросах дало возможность руководству армией после войны сваливать вину на другие инстанции; на самом деле, имела место борьба компетенций и их запутанность. На Нюрнбергском процессе Кюхлер поразил членов трибунала заявлением о том, что он как командующий армией не имел никакой исполнительной власти в оккупационном районе. Он сказал, что если в Первую мировую войну генерал Бюзинг стал генерал-губернатором Бельгии, то это означало, что тот был исполнительной и законодательной властью в Бельгии и только он нес за нее ответственность; в его сферу компетенций никто не имел права вмешиваться. Гитлеровская же организация власти, по словам Кюхлера, привела к распылению компетенций по разным сферам: полицейской, экономической, по вопросам рабочей силы; единой же надзирающей и ответственной инстанции не было⁶⁴⁷. Несмотря на это оправдание, наряду с множеством убийств гражданских лиц опергруппами полиции безопасности и СД, командующему 18-й армией было предъявлено обвинение в расстреле эсэсовцами 230 психически больных женщин в бывшем Макарьевском монастыре. В дневнике XXVIII-го армейского корпуса была запись от 26 декабря 1941 г. о том, что вопрос о расстреле согласован с командующим (поскольку такие больные и в Германии подлежат умерщвлению как «недостойные жизни существа»), а сам расстрел поручено осуществить СД. Отпираясь, Кюхлер, говорил о том, что ничего не помнит по этому эпизоду, тем не менее этот расстрел суд вменил ему в вину. Кюхлер, в отличие от фон Лееба, был приговорен судом к самому большому сроку тюрьмы — к двадцати годам⁶⁴⁸.

В отношении разделения полномочий и отсутствия единой власти Кюхлер был прав, но не следует забы-

вать, что полномочия АОК 18-й были все же весьма велики — Берлин находился далеко, и если бы АОК чего-либо сильно захотел, он всегда мог это осуществить, аргументируя военной потребностью. Нужно вести речь не о полномочиях, а о желании, поскольку на территории в 12 тысяч км² (такую территорию занимала 18-я армия в декабре 1941 г.) командующий армией был скорее удельным князем, чем подчиненным бюрократом.

Линия окружения Ленинграда в основном совпадала с линией фронта, хотя местами в ходе тяжелых боев войска кое-где захватывали или уступали несколько сотен или тысяч метров. На этом фронте часто шла изнурительная позиционная война: в окопах, на изрытой воронками местности и в развалинах населенных пунктов. Значительные потери группы армий «Север» автоматически означали отказ от активных действий по захвату Ленинграда; реализация планов по разрушению Ленинграда также отодвигалась в неопределенное будущее. Задача группы армий «Север» сводилась отныне к плотной блокаде города минимальными силами. В осаде Ленинграда принимало участие более 700 тысяч немецких солдат — приблизительно столько же людей погибло в осажденном городе от голода и болезней. 18 сентября Гальдер писал в дневнике «о голоде как о нашем союзнике». Даже сам фон Лееб 2 сентября сказал, что город следует принудить к сдаче голодной блокадой. Но если для Лееба голод был инструментом для захвата города, то ОКВ и ОКХ считали целью уморить голодом все население⁶⁴⁹. Геринг также утверждал, что захват и оккупация больших городов экономически нежелательна. Таким образом, при планировании блокады Ленинграда сплелись военные, идеологические и экономические мотивы.

Об этих ужасающих планах солдаты 18-й армии в сентябре 1941 г. ничего не знали. Командующий группой армий фон Лееб жаловался на то, что он вынужден вести войну малыми силами; фон Кюхлер был

огорчен известием о переносе центра тяжести нападения: в виду желанной цели его армия должна была пережить войну в блокаде. 12 сентября в 18-й армии начал распространяться слух, что армия не будет входить в Ленинград. Планирование оккупации, однако, продолжалось: для непосредственной оккупации города предназначался L-й армейский корпус (командующий армией генерал Линдеманн должен был стать комендантом города), а также эсэсовская полицейская дивизия. Командование 18-й армии первоначально планировало организовать питание миллионного города и отыскивало для этого ресурсы; фон Лееб даже высказывался за передачу гражданского населения советской стороне, но сверху пришел запрещающий приказ⁶⁵⁰. Солдатам и офицерам было непонятно, как будет организован оккупационный режим в городе, который умирает от голода. 18 сентября Гальдер позвонил в штаб Лееба и сказал, что он рассчитывает на уничтожение города не военной силой, а голодом. В тот же день, 18 сентября, Гитлер заявил, что капитуляцию Ленинграда следует принимать только в случае вступления в него, поэтому группе армий «Север» было приказано самостоятельно не принимать капитуляции, но передать этот вопрос на рассмотрение ОКВ и ОКХ. Как раз в эти дни части 18-й армии так близко подошли к городу, что имели возможность прорваться к центру. 20 сентября Кюхлер признавал, что 20-ти его измотанных пехотных дивизий недостаточно для захвата города. Вскоре пришел приказ Кейтеля не вступать в город, ибо тогда его придется кормить. 20 сентября фон Лееб был в 18-й армии и подтвердил приказ остановить наступление по всему фронту и перейти к обороне — началась блокада. В последующие месяцы какого-либо усиления линии обороны 18-й армии не предпринималось⁶⁵¹.

Интересно отметить, что под Колпино блокаду держала даже испанская «Голубая дивизия», являвшаяся 250-й

дивизией вермахта. Немецкий генерал Польшман в своих мемуарах весьма похвально отзывался о ней: он писал, что с октября 1941 по октябрь 1943 гг. ее боевые действия были выше всяких похвал, дивизия проявила готовность к самопожертвованию, а ее солдаты и офицеры после войны у себя на родине с гордостью носили немецкие награды⁶⁵². Генерал, правда, не указывал, что «Голубая дивизия» была идеологическим войском Испанской Фаланги, и там за довольно значительную плату служили добровольцы. Также в блокаде Ленинграда принимали участие словацкие части.

То, как ОКВ представлял себе будущее Ленинграда, стало ясно 21 сентября, когда письменно были зафиксированы следующие позиции: сначала герметическая блокада, артиллерийские обстрелы, авианалеты, голод, затем арест и интернирование или изгнание оставшихся в живых, затем полное разрушение города и передача его территории финским союзникам⁶⁵³. Так Кейтель обрисовал картину будущего Ленинграда в письме Маннергейму. В этом чудовищном плане соединились гитлеровская расовая идеология уничтожения и холодный расчет военного руководства. И 18-я армия стала армией палачей, осуществлявшей преступный приказ.

Приказ же ОКВ о нанесении как можно большего ущерба осажденному городу при практическом отсутствии тяжелого артиллерийского вооружения и весьма эффективной советской противовоздушной обороне был невыполним. Таким образом, боевая задача 18-й армии сводилась к отражению ежедневных атак Красной армии и блокированию возможного исхода из города голодающих ленинградцев. Когда офицер *1а* группы армий «Север» 24 октября посетил дивизии, непосредственно блокировавшие Ленинград, то все его спрашивали: что делать, если из города начнет прорываться гражданское население; перспектива стрелять по женщинам, детям и старикам казалась солдатам невыносимой. Для того чтобы избежать

ненужного морального давления на личный состав, Браухич предлагал обнести минными полями позиции 18-й армии. Фон Лееб, напротив, считал, что в случае капитуляции советских войск гражданское население должно быть переправлено в советские районы⁶⁵⁴. В ОКВ высказывали намерение окружить Ленинград колючей проволокой с током и предложить американскому президенту Рузвельту обеспечить пропитание жителей осажденного города⁶⁵⁵. К счастью для солдат 18-й армии, сценарий, которого они больше всего боялись – непосредственный контакт с миллионами умирающих от голода людей – не осуществился. Осажденный город выказал готовность к сопротивлению и внутреннюю сплоченность. С другой стороны, кое у кого были, по всей видимости, и другие настроения: так, 18 февраля 1942 г. СД обращала внимание на то, что в Ленинграде нарастает озлобление против немцев в связи с тем, что «они не входят в город». Через месяц, 16 марта, описывая отношение гражданского населения к немецким войскам, служба безопасности подчеркивала, что оно характеризуется злобой к вермахту: «они сидят, сытые, в своих теплых бункерах, а мы тутдохнем от голода»⁶⁵⁶.

30 декабря 1941 г. наши войска взяли Тихвин, наземный путь до ближайшей железнодорожной станции сократился на 380 км; второе кольцо блокады 18-й армии установить не удалось, что спасло часть жизней блокадников, поскольку после того, как на Ладоге стал лед, продовольствие начали поставлять в город хотя бы в минимальных размерах. Самым страшным был период до создания «дороги жизни», на это время приходится большая часть погибших.

Что произошло бы в случае сдачи Ленинграда? Осуществились бы на деле гитлеровские планы уничтожения города? Примеры Варшавы и Киева говорят о том, что это вполне могло случиться.

Таким образом, на примере блокады Ленинграда и судьбы советских военнопленных видно, что на многие вопросы, связанные с ролью вермахта в организации террора и массовых убийств на Восточном фронте, нет однозначных ответов. В каждом отдельном случае нужно внимательное отношение к упомянутым инцидентам, а не огульное обвинение всего состава вермахта, который сам часто оказывался жертвой нацистской диктатуры и ее идеологов, а подчас и обстоятельств.

Еще в древности существовало право гражданских лиц покинуть осажденный город. В законах Талмуда, в XVII в. заимствованных одним из основоположников науки международного права Гуго Гроцием, сказано, что город не должен быть блокирован полностью — следует оставлять коридор для тех, кто хочет спастись. Этот принцип вспомнили в Нюрнберге, когда предъявляли обвинения немецким офицерам. Фельдмаршалу фон Леебу инкриминировали, что он (в соответствии с распоряжением ОКВ) в сентябре отдал распоряжение открывать артиллерийский огонь по городу. Однако количество боеприпасов, которыми располагала 18-я армия, осаждавшая Ленинград, позволяло обстреливать лишь самые важные цели. Поэтому приказ Гитлера о разрушении города можно было считать утопическим⁶⁵⁷.

Цель насильственного удержания мирных жителей в Ленинграде заключалась в том, чтобы усилить давление на людей, лишенных самого необходимого — прежде всего продовольствия. Именно на этом строил свою защиту фон Лееб, который утверждал, что отданный им приказ полностью согласуется с практикой ведения военных действий. На процессе по делу руководства вермахта в 1948 г. фон Лееб оправдывался тем, что в военной истории много примеров блокады — так, в Первую мировую войну весьма эффективной была континентальная блокада Германии английским флотом. Она имела следствием гибель от болезней, связанных с голодом, 300 тысяч гражданских лиц в Германии⁶⁵⁸. Но

обычно блокаду и осаду применяют для того, чтобы вызвать сдачу крепости, а не для осуществления геноцида, как это имело место в отношении Ленинграда. На обвинение в геноциде фон Лееб сказал: «Гитлер поставил нас, старших офицеров, в тяжелое положение, из которого не было выхода: следовать его приказам означало нарушать международное право. Не выполнить его приказ — значит попасть под обвинение в неповиновении перед лицом врага. Сделать что-либо большее — это мятеж»⁶⁵⁹. Аргументы фон Лееба убедили суд. Поскольку увеличение давления на Ленинград и в самом деле могло бы ускорить капитуляцию города с 200-тысячным гарнизоном и оборонными предприятиями, судьи признали, что фон Лееб не совершил военного преступления и не нарушил действовавших тогда законов войны⁶⁶⁰. Для сравнения — в окруженном сербами Сараево в 1992–1995 гг. (блокада Сараево продолжалась дольше, чем блокада Ленинграда) не было военных объектов и армии, а целью осады была этническая чистка, что международным судом было расценено как преступление.

В итоге следует констатировать, что преступная политика немецких военных имела место при блокаде Ленинграда, но сам приказ на ее осуществление исходил от верхов. Жестокость немцев стала неизбежным следствием задачи, которая перед ними была поставлена. Во время блокады речь шла не столько о военной операции, сколько о том, чтобы, щадя силы группы армий «Север», блокировать трехмиллионный город и уморить население голодом. Здесь речь шла скорее об осознанной идеологии геноцида, а не о средстве добиться определенной военной цели. Насколько это понимали солдаты 18-й армии, установить сложно. С одной стороны, солдаты были заняты своими боевыми задачами. С другой стороны, встречаются указания, что солдаты и офицеры 18-й армии подозревали о возможных попытках прорыва голодных людей из блокированного

города и не представляли себе, как их можно будет остановить: стрелять по безоружным детям, старикам и женщинам они не хотели. Впрочем, внутренняя организация города была столь жесткой, что ни о каких голодных бунтах и речи не было. В принципе, такую же судьбу Гитлер готовил и мирному населению Москвы и Сталинграда.

Вермахт, партизаны, гражданское население

«Нравственность развивается в истории и под влиянием исторических причин. Если она в данный момент такая-то и такая-то — то только потому, что условия, в которых живут люди, не позволяют, чтобы она была иной, и доказательством этому служит то, что она меняется вместе с изменением этих условий и только в этом случае».

*(Эмиль Дюркгейм)*⁶⁶¹

Вряд ли что-нибудь может быть более безответственным, чем натравливание населения на борьбу против вооруженных сил противника, так как при защите от подобных действий никак нельзя избежать жестокости, несправедливости и, как следствие, страданий ни в чем не повинных людей. Еще в феврале 1901 г. британский главнокомандующий лорд Робертс выражал свое неудовольствие командующему армией буров Луису Боте: «Я должен заявить, Ваша честь, что подобную тактику нельзя применять по отношению к регулярным войскам. Буры опустили до партизанской войны, и я вынужден прибегать к чрезвычайным мерам»⁶⁶². Под последними подразумевались репрессии по отношению к гражданскому населению и организация концлагерей. Это вызвало критику действий англичан. Разумеется, критика была справедливой, но она не учитывала всех обстоятельств, вынудивших англичан перейти к репрес-

сиям. Почти за сто лет до того, в годы антинаполеоновских войн, английский герцог Артур Веллингтон, свидетель партизанской войны в Испании, сказал: «Я всегда боялся революционизировать какую бы то ни было страну с политической целью. Я всегда говорил, что если они поднимутся сами — хорошо, но не подстрекайте их, ибо это возлагает на вас ужасную ответственность». В самом деле, начиная с XVII в. создавались законы и заключались соглашения по ведению боевых действий, но они не могли применяться к деятельности партизан, и на те правительства, которые сознательно организовывали и поддерживали эту страшную форму войны, ложится тяжелая ответственность.

Интересно отметить, что в Первую мировую войну значительного партизанского движения не было — за исключением бельгийской гражданской милиции (*Garde Civile*), участники которой носили на рукаве повязки и реже были униформированы. Но все семь немецких армий на Западе были подвержены параноидальному ожиданию нападения *franc-tireurs*. Среди немецких солдат распространялись рассказы о многочисленных убийствах, отравлениях и нападениях. Военный губернатор Бельгии генерал Кольмар фон дер Гольц уже в конце августа 1914 г. приказал безжалостно карать любые попытки партизанских действий. Только с 18 по 28 августа 1914 г. немецкие каратели убили свыше 6 тысяч гражданских лиц, заподозренных в партизанских действиях. В этой связи кайзер Вильгельм II публично жаловался, что бельгийская милиция ведет себя столь же нецивилизованно, как казаки⁶⁶³. Репрессивные меры, впрочем, оказались весьма эффективными, что было одной из причин повторения репрессивной практики во Вторую мировую войну.

Английский историк Джон Фуллер сетовал: «Союзники во время войны всячески поощряли любые движения сопротивления против немцев. Для этого они сбрасывали с самолетов сотни тонн оружия. Ясно, к

чему это могло привести. Немецких солдат убивали, в ответ следовали репрессии. Жестокость порождает жестокость, и суровость немецких репрессий объяснялась не тем, что немцы жестокий народ, а тем, что партизанские войны всегда жестоки»⁶⁶⁴. Командующий немецкими войсками в Италии фельдмаршал Кессельринг отмечал, что его личное знакомство с партизанской войной привело к выводу, что «это некая дегенеративная форма ведения боевых действий. Методы, которые в ней применяются, настолько многообразны, что рано или поздно они обязательно вступают в противоречие с нормами международного права и с математической точностью втягивают обе стороны в совершенно чудовищные преступления»⁶⁶⁵.

Такая диалектика взаимной жестокости имела место на оккупированных территориях Советского Союза. В СССР еще до войны готовили партизанскую войну. К тому же ситуация усугублялась тем, что в тылах вермахта оставалось много окруженцев. Их правовой статус был довольно сложным: могли ли нерегулярные части, даже если они имеют статус комбатантов, оперировать в тылах противника? Как верифицировать их статус комбатантов? Когда репрессии по отношению к таким действиям допустимы, а когда нет?

Вооруженных людей, продолжающих сопротивляться врагу, у нас в стране принято называть «партизанами». Слово «партизан» (от франц. *partisan*) впервые стали использовать во Франции во франко-прусскую войну 1870 г. — так называли добровольцев, продолжавших борьбу в тылу прусских войск; также их иногда называли франтирерами (от франц. *franc-tireur*, буквально — вольный стрелок). Термин «герилья» (от испанск. *guerrilla* — маленькая война) использовали для обозначения испанской народной войны против Наполеона в 1808 г. Это же слово применяют ныне для обозначения городской партизанской войны в неблагополучных с социальной или политической точки зрения рай-

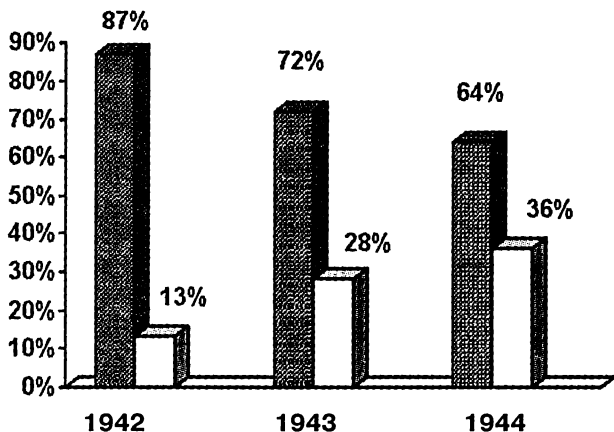
онах. Во Франции во Вторую мировую войну партизан называли «маки» (от корсиканского *maquis* — густой лес). Немцы для обозначения партизанского движения в годы войны на оккупированной территории СССР использовали термин «бандиты» (*Banditen*)⁶⁶⁶. В этом термине уже содержится политическая оценка такого рода активности. Интересно отметить, что сам Гитлер, работая в 1919—1921 гг. в пропагандистском отделе одной из армий рейхсвера, призывал немцев к сопротивлению оккупационным войскам, к партизанской войне, что противоречило Гаагской конвенции 1907 г.

Знаток партизанской войны в Греции Марк Мазовер указывал, что при анализе партизанской войны вообще очень трудно отделить политический аспект проблемы от военного. Чисто военными средствами партизанское движение чрезвычайно трудно ликвидировать — для этого более уместны политические средства⁶⁶⁷. Но в иных обстоятельствах они не действуют, и возникает трагическая безысходность...

После трагедии советского плена и блокады Ленинграда следующей по масштабам трагедией была партизанская война, вернее, ее жертвы. Только в Белоруссии в ходе борьбы оккупантов с партизанами было убито 345 тысяч человек, а на всей советской территории — около 500 тысяч. Подчас оккупантов не интересовало, действительно ли это партизаны, поскольку террор считался главным средством «воспитания» местного населения. Уже в сентябре 1941 г. Кейтель говорил, что за убийство немецкого солдата можно расстреливать 50—100 коммунистов. На самом деле, граница между обоснованными в военном отношении мерами безопасности и расово-биологическими «чистками» очень расплывчата. Немецкие потери в борьбе с партизанами оцениваются в 50 тысяч. Получается соотношение потерь 1:10; соотношение это верно не только для партизанской войны, но и для боевых действий на Восточном фронте⁶⁶⁸.

Со стороны вермахта подавление партизанского движения носило преступный характер, поскольку речь шла о сложно верифицируемых случаях участия в вооруженной борьбе или актах саботажа со стороны гражданского населения. Ханнесу Хееру, сотруднику Гамбургского института социальных исследований и организатору выставки фотодокументов преступлений вермахта, задавали вопрос: сколько солдат вермахта было вовлечено в эти преступления? Один из корреспондентов Хеера написал, что он родился в 1953 г. и не участвовал в войне, но на него произвели глубокое впечатление слова одного ветерана Восточного фронта об участии тыловых немецких частей в так называемой «борьбе с бандитизмом». Этот ветеран считал, что 80 % солдат были готовы выполнять любые приказы, менее 1 % отказывались убивать гражданских лиц, а остальные были просто «болотом»⁶⁶⁹. Такая схематизация поведения солдат — неоправданное упрощение, поскольку в каждом отдельном случае следует разбираться отдельно. Если Ханнес Хеер исходил из того, что 60–80 % немецких солдат на Восточном фронте были замешаны в военных преступлениях, то его преемник в руководстве выставкой Филипп Реемтсмаа считал, что их было 70 %. Напротив, сотрудник военно-исторического ведомства бундесвера в Потсдаме Рольф-Дитер Мюллер указывал, что не более 5 % солдат вермахта на Восточном фронте чем-либо себя запятнали. В самом деле, большая часть вермахта просто физически не могла быть замешанной в преступлениях против гражданского населения, поскольку, к примеру, в октябре 1943 г. из 2,6 миллиона немецких солдат на Восточном фронте 2 миллиона находились непосредственно на фронте, 500 тысяч — в армейских тылах (50–70 км), а за армейскими тылами — только 100 тысяч солдат. Для сравнения — если в американской армии соотношение между фронтовыми частями и обеспечением составляло 57 % к 43 %, то в вермахте — 85 % и 15 %⁶⁷⁰. В целом же чис-

ленность немецких войск на Восточном фронте наглядно представлена следующим графиком.

Здесь явно видно соотношение численности вермахта на Восточном фронте (заштрихованные колонки) и на прочих фронтах (белые колонки). См.: *Hartmann Chr. Verbrecherischer Krieg – verbrecherische Wehrmacht? Überlegungen zur Struktur des deutschen Ostheeres, 1941–1944 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2004. Н. 1. S. 4.*

На Восточном фронте квота выживания немецких солдат постоянно падала: если в 1941 г. среднестатистический рекрут мог рассчитывать на 2,5 года жизни, то в 1942 г. – на 1,7 года, в 1943 г. – на 1,2 года, в 1944 г. – на 0,8 года, а в 1945 г. – на 0,1 года. Разумеется, в первую очередь погибали не «стреляные воробьи», старые опытные фронтовики, а новобранцы. К примеру, 121-й пехотный полк сражался в 1943 г. в Крыму; потери были большие. Из Франции в полк поступило пополнение, среди которого был обер-ефрейтор Генрих Белль (впоследствии знаменитый немецкий писатель). 11 ноября 1943 г. Белль, который уже 4 года служил в армии, участвовал в боях на Керченском полуострове, 9 дней спустя был легко ранен, а затем через 12 дней тяжело ранен и пе-

ревезен в тыл. В мае 1944 г. он вернулся на Восточный фронт, но вскоре — 30 мая — получил осколочное ранение и снова попал в госпиталь⁶⁷¹. Этот пример показывает, как ограничено было участие отдельных солдат в войне — во времени и в пространстве. Когда им было совершать преступления?

Ульрих фон Хассель говорил, что, создавая документ об «особом» обращении с гражданским населением в Советском Союзе («приказ о комиссарах»), власти жертвуют честью немецкой армии⁶⁷². При этом, правда, встает вопрос, а как вообще нужно (можно) было бороться с большевизмом, который не признавал никаких правил игры? Как мог Гитлер воевать на Восточном фронте по-другому? Если эта война, по его мнению, была совершенно необходима... Ульрих фон Хассель и большинство его товарищей по Сопротивлению также были противниками большевизма, но они не принимали гитлеровских методов войны с ним. Но поскольку война все же началась, то представить себе, что одна сторона последовательно соблюдала бы правила, а другая так же последовательно бы их не соблюдала, — невозможно. Гитлер, по всей видимости, чувствовал это противоречие и соединил две главные идеи нацизма — антикоммунизм и антисемитизм — в одно целое: лозунгом войны на Востоке стала борьба с «еврейским большевизмом». В таком виде гитлеровская концепция войны и была навязана вермахту. Особенно актуальным это было по отношению к гражданскому населению и партизанам. Жесткие меры вермахта по отношению к партизанам были следствием гитлеровской концепции войны. Впрочем, и союзники сразу после вторжения в Германию планировали суровую политику по отношению к партизанам. Союзный главнокомандующий генерал Эйзенхауэр выпустил жесткое «Постановление № 1», направленное против возможной деятельности партизан в Германии⁶⁷³.

Если на Западе война велась обычными средствами и особых нарушений Гаагских соглашений не было, в

Польше велась расовая война без каких-либо правил, то в СССР Гитлер вел войну на уничтожение, у которой было три цели: завоевание жизненного пространства для последующей колонизации, ликвидация континентальной опоры Великобритании в лице СССР и уничтожение «еврейско-большевистской» системы. Гитлер мог бы инсценировать восточный поход как освободительный, но это для него значило бы изменить самому себе. Насилие в этой войне должно было играть мобилизующую роль; оно имело важную функцию в борьбе за цели, поставленные Гитлером.

30 марта 1941 г., в течение двух с половиной часов выступая перед 250 генералами, которым предстояло воевать на Востоке, Гитлер назвал большевизм «проявлением социальной преступности» и призвал офицеров не допускать никаких проявлений солдатского товарищества по отношению к врагу, поскольку необходимо уничтожить большевистских комиссаров и коммунистическую интеллигенцию. Генералы высказывали опасения относительно подрыва дисциплины в таких условиях, но их возражения оказались тщетными. Когда началась война в СССР, то Гитлер, учтя опыт польской кампании, приказал осуществить разделение функций армии и СС, что и было сделано: между Рейнхардом Гейдрихом (РСХА) и квартирмейстером ОКХ Эдуардом Вагнером было заключено соглашение о разграничении компетенций между армией и опергруппами полиции безопасности и СД⁶⁷⁴. В соглашении оговаривалось, что опергруппы будут выполнять специальное задание, а вермахт — предоставлять им необходимое материально-техническое обеспечение.

По всей видимости, это разделение задач привело к тому, что миллионы немецких солдат на Восточном фронте никогда не сталкивались с деятельностью опергрупп полиции безопасности и СД, уничтожавших советских и партийных активистов и евреев. После окончания войны многие из этих солдат были убеждены,

что нужно разделять «хороший» вермахт и «плохих» СС⁶⁷⁵. Поэтому жесткая критика вермахта за участие в злодеяниях часто наталкивалась на непонимание бывших солдат, которые, вероятно, на самом деле ничего об этом не знали. Огромное значение при этом имела и намеренная идеологизация войны на Восточном фронте. На Западе оценивали поведение солдат вермахта совершенно иначе. Так, 28 августа 1987 г. *The Times* опубликовала отклик немецкого полковника Ганса фон Люка: в 60-е гг. он был изумлен приемом, который ему оказали в английской академии Генштаба как «честному и храброму противнику», а русские, у которых он был в плену, считали его прислужником преступного режима⁶⁷⁶. Известный английский историк Лиддел Гарт даже критиковал Нюрнбергский процесс за несправедливость по отношению к вермахту: по его мнению, немецкая армия соблюла «кодекс приличия» вопреки постоянному давлению со стороны нацистов⁶⁷⁷.

С другой стороны, нельзя закрывать глаза на то, что есть ряд свидетельств добровольного участия солдат вермахта в «акциях» опергрупп полиции безопасности и СД. Это участие оправдывалось «приказом о комиссарах», по которому политических руководителей надлежало расстреливать на месте⁶⁷⁸. В войне на Восточном фронте солдаты вермахта, выполняя предписания нацистского руководства, проявляли бесчеловечность, которая абсолютно диссонировала с тем, как вел себя рейхсвер в Первую мировую войну или с тем, как вели себя немецкие солдаты на Западе⁶⁷⁹. Уже 3 июля 1941 г. начальник оперативного отдела ОКХ полковник Хойзингер (будущий руководитель бундесвера) отмечал, что планирование восточной кампании находится в полном противоречии с традицией европейского гуманизма Нового времени: немецкие войска на Востоке «ведут себя, как полчища Чингисхана»⁶⁸⁰. Это было вызвано расовыми взглядами Гитлера; в угоду этим взглядам насилие специально культивировалось в войсках, а не

появилось там спонтанно. Кайзеровский генерал Эрих фон Людендорф в мемуарах справедливо указывал на то, что в России в Первую мировую войну немецкие оккупационные власти вели себя исключительно лояльно по отношению к гражданскому населению. К примеру, на еврейский праздник в 1917 г. тыловые службы рейхсвера для выпечки мацы раздавали верующим евреям муку⁶⁸¹.

В отличие от Первой мировой войны, на востоке Европы, на Балканах, иногда в Италии вермахт свирепствовал, утратив всякие этические ориентиры. Это отношение солдат к населению оккупированных территорий породило соответствующее отношение к солдатам вермахта. Даже известный своими симпатиями к национал-социализму командующий 6-й армией генерал-фельдмаршал Рейхенау писал в памятной записке: «Последний русский крестьянин теперь понял, что немцы пришли в его страну не для того, чтобы освободить его от большевизма, — они преследуют свои собственные цели. Высказывания и действия руководящих работников рейха определенно показывают, что Украина для них — это колония, что интересы местного населения их совершенно не волнуют, что голодная смерть или гибель миллионов украинцев не имеют для немцев никакого значения. В связи с тем, что быстрого окончания восточного похода не предвидится, наше отношение к местному населению нуждается в пересмотре»⁶⁸². Гитлер, разумеется, игнорировал слова верного и лояльного ему генерала.

Уже в 1942 г. партизаны стали представлять для вермахта серьезную проблему. Если первоначально, как писал в отчете один из начальников полевой полиции вермахта (*geheime Feldpolizei*), «сельские жители видели в немецких солдатах освободителей от большевистского ига, ожидали от них ликвидации колхозов и справедливого раздела земли», то в дальнейшем «все сильнее стало замечаться известное изменение настроений». Эти

изменения произошли вследствие политики реквизиций. В отчете новые настроения крестьян характеризовались фразой «Сталин оставил в нашем хлеву, по крайней мере, одну корову, а немцы отняли и эту». Дружественно настроенные по отношению к немцам бургомистры говорили по поводу реквизиций: «Насильственно и незаконно отобранная у крестьянина корова означает лишние двух партизан в лесу». В этом же отчете говорилось, что особенно плохо дело обстоит с беженцами — они питаются хлебом, выпеченным из гнилой прошлогодней картошки, смешанной со мхом и мусором. Неудивительно, что много беженцев присоединяется к партизанам⁶⁸³. Полевая полиция вермахта была озабочена не только сменой настроений населения, но и местными методами ведения войны. В том же отчете отмечалось, что многие задержанные имели при себе яды, в том числе мышьяк, морфий, стрихнин; они были предназначены для отравления пищи и колодцев.

Сначала Гитлер был доволен началом партизанской войны: «Она дает возможность истреблять всех, кто будет против нас». СС были номинально ответственны за «порядок» на оккупированной территории, но по приказу ОКВ от 16 июля 1941 г. эти обязанности возлагались и на регулярную армию⁶⁸⁴. Действие репрессивных мер, однако, оказалось обратным — они вызвали рост партизанского движения. Неожиданно особое значение получил «национальный» характер борьбы, который Сталин стал ставить выше идеологических и партийных доктрин. Партизаны со временем начали наносить удары по немцам не ради пищи и добычи трофеев, а ради отмщения. По самым скромным оценкам, на оккупированной территории осталось не менее 250 тысяч вооруженных людей, бывших красноармейцев, так называемых «окруженцев», которых советские функционеры начали усиленно организовывать, снабжать и воодушевлять. Многие из этих людей стали опять ощущать себя солдатами, хотя, строго говоря, таковыми не были.

На пике завоеваний на Востоке немцы оккупировали территорию в 2,5 миллиона км² и должны были позаботиться не только о собственных коммуникациях и связи, но и о снабжении и безопасности крупных городов. В некоторых городах немцы были очень долго: так, Псков был захвачен вермахтом 9 июля 1941 г., а освобожден 23 июля 1944 г.; на территории Крыма немцы были с ноября 1941 г. по май 1944 г. Жизнь продолжалась и в войну, нужно было организовать управление захваченными территориями. Любопытно отметить, что командование вермахта, безусловно, было менее враждебно христианству, чем большевики, а может быть, нацистское руководство стремилось использовать Православную церковь в своих целях: в захваченных районах РСФСР оккупанты открыли 2150 храмов. Интересно, что в этих церквях служили и после 1945 г., до начала хрущевских гонений на церковь в начале 60-х гг.⁶⁸⁵

Занятые вермахтом советские районы были разделены на рейхскомиссариаты, генеральные округа, области, округа и уезды. По состоянию на 1 января 1941 г., население СССР составляло 195,4 миллиона (для сравнения — на 1 сентября 1939 г. население Германии, Австрии, протектората Богемии и Моравии составляло 80,6 миллиона человек). В оккупированных областях проживало не менее 60–65 миллионов советских граждан. Указом Гитлера на территории СССР были введены доселе невиданные территориально-административные единицы: округ Белосток (под управлением оберпрезидента Восточной Пруссии), дистрикт Галиция в составе Львовской, Дрогобычской, Станиславовской, Тернопольской областей (под управлением генерал-губернаторства), рейхскомиссариат Остланд в составе Литвы, Латвии, Эстонии и северной части Белоруссии под собственным управлением, рейхскомиссариат Украина в составе восточной части Украины, южной части Белоруссии и Крыма. На будущее планировалось создать еще два рейхскомиссариата: Кавказ и Москва.

В румынскую оккупационную зону вошли три «губернаторства»: Бессарабия, Северная Буковина и Трансильвания (Одесская область). Финляндия ограничилась созданием на отвоеванных территориях Военного управления восточной Карелии⁶⁸⁶. Сведения об административной структуре оккупированных районов важны, поскольку в разных административных районах управление осуществлялось автономно и по-разному: среди коллаборационистов встречались люди, которые сотрудничали с немцами отнюдь не из шкурных интересов; точно так же советские партизаны порой становились для мирного населения не меньшим бедствием, чем сами оккупанты.

Самой крупной территориальной единицей, созданной оккупантами, являлся административный округ. Так, были организованы Орловский и Брянский округа. В Орле, Брянске, Новгороде и Смоленске существовали городские управы, а в Пскове — уездная управа. Эти учреждения подчинялись местным комендатурам вермахта. Управы действовали под руководством «городского головы» или «обер-бургомистра»⁶⁸⁷.

Значительно лучше, чем в зоне действия гражданской администрации, где творили произвол опергруппы СД и полиции безопасности, было положение в зоне ответственности армии. Здесь власть принадлежала вермахту, командиры которого назначали старост, бургомистров и определяли порядок жизни местных жителей. Этот порядок мог быть порой и вполне сносным — так, Е. А. Скрыбина, дочь бывшего депутата Государственной Думы, 15 ноября 1942 г. отмечала в дневнике: «Большая часть населения Пятигорска «приняла» немецкую оккупацию. Произошло это потому, что немцы предоставили полную свободу частному предпринимательству. Процвечают не только частные предприятия, но и отдельные коммерсанты: они пекут пирожки и продают их на рынках, предлагают свою продукцию в ресторанах и кафе, работают официантами и поварами,

торгуют квасом и минеральной водой. Знающие немецкий язык работают в немецких учреждениях переводчиками и курьерами, за что в дополнение к зарплате получают еще и продовольственные пайки. В церквях идут службы, венчания и крещения. Приводятся в порядок церкви и цветники. Открыты театры. Они всегда переполнены, и билеты нужно заказывать за несколько дней до спектакля»⁶⁸⁸.

В сельской местности самым главным для нацистов было изъятие продовольствия, которое, как правило, сопровождалось насилием, хотя пропаганда требовала от местного населения «благодарности к немцам-освободителям» и «совместных жертв в борьбе против большевизма». Большая часть собранного хлеба и продовольствия отправлялась в Германию или использовалась вермахтом, и лишь небольшая доля выдавалась городским жителям, работавшим на немцев. При условии обязательной «продажи» крестьянами сельскохозяйственных продуктов, в 1942 г. оккупантами были установлены следующие расценки (за 1 кг): рожь и овес — 2,50 руб., пшеница — 3,40 руб., горох — 3 руб., картофель — 60 коп. Партизаны, впрочем, сообщали, что во многих областях деньги и боны вообще не выдавались — продукты просто конфисковывали. Если за корову оккупанты и платили, то эта сумма значительно отличалась от рыночной: например, тыловые службы вермахта выплачивали 400—500 руб., а на рынке она стоила 25 тысяч⁶⁸⁹. Чтобы представить себе масштабы цен, достаточно сказать, что буханка хлеба стоила до 300 руб., чай без сахара в столовой — 2 руб., первое блюдо с мясом — 12 руб.

Большинство городских жителей вынуждены были искать продовольствие в деревнях, выменивать его на одежду и промтовары, но делать это было сложно и опасно. Немцы под угрозой строгих репрессий запрещали крестьянам обменивать или продавать продукты, так как продовольственные излишки требовалось сдавать. Горожан, не имевших пропусков для перемеще-

ния между населенными пунктами, арестовывали как партизан и расстреливали⁶⁹⁰. В оккупированных областях немцы ввели карточную систему снабжения, но нормы не обеспечивали нормального питания. К тому же и по установленным скудным нормам продовольствие выдавалось не полностью и не всем. Лишались права на получение продовольственных карточек лица, не зарегистрированные на бирже труда, семьи коммунистов, семьи военнослужащих Красной армии, евреи. Во многих оккупированных районах продукты выдавались только работающим на предприятиях или в органах администрации.

Для предотвращения беспорядков и голодных волнений прибегали к жестким мерам: например, город Орел в радиусе 20 км от городского центра был обнесен забором с колючей проволокой, и всякий человек, который хотел войти в город или выйти из него, подвергался тщательной проверке. Для обеспечения безопасности на оккупированной территории СССР вермахт держал 9 дивизий, в распоряжении которых было 7 батальонов моторизованной полиции старших призывных возрастов: всего около 110 тысяч солдат, которые не могли гарантировать порядка и стабильности на огромной территории⁶⁹¹. 23 июля 1941 г. Альфред Йодль по поручению Гитлера издал приказ: «Ввиду огромных размеров оккупированной на Востоке территории, безопасность можно обеспечить только в том случае, если оккупационные власти, наряду с прямыми карательными мерами против любого проявления сопротивления, будут широко использовать террор... Ответственные лица должны искать средства для поддержания порядка, не требуя новых подразделений сил безопасности, но применяя драконовские меры»⁶⁹².

Правда, партизанское движение не было равномерно распространено по всей оккупированной территории: оно было возможно только при определенных географических условиях — в степи партизанить невозмож-

но... Кавказ и Крым идеально подходили для организации партизанского движения, но тамошнее население относилось к советской власти плохо, к немцам же — в большинстве случаев нейтрально. К тому же оккупационная политика на Северном Кавказе и в казачьих областях Дона, Кубани и Терека, где действовали войска Эвальда фон Клейста, была менее жесткой. Фельдмаршал фон Клейст требовал обращаться с местным населением, как с «союзниками». 8 сентября 1942 г. Гитлер подписал директиву, которая предоставляла командованию группы армий «А» (на Восточном фронте) все полномочия в вопросах создания на Кавказе как марионеточных, так и самостоятельных государств. Там в лексикон оккупационных властей ввели такие понятия, как «свобода, независимость, совместный труд»; запрещались принудительные работы, деревенских старост выбирали, а не назначали⁶⁹³.

Таким образом, для ведения партизанской войны оставались только районы Припятских болот, леса между Минском и Смоленском и район Валдая юго-восточнее Ленинграда. Фактически партизанская зона охватывала треть территории СССР, оккупированной немцами. Вряд ли партизаны серьезно повлияли на развитие военной обстановки, зато они вбили клин между оккупантами и мирными жителями и способствовали радикализации войны. С другой стороны, оспаривать влияние партизанских действий на перебои в снабжении немецких фронтовых частей не приходится. Английский историк Джон Фуллер справедливо сравнивал роль партизан на огромных просторах оккупированной части Советского Союза с ролью немецких подлодок в Атлантике, приносивших большие неприятности союзникам⁶⁹⁴. И в первом и во втором случае правила и обычаи войны почти полностью игнорировались.

Немцы так и не сумели установить эффективный контроль над оккупированными территориями. В иде-

але для этого требовалось около 450 тысяч полицейских, но далеко не везде находилось достаточно желающих. Немецкие же гарнизоны имелись только в райцентрах и на важных железнодорожных станциях. Да и состояли они из охранных и полицейских подразделений и лишь в редких случаях — из боевых частей вермахта или Ваффен-СС. В подавляющем же большинстве деревень и поселков находились только немногочисленные отряды местной полиции или самообороны, которые не могли противостоять крупным партизанским отрядам и либо переходили на их сторону, либо подвергались уничтожению, либо бежали в райцентры под немецкую защиту. Такая обстановка сохранялась на большей части территории Белоруссии, в ряде оккупированных областей России, в украинском Полесье и на Западной Украине⁶⁹⁵. Часто это приводило к жестокому обращению с гражданским населением — 22 марта 1943 г. белорусская деревня Хатынь (в 60 км северо-восточнее Минска) была уничтожена «батальоном (позже — бригадой) Дирлевангера», состоявшим из украинских, белорусских, венгерских и литовских коллаборационистов. Эта бригада уничтожила в Белоруссии в общей сложности около 200 деревень и убила 120 тысяч человек⁶⁹⁶. Таким образом, печально известную Хатынь, где в 1970 г. был открыт мемориальный архитектурно-скульптурный комплекс, сожгли не эсэсовцы, а украинские и прочие полицаи.

Капитан Вольфрам Фидлер, переведенный под Могилев для борьбы с партизанами, отмечал в письме от 17 сентября 1943 г.: «Борьба с партизанами не похожа на борьбу во фронтовых условиях. Они всюду и нигде, и на фронте трудно создать себе верное представление о здешних условиях. Взрывы на железной дороге, диверсионные акты на предприятиях, грабежи и т. д. не сходят с повестки дня. К этому уже привыкли и не видят в этом ничего трагического. Партизаны все более наглейют, так как у нас, к сожалению, нет достаточного

количества охранных войск, чтобы действовать решительно... На широких просторах, имея собственное правительство и управление, господствуют партизаны. Можно только удивляться тому, как, вопреки существующим препятствиям, мы довольно сносно обеспечиваем снабжение фронта»⁶⁹⁷. Для обеспечения порядка оккупационные власти практиковали не только репрессии, как в первые два года войны, когда пленных партизан, как правило, после короткого допроса расстреливали на месте. 5 октября 1943 г. был издан приказ «Обращение с пойманными бандитами», в соответствии с которым пленных партизан и перебежчиков отныне следовало привлекать в ряды коллаборационистов. Партизанский командир Аркадий Яковлевич Марченко в политдонесении от 1 июля 1943 г. сообщал: «Вместо расстрела, захваченного и перешедшего на их сторону партизана гитлеровцы зачисляют в полицейские, дают паек на семью, на 2—3 семьи даже дают корову»⁶⁹⁸.

Отдельные войсковые командиры также обращали внимание на необходимость умеренной политической линии по отношению к местному населению. Так, в учебной брошюре штаба 3-й танковой армии «Политические задачи немецкого солдата в России» (издание 1943 г.) отмечалось: «Все немецкие солдаты и в первую очередь офицеры должны проникнуться чувством глубокой ответственности за правильное обращение с русским населением». В той же брошюре приводился психологический портрет русского народа, который был довольно близок к действительности: «Насколько чужда стала Европа России за 25 лет, ясно увидел немецкий солдат, но вместе с тем он увидел, что русского человека вполне можно вернуть в Европу». Автор брошюры писал: «...при характеристике русских нельзя поддаваться первому впечатлению — их внешний вид, их образ жизни следует отнести на счет систематической пролетаризации масс. 25 лет в СССР не производили необходимые предметы потребления, так как все

хозяйственные силы были мобилизованы на вооружение. Поэтому вполне понятно, что внешность русских говорит о крайней бедности и нищете... Из истории русские хорошо знают, что культура и цивилизация пришли в Россию с Запада. Грубое и бестактное обращение, рассматриваемое в России как некультурность, наводит русских на мысль, что так принято вести себя в Европе, это подрывает веру русских в немецкого солдата⁶⁹⁹.

Важно иметь в виду, что бытовала и такая логика: гражданская война и коллективизация проводились террористическими методами, поэтому Гитлер и военные решили не придерживаться Гаагских соглашений в войне с террористами. В этой связи генерал-фельдмаршал Эрих фон Манштейн указывал: «Невозможно вести войну на Востоке в обычных формах. Война идет не только на фронте — в тылу на немецких солдат нападают гражданские лица с оружием в руках. Еврейство составляет посредническое звено между врагом в нашем тылу и Красной армией. Еврейство гораздо крепче держит бразды правления в СССР, чем на Западе, поэтому еврейско-большевистская система в СССР должна быть уничтожена навсегда. Она никогда в будущем не должна угрожать Европе»⁷⁰⁰. Еще жестче высказывался генерал Рейхенау: «Солдат вермахта на Востоке должен быть не обычным солдатом, как на Западе, но носителем национальной почвеннической идеологии и мстителем за все ужасы и страдания, причиненные большевизмом. Поэтому наши солдаты на Востоке должны проявлять понимание по отношению к тем жестоким, но справедливым мерам по отношению к еврейским недочеловекам. Эти меры имеют целью предотвратить восстания в тылу вермахта, инициаторами которых являются исключительно евреи»⁷⁰¹. Кроме подобных оправданий террора, в каждом отдельном случае для оправдания массовых расстрелов находили обязательно и какие-либо конкретные причины — саботаж, поджоги,

убийства партизанами немецких солдат. Иногда партизаны вклинивались между двух отрядов вермахта и, стреляя в обоих направлениях, принуждали немцев палить друг в друга и убивать своих, что вызывало у солдат сильнейшее озлобление.

Этим озлоблением и воспользовался начальник ОКВ Кейтель, который в своем приказе от 16 декабря 1942 г. писал: «Фюрер получил донесение, что некоторые солдаты, принимавшие участие в действиях против партизанских банд, привлекаются к ответственности за «недостойное поведение в бою». Фюрер считает, что враг посылает в партизаны хорошо в военном отношении подготовленных, фанатичных коммунистов, которые не остановятся ни перед чем и будут творить любые акты насилия... Поэтому войска имеют право и должны без всяких колебаний применять в этой войне любые ведущие к успеху средства даже против женщин и детей. Любые сомнения являются преступлением перед немецким народом и солдатами, которые воюют на фронте»⁷⁰². Кейтель приказал сжигать все деревни, в которых были найдены партизаны, и без суда расстреливать всех, кто заподозрен в сопротивлении немецким войскам. От ОКВ также исходил приказ о расстреле от 50 до 100 заложников за убийство одного немецкого солдата.

Немецкий ветеран Ги Сайер вспоминал, что во время отступления с Украины немецкая армия становилась все менее подвижной — машины приходилось бросать из-за отсутствия бензина, из-за поломок, из-за непролазной грязи. Он писал: «Постепенно мы бросали их (автомшины. — *О. П.*) и передвигались верхом или на велосипедах, шины которых приходилось набивать травой. Лошадей и велосипеды мы отбирали у тысяч беженцев — у украинцев, цыган, польских переселенцев. Иногда среди них были и партизаны, прикидывавшиеся крестьянами. Но в какие-то моменты они стреляли в спину немецким солдатам. Предполагалось,

что мы потеряем самоконтроль и будем мстить беженцам, а те, в свою очередь, перейдут на сторону наших противников. С точки зрения врага, цель оправдывала средства»⁷⁰³. Когда Ги Сайер и его товарищи по дивизии «Великая Германия», эвакуировавшись из Мемеля в марте 1945 г., добрались до Дании, они так оголодали, что, имея в руках оружие, просили у датчан милостыню...⁷⁰⁴ Понятно, как в подобной ситуации они вели бы себя на Восточном фронте.

Иными словами, желающие найти оправдание своему бездействию перед лицом беспредельного эсэсовского террора на Востоке, как правило, без труда его находили... Для иных немецких генералов не осталось незамеченным, насколько быстро в их войсках стали распространяться низменные бандитские инстинкты. Впрочем, это относится не только к Восточному фронту: там, где начиналась партизанская война, там начинало расти и взаимное ожесточение. Так было и на Балканах — только в Сербии с сентября 1941 г. по февраль 1942 г. в процессе борьбы с партизанами солдаты вермахта расстреляли 20 тысяч заложников⁷⁰⁵. При этом следует помнить, что в вермахте не существовало какой-либо одной инстанции, которая отвечала за борьбу против партизан, поэтому в эту «грязную войну» по необходимости были втянуты все.

Известный и уважаемый в ФРГ юрист профессор Рейнхард Маурах на процессе по делу ОКВ составил для защиты акт экспертизы о юридическом характере и нюансах взаимоотношений СССР и Третьего Рейха. В этом документе он делал упор на то, что во время восточной кампании вермахт не был связан Гаагскими соглашениями о правилах ведения войны, поскольку Советский Союз их не подписал. Еще Маурах указывал на то, что и соглашения о правилах ведения войны, которые подписала еще Российская империя, также не были в силе, поскольку Советский Союз вообще не признавал никаких международных прав, рассматривая себя

как мировоззренческое государство, стоящее выше всякого права. Что касается гражданского населения, то, по мнению Маураха, оно и при советской власти никакими правами на независимое судебное разбирательство не располагало и систематически подвергалось как полицейским, так и судебным преследованиям⁷⁰⁶. Кроме того, вплоть до Женевских соглашений 1949 г. не было зафиксировано никаких правил обращения с партизанами. Правом на процесс обладал только шпион — его нельзя было наказать без разбирательства военного суда.

Будучи царством бесправия, под свои преступления Третий Рейх подводил юридическую базу. Солдаты на Восточном фронте не были преступниками, поэтому для выполнения преступных приказов они должны были иметь юридически обоснованный приказ. Этот приказ и был оформлен в форме «Указа о правосудии в сфере действия плана Барбаросса» (*Gerichtsbarkeiterlass Barbarossa*). Он утверждал необходимость преследования враждебных гражданских лиц немецкими солдатами, — так же, как «приказ о комиссарах» утверждал необходимость уничтожения советских и партийных работников. Отношение к этому указу демонстрирует удивительную моральную индифферентность в среде высших военных юристов: один из составителей указа, руководитель юридического отдела ОКХ Рудольф Леманн, будучи судьей по делу Фрича, имевшему яркую политическую окраску, вынес ему оправдательный приговор. И тот же Леманн не усмотрел в упомянутом указе ничего противоречащего прусской военной традиции...⁷⁰⁷

Часто под предлогом борьбы с партизанами в преступления СС впутывали солдат, у которых партизаны вызывали реакцию раздражения и желания мести: кровавая партизанская война в Югославии служит, кажется, убедительным доказательством преступлений вермахта, но на поверку оказывается, что там партизаны

убили гражданских лиц гораздо больше, чем немцы-окупанты.

Как только основные немецкие силы покинули Балканы, там начали возникать различные подпольные организации. Сначала во главе этих организаций находились лица, назначенные эмигрантскими правительствами. В Сербии это был Драга Михайлович, который по поручению короля Петра выполнял обязанности военного министра; возглавляемые им «четники» давали клятву, что не будут стричь волосы и брить бороды, пока их родина не станет свободной. В Греции схожую организацию – ЭДЕС (Национально-демократическая партия Греции) – возглавил генерал Наполеон Зеврас. Неожиданно преимущественное положение в Сопротивлении на Балканах получили коммунисты, до войны не представлявшие собой серьезной силы. Искусно пользуясь патриотическими лозунгами, они внушили соотечественникам идею об освободительной миссии Советского Союза и о завоевании пролетариатом мирового господства. Яркие выраженные сословные различия на Балканах явились для такой агитации весьма благоприятной почвой. Кроме того, большое значение имели и личные качества организатора и руководителя югославских коммунистов Иосипа Броз Тито, возглавившего отряды партизан, ориентировавшихся на СССР. Менее удачливым был организатор греческого коммунистического партизанского движения ЭЛАС (Народно-освободительная армия Греции) генерал Закариадис.

Партизанское движение на Балканах имело стародавнюю традицию и устойчивые формы. Отряды партизан базировались, как правило, в труднодоступной горной местности или в лесах. Они почти никогда не принимали открытого боя, но действовали из засад или минировали дороги. Как можно было немецким частям защититься от такой угрозы, как поддерживать порядок? Перед командованием немецких войск, находившимся в Салониках, и подчиненными ему начальника-

ми военной администрации в Белграде стояла невыполнимая задача: сохранить жизнь вверенных им солдат, а также жизнь и имущество гражданского населения. Просьбы об увеличении воинского контингента оставались без ответа (в связи с огромной потребностью в войсках на Восточном фронте). Не помогали и репрессии, которые приводили к обратным результатам: за два года партизанская армия Тито выросла до 300 тысяч человек. Англичане, американцы и чуть позже Сталин обеспечивали партизанам поставки оружия.

В вопросах о целях и методах войны ни среди партизан, ни среди оккупантов не было единства. Партизаны нередко боролись друг против друга. В Греции ЭДЕС боролась против ЭЛАС, в Югославии – Михайлович против Тито, а Недич, поставленный немцами во главе сербского правительства, действовал и против тех и против других. Итальянцы устраивали стычки с немцами, дипломаты боролись против генералов, полиция – против военных. Оккупанты, действуя в соответствии с полученными директивами, часто мешали друг другу в выполнении боевых задач. Это был дьявольский котел, в котором кипели раздор и интриги, обусловленные отсутствием четкой политической концепции, в котором за все приходилось расплачиваться местным жителям.

Впрочем, весной 1943 г. генерал-полковник Александр Лер, бывший в то время немецким командующим на Балканах, в результате тщательно организованной и проведенной облавы на партизан, к которой были привлечены все имеющиеся в его распоряжении силы, уничтожил на оккупированной Германией и Болгарией территории почти все партизанские отряды⁷⁰⁸.

В Югославии простые сербы поначалу не делали особых различий между «четниками» Драги Михайловича и партизанами Иосипа Броз Тито. Тогда коммунистическое югославское Сопротивление намеренно стало провоцировать немецкие власти убийствами солдат вермахта, а за каждого убитого солдата немцы уби-

вали по 100 заложников. В результате Тито быстро достиг своей цели, а «четники», сотрудничавшие с вермахтом, оказались в невыгодной позиции. При этом нацистская идеология в мотивации и эскалации убийств на Балканах играла подчас незначительную роль. Жестокое поведение солдат или кровожадные настроения и реакции немецкой общественности на известия о действиях партизан нельзя рассматривать только как злодеяния — это вполне объяснимая человеческая реакция: например, после бомбардировки Перл-Харбора 10 % американцев требовало уничтожения всей японской нации⁷⁰⁹. Это не значит, что в Америке так много злодеев, но это свидетельствует об эпизодическом психическом ожесточении или о вербальной агрессивности.

Можно даже сказать, что партизанская война в громадной степени способствовала нацификации вермахта⁷¹⁰. В этой связи любопытно отметить, что немецкий историк Эрих Нольте главную ответственность за преступления вермахта и Третьего Рейха перекладывал на большевиков: «Может быть, нацисты прибегали к “азиатским злодеяниям” лишь потому, что считали себя и себе подобных потенциальными или реальными жертвами таких же “азиатских злодеяний”, осуществляемых другими? Разве большевистские убийства из классовых соображений не были логическим и фактическим прологом убийств из расовых соображений?»⁷¹¹ Избранный Нольте способ интерпретации нацизма был справедливо воспринят немецкой общественностью как попытка оправдать нацизм, но считать, что в нем нет доли истины, было бы неправильно. Что же тогда говорить об оценках фронтовиков или немецкой общественности того времени, которые во время войны находились и под прессом действительности и под прессом пропаганды?

Некоторые командиры вермахта уже в 1941 г. действовали, как настоящие нацистские политруки — это

относится, прежде всего, к фельдмаршалу Вальтеру фон Рейхенау (командующий 6-й армией): в октябре 1941 г. в приказе по армии он указывал, что целью восточного похода является «полное уничтожение еврейско-большевистской системы и полное прекращение ее влияния на европейскую культуру». Поэтому солдаты должны сочувственно относиться к «праведному делу искоренения всякого еврейского влияния на Востоке». Сам Гитлер оценил этот приказ как «образцовый». По рекомендации военного руководства некоторые командующие армиями также выпустили подобные приказы: генерал-полковник Эрнст Буш (16-я армия), Эрих фон Манштейн (11-я армия), Герман Гот (17-я армия). В этих приказах солдат призывали «быть сознательными борцами за расовые ценности». И нацисты использовали армию для реализации своих целей, и армия часто была активной помощницей в претворении в жизнь их чудовищных планов. Именно по причине плотной идеологической обработки на глазах у армии и без всякой реакции с ее стороны до середины 1942 г. эсэсовцами проводились массовые расстрелы советских активистов и евреев. С другой стороны, следует помнить, что были генералы, которые своей властью отменяли в своих частях «приказ о комиссарах».

За месяц до издания «приказа о комиссарах», 14 мая 1941 г. ОКВ переслало штабам сухопутных войск, Люфтваффе и Кригсмарине «Указ о правосудии в сфере действия плана “Барбаросса”». Военные юристы постарались придать документу приемлемую форму, но он выходил за рамки обычной практики военных судов. Военные суды получали обширные полномочия по отношению к гражданским лицам на оккупированной территории. Партизан надлежало расстреливать на месте, подозрительных лиц можно было расстреливать по приказу офицера и без суда; в той местности, где представители вермахта подвергались нападениям партизан, разрешались коллективные акции возмездия. К солда-

там, проявившим жестокость по отношению к противнику, не рекомендовалось применять мер воздействия⁷¹². Без сомнения, речь шла о стремлении открыть двери террору. Браухич сразу почувствовал «террористический» потенциал этого приказа и попытался его смягчить, но безуспешно.

К легко объяснимому поводу необходимости борьбы с партизанами нацистское руководство часто приписывало иные цели. К примеру, то, что в вермахте называлось «борьбой с партизанами», для жителей района Припятских болот означало массовые убийства, особенно еврейского населения. Руководство опергрупп полиции безопасности и СД в своих отчетах приводило число убитых евреев и партизан — по отдельности. Поэтому «противопартизанские акции» были не столько прикрытием убийства евреев, но скорее рамками, в которых эти убийства осуществлялись. Такая же практика имела место и на Балканах; так, в Сербии вермахт расстреливал заложников в качестве возмездия за действия партизан — при этом жертвами, как правило, становились коммунисты и евреи⁷¹³. При этом следует помнить, что партизанская война на Западе в корне отличалась от партизанской войны на Востоке: если в Греции, Франции, Италии и Норвегии дело только иногда доходило до расправ над гражданским населением, то на Востоке «в районах действий банд» расправы над гражданским населением носили систематический характер.

«Борьбой с партизанами», — а также со шпионами, — на оккупированной территории Советского Союза опергруппы полиции безопасности и СД оправдывали, например, и убийства цыган (женщин, детей, мужчин — без разбора), поскольку определенного места жительства цыгане не имели. Впрочем, большинство крымских цыган проживало оседло, но это их не спасло... Руководство опергруппы «D» полиции безопасности и СД докладывало, что с 16 ноября по 15 декабря 1941 г.

было уничтожено 834 цыгана⁷¹⁴. На необходимость убийства цыган прямо указывал приказ Гейдриха от 2 июля, в соответствии с которым расстрелу на Востоке подлежали функционеры коммунистической партии, евреи, цыгане, а также все подозрительные личности. Положение цыган не изменилось к лучшему, когда вермахт передал власть гражданской нацистской администрации — убийства цыган продолжались. В конечном счете, 15 ноября 1943 г. вышел приказ министерства восточных территорий, который приравнивал цыган к евреям. В Югославии немецкие оккупационные власти, в том числе и военные, брали евреев и цыган в заложники и расстреливали в соотношении 100 к одному убитому партизанами немецкому солдату⁷¹⁵.

Время от времени офицеры вермахта протестовали против преступной войны. Так, в августе 1941 г. подполковник Генштаба Хельмут Гросскурт узнал, что в Белой Церкви (на Украине) под охраной опергруппы полиции безопасности и СД без питания и воды находятся девяносто еврейских детей, родители которых были убиты эсэсовцами. Начальник зондеркоманды 4а штандартенфюрер СС Пауль Блобель сказал Гросскурту, что все они будут уничтожены. Чтобы воспрепятствовать убийству детей, Гросскурт обратился к командующему 6-й армией генерал-фельдмаршалу Вальтеру фон Рейхенау. Через 24 часа после этого Гросскурта известили, что генерал-фельдмаршал все знает, и что расстрел детей состоится с его ведома и согласия. Детей расстреляли. После поездки на Восточный фронт майор Генштаба Рудольф-Кристоф фон Герсдорф отмечал в дневнике, что среди офицеров царит единодушное отвращение к расстрелам комиссаров и евреев. Но единодушное отвращение не смогло предотвратить этих расстрелов...⁷¹⁶

По советским данным, на территории нашей страны партизаны уничтожили 1,5 миллиона немецких оккупантов и их пособников. В 1946 г. в Нюрнберге Альф-

ред Йодль сказал, что максимальное число немецких солдат, погибших от партизанских действий, составляет 50 тысяч человек. Часто значительно завышается численность партизанских соединений: так, всегда считалось, что в Италии действовало около 400 тысяч партизан, но последние исследования показали, что их было максимум 100 тысяч. Английский историк Майкл Купер пришел к выводу, что вследствие колоссальной разницы в оценках эффективности и масштабов партизанской войны, последнюю следует считать «иллюзорной войной» (*phantom war*), обладавшей кажущимися огромными масштабами, но на деле не имевшей серьезной материальной базы и четкой организации⁷¹⁷. Что же, значит, правы те авторы, которые утверждают, что в партизанской войне речь идет об убийстве гражданского населения под мотивированным предлогом? О своего рода тренировке стрельбы по живым мишеням? Разумеется, нет: пусть даже это была «иллюзорная война», но никто не смеет утверждать, что ее не было. Более точное описание этой войны, к сожалению, невозможно из-за отсутствия документов.

Если рассматривать число погибших партизан, то в Белоруссии их было 25 тысяч; немецкие потери в партизанской войне в целом оцениваются в 35 тысяч. Половина из этого числа приходится на различные вспомогательные подразделения вермахта; значительная часть погибла в железнодорожных катастрофах или подорвалась на минах. Сколько гражданских лиц было убито в СССР вследствие партизанской войны, полностью установить невозможно, но, видимо, гражданских лиц погибло больше, чем собственно партизан. Например, в Греции вследствие актов возмездия за действия партизан погибла 21 000 человек; 9000 человек погибло в Италии, 40 тысяч — в Болгарии⁷¹⁸.

Современная немецкая общественность до сих пор весьма болезненно воспринимает проблему вины вермахта. Об этом свидетельствует реакция на выставку,

подготовленную в 1995 г. сотрудником Гамбургского института социальных исследований Ханнесом Хеером. В Германии и Австрии эту выставку посетило до миллиона человек. Тематически она опиралась на три сюжета — первые девять месяцев немецкой оккупации Сербии, наступление 6-й армии на Сталинград и поведение немецких войск в Белоруссии за три года оккупации. Представленные фотоматериалы потрясли людей: они считали, что преступления совершали только СС, вермахт же был замешан в небольших и незначительных эпизодах.

Однако впоследствии оказалось, что некоторые фотодокументы сфальсифицированы. В 1999 г. польско-немецкий историк Богдан Мусял (в прошлом — активист «Солидарности») выступил в журнале «Шпигель» с утверждением, что на ряде снимков изображены жертвы НКВД, а не вермахта. Венгерский историк Кристиан Унгвари опознал на некоторых снимках венгерские и финские (а не немецкие) мундиры. Директор гамбургского Института социальных исследований меценат и ученый-социолог Ян Филипп Реемтсмаа возложил ответственность за неточности на руководителя выставки историка Хеера. Выставку за два года переработали и вновь открыли, но акцент сделали уже не на солдатах, а на руководстве вермахтом, — это кажется более справедливым, поскольку солдаты обязаны были подчиняться приказам, и свобода действий у них была весьма узкая.

Но все же огромный интерес представляет собой вопрос, в какой мере участвовали в преступлениях рядовые солдаты вермахта? В свое время Хеер указывал, что от 60 до 80 % преступлений против местного населения на Востоке связано с вермахтом. Новый директор выставки Ульрика Юрайт квалифицировала это суждение как «чисто умозрительную оценку». Устроители новой выставки обратили особое внимание на 707-ю пехотную дивизию: во время своего нахождения в Белорус-

сии (в 1941–1942 гг.) именно она была своего рода связующим звеном между вермахтом и опергруппами полиции безопасности и СД и принимала участие в расстрелах евреев⁷¹⁹.

Командир этой дивизии был отъявленным антисемитом. Он несет значительную часть ответственности за необычную для вермахта инициативность дивизии в деле массового убийства евреев. Более о генерале ничего не известно — до недавнего времени ничего не было известно даже о том, кто командовал полками дивизии. Потом историкам стали доступны дневниковые записи и письма полковника Карла фон Андриана, который командовал 747-м пехотным полком дивизии; комментарии к этим дневникам были опубликованы в немецком историческом журнале «Ежеквартальник новейшей истории» (сам Андриан умер в Мюнхене в 1977 г. в возрасте 91 года).

В военном отношении 707-я дивизия была одной из наименее ценных. 1 мая 1941 г. она квалифицировалась как «дивизия 15-й волны» (первые волны призыва — наиболее пригодные солдаты) и была предназначена для несения оккупационной и комендантской службы. Такие дивизии не располагали тяжелыми орудиями или танками. Вместо обычных трех пехотных полков, в дивизии было два полка, а вместо арtpолка — небольшое артиллерийское подразделение. 747-й полк насчитывал только 2100 солдат (обычный пехотный полк насчитывал более 3000 солдат)⁷²⁰. Летом 1942 г. 747-й полк поступил в распоряжение тылового коменданта 2-й танковой армии и дислоцировался в районе Брянска. Андриан был недоволен тем, что попал в столь слабую воинскую часть: он мечтал о другом, о службе в войсках первой волны, о славе; своих товарищей по полку он презирал, и они это чувствовали.

5 декабря 1941 г. имел место единственный доказанный случай массового расстрела евреев солдатами 747-го полка (в знак возмездия за убитых партизанами троих

солдат). Сколько евреев было убито, точно установить не удалось; по всей видимости, несколько сотен. Интересно отметить, что Андриан, несмотря на свой антисемитизм, признавал «законными» убийства евреев, только если они были «врагами рейха». То, что эсэсовцы хватали людей прямо на улице и расстреливали, он считал недопустимым. Такое отношение к убийствам евреев было типичным для офицеров вермахта⁷²¹. Хотя Андриан был вторым по званию офицером в рейхскомиссариате Белоруссия, никакой служебной информацией о массовых убийствах евреев он сначала не располагал, о расстрелах евреев в Минске он узнал от своих подчиненных; позже он сам стал свидетелем таких акций.

С августа 1941 г. по февраль 1942 г. 707-я дивизия контролировала район в 30 тысяч км², что равно территории Бельгии. 2 тысячи немецких солдат на таком огромном пространстве ничего не могли поделать с партизанами, которые по большей части совершенно свободно перемещались по своим маршрутам, не сталкиваясь с немцами. Осенью 1941 г. партизан в Белоруссии было гораздо больше, чем солдат вермахта. Командование 707-й дивизии знало одно наказание для любых преступлений — расстрел; оно настаивало, чтобы солдаты отбирали у местных жителей продукты⁷²². Напротив, командующий тылом группы армий «Центр» генерал Макс фон Шенкендорф был сторонником умеренной оккупационной политики: он стремился привлечь население к сотрудничеству.

У соседей 707-й дивизии, 339-й пехотной дивизии вермахта, с июня 1942 г. действовал приказ обращаться со всеми партизанами и их пособниками как с военнопленными. Этот приказ находился в полном противоречии со всеми распоряжениями сверху, что указывало на то, что на огромных просторах Востока у отдельных подразделений была довольно большая степень автономии и самостоятельности. Впрочем, 1 июля 1943 г. вышел приказ ОКХ обращаться с партизанами как с

военнопленными и отправлять их на работы в рейх. Расстрелы следовало практиковать только в исключительных случаях⁷²³.

Как видно из вышеизложенного, однозначно констатировать жестокое обращение немцев с местным населением, а также оценить причины жестокости солдат вермахта (когда они были) или руководства оккупационными войсками по отношению к советским людям, — а тем более выявить какую-то одну линию поведения вермахта, — сложно. Типы поведения были разные, ибо очень многое зависело от конкретных командиров и поведения личного состава отдельных подразделений вермахта. На упомянутой выше выставке в разделе «Рамки свободного волеизъявления» рассматривается пример трех командиров рот 691-го полка. В октябре 1941 г. они получили одинаковый устный приказ: уничтожить всех евреев в районе дислокации своих рот. Обер-лейтенант Герман Кюльс сразу выполнил приказ, капитан Фридрих Нелль потребовал письменного подтверждения и потом выполнил приказ, а обер-лейтенант Иосиф Зибелле наотрез отказался выступать в роли палача даже после вторичного приказа; он никак не был наказан. Вообще, не известно ни одного случая наказания солдат за невыполнение преступного приказа⁷²⁴. Но даже если бы отдельные командиры стали отказываться выполнять преступные приказы, то без тылового обеспечения и административного сотрудничества вермахта и опергрупп полиции безопасности и СД массовые убийства евреев не могли бы состояться. Несмотря на то что убийства гражданских лиц на Восточном фронте не были возможны без помощи вермахта, некоторые немецкие солдаты считали эти убийства недопустимыми, другие их оправдывали. Но при этом почти все солдаты вермахта были всего лишь свидетелями зверств по отношению к евреям. Число соучастников преступлений опергрупп полиции безопасности и СД в вермахте было меньше, чем число убийц из СС⁷²⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: Meyer G. Adolf Heusinger. Dienst eines deutschen Soldaten. 1915–1964. Berlin, 2001. S. 143.

² Цит. по: Рейх Э. Современная Германия. Пб., 1908. С. VI.

³ Хемингуэй Э. За рекой в тени деревьев. В кн.: Собр. соч.: В 5 т. М., 2000. Т. 4. С. 19.

⁴ См.: Nipperdey T. Nachdenken über die deutsche Geschichte. München, 1986. S. 226.

⁵ Hartmann Chr. Verbrecherischer Krieg – verbrecherische Wehrmacht? Überlegungen zur Struktur des deutschen Ostheeres, 1941–1944 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2004. Н. 1. S. 1.

⁶ Deist W. Einführende Bemerkungen zu: I. Anspruch und Selbstverständnis der Wehrmacht. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 39.

⁷ Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Отцы-командиры. М., 2004. С. 520.

⁸ См.: Про А. Двенадцать уроков по истории. М., 2000. С. 99.

⁹ См.: Красиков В. А. Победы, которых не было. СПб., 2004. С. 247.

¹⁰ См.: Janßen K.-H. Politische und militärische Zielvorstellungen der Wehrmachtführung. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 75.

¹¹ Зенгер Ф. Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала 1940–1945. М., 2003. С. 48.

¹² Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1956. С. 30.

¹³ Кейнс Дж. М. Экономические последствия Версальского договора. М., 1924. С. 27.

¹⁴ Бешанов В. Танковый погром 1941 года (куда исчезло 28 тысяч советских танков?). Минск, 2004. С. 16–17.

¹⁵ Ср.: Крейг Г. Немцы. М., 1999. С. 260.

¹⁶ Ср.: Strachan H. Die Vorstellung der Anglo-Amerikaner von der Wehrmacht. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 92.

¹⁷ Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 14.

¹⁸ Цит. по: Фриснер Г. Проигранные сражения. М., 1966. С. 212.

¹⁹ Интересно, что солдаты бундсвера перенимали американскую форму и каску, а солдаты Национальной Народной армии ГДР – использовали форму и знаки различия рейхсвера и стальной шлем, форму которого разработали в рейхсвере в 1923 г., но не использовали. См.: Françoise E., Schulze H. (Hg) Deutsche Erinnerungsorte. Bd. 2. München, 2001. S. 310, 313.

- ²⁰ См.: Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Отцы-командиры. С. 354.
- ²¹ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1998. С. 9.
- ²² Ср.: Канетти Э. Версальские заклинания // Новое время. 1994. № 35. С. 43.
- ²³ Цит. по: Reichel P. Der schöne Schein des Dritten Reiches. Faszination und Gewalt des Faschismus. München, 1992. S. 223.
- ²⁴ Meyer G. Adolf Heusinger. Dienst eines deutschen Soldaten. 1915–1964. Berlin, 2001. S. 101.
- ²⁵ Ibid. S. 102.
- ²⁶ Janßen K.-H. Politische und militärische Zielvorstellungen der Wehrmachtführung. S. 76.
- ²⁷ Ibid. S. 81.
- ²⁸ Deist W. Einführende Bemerkungen zu: I. Anspruch und Selbstverständnis der Wehrmacht. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. S. 44.
- ²⁹ Grevelt M. van Die deutsche Wehrmacht: eine militärische Beurteilung. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. S. 334.
- ³⁰ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 299.
- ³¹ Зенгер Ф. Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала 1940–1945. М., 2003. С. 441.
- ³² Ср.: Тревор-Роупер Х. Р. Последние дни Гитлера. СПб., 1995. С. 88.
- ³³ Churchill W. Von Teheran bis Rom. Hamburg, 1953. S. 63.
- ³⁴ Вельц Г. Солдаты, которых предали. Записки бывшего офицера вермахта. Смоленск, 1999. С. 73.
- ³⁵ Зенгер Ф. Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала 1940–1945. М., 2003. С. 440.
- ³⁶ Meyer G. Adolf Heusinger. Dienst eines deutschen Soldaten. 1915–1964. Berlin, 2001. S. 121.
- ³⁷ Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера. Смоленск, 1993.
- ³⁸ Müller K.-F. Das Heer und Hitler. Stuttgart, 1988. S. 427.
- ³⁹ Мутчем С. Командиры Третьего рейха. Смоленск, 1998. С. 79.
- ⁴⁰ Открытый противник нацистов генерал от инфантерии Kurt von Hammerstein оставался до 1934 г. командующим сухопутными войсками. 10 февраля 1934 г. Хаммерштейна сменил генерал Вернер фон Фрич, начальником Генштаба стал генерал Людвиг Бек.
- ⁴¹ Kardorff U. v. Berliner Aufzeichnungen aus den Jahren 1942–1945. München, 1962. S. 44.
- ⁴² Müller R.-D. Die Wehrmacht – Historische Last und Verantwortung. Die Historiographie im Spannungsfeld von Wissenschaft und Vergangenheitsbewältigung. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. S. 27.

- ⁴³ *Haffner S.* Geschichte eines Deutschen. Erinnerungen. 1914–1933. Stuttgart, 2001. S. 42.
- ⁴⁴ *Volkman H.-U.* Von Blomberg zu Keitel – Die Wehrmachtführung und die Demontage des Rechtsstaates. In: Müller R.-D., Volkman H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. S. 47.
- ⁴⁵ *Schmädeke J., Steinbach P.* (Hg) Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler. München, 1994. S. 24.
- ⁴⁶ Cp.: *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. In: Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Studien zur Politik und Zeitgeschichte. Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 377.
- ⁴⁷ *Foertsch H.* Schuld und Verhängnis. Stuttgart, 1951. S. 33.
- ⁴⁸ *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. S. 380.
- ⁴⁹ Cp.: *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft. München, 1963. S. 324.
- ⁵⁰ Цит. по: *Graml H.* Die Wehrmacht im Dritten Reich // VfZ. 1997. N 3. S. 368.
- ⁵¹ *Herbst L.* Die nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. S. 74.
- ⁵² *Petter W.* SA und SS als Instrumente nationalsozialistischer Herrschaft. In: Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Bonner Schriften zur Politik und Zeitgeschichte, Bd. 23. Düsseldorf, 1992. S. 79.
- ⁵³ *Petter W.* SA und SS als Instrumente nationalsozialistischer Herrschaft. S. 80.
- ⁵⁴ Ibid. S. 82.
- ⁵⁵ *Heiden K.* Adolf Hitler. Das Zeitalter der Verantwortungslosigkeit. Eine Biographie. Bd. 1. Zürich. 1936. S. 275.
- ⁵⁶ *Reich W.* Die Massenpsychologie des Faschismus. Köln, 1972. S. 115.
- ⁵⁷ *Longerich P.* Die braunen Bataillone. Geschichte der SA. München, 1989. S. 183.
- ⁵⁸ *Stürmer M.* Dissonanzen des Fortschritts. München, 1986. S. 184.
- ⁵⁹ Cp.: *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. Profile einer totalitären Herrschaft. München, 1964. S. 204–205.
- ⁶⁰ Cp.: *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. S. 112.
- ⁶¹ *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen. 1932–1945. Bd. 1. München, 1965. S. 448.
- ⁶² *Petter W.* SA und SS als Instrumente nationalsozialistischer Herrschaft. S. 84.
- ⁶³ *Glum F.* Der Nationalsozialismus. S. 264.
- ⁶⁴ *Зенгер Ф.* Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала 1940–1945. М., 2003. С. 453.

⁶⁵ Rothfels H. Die deutsche Opposition gegen Hitler. Frankfurt am Main, 1969. S. 194.

⁶⁶ См.: Glum F. Der Nationalsozialismus. Werden und Vergehen. München, 1962. S. 253.

⁶⁷ См.: Пленков О. Ю. Мифы нации против мифов демократии. СПб., 1997. С. 387.

⁶⁸ Цит. по: Glum F. Der Nationalsozialismus. S. 261.

⁶⁹ Ср.: Graml H. Die Wehrmacht im Dritten Reich // VfZ. 1997. N 3. S. 369.

⁷⁰ Graml H. Die Wehrmacht im Dritten Reich. S. 370.

⁷¹ В сентябре 1933 г. по указанию МВД был подготовлен своеобразный пресс-релиз об участии немецких евреев в войне. В нем говорилось о том, что «стандартное» процентное соотношение погибших на войне солдат к общему количеству населения должно составлять не менее 1 %. Кто и когда установил это соотношение — при этом было неясно. Поскольку евреев в населении Германии было 0,94 %, а потери евреев на фронте не достигали и половины требуемой цифры, то их обвинили в уклонении от выполнения воинского долга.

⁷² Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat. S. 386.

⁷³ Дэвидсон Ю. Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 232.

⁷⁴ Die Zeit. 1997. N 15. S. 11.

⁷⁵ Steiner J. Willkür in der Willkür. Befreiungen von den antisemitischen Nürnberger Gesetze // VfZ. 1998. H. 2. S. 149.

⁷⁶ Raeder E. My Life. Annapolis, 1960. S. 264.

⁷⁷ Messerschmidt M. Die Wehrmacht im NS-Staat. S. 387.

⁷⁸ Deist W. Die Aufrüstung der Wehrmacht. In: Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. I. S. 497.

⁷⁹ Boog H. Das Problem der Selbständigkeit der Luftwaffe in Deutschland, 1908–1945 // Militärgeschichtliche Mitteilungen, 1988. H. 1. S. 40.

⁸⁰ См.: Martens S. Hermann Goering. Erster Palladin des Führers und zweiter Mann im Reich. Paderborn, 1985. S. 30.

⁸¹ Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 27.

⁸² См.: Irving D. Goering. München, 1987. S. 290.

⁸³ См.: Ibid. S. 187.

⁸⁴ Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск, 1998. С. 32.

⁸⁵ Там же. С. 37.

⁸⁶ Там же. С. 125.

⁸⁷ Griebel A. Generaloberst Ludwig Beck // Deutsche Rundschau, 1960. H. 6. S. 506.

⁸⁸ О чем не забывала напоминать геббельсовская пропаганда — См.: Illustrierte Zeitung, 1936. 12. März 1936.

⁸⁹ Klemperer V. Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933–1941. Berlin, 1996. S. 645.

⁹⁰ Ср.: *Janßen K.-H.* Politische und militärische Zielvorstellungen der Wehrmachtführung. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) *Die Wehrmacht. Mythos und Realität.* München, 1999. S. 75.

⁹¹ *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 30.

⁹² *Кларк А.* План «Барбаросса». Крушение Третьего Рейха 1941–1945. М., 2002.

⁹³ *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. S. 388.

⁹⁴ *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. С. 120.

⁹⁵ *Schieder W.* Zwei Generationen im militärischen Widerstand gegen Hitler. In: Schmädke J., Steinbach P. (Hg) *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler.* München, 1994. S. 446.

⁹⁶ См.: *Schmädke J.* (Hg) *Der Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler.* München, 1994. S. 377.

⁹⁷ *Moll O.* Die deutschen Generalfeldmarschälle 1935–1945. Rastatt, 1961. S. 12–13.

⁹⁸ По поводу инцидента с невестой Бломберга – Гитлер неоднократно вспоминал английского короля Эдуарда VIII, который в 1937 г. женился по любви на разведенной американке и должен был оставить трон.

⁹⁹ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 790.

¹⁰⁰ *Редер Э.* Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего Рейха. М., 2004. С. 302.

¹⁰¹ *Moll O.* Die deutschen Generalfeldmarschälle 1935–1945. Rastatt, 1961. S. 35.

¹⁰² Цит. по: *Jäckel E.* Das deutsche Jahrhundert. Eine historische Bilanz. Stuttgart, 1996. S. 172.

¹⁰³ *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 314.

¹⁰⁴ Там же. С. 335.

¹⁰⁵ *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. М., 1954. С. 47.

¹⁰⁶ В Чехословакии в Судетской области на площади в 28 300 км проживало 3,6 миллиона немцев – больше, чем словаков. Несмотря на декларации, чехи не смогли создать федеративное государство, Чехословакия была унитарным образованием, и ни словаки, ни немцы не хотели в нем жить, чему объективно было довольно трудно препятствовать.

¹⁰⁷ *Graml H.* Die Wehrmacht im Dritten Reich. S. 370.

¹⁰⁸ *Lucacs J.* The Hitler of History. New York, 1998. P. 144.

¹⁰⁹ *Förster W.* Generaloberst Ludwig Beck. Sein Kampf gegen den Krieg. München, 1953. S. 125.

¹¹⁰ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 25.

¹¹¹ *Klaus E.* Preußische Soldatentradiition und Widerstand. Das Potsdamer Infanterieregiment 9 zwischen dem «Tag von Potsdam» und dem 20. Juli 1944. In: Schmädke J., Steinbach P. (Hg) *Der*

Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Die deutsche Gesellschaft und der Widerstand gegen Hitler. München, 1994. S. 535.

¹¹² *Редер Э.* Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего Рейха. М., 2004. С. 227, 296.

¹¹³ Цит. по: *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 335–336.

¹¹⁴ *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. С. 338.

¹¹⁵ Цит. по: *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. Боевое применение танков во Второй мировой войне. М., 2003. С. 14.

¹¹⁶ *Gisevius H.* Bis zum bitteren Ende, passim.

¹¹⁷ Ср.: *Jäckel E.* Das deutsche Jahrhundert. Stuttgart, 1996. S. 189.

¹¹⁸ *Jannsen K.-H.* Die Halder-Legende // Der Spiegel. 1998. N 41. S. 112.

¹¹⁹ См.: *Kershaw I.* Hitler: Profile in Power. New York, 1991. P. 105.

¹²⁰ *Holborn H.* A History of Modern Germany 1840–1945. London, 1969. P. 780.

¹²¹ *Kopp R.* Die Wehrmacht feiert. Kommandeurs-Reden zu Hitlers 50. Geburtstag am 20. April 1939 // Militärgeschichtliche Zeitschrift. 2003. H. 2. S. 471.

¹²² *Рейнолдс Д.* Великобритания и «Третий Рейх» // Новая и Новейшая история. 1991. № 3. С. 50.

¹²³ Там же. С. 51.

¹²⁴ *Маништейн Э.* Утерянные победы. М., 1999. С. 22, 25.

¹²⁵ *Соколов В. В.* Польский внешнеполитический узел в преддверии Второй мировой войны. В кн.: Дурачински Э., Сахаров А. Н. (ред.) Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х гг. XX в. М., 2001. С. 91.

¹²⁶ *Fest J.* Das Gesicht des Dritten Reiches. S. 371.

¹²⁷ *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. С. 91.

¹²⁸ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. S. 251.

¹²⁹ Особенно это отмечал Герхард Риттер, ср.: *Ritter G.* Carl Goerdler und die deutsche Widerstandsbewegung. München, 1964. S. 245.

¹³⁰ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 91.

¹³¹ *Болдуин Х.* Сражения выигранные и проигранные. Новый взгляд на крупные военные кампании Второй мировой войны. М., 2001. С. 26.

¹³² *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. С. 19.

¹³³ *Steiner M.* Deutsche im Krieg: Kollektivmeinungen, Verhaltensmuster und Mentalitäten. In: Bracher K. D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933–1945. Neue Studien zur nationalsozialistischen Herrschaft. Düsseldorf, 1992. S. 476.

¹³⁴ *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1956. С. 74.

- ¹³⁵ *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 53.
- ¹³⁶ *Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг.* М., 2002. С. 10–11.
- ¹³⁷ *Болдуин Х.* Сражения выигранные и проигранные. С. 27.
- ¹³⁸ *Anders W.* An Army in Exile. London, 1949. P. 3.
- ¹³⁹ *Reich-Ranicki M.* Mein Leben. München, 2001. S. 171.
- ¹⁴⁰ *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 56.
- ¹⁴¹ *Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг.* С. 17.
- ¹⁴² *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 68.
- ¹⁴³ *Шмидт П.* Переводчик Гитлера. Смоленск, 2001. С. 224.
- ¹⁴⁴ *Taylor A.J.P.* The Second World War. An illustrated history. London, 1972. P. 39–40.
- ¹⁴⁵ *Болдуин Х.* Сражения выигранные и проигранные. С. 38.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 39.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 41.
- ¹⁴⁸ Там же. С. 42.
- ¹⁴⁹ *От Мюнхена до Токийского залива.* М., 1991. С. 82.
- ¹⁵⁰ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. Das deutsche Heer in Rußland 1941 bis 1945. Der Prozeß gegen das Oberkommando der Wehrmacht. München, 1993. S. 281.
- ¹⁵¹ *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. С. 23.
- ¹⁵² *Кноке Х.* Я летал для фюрера. Дневник офицера Люфтваффе 1939–1945. М., 2003. С. 21.
- ¹⁵³ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. S. 280.
- ¹⁵⁴ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 108.
- ¹⁵⁵ *Klemperer V.* Ich will Zeugnis ablegen bis zum letzten. Tagebücher 1933–1941. Berlin, 1996. S. 493.
- ¹⁵⁶ *Hartmann Chr.* Verbrecherischer Krieg – verbrecherische Wehrmacht? Überlegungen zur Struktur des deutschen Ostheeres, 1941–1944 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2004. H. 1. S. 6.
- ¹⁵⁷ См.: *Müller R.-D.* Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 13.
- ¹⁵⁸ *Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг.* С. 11.
- ¹⁵⁹ Бласковиц остался единственным генерал-полковником, который не получил фельдмаршальского жезла, и после Польши его карьера состояла из бесконечной череды назначений и отзывать. После оглашения приговора Нюрнбергского трибунала по процессу ОКВ Бласковиц покончил жизнь самоубийством, что свидетельствует о его искренности и готовности нести ответственность за свои полномочия.
- ¹⁶⁰ *Bemte B.* Война на уничтожение: вермахт и холокост // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 77.

- ¹⁶¹ *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. In: Bracher K.D., Funke M., Jacobsen H.-A. (Hg) Deutschland 1933–1945. S. 395.
- ¹⁶² См.: *Kogon E.* Der SS-Staat. Frankfurt am Main, 1959. S. 360.
- ¹⁶³ Цит. по: От Мюнхена до Токийского залива. М., 1992.
- ¹⁶⁴ *Graml H.* Die Wehrmacht im Dritten Reich. S. 373.
- ¹⁶⁵ Ibid. S. 374.
- ¹⁶⁶ *Shirer W.* Berlin Diary. New York, 1941. P. 172.
- ¹⁶⁷ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 93.
- ¹⁶⁸ См.: *Maser W.* Das Regime. S. 217.
- ¹⁶⁹ *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. С. 26.
- ¹⁷⁰ Цит. по: *Maser W.* Das Regime. Alltag in Deutschland. München, 1983. S. 409.
- ¹⁷¹ Этот «рупор пораженцев» был прикрыт по распоряжению Бормана в июле 1944 г. См.: *Maser W.* Das Regime. S. 408.
- ¹⁷² Цит. по: *Джонсон П.* Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Т. 1. М., 1995. С. 416.
- ¹⁷³ Deutschland-Berichte der Sozialdemokratischen Partei Deutschlands (Sopade) 1934–1940. Frankfurt am Main, 1980. Bd. 1940. S. 222.
- ¹⁷⁴ *Maser W.* Das Regime. S. 237.
- ¹⁷⁵ *Steiner M.* Deutsche im Krieg. S. 479.
- ¹⁷⁶ *Imlay C. T.* A Reassessment of Anglo-French Strategy during the Phony War, 1939–1940 // English Historical Review, 2004. Vol. CXIX. N 482. P. 344.
- ¹⁷⁷ *Редер Э.* Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего Рейха. М., 2004. С. 370.
- ¹⁷⁸ Ср.: *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. С. 378.
- ¹⁷⁹ *Редер Э.* Гросс-адмирал. С. 364.
- ¹⁸⁰ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. С. 18.
- ¹⁸¹ *Taylor A. J. P.* The Second World War. London, 1975. P. 45.
- ¹⁸² *Редер Э.* Гросс-адмирал. С. 377.
- ¹⁸³ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 123.
- ¹⁸⁴ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. С. 35–36.
- ¹⁸⁵ Такого рода «здоровое» неповиновение было в прусской традиции: в Семилетнюю войну во время сражения против русских войск при Цорндорфе (в 1758 г.) Фридрих II утратил хладнокровие и приказал кавалерии атаковать, но конница Зейдлица не тронулась с места. Когда Зейдлицу передали самые страшные угрозы короля, он сказал: «Ответьте королю, что после сражения моя голова целиком принадлежит ему, но во время сражения мне бы хотелось ею воспользоваться». Зейдлиц оттянул атаку и в самый подходящий момент напал, что и предreshило благополучный для пруссаков исход баталии. Ср.: *Митчем С.* Командиры Третьего Рейха. С. 131.

- ¹⁸⁶ *Редер Э.* Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего Рейха. С. 373.
- ¹⁸⁷ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 123.
- ¹⁸⁸ Гитлер с досадой читал страницы донесений СД о подобных настроениях немцев, ср.: *Maser W.* Das Regime. S. 244.
- ¹⁸⁹ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. S. 306.
- ¹⁹⁰ *Frieser K.-H.* Blitzkrieg-Legende. Der Westfeldzug 1940. München, 1996. S. 435.
- ¹⁹¹ *Редер Э.* Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего Рейха. С. 384.
- ¹⁹² *Seeckt H.* von Gedanken eines Soldaten. Berlin, 1929. S. 12.
- ¹⁹³ См.: *Frieser K.-H.* Die deutsche Blitzkriege: operativer Triumph – strategische Tragödie. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 183.
- ¹⁹⁴ *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 851.
- ¹⁹⁵ *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 88.
- ¹⁹⁶ *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. С. 43.
- ¹⁹⁷ *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 108.
- ¹⁹⁸ *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. С. 150, 154.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 163.
- ²⁰⁰ *Зенгер Ф.* Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала 1940–1945. М., 2003. С. 44.
- ²⁰¹ *Гренвилл Д.* История XX века. Люди, события, факты. М., 1999. С. 262.
- ²⁰² *Маништейн Э.* Утерянные победы. С. 67.
- ²⁰³ *Зенгер Ф.* Ни страха, ни надежды. Хроника Второй мировой войны глазами немецкого генерала 1940–1945. М., 2003. С. 25.
- ²⁰⁴ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 126.
- ²⁰⁵ Цит. по: *Irving D.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933–1945. München, 1989. S. 295.
- ²⁰⁶ Шпеер в своих мемуарах передавал следующее высказывание Гитлера: «Я неоднократно перечитывал книгу полковника де Голля о возможностях современного ведения боя моторизованными соединениями и много из нее почерпнул». См.: *Шпеер А.* Воспоминания. Смоленск, 1997. С. 245.
- ²⁰⁷ *Мазер В.* Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 488.
- ²⁰⁸ *Moll O.* Die deutschen Generalfeldmarschälle 1935–1945. Rastatt, 1961. S. 17.
- ²⁰⁹ *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. С. 33.
- ²¹⁰ *Галланд А.* Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 60.
- ²¹¹ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 138.
- ²¹² *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 107.
- ²¹³ *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. С. 100.

²¹⁴ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. Das deutsche Heer in Rußland 1941 bis 1945. Der Prozeß gegen das Oberkommando der Wehrmacht. München, 1993. S. 335.

²¹⁵ Цит. по: *Максу-К. Гудериан.* Смоленск, 2001. С. 152.

²¹⁶ *Bloch M.* Strange Defeat. Oxford, 1949. P. 37.

²¹⁷ Цит. по: *Murray W.* Betrachtungen zur deutsche Strategie im Zweiten Weltkrieg. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 325.

²¹⁸ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 129.

²¹⁹ *Lammers W.* (Hg) «Fahrtberichte» aus der Zeit des deutsch-sowjetischen Krieges 1941. Protokolle des Begleitoffiziers des Kommandierenden Generals LIII. Armeekorps. Boppard am Rhein, 1988. S. 1.

²²⁰ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Die geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1938–1945. Bd. 4. Herrsching, 1984. S. 1262.

²²¹ *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. С. 47.

²²² *Павленко Н. Г.* Была война... Размышления военного историка. М., 1994. С. 192.

²²³ *Baird J. W.* To die for Germany. Heroes in the Nazi Pantheon. Bloomington, 1990. P. 204.

²²⁴ Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 96.

²²⁵ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. Stimmung und Haltung der deutschen Bevölkerung im Zweiten Weltkrieg. Düsseldorf, 1970. S. 136.

²²⁶ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. S. 344.

²²⁷ *Irving D.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933–1945. München, 1989. S. 327.

²²⁸ Благополучный исход битвы за Англию для самих англичан не был очевиден, и в июне 1940 г. они ради безопасности в рамках операции «*The United Kingdom Security Deposit*» вывезли в Канаду 2 миллиарда фунтов золотом и 1,5 миллиарда в ценных бумагах. Ср.: *Peters L.* Volkslexikon Drittes Reiches. S. 845.

²²⁹ *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 101.

²³⁰ *Галланд А.* Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 71.

²³¹ См.: *Майер К. А.* Воздушная война за Англию. В кн.: *Михалка В.* (ред.) Вторая мировая война. С. 405, 409.

²³² Роковые решения вермахта. Воспоминания немецких полководцев. Смоленск, 2001. С. 35.

²³³ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 162.

²³⁴ *Галланд А.* Первый и последний. С. 89.

²³⁵ *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. М., 1956. С. 120.

- ²³⁶ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. М., 2002. С. 395.
- ²³⁷ Горбатенко Д. Д. Тень Люфтваффе над Европой. М., 1967. С. 56.
- ²³⁸ Редер Э. Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего Рейха. М., 2004. С. 420.
- ²³⁹ Франк В. Морские волки. Германские подводные лодки во Второй мировой войне. М., 2004. С. 125–126.
- ²⁴⁰ Там же. С. 47.
- ²⁴¹ Буш Х. Подводный флот Третьего Рейха. Немецкие подлодки в войне, которая была почти выиграна. 1939–1945. М., 2004. С. 24.
- ²⁴² Блэр К. Подводная война Гитлера 1939–1942. Охотники. М., 2001. С. 187.
- ²⁴³ Boberach H. (Hg) Meldungen aus dem Reich. Bd. 2. S. 372.
- ²⁴⁴ Ibid. Bd. 7. Herrsching, 1984. S. 2342.
- ²⁴⁵ Митчем С. Командиры. С. 376.
- ²⁴⁶ Буш Х. Подводный флот Третьего Рейха. С. 65.
- ²⁴⁷ Франк В. Морские волки. С. 111.
- ²⁴⁸ Taylor A.J.P. The Second World War. London, 1976. P. 80.
- ²⁴⁹ Kersten F. Totenkopf und Treue. Hamburg, 1952. S. 189.
- ²⁵⁰ Дрие ла Рошель П. Фашистский социализм. СПб., 2001. С. 171.
- ²⁵¹ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. С. 198.
- ²⁵² Meyer G. Adolf Heusinger. Dienst eines deutschen Soldaten. 1915–1964. Berlin, 2001. S. 145.
- ²⁵³ См.: Friedrich J. Das Gesetz des Krieges. S. 283.
- ²⁵⁴ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. С. 204.
- ²⁵⁵ См.: Филиппи А. Припятская проблема. М., 2002. С. 46.
- ²⁵⁶ Friedrich J. Das Gesetz des Krieges. S. 285.
- ²⁵⁷ Бивор Э. Сталинград. М., 2004. С. 28.
- ²⁵⁸ Friedrich J. Das Gesetz des Krieges. S. 287–289.
- ²⁵⁹ Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 526, 528–530.
- ²⁶⁰ См.: Broszat M. (Hg) Bayern in der Nationalsozialistische Zeit. Soziale Lage und politische Verhalten der Bevölkerung. Bd. 2. München, 1977. S. 621.
- ²⁶¹ Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945. С. 53.
- ²⁶² Гудериан Г. Воспоминания солдата. С. 195.
- ²⁶³ См.: Assmann K. Deutsche Schicksalsjahre. Wiesbaden, 1951. С. 220.
- ²⁶⁴ Об этом писал советник немецкого посольства в Москве Г. Хильгер – см.: Откровения и признания. С. 78.
- ²⁶⁵ В феврале 1945 г. Гитлер говорил, что причиной поражения Германии является союз с Италией: «Муссолини воспользовался моим отсутствием и напал на Грецию. Против нашей воли мы вынуждены были воевать на Балканах, из-за этого последовало

гибельное опоздание выступления против России. Если бы мы напали на Россию уже 15 мая, все вышло бы по-другому». Ср.: Мазер В. Адольф Гитлер. Легенда, миф, реальность. Ростов-на-Дону, 1998. С. 248.

²⁶⁶ Steiner M. G. Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 187.

²⁶⁷ Болдуин Х. Сражения выигранные и проигранные. С. 93.

²⁶⁸ Там же. С. 89–90.

²⁶⁹ Там же. С. 99–100.

²⁷⁰ Галланд А. Первый и последний. Немецкие истребители на Западном фронте. М., 2003. С. 131.

²⁷¹ Там же. С. 145.

²⁷² Там же. С. 146.

²⁷³ Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 186.

²⁷⁴ Карель П. Африка – Нормандия. Лис пустыни. 1941–1943. Они идут! 1944. М., 2003. С. 105.

²⁷⁵ Там же. С. 100.

²⁷⁶ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. С. 163.

²⁷⁷ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 564.

²⁷⁸ Ср.: Тревор-Роупер Х. Р. Последние дни Гитлера. СПб., 1995. С. 91.

²⁷⁹ Так считал английский историк Лич – *Barry Leach: German Strategy Against Russia 1939–1941*. Oxford, 1973. P. 100. Известный немецкий публицист С. Хаффнер, напротив, полагал, что нападение на СССР было прежде всего продолжением войны против Британии – *Haffner S. Anmerkungen zu Hitler*. München, 1978, passim.

²⁸⁰ Советник немецкого посольства в Москве Хильгер передавал в мемуарах, что в беседе с немецким атташе в Москве он упомянул о силе Красной армии, о способности русского народа переносить страдания и лишения, о масштабах этой страны и ее неисчерпаемых резервах. «Все это мне известно, – сказал в ответ Кребс, – но, к сожалению, ничего этого я сказать Гитлеру не могу. После того как мы, офицеры германского Генерального штаба, предостерегали его от похода на Францию, а линию Мажино называли неприступной, мы должны помалкивать, если не хотим поплатиться головой». Цит. по: Откровения и признания. Нацистская верхушка о войне Третьего Рейха против СССР. Секретные речи. Дневники. Воспоминания. М., 1996. С. 80. С другой стороны, некоторые компетентные офицеры, даже будучи политическими противниками нацизма, верили в возможность благополучного исхода войны. Главный редактор «Дойче альгемайне цайтунг» Карл Зилекс за пару месяцев до нападения Германии на СССР спросил начальника оперативного отдела группы армий «Центр» Хенинга фон Трескова, возможна ли ликвидация Красной

армии в течение одного лета. Тресков ответил, что, если судить по итогам французской кампании, то это вполне возможно. См.: *Безыменский Л.* Укрошение «Тайфуна». М., 2001. С. 16.

²⁸¹ *Павленко Н. Г.* Была война... С. 11, 74.

²⁸² *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 400–401.

²⁸³ *Domarus M.* (Hg) Hitler: Reden und Proklamationen, 1932–1945. Bd. 2. Hlbd. 2 Neustadt, 1962. S. 1726.

²⁸⁴ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 206.

²⁸⁵ Откровения и признания. С. 83.

²⁸⁶ *Herbst L.* Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. S. 359.

²⁸⁷ *Philippi A.* Das Pripjetproblem: Eine Studie über die operative Bedeutung des Pripjet-Gebietes für den Feldzug des Jahres 1941. Frankfurt am Main, 1956. S. 69.

²⁸⁸ Ср.: *Джонсон П.* Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы. Т. 1. М., 1995. С. 434.

²⁸⁹ *Bartov O.* Hitler's Army. Soldiers, Nazis and War in the Third Reich. New-York, 1991. P. 14.

²⁹⁰ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 191.

²⁹¹ Цит. по: *Lucacs J.* The Last European war. New York, 1976. P. 139.

²⁹² *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. С. 197.

²⁹³ Ср.: Роковые решения вермахта. Воспоминания немецких полководцев. Смоленск, 2001. С. 71.

²⁹⁴ *Bartov O.* The Eastern Front, 1941–1945, German Troops and the Barbarization of Warfare. Oxford, 2001. P. 21.

²⁹⁵ *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. С. 136.

²⁹⁶ *Kissel H.* Gefechte in Rußland 1941–1944. Frankfurt am Main, 1956. S. 58.

²⁹⁷ *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. С. 379.

²⁹⁸ *Павленко Н. Г.* Была война... С. 157.

²⁹⁹ *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года (куда исчезло 28 тысяч советских танков?). Минск, 2004. С. 337.

³⁰⁰ *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. С. 197.

³⁰¹ *Макси К.* Гудериан. Смоленск, 2001. С. 310.

³⁰² *Фриснер Г.* Проигранные сражения. М., 1966. С. 66.

³⁰³ *Широкорад А.* Дуэль длиной в четыре года // Военные знания. 1995. Февраль. С. 31.

³⁰⁴ *Лебединцев А. З., Мухин Ю. И.* Отцы-командиры. М., 2004. С. 598.

³⁰⁵ Надо отметить, что руководство Красной армии пренебрегло многими подобными «мелочами». Ветеран-фронтовик Александр Захарович Лебединцев упоминает о любопытной детали: у каждого немецкого офицера и унтер-офицера были фонарики с переключателями красного, зеленого и белого цветов

для управления войсками в ночное время. В советской армии они появились только десять лет спустя после войны. См.: *Лебединцев А. З., Мухин Ю. И.* Отцы-командиры. С. 142.

³⁰⁶ *Лебединцев А. З., Мухин Ю. И.* Отцы-командиры. С. 331.

³⁰⁷ *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. С. 102, 104.

³⁰⁸ Там же. С. 5.

³⁰⁹ *Красиков В. А.* Победы, которых не было. СПб., 2004. С. 296.

³¹⁰ *Фриснер Г.* Проигранные сражения. М., 1966. С. 224.

³¹¹ *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. С. 84, 87, 89.

³¹² *Павленко Н. Г.* Была война... С. 210.

³¹³ *Wegner B.* Hitlers Besuch in Finland. Der geheime Tonprotokoll seiner Unterredung mit Mannerheim am 4 Juli 1942 // VfZ. 1993. H. 1. S. 131.

³¹⁴ *Филлипи А.* Припятская проблема. М., 2002. С. 208.

³¹⁵ *Heusinger A.* Befehl im Widerstreit. Schicksalstunden der deutschen Armee 1923–1945. Tübingen, 1957. S. 107.

³¹⁶ *Frieser K.-H.* Die deutsche Blitzkriege: operativer Triumph – strategische Tragödie. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 192.

³¹⁷ См.: *Ibid.* S. 193.

³¹⁸ *Терентьев Я.* Записки прошагавшего пол-Европы. СПб., 2002. С. 41.

³¹⁹ *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила мир. М., 2003. С. 49.

³²⁰ *Безыменский Л.* Укрощение «Тайфуна». М., 2001. С. 32.

³²¹ *Rohrbach P.* Deutschland unter den Weltvölkern. Berlin, 1911. S. 168, 91.

³²² Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. С. 210.

³²³ *Kissel H.* Gefechte in Rußland 1941–1944. Frankfurt am Main, 1956. S. 28.

³²⁴ *Бивор Э.* Сталинград. С. 47.

³²⁵ *Терентьев Я.* Записки прошагавшего пол-Европы. СПб., 2002. С. 11.

³²⁶ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. S. 452.

³²⁷ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 54.

³²⁸ *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. С. 369.

³²⁹ *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. С. 256.

³³⁰ *Григоренко П.* В подполье можно встретить только крыс... М., 1997. С. 222.

³³¹ *Михайлов Б.* На дне блокады и войны. СПб., 2001. С. 251.

³³² *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. С. 233.

³³³ Там же. С. 356.

³³⁴ *Кросс Р.* Последние дни рейха. Смоленск, 2004. С. 43.

³³⁵ *Павленко Н. Г.* Была война... С. 43, 45, 60.

³³⁶ *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. С. 298.

- ³³⁷ *Терентьев Я.* Записки прошагавшего пол-Европы. СПб., 2002. С. 75.
- ³³⁸ *Бивор Э.* Сталинград. С. 31.
- ³³⁹ *Робертс Д.* Победа под Сталинградом. Битва, которая изменила мир. М., 2003. С. 47.
- ³⁴⁰ *Deutsche Wochenschau.* N 578 vom 1.10.1941. Bericht, 7.
- ³⁴¹ *Hofmann J.* Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München, 1995. S. 212.
- ³⁴² *Красиков В. А.* Победы, которых не было. С. 29.
- ³⁴³ *Ries H.* Abschied meiner Generation. Berlin, 1992. S. 38.
- ³⁴⁴ *Seaton A.* The Russo-German War 1941–1945. New York, 1971. P. 223.
- ³⁴⁵ *Соколов Б. В.* Оккупация. Правда и вымысел. М., 2002. С. 7.
- ³⁴⁶ *Павленко Н. Г.* Была война... С. 86.
- ³⁴⁷ Там же. С. 74.
- ³⁴⁸ Там же. С. 78.
- ³⁴⁹ *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. С. 267.
- ³⁵⁰ *Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг.* С. 215, 217.
- ³⁵¹ Там же. С. 218, 220.
- ³⁵² *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. С. 279.
- ³⁵³ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 61.
- ³⁵⁴ *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 130–131.
- ³⁵⁵ *Павленко Н. Г.* Была война... С. 219.
- ³⁵⁶ *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. С. 356.
- ³⁵⁷ *Безыменский Л.* Укрощение «Тайфуна». С. 52.
- ³⁵⁸ *Павленко Н. Г.* Была война... С. 235.
- ³⁵⁹ *Carell P.* Hitler moves East. 1941–1943. Boston, 1965. P. 134.
- ³⁶⁰ Цит. по: *Irving D.* Führer und Reichskanzler Adolf Hitler. S. 402.
- ³⁶¹ *Мессенджер Ч.* Гладиатор Гитлера. Военная карьера оберст-группенфюрера СС Зеппа Дитриха. М., 2004. С. 154–155.
- ³⁶² *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. С. 511.
- ³⁶³ *Kissel H.* Gefechte in Rußland 1941–1944. Frankfurt am Main, 1956. S. 53.
- ³⁶⁴ *Лебединцев А. З., Мухин Ю. И.* Отцы-командиры. С. 332.
- ³⁶⁵ *Ciano G.* Tagebücher 1939–1943. Bern, 1946, запись от 6 ноября 1941 г.
- ³⁶⁶ *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война. 1939–1945 гг. С. 162.
- ³⁶⁷ *Бешанов В.* Танковый погром 1941 года. С. 487.
- ³⁶⁸ Там же. С. 514–515.
- ³⁶⁹ Там же. С. 515.
- ³⁷⁰ *Павленко Н. Г.* Была война... С. 206.
- ³⁷¹ *Горбатов А. В.* Годы войны. Военные мемуары. М., 1992. С. 244.
- ³⁷² *Павленко Н. Г.* Была война... С. 256, 258.

- ³⁷³ Павленко Н. Г. Была война... С. 339.
- ³⁷⁴ Там же. С. 351.
- ³⁷⁵ Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Отцы-командиры. С. 5.
- ³⁷⁶ Там же. С. 144.
- ³⁷⁷ Там же. С. 443.
- ³⁷⁸ Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945. С. 358.
- ³⁷⁹ Михайлов Б. На дне блокады и войны. СПб., 2001. С. 207.
- ³⁸⁰ Бешанов В. Танковый погром 1941 года. С. 509, 511.
- ³⁸¹ Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Отцы-командиры. С. 169.
- ³⁸² Астафьев В. Веселый солдат. М., 2003. С. 8.
- ³⁸³ Бивор Э. Падение Берлина. С. 237.
- ³⁸⁴ Соколов Б. В. Оккупация. Правда и вымысел. М., 2002. С. 216.
- ³⁸⁵ Лич-Аннах Г. Между жестокостью и добром // Знамя. 1995. № 5. С. 162.
- ³⁸⁶ Бивор Э. Падение Берлина. С. 211.
- ³⁸⁷ Бешанов В. Танковый погром 1941 года. С. 521.
- ³⁸⁸ Соколов Б. В. Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991. С. 38.
- ³⁸⁹ Там же. С. 33–34.
- ³⁹⁰ Там же. С. 27.
- ³⁹¹ Там же. С. 38.
- ³⁹² Астафьев В. Веселый солдат. М., 2003. С. 44, 241.
- ³⁹³ Скорцени О. Секретные задания. Ростов-на-Дону, 1999. С. 29.
- ³⁹⁴ Мессенджер Ч. Гладиатор Гитлера. С. 271, 275.
- ³⁹⁵ Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 163.
- ³⁹⁶ Кларк А. План «Барбаросса». Крушение Третьего Рейха 1941–1945. С. 88.
- ³⁹⁷ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 181.
- ³⁹⁸ История России. XX век. М., 1997. С. 440.
- ³⁹⁹ Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939–1945 гг. Стратегический и тактический обзор. М., 1956. С. 163.
- ⁴⁰⁰ Кларк А. План «Барбаросса». С. 85.
- ⁴⁰¹ Irving D. Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933–1945. München, 1989. S. 12.
- ⁴⁰² Friedrich J. Das Gesetz des Krieges. S. 457.
- ⁴⁰³ Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945. С. 195.
- ⁴⁰⁴ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. С. 227.
- ⁴⁰⁵ Карель П. Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. М., 2003. С. 85.
- ⁴⁰⁶ Там же. С. 87.
- ⁴⁰⁷ Безыменский Л. Укрощение «Тайфуна». С. 55.
- ⁴⁰⁸ Кларк А. План «Барбаросса». С. 89.
- ⁴⁰⁹ См.: Григоренко П. В подполье можно встретить только крыс... М., 1997. С. 123.
- ⁴¹⁰ Кларк А. План «Барбаросса». С. 135.

- ⁴¹¹ Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Кн 5, 6. М., 1966. С. 22.
- ⁴¹² Соколов Б. В. Цена победы. С. 125.
- ⁴¹³ Кларк А. План «Барбаросса». С. 145.
- ⁴¹⁴ Там же. С. 148.
- ⁴¹⁵ Там же. С. 146.
- ⁴¹⁶ Бивор Э. Сталинград. С. 77.
- ⁴¹⁷ Кларк А. План «Барбаросса». С. 146.
- ⁴¹⁸ Эти взрывы послужили нацистам поводом для расправы в Бабьем Яру.
- ⁴¹⁹ Friedrich J. Das Gesetz des Krieges. S. 459.
- ⁴²⁰ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. С. 238.
- ⁴²¹ Кларк А. План «Барбаросса». С. 150.
- ⁴²² Павленко Н. Г. Была война... С. 275.
- ⁴²³ Безыменский Л. Укрощение «Тайфуна». С. 173.
- ⁴²⁴ Павленко Н. Г. Была война... С. 269.
- ⁴²⁵ Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 140–141.
- ⁴²⁶ Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 122.
- ⁴²⁷ Friedrich J. Das Gesetz des Krieges. S. 460.
- ⁴²⁸ Кларк А. План «Барбаросса». С. 157.
- ⁴²⁹ Там же. С. 161.
- ⁴³⁰ Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 131.
- ⁴³¹ Павленко Н. Г. Была война... С. 280.
- ⁴³² Красиков В. А. Победы, которых не было. С. 181–183.
- ⁴³³ Мухин Ю. И. Асы и пропаганда. Дутые победы Люфтваффе. М., 2004. С. 61.
- ⁴³⁴ Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 168.
- ⁴³⁵ Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 133.
- ⁴³⁶ Rauh M. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941–1945. Berlin, 1998. S. 72.
- ⁴³⁷ Friedrich J. Das Gesetz des Krieges, 1993. S. 386.
- ⁴³⁸ Кларк А. План «Барбаросса». С. 162.
- ⁴³⁹ Там же. С. 163.
- ⁴⁴⁰ Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 137.
- ⁴⁴¹ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. С. 241.
- ⁴⁴² Кларк А. План «Барбаросса». С. 164.
- ⁴⁴³ Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 168.
- ⁴⁴⁴ Кларк А. План «Барбаросса». С. 47.
- ⁴⁴⁵ Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 140.
- ⁴⁴⁶ Терентьев Я. Записки пропавшего пол-Европы. СПб., 2002. С. 55.
- ⁴⁴⁷ Там же. С. 145.
- ⁴⁴⁸ Там же. С. 147.
- ⁴⁴⁹ Кларк А. План «Барбаросса». С. 170.
- ⁴⁵⁰ Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 141.

- ⁴⁵¹ *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 174.
- ⁴⁵² *Kohl P.* Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941–1944. Sowjetische Überlebende berichten. Frankfurt am Main, 1990. S. 208.
- ⁴⁵³ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 172.
- ⁴⁵⁴ *Безыменский Л.* Укрощение «Тайфуна». С. 253.
- ⁴⁵⁵ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 153.
- ⁴⁵⁶ *Безыменский Л.* Укрощение «Тайфуна». С. 256.
- ⁴⁵⁷ Цит. по: *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 234.
- ⁴⁵⁸ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 167.
- ⁴⁵⁹ *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 138.
- ⁴⁶⁰ Там же. С. 273.
- ⁴⁶¹ *Павленко Н. Г.* Была война... С. 285, 291.
- ⁴⁶² *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 181.
- ⁴⁶³ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 279.
- ⁴⁶⁴ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Кн. 5, 6. М., 1966. С. 43.
- ⁴⁶⁵ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 282.
- ⁴⁶⁶ Ср.: *Макси К.* Гудериан. Смоленск, 2001. С. 291.
- ⁴⁶⁷ *Steiner M. G.* Hitlers Krieg und die Deutschen. S. 272.
- ⁴⁶⁸ *Ries H.* Abschied meiner Generation. Berlin, 1992. S. 46.
- ⁴⁶⁹ *Сайер Г.* Последний солдат Третьего Рейха. Дневник рядового вермахта. М., 2003. С. 366.
- ⁴⁷⁰ Там же. С. 368.
- ⁴⁷¹ *Rauh M.* Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941–1945. Berlin, 1998. S. 82.
- ⁴⁷² *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 291.
- ⁴⁷³ *Павленко Н. Г.* Была война... С. 12.
- ⁴⁷⁴ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. С. 245.
- ⁴⁷⁵ *Безыменский Л.* Укрощение «Тайфуна». С. 389.
- ⁴⁷⁶ *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 235.
- ⁴⁷⁷ *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 182.
- ⁴⁷⁸ Цит. по: *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 236.
- ⁴⁷⁹ *Гудериан Г.* Воспоминания солдата. С. 371.
- ⁴⁸⁰ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Кн. 5, 6. М., 1966. С. 47.
- ⁴⁸¹ *Фриснер Г.* Проигранные сражения. М., 1966. С. 216.
- ⁴⁸² *Rauh M.* Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941–1945. Berlin, 1998. S. 88.
- ⁴⁸³ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. С. 249.
- ⁴⁸⁴ *Меллентин Ф.* Танковые сражения 1939–1945. С. 372.
- ⁴⁸⁵ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 343.
- ⁴⁸⁶ *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 239.
- ⁴⁸⁷ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 1. С. 196.

- ⁴⁸⁸ Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 218.
- ⁴⁸⁹ Там же. С. 227.
- ⁴⁹⁰ Moll O. Die deutschen Generalfeldmarschälle 1935–1945. Rastatt, 1961. S. 109.
- ⁴⁹¹ Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 231.
- ⁴⁹² Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. М., 1961. С. 47, 55.
- ⁴⁹³ Там же. С. 240.
- ⁴⁹⁴ Там же. С. 245.
- ⁴⁹⁵ Там же. С. 255.
- ⁴⁹⁶ Там же. С. 259.
- ⁴⁹⁷ Там же. С. 262.
- ⁴⁹⁸ Rauh M. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941–1945. Berlin, 1998. S. 92.
- ⁴⁹⁹ Рубцов Ю. В. Трагедия в Крыму в мае 1942 г. В кн.: Севостьянов Г. Н. (ред.) Война и общество. Кн. 1. М., 2004. С. 106.
- ⁵⁰⁰ Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 264.
- ⁵⁰¹ Там же. С. 265.
- ⁵⁰² Мессенджер Ч. Гладиатор Гитлера. С. 163–164.
- ⁵⁰³ Безыменский Л. Укрощение «Тайфуна». С. 270.
- ⁵⁰⁴ Rauh M. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941–1945. Berlin, 1998. S. 75.
- ⁵⁰⁵ Ibid. S. 95.
- ⁵⁰⁶ Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 270.
- ⁵⁰⁷ Там же. С. 367.
- ⁵⁰⁸ Там же. С. 372.
- ⁵⁰⁹ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. М., 2002. С. 178.
- ⁵¹⁰ Там же. С. 175.
- ⁵¹¹ Там же. С. 184.
- ⁵¹² Карель П. Восточный фронт. Кн. 1. С. 374.
- ⁵¹³ Hess W. Eismeerfront 1941. Aufmarsch und Kämpfe des Gebirgskorps Norwegen in den Tundren vor Murmansk. Heidelberg, 1956. S. 118–119.
- ⁵¹⁴ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. С. 182.
- ⁵¹⁵ Там же. С. 189.
- ⁵¹⁶ Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 167.
- ⁵¹⁷ Безыменский Л. Укрощение «Тайфуна». С. 75.
- ⁵¹⁸ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956. С. 206.
- ⁵¹⁹ Красиков В. А. Победы, которых не было. С. 206.
- ⁵²⁰ Rauh M. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil: Der Weltkrieg 1941–1945. Berlin, 1998. S. 89.
- ⁵²¹ Bartov O. Hitler's Army. Soldiers, Nazis and War in the Third Reich. New-York, 1991. P. 36.
- ⁵²² Rauh M. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Dritter Teil. S. 79.

- ⁵²³ *Bartov O.* Hitler's Army. P. 38.
- ⁵²⁴ *Messerschmidt M.* German Military Law in the Second World War. In: Deist W. (Ed) The German Military in the Age of Total War. New-Hampshir, 1985. P. 335.
- ⁵²⁵ См.: *Bartov O.* The Eastern Front, 1941–1945, German Troops and the Barbarization of Warfare. Oxford, 2001, passim.
- ⁵²⁶ См.: *Hürten J.* Es herrschen Sitten und Gebräuche wie im 30-Jährigen Krieg. Das erste Jahr des deutsch-sowjetischen Krieges in Dokumenten des Generals Gotthard Heinrici // VfZ. 2000. H. 2. S. 358.
- ⁵²⁷ *Bartov O.* Hitler's Army. P. VII.
- ⁵²⁸ Цит. по: *Murray W.* Betrachtungen zur deutsche Strategie im Zweiten Weltkrieg. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 318.
- ⁵²⁹ *Lehmann A.* Krieg – Urlaub – Gastarbeiter. Zur Erfahrung «des Ausländers» in der Lebensgeschichte von Hamburger Arbeitern // Archiv für Sozialgeschichte. Bd. XXIV. 1984. S. 460–463.
- ⁵³⁰ *Маништейн Э.* Утерянные победы. С. 190.
- ⁵³¹ *Lehmann A.* Krieg – Urlaub – Gastarbeiter. S. 464.
- ⁵³² Ibid. S. 463.
- ⁵³³ *Gartellieri D.* Die deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. Die Lagergesellschaft. In: Maschke E. (Hg) Zur Geschichte der deutschen Kriegsgefangenen des weiten Weltkrieges. Bd. II. München, 1967. S. 331.
- ⁵³⁴ См.: *Latzel K.* Wehrmachtsoldaten zwischen «Normalität und Nationalsozialistische Ideologie». In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 581.
- ⁵³⁵ Южнее Ленинграда шесть дивизий вермахта были окружены под Демьянском – между февралем и апрелем 1942 г. 96 тысяч солдат находились в чрезвычайно сложном положении. См.: *Bartov O.* Hitler's Army. P. 16.
- ⁵³⁶ *Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Кн. 5, 6. М., 1966. С. 107.
- ⁵³⁷ *Бивор Э.* Сталинград. С. 227.
- ⁵³⁸ *Bartov O.* Hitler's Army. P. 19.
- ⁵³⁹ *Терентьев Я.* Записки прошагавшего пол-Европы. СПб., 2002. С. 95.
- ⁵⁴⁰ *Bartov O.* Hitler's Army. Soldiers, Nazis and War in the Third Reich. Oxford, 1991.
- ⁵⁴¹ Ibid, passim.
- ⁵⁴² См.: *Maser W.* Das Regime. S. 338.
- ⁵⁴³ *Overman R.* Deutsche militärische Verluste im Zweiten Weltkrieg. München, 1999, passim.
- ⁵⁴⁴ *Giordano R.* Die zweite Schuld oder von der Last ein Deutscher zu sein. Hamburg, 1987. S. 171.
- ⁵⁴⁵ См.: *Дембицкий Н. П.* Судьба пленных. В кн.: Севостьянов Г. Н. (ред.) Война и общество. Кн. 2. М., 2004. С. 233.

⁵⁴⁶ См.: *Zeidler M., Schmidt U.* (Hg) Gefangene in deutschem und sowjetischem Gewahrsam 1941–1945: Dimensionen und Definitionen. Dresden, 1999. S. 29.

⁵⁴⁷ *Streit C.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Stuttgart, 1978. S. 136.

⁵⁴⁸ *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 455.

⁵⁴⁹ *Полян П.* Жертвы двух диктатур. Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. М., 2002. С. 97–98.

⁵⁵⁰ См.: *Кессельринг А.* Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 146.

⁵⁵¹ См.: *Redelis W.* Partisanen-Krieg. Heidelberg, 1958. S. 22.

⁵⁵² См.: *Hartmann C.* Massensterben oder Massenvernichtung? Sowjetische Kriegsgefangene im «Unternehmen Barbarossa». Aus dem Tagebuch eines deutschen Lagerkommandanten // *VfZ*. 2001. H. 1. S. 99.

⁵⁵³ *Ibid.* S. 107.

⁵⁵⁴ См.: *Deutsches Kriegsführungsrecht.* Berlin, 1940. S. 58.

⁵⁵⁵ *Дэвидсон Ю.* Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 326.

⁵⁵⁶ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. Das deutsche Heer in Rußland 1941 bis 1945. Der Prozeß gegen das Oberkommando der Wehrmacht. München, 1993. S. 364.

⁵⁵⁷ *Павленко Н. Г.* Была война... С. 255.

⁵⁵⁸ *Sönke N.* Deutsche Generale in britischer Gefangenschaft 1942–1945. Eine Auswahl edition der Abhörprotokolle des Combined Service Detailed Interrogation Centre UK // *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte*. 2004. H. 2. S. 295.

⁵⁵⁹ *Ibid.* S. 348.

⁵⁶⁰ Цит. по: *Соколов Б. В.* Оккупация. Правда и вымысел. М., 2002. С. 34–35.

⁵⁶¹ См.: *Böhme K.* Die deutschen Kriegsgefangenen in sowjetischer Hand. München, 1966. S. 49.

⁵⁶² *Сайер Г.* Последний солдат Третьего Рейха. Дневник рядового вермахта. М., 2003. С. 308.

⁵⁶³ *Hartmann C.* Massensterben oder Massenvernichtung? S. 111.

⁵⁶⁴ *Streit Chr.* Keine Kameraden. S. 217.

⁵⁶⁵ Цит. по: *Ibid.* S. 143.

⁵⁶⁶ *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 592.

⁵⁶⁷ Цит. по: *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963. С. 22.

⁵⁶⁸ *Hartmann C.* Massensterben oder Massenvernichtung? S. 112.

⁵⁶⁹ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. S. 335, 367.

⁵⁷⁰ *Hartmann C.* Massensterben oder Massenvernichtung? S. 116.

⁵⁷¹ *Ibid.* S. 117.

⁵⁷² *Бувор Э.* Сталинград. М., 2004. С. 79.

- ⁵⁷³ *Hartmann C.* Massensterben oder Massenvernichtung? S. 113.
- ⁵⁷⁴ *Ibid.* S. 128.
- ⁵⁷⁵ *Терентьев Я.* Записки прошагавшего пол-Европы. СПб., 2002. С. 11.
- ⁵⁷⁶ *Lammers W.* (Hg) «Fahrtberichte» aus der Zeit des deutsch-sowjetischen Krieges 1941. Protokolle des Begleitoffiziers des Kommandierenden Generals LIII. Armeekorps. Boppard am Rhein, 1988. S. 19.
- ⁵⁷⁷ *Терентьев Я.* Записки... С. 54.
- ⁵⁷⁸ *Streit Chr.* Keine Kameraden. S. 188.
- ⁵⁷⁹ *Kohl P.* Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941–1944. Sowjetische Überlebende berichten. Frankfurt am Main, 1990. S. 101.
- ⁵⁸⁰ *Hartmann Chr.* Verbrecherischer Krieg – verbrecherische Wehrmacht? Überlegungen zur Struktur des deutschen Ostheeres, 1941–1944 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte, 2004. H. 1. S. 22.
- ⁵⁸¹ *Ibid.* S. 130.
- ⁵⁸² См. подробнее: *Schüler K.* Logistik im Rußlandfeldzug. Die Rolle der Eisenbahn bei Planung, Vorbereitung und Durchführung des deutschen Angriffs auf die Sowjetunion bis zur Kriege vor Moskau im Winter 1941/42. Frankfurt am Main, 1987. S. 518.
- ⁵⁸³ *Hartmann C.* Massensterben oder Massenvernichtung? S. 134.
- ⁵⁸⁴ *Streit C.* Keine Kameraden. S. 191.
- ⁵⁸⁵ Цит. по: *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта в отношении военнопленных во Второй мировой войне. М., 1963. С. 355.
- ⁵⁸⁶ Там же. С. 363.
- ⁵⁸⁷ *Полян П.* Жертвы двух диктатур. С. 255–256.
- ⁵⁸⁸ *Ковалев Б. Н.* Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России. Великий Новгород, 2001. С. 235.
- ⁵⁸⁹ Там же. С. 236.
- ⁵⁹⁰ *Hartmann C.* Massensterben oder Massenvernichtung? S. 114.
- ⁵⁹¹ *Датнер Ш.* Преступления немецко-фашистского вермахта. С. 171.
- ⁵⁹² *Соколов Б. В.* Оккупация. С. 83.
- ⁵⁹³ *Бивор Э.* Сталинград. С. 83.
- ⁵⁹⁴ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. S. 649, 665.
- ⁵⁹⁵ *Сайер Г.* Последний солдат Третьего Рейха. С. 365.
- ⁵⁹⁶ Там же. С. 370.
- ⁵⁹⁷ *Otto R.* Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet 1941/42. München, 1998. S. 51, 53.
- ⁵⁹⁸ *Ibid.* S. 9–11.
- ⁵⁹⁹ *Ibid.* S. 264.
- ⁶⁰⁰ *Weischer H.* Russenlager. Russische Kriegsgefangene in Hessen (Hamm) 1942–1945. Essen, 1992. S. 28.
- ⁶⁰¹ *Otto R.* Wehrmacht, Gestapo und sowjetische Kriegsgefangene im deutschen Reichsgebiet 1941/42. München, 1998. S. 269.

- ⁶⁰² *Hartmann Chr.* Verbrecherischer Krieg – verbrecherische Wehrmacht? S. 11.
- ⁶⁰³ *Streit Chr.* Keine Kameraden. S. 188–189.
- ⁶⁰⁴ *Ibid.* S. 193.
- ⁶⁰⁵ *Полян П.* Жертвы двух диктатур. С. 269.
- ⁶⁰⁶ *Kriegstagebuch des OKW.* Bd. 2, 1. Hlbd., Frankfurt am Main, 1963. S. 341.
- ⁶⁰⁷ *Hartmann Chr.* Verbrecherischer Krieg – verbrecherische Wehrmacht? S. 50.
- ⁶⁰⁸ *Streit Chr.* Keine Kameraden. S. 44, 49.
- ⁶⁰⁹ *Ibid.* S. 45.
- ⁶¹⁰ *Ibid.* S. 296, 297, 299.
- ⁶¹¹ *Haffner S.* Anmerkungen zu Hitler. S. 133.
- ⁶¹² *Burleigh M.* Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 589.
- ⁶¹³ *Osterloh J.* «Hier handelt es sich um die Vernichtung einer Weltanschauung». Die Wehrmacht und die Behandlung der sowjetischen Gefangenen in Deutschland. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 801.
- ⁶¹⁴ См.: *Hartmann K.* Das «Theater der Symbole». Polnische Offiziertheater in deutschen Kriegsgefangenenlagern 1939–1945 // Militärgeschichtliche Zeitschrift, 2002. N 1. S. 92.
- ⁶¹⁵ См.: *Müller R.-D., Volkmann H.-E.* (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 213.
- ⁶¹⁶ *Boberach H.* (Hg) Meldungen aus dem Reich. Auswahl aus den geheimen Lageberichten des Sicherheitsdienstes der SS 1939–1944. Berlin, 1965. S. 291.
- ⁶¹⁷ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. S. 295.
- ⁶¹⁸ *Бивор Э.* Падение Берлина. С. 106.
- ⁶¹⁹ *Дембицкий Н. П.* Судьба пленных. В кн.: *Севостьянов Г. Н.* (ред.) Война и общество. Кн. 2. М., 2004. С. 247.
- ⁶²⁰ Цит. по: *Дембицкий Н. П.* Судьба пленных. С. 245.
- ⁶²¹ *Сайер Г.* Последний солдат Третьего Рейха. С. 485.
- ⁶²² *Редер Э.* Гросс-адмирал. Воспоминания командующего ВМФ Третьего Рейха. М., 2004. С. 409.
- ⁶²³ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. S. 385.
- ⁶²⁴ *Филиппи А.* Припятская проблема. М., 2002. С. 45.
- ⁶²⁵ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 157.
- ⁶²⁶ *Михайлов Б.* На дне блокады и войны. СПб., 2001. С. 41–42.
- ⁶²⁷ Там же. С. 70.
- ⁶²⁸ *Hubatsch* (Hg) Hitlers Weisungen. S. 153 (Weisung N 35).
- ⁶²⁹ Во время сражения на Марне в 1914 г. неожиданное и решительное наступление русской армии на востоке привело к поражению немцев и изменило соотношение сил в пользу Антанты.
- ⁶³⁰ Ср.: *Польман Х.* Волхов. С. 19.
- ⁶³¹ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 159.
- ⁶³² *Кларк А.* План «Барбаросса». С. 131.

- ⁶³³ *Соколов Б. В.* Цена победы. Великая Отечественная: неизвестное об известном. М., 1991. С. 36.
- ⁶³⁴ *Красиков В. А.* Победы, которых не было. С. 156.
- ⁶³⁵ *Карель П.* Восточный фронт. Кн. 2. С. 161.
- ⁶³⁶ Там же. С. 166.
- ⁶³⁷ Там же. С. 181.
- ⁶³⁸ *Найер А.* Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. М., 2000. С. 218.
- ⁶³⁹ *Hürten J.* Die Wehrmacht vor Leningrad. Krieg und Besatzungspolitik der 18. Armee im Herbst und Winter 1941/42. VfZ. 2001. H. 3. S. 379.
- ⁶⁴⁰ *Hürten J.* Die Wehrmacht vor Leningrad. S. 385.
- ⁶⁴¹ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. S. 401.
- ⁶⁴² Ibid. S. 398.
- ⁶⁴³ Ibid. S. 419–420.
- ⁶⁴⁴ *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Т. 1. С. 448–449, 513.
- ⁶⁴⁵ Там же. С. 448–449, 513, 516.
- ⁶⁴⁶ *Соколов Б. В.* Оккупация. Правда и вымысел. М., 2002. С. 253–254.
- ⁶⁴⁷ *Hürten J.* Die Wehrmacht vor Leningrad. S. 388.
- ⁶⁴⁸ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. S. 929.
- ⁶⁴⁹ *Hürten J.* Die Wehrmacht vor Leningrad. S. 393.
- ⁶⁵⁰ Ibid. S. 396.
- ⁶⁵¹ Ibid. S. 398.
- ⁶⁵² *Польман Х.* Волхов. 900 дней боев за Ленинград 1941–1944. М., 2000. С. 25.
- ⁶⁵³ *Ueberschör G., Wette W.* (Hg) «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analysen, Dokumente. Paderborn, 1984. S. 333.
- ⁶⁵⁴ *Hürten J.* Die Wehrmacht vor Leningrad. S. 401.
- ⁶⁵⁵ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. S. 386.
- ⁶⁵⁶ *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Т. 1. С. 82.
- ⁶⁵⁷ *Friedrich J.* Das Gesetz des Krieges. S. 393.
- ⁶⁵⁸ Ibid. S. 390.
- ⁶⁵⁹ Ibid. S. 395.
- ⁶⁶⁰ *Найер А.* Военные преступления. Геноцид. Террор. Борьба за правосудие. М., 2000. С. 220.
- ⁶⁶¹ *Дюркгейм Э.* О разделении общественного труда. Одесса, 1900. С. 14.
- ⁶⁶² Цит. по: *Котек Ж., Ригуло П.* Век лагерей. Лишение свободы, концентрация, уничтожение. Сто лет злодеяний. М., 2003. С. 52.
- ⁶⁶³ *Home J.* War, Law and the Levée en masse from 1870 to 1945. In: Moran D. (Ed.) The People in Armies. Military Myth and National Mobilization since the French Revolution. Cambridge, 2003. P. 117–118.
- ⁶⁶⁴ *Фуллер Дж. Ф.* Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 536.

⁶⁶⁵ Кессельринг А. Люфтваффе: триумф и трагедия. Воспоминания фельдмаршала Третьего Рейха. М., 2003. С. 355.

⁶⁶⁶ См.: Redelis W. Partisanen-Krieg. Heidelberg, 1958. S. 9.

⁶⁶⁷ Mazover M. Inside Hitler's Greece. The experience of occupation 1941–1945. London, 2002. P. 169.

⁶⁶⁸ Hartmann Chr. Verbrecherischer Krieg – verbrecherische Wehrmacht? S. 25, 28.

⁶⁶⁹ Heer H. Tote Zonen. Die deutsche Wehrmacht an der Ostfront. Hamburg, 1999. S. 97.

⁶⁷⁰ Hartmann Chr. Verbrecherischer Krieg – verbrecherische Wehrmacht? S. 8–9.

⁶⁷¹ Ibid. S. 19.

⁶⁷² Giordano R. Die zweite Schuld oder von der Last ein Deutscher zu sein. Hamburg, 1987. S. 174.

⁶⁷³ Меллентин Ф. Танковые сражения 1939–1945. С. 261.

⁶⁷⁴ Bemte B. Война на уничтожение: вермахт и холокост // Вопросы истории. 1999. № 3. С. 74.

⁶⁷⁵ Graml H. Die Wehrmacht im Dritten Reich // VfZ. 1997. N 3. S. 376.

⁶⁷⁶ См.: Strachan H. Die Vorstellung der Anglo-Amerikaner von der Wehrmacht. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 99.

⁶⁷⁷ Liddell Hart B. The Other Side of the Hill. The German Generals, their Rise and Fall, with their own Account of Military Events 1939–1945. London, 1951. P. 12.

⁶⁷⁸ Jacobsen H.-A. (Hg) Der zweite Weltkrieg. Grundzüge der Politik und Strategie in Dokumenten. Frankfurt am Main, 1965. S. 110.

⁶⁷⁹ Однажды Гитлер сказал: «Я не хочу, чтобы мои солдаты вели себя, как французы в Рейнской зоне в 1923 г.». Ср.: Толанд Д. Адольф Гитлер. Т. 2. Пермь, 1993. С. 101. На Западе Гитлер ввел смертную казнь для немецких солдат, повинных в грабежах, изнасилованиях и воровстве. См.: Irving D. Führer und Reichskanzler Adolf Hitler 1933–1945. S. 449. На самом деле, войска, вступившие в Париж, не занимались грабежами и насилием. Немцы платили за каждую покупку, солдаты были опрятны и вежливы. Характерный пример: английский летчик майор Дуглас Бейдер был сбит в небе над Великобританией, и у него сломались алюминиевые протезы ног. С согласия Шперле, руководство 3-го флота направило англичанам сообщение об этом, и через двое суток протезы майора Байдера на парашюте были сброшены на аэродром Сент-Омер. См.: Рокковые решения вермахта. Воспоминания немецких полководцев. Смоленск, 2001. С. 37.

⁶⁸⁰ Meyer G. Adolf Heusinger. Dienst eines deutschen Soldaten. 1915–1964. Berlin, 2001. S. 153.

⁶⁸¹ Friedrich J. Das Gesetz des Krieges. S. 98.

⁶⁸² Müller R.-D. Hitlers Ostkrieg und die deutsche Siedlungspolitik. Die Zusammenarbeit von Wehrmacht, Wirtschaft und SS. Frankfurt am Main, 1991. S. 43–44.

⁶⁸³ Соколов Б. В. Оккупация. С. 72–73.

⁶⁸⁴ Кларк А. План «Барбаросса». С. 153.

⁶⁸⁵ Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим и коллаборационизм в России. Великий Новгород, 2001. С. 472.

⁶⁸⁶ Полян П. Жертвы двух диктатур. С. 51.

⁶⁸⁷ Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим. С. 35.

⁶⁸⁸ Соколов Б. В. Оккупация. С. 23.

⁶⁸⁹ Ковалев Б. Н. Нацистский оккупационный режим. С. 220.

⁶⁹⁰ См.: Там же. С. 190.

⁶⁹¹ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 644.

⁶⁹² Дэвидсон Ю. Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 342.

⁶⁹³ Князьков А. С. Оккупационный режим. Партизанское движение. В кн.: Севостьянов Г. Н. (ред.) Война и общество. Кн. 2. М., 2004. С. 269.

⁶⁹⁴ Фуллер Дж. Ф. Вторая мировая война 1939–1945 гг. С. 332.

⁶⁹⁵ Соколов Б. В. Оккупация. С. 31.

⁶⁹⁶ Kohl P. Der Krieg der deutschen Wehrmacht und der Polizei 1941–1944. Sowjetische Überlebende berichten. Frankfurt am Main, 1990. S. 124–125.

⁶⁹⁷ Соколов Б. В. Оккупация. С. 76.

⁶⁹⁸ Там же. С. 90.

⁶⁹⁹ Там же. С. 255–256, 259.

⁷⁰⁰ Цит. по: Poliakov L., Wulf J. (Hg) Das Dritte Reich und seine Diener. Dokumente. Berlin, 1956. S. 451.

⁷⁰¹ Ibid. S. 455.

⁷⁰² Цит. по: Дэвидсон Ю. Суд над нацистами. Смоленск, 2001. С. 317.

⁷⁰³ Сайер Г. Последний солдат Третьего Рейха. С. 394.

⁷⁰⁴ Там же. С. 482.

⁷⁰⁵ Burleigh M. Die Zeit des Nationalsozialismus. S. 498.

⁷⁰⁶ Friedrich J. Das Gesetz des Krieges. S. 320.

⁷⁰⁷ Ibid. S. 332.

⁷⁰⁸ Мировая война. Взгляд побежденных. 1939–1945 гг. М., 2002. С. 166–167.

⁷⁰⁹ Overy R. Die Wurzeln des Sieges. Warum die Alliierten den Zweiten Weltkrieg gewannen. München, 2000. S. 377.

⁷¹⁰ См.: Müller R.-D. Die Wehrmacht – Historische Last und Verantwortung. Die Historiographie im Spannungsfeld von Wissenschaft und Vergangenheitsbewältigung. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 12.

⁷¹¹ FAZ. 6 Juni. 1986.

⁷¹² Herbst L. Das nationalsozialistische Deutschland 1933–1945. S. 353.

⁷¹³ См.: *Klinkhammer L.* Der Partisanenkrieg der Wehrmacht 1941–1944. In: Müller R.-D., Volkmann H.-E. (Hg) Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999. S. 817.

⁷¹⁴ *Lewy G.* The Nazi Persecution of the Gypsies. Oxford, 2000. P. 121.

⁷¹⁵ Ibid. P. 131.

⁷¹⁶ *Giordano R.* Die zweite Schuld oder von der Last ein Deutscher zu sein. Hamburg, 1987. S. 192.

⁷¹⁷ *Cooper M.* The Phantom War. The German Struggle against Soviet Partisans 1941–1944. London, 1979. P. 9.

⁷¹⁸ *Bailey R.* Der Partisanenkrieg. Eltville, 1980. S. 165.

⁷¹⁹ *Lieb P.* Täter aus Überzeugung? Oberst Carl von Andrian und die Judenmorde der 707. Infanteriedivision 1941/42 // Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte. 2002. H. 4. S. 523.

⁷²⁰ Ibid. S. 531.

⁷²¹ Ibid. S. 538.

⁷²² Ibid. S. 548.

⁷²³ Ibid. S. 553.

⁷²⁴ Ср.: *Мадиевский С.* Война на уничтожение вермахта в 1941–1944 гг. // Свободная мысль. 2002. № 5. С. 96.

⁷²⁵ *Hartmann Chr.* Verbrecherischer Krieg – verbrecherische Wehrmacht? S. 35.

Оглавление

Предисловие	3
Глава I. НАЦИСТСКИЕ ПОПЫТКИ УНИФИЦИРОВАТЬ АРМИЮ ДО 1938 г. И ОТНОШЕНИЕ НЕМЦЕВ К РЕМИЛИТАРИЗАЦИИ	35
Глава II. АРМИЯ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ	76
Польская кампания	76
Война на Западе и немецкое общество	96
Глава III. ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ, ВЕРМАХТ И НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО В НАЧАЛЕ ВОЙНЫ	130
В преддверие войны на Восточном фронте	131
Шансы вермахта в мобильной войне с Красной армией. Соотношение сил и ресурсов	143
Начальный период войны, характер и условия войны на Восточном фронте	159
Перелом под Москвой	196
Глава IV. «ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ» ХАРАКТЕР ПРОТИВОСТОЯНИЯ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ВЕРМАХТА И НЕМЕЦКОГО ОБЩЕСТВА	267
Проблема вины вермахта и трагедия плена советских солдат	267
Трагедия блокады Ленинграда и проблема ответственности вермахта	302
Вермахт, партизаны, гражданское население	322
Примечания	355

О. Ю. Пленков

ТРЕТИЙ РЕЙХ. ВОЙНА: ДО КРИТИЧЕСКОЙ ЧЕРТЫ

Ответственный за выпуск

С. З. Кодзова

Корректор *А. А. Федоренко*

Верстка *Е. М. Беляевой*

Оформление обложки *И. А. Андреев*

Подписано в печать 25.03.2005.

Формат 84x108 ¹/₃₂. Печать офсетная.

Бумага газетная. Гарнитура «Ньютон».

Уч.-изд. л. 16,93. Усл. печ. л. 20,16.

Изд. № 05-0156-СЕ. Тираж 4000 экз.

Заказ № 4718.

Издательский Дом «Нева»

199155, Санкт-Петербург, ул. Одоевского, д. 29

Отпечатано с готовых диапозитивов
в полиграфической фирме «Красный пролетарий»
127473. Москва, ул. Краснопролетарская, д. 16

III РЕЙХ. ВОЙНА:
ДО КРИТИЧЕСКОЙ
ЧЕРТЫ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ОЛЕГ ПЛЕНКОВ

1939 год...
Третий Рейх
нацелился завое-
вать весь мир. Асы
Люфтваффе уже в
небе, вожаки «волчьих
стай» немецких суб-
марин – под водой,
а «гладиаторы» вермахта –
на земле. И все они готовы
убивать людей с умением,
не виданным прежде
в мировой истории.

Повержены Польша, Дания,
Норвегия, Франция, Нидерланды...
К лету 1941 года немецкие войска уже
на границе с СССР. Гитлер готовится
только к трехмесячной войне с русскими.
Больше, он уверен, ему и не понадобится.
Что двигало руководителями Третьего Рейха?
Как они собирались распорядиться
покоренным миром?

Какие силы так долго удерживали на небосклоне
трех континентов звезду германского вермахта?
На ком лежит тяжкий груз ответственности за волны
насилия, накатившиеся на
поверженные страны?

ISBN 5-7654-4339-7

9 785765 443392

НЕВА **Хронограф**

